Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

МАТЕРИАЛЫ
V Международной научной конференции

Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 9

Философские и психологические науки

Уважаемые коллеги!

Ставшая уже регулярной политематическая V Международная научная конференция «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности», которая в нынешнем 2020 году проводится Донецким национальным университетом в дистанционной форме, приобретает все больший интерес в отечественном и зарубежном научно-образовательном пространстве. Постоянно расширяется состав ее участников, перечень выносимых на обсуждение проблем, тематика научных презентаций.

Спектр представляемых на конференции исследований позволяет констатировать дальнейшее расширение областей сотрудничества, творческого взаимодействия и научных обменов, а также качественное углубление интеграционных связей ученых и педагогов университета, научных организаций – участников академического консорциума «Научно-образовательный и инновационный комплекс ДонНУ», а также всей отрасли науки и образования Донецкой Народной Республики с научно-образовательным сообществом Русского Мира. Все более интенсивными, насыщенными и плодотворными становятся наши творческие контакты с учеными множества зарубежных государств.

Сборник трудов конференции является 9-томным изданием, включающим 13 книг. Свои доклады на конференцию по результатам выполненных фундаментальных и прикладных исследований в области актуальных проблем естественно-математических, технических и социально-гуманитарных наук прислали известные специалисты и молодые ученые из многочисленных научно-образовательных организаций, представляющие помимо Донецкой и Луганской Народных Республик – Российскую Федерацию, Республику Южная Осетия, Приднестровскую Молдавскую Республику, Республику Узбекистан, Социалистическую Республику Вьетнам. Как и в предшествующие годы, значительная часть освещаемых в докладах результатов является плодом совместных исследований международных научных коллективов.

Обращаясь с пожеланиями успешной работы конференции хочу выразить мнение, что ее проведение бесспорно будет способствовать решению новых важнейших фундаментальных и прикладных задач научного познания, внесет свой вклад в инновационное развитие, в дальнейшее укрепление творческих контактов ученых, педагогов, деятелей культуры и искусства стран-участниц!

Ректор,
доктор физико-математических
наук, профессор

С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

V Международная научная конференция

Материалы конференции

Донецкие чтения 2020:
образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 9

ФИЛОСОФСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

г. Донецк
17-18 ноября 2020 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2020

ББК Ю.я431 + Ю9я431
УДК 1(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, В.И. Сторожев, Т.А. Андреева, А.В. Гордеева, Э.А. Ангелина

Д672 **Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – *Том 9: Философские и психологические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – 410 с.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В пятый том материалов V Международной научной конференции «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам философских и психологических наук. Рассматриваются вопросы философского осмысления социальной реальности, философии на линии фронта, психологической теории и практики.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим исследования в области философских и психологических наук.

ББК Ю.я431 + Ю9я431
УДК 1(043.2)

© Коллектив авторов, 2020
© Донецкий национальный университет, 2020

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк)

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю., д-р экон. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог)

Андреев Д.А., канд. ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета (г. Москва)

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк)

Беспалова Т.В., д-р филос. наук, руководитель Отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва)

Болнокин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва)

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань)

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка)

Качалов Р.Н., и.о. ректора ГОУ ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева» (г. Донецк)

Кишкань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк)

Ковалев А.М., д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва)

Минаев А.И., д-р ист. наук, профессор, ректор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ГУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк)

Половян А.В., д-р экон. наук, профессор, Министр экономического развития Донецкой Народной Республики, и.о. зав. кафедрой менеджмента Донецкого национального университета (г. Донецк)

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк)

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск)

Савоськин М.В., канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)

Скафа Е.И., д-р пед. наук, профессор, проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта)

Сторожев В.И., д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал)

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета (г. Москва)

Шемякина Н.В., канд. экон. наук, доцент, и.о. директора ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

УДК 615.849

К АНАЛИЗУ КОНЦЕПЦИИ «ОСНОВНОЙ ФУНКЦИИ ЖИВОГО» В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Александровская В.Н., д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф.,
Бабенко А.И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»,
г. Донецк, ДНР
alexandrovskaya_prof@ukr.net ,alexandrovskaya_prof@mail.ru

Введение. Концепция «основной функции живого» в философии науки (в философии биологии) была сформулирована А.Ц. Торосяном. Автор на глубоком научном материале показывает суть основной функции живого – «освоение внешнего мира», «ключевые звенья формирования живого». При этом основная функция живого, по мнению автора, «выступает как фундаментальный закон №1 развития живого» [2, с. 17]. Актуальность данной концепции поддерживается рядом идей: «двойственность взаимоотношений структуры и функционирования живого», «организация и эволюция различных форм основной функции живого у растений, животных и человека», «специфика биологического предопределения необходимого элемента развития и эскизы моделирования жизни» и др. [2, с. 17]. Цель нашего исследования – представить суть и научное содержание данной концепции. Задача работы – обозначить основные структурно-функциональные аспекты данной концепции.

Основное содержание. Основная функция живого представлена А.Ц. Торосяном как «один из вечных вопросов» философии науки и теоретической биологии – это освоение внешнего мира как основного закона жизни. А.Ц. Торосян объясняет, что основная функция живого – это: 1) «порождение логики развития современной экспериментальной и теоретической биологии», «определенного развитием философского анализа свойств живого, исследованиями его переходных форм, движущих сил преобразования всей цепи причинно-следственных взаимоотношений его с внешним миром на различных уровнях развития», «речь идет о методологическом принципе, определяющем конкретные аспекты исторического, сравнительного экспериментального исследования живого» [2, с. 16].

А.И. Колмогоров в работе «О сущности жизни» говорит о том, что в истории науки переход от представлений об отдельных функциях к определению понятия основной функции живого вполне закономерен и это определение должно быть «чисто функциональным» [1, с. 142].

История науки свидетельствует о трудностях выведения понятия об основной функции живого. При этом вспоминается мысль Ф. Бэкона о том, что «никто не отыщет природу вещи в самой вещи, изыскание должно быть расширено до более общего» [2, с. 24]. Тем не менее, в истории науки были попытки конкретно «схватить» содержание основной функции. Так, американские цитологи создали модель «минимальной клетки» вместе с системой мембран, ядерного и энергетического аппаратов. Американские ученые исходили из того, что, «несмотря на минимальный «набор свойств» эта «клетка» выполняет «все основные функции», характерные для всех клеток» [2, с. 17].

Однако наши отечественные биологи заняли противоположную методологическую позицию, полагая, что «моделирование отдельных функций не приводит к моделированию их совокупности, бытия в единстве», «основной функцией любого объекта, – считают они, – является одна единственная функция, выявляющая качественную специфику данного объекта и обусловливающая соотнесенность всех остальных неосновных функций» [2, с. 17]. Наши ученые утверждают, что «мера значительности той или иной функции является мерой приближения ее к основной функции, в примате и единстве которой сливаются все функциональные проявления» [2, с. 17]. При этом наши ученые утверждают, что «незнание основной функции живого становится методологическим запретом для ответа на вопрос о «минимальной клетке», так как сам процесс моделирования клетки означает, прежде всего, требование описания и моделирования ее основной функции. Кроме того, отождествление или чрезмерное сближение значений основной функции клетки или каких-либо ее важнейших функций неизбежно ведет к методологической ошибке – отождествлению целого и части [2, с. 19].

Определяя основную функцию живого, отечественные ученые указывают: «В отличие от функции как внешнего проявления одного конкретного свойства, основную функцию следует охарактеризовать как внешнее проявление качества предмета в данной системе отношений; как действие качественной определенности». Отличительным признаком основной функции живого является то, что она, «обнажая совокупность всех свойств, делающих предмет самим собой, обозначает его как целое, выражает само бытие данного предмета, его специфику». Поэтому, продолжает А. Ц. Торосян, «функция, которая выводит объект из неопределенного множества как конкретный объект в единстве всех его свойств, в его качестве, позволяя отнести его к некоему определенному подмножеству, является основной функцией» [2, с. 19].

Отечественный исследователь в области философии биологии Г.Х. Шинтаров говорит о том, что основная функция живого – это, на языке диалектико-материалистической методологии, есть движение нового в биологии», это «новый уровень теоретизации», это «интеллектуальное продвижение человечества по пути познания материального мира с позиции междисциплинарного знания, направленного на миропонимание –

биологии, астрофизики, техники, кибернетики, философии, общественных наук» [2, с. 7].

Выводы. Изучение проблемы основной функции живого и знакомство с соответствующей научной литературой позволяет сделать ряд выводов: во-первых, концепция основной функции живого – это философский вклад в учение о живом, подтвержденный не только биологией, но и междисциплинарным научным синтезом; во-вторых, всеми науками доказана жизненность основной функции живого, которая прошла свою историческую эволюцию от фотосинтеза в природе до мышления человека, участвуя в формировании физического материального мира (объективной реальности) и психического (нематериального) мира (субъективной реальности); в-третьих, основная функция живого – это фундамент современной научной функциональной биологии.

Список литературы

1. Колмогоров А.И. О сущности жизни. – М., 1968.
2. Торосян А.Ц. Открытие основной функции живого, фундаментальная теория. 2-е изд., перераб. и доп. / А.Ц. Торосян; Институт философии РАН, Национальная академия наук Армении. – М.: Наука, 2005. – 402 с.

УДК 316.74

РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ЮЖНОЙ КОРЕИ

Артюхов М.Н.

ГПОУ СПО «Донецкий техникум промышленной автоматики», г. Донецк, ДНР

art-73@inbox.ru

Немецкий социолог, философ М. Вебер в начале XX века ввел в научный оборот такое понятие как «Протестантская трудовая этика», согласно которой экономический подъем и развитие капитализма объясняется наличием в стране протестантской этики. Согласно мнению М. Вебера наилучших экономических успехов добивались предприниматели и специалисты, основу которых составляли протестанты. На примере экономического роста Южной Кореи и наличия в ней большого количества христиан протестантского вероисповедания, мы попытаемся подтвердить или опровергнуть данный тезис.

Уникальность Южной Кореи связана с тем, что она является единственной азиатской страной, где протестантизм имеет не только большое влияние внутри страны, но еще посылает своих миссионеров проповедовать христианство по всему миру. С другой стороны, Южная Корея имеет значительный уровень ВВП, соответственно развитую экономику и высокие доходы населения. Достаточно вспомнить такие корейские компании, как: Samsung, LG, Daewoo, Hyundai, Kia. Вследствие

чего, Южную Корею, наряду с Сингапуром, Гонконгом и Тайванем, часто называют азиатским тигром. Чтобы понять, оказали ли корейские протестанты существенное влияние на экономическое развитие своей страны, нам необходимо сделать небольшой исторический экскурс.

Географическая отдаленность Кореи, а также политика изоляции от внешнего мира, проводившаяся Китаем и Кореей стали причиной слабого взаимодействия корейцев с представителями западной цивилизации, в том числе и с христианами. В основном в Корее господствовал шаманизм, буддизм и конфуцианство. В VII веке были контакты с несторианами, но они не оказали существенного влияния на корейскую культуру. Во второй половине XVIII века христианское учение снова пришло в Корею. Первыми были католики, но их миссия оказалась неуспешной, так как они слабо учитывали повседневные потребности людей. Протестанты, появившиеся в Корее к концу XIX века, пытался объяснить основные принципы христианства таким образом, чтобы они не противоречили научным открытиям, что делало их учение более привлекательным. Тем более надо учитывать, что протестанты сделали то, чего не делали католики: перевели Библию на корейский язык, распространяли Священное Писание в труднодоступные районы, обучали грамоте, открывали школы и больницы, то есть, по сути, способствовали модернизации страны.

Стоит отметить, что корейский религиозный менталитет был готов к восприятию христианства. Единобожие вполне согласовывалось с традицией корейского шаманизма. Доминирование более сильного духа над остальными духовными существами было понятно корейцам. Тем более что Иисус имел аналог в корейском мифе о родоначальнике нации Тангуне. Дух Святой вполне согласовался с представлениями первобытной религии об источнике человеческой силы. Поклонение духам предков имело продолжение в понятии Царства Небесного, то есть особой духовной сферы, где верующие могут встретиться со своими предками. К тому же высокая нравственная система христианской этики имела общие с конфуцианскими ценностями семьи и долга.

Также надо учитывать важный фактор, способствующий развитию христианства в Корее, – это национально-освободительная борьба корейского народа (1910–1945 гг.), где протестанты сыграли ведущую роль. Японцы, оккупировав Кореи в 1910 году, пренебрежительно относились к корейцам, ограничив деятельность христианских церквей, насаждая синтоизм и японскую разновидность буддизма. Христианские миссионеры (в основном протестанты), сделав церкви местом сосредоточения национальной корейской культуры, оказывали всякую помощь корейскому населению. Данная позиция христиан привела к тому, что корейцы постепенно стали воспринимать западных миссионеров как своих союзников в борьбе с японской оккупацией. Таким образом, протестантизм, ведя широкую образовательную деятельность, и оказывая влияние на политические воззрения молодежи, способствовал укреплению национального самосознания корейцев в период японской оккупации.

Стоит обратить внимание на интересный, но немаловажный факт корейского христианства. В Южной Кореи католицизм и протестантизм рассматриваются как две отдельные религии. Корейские протестанты называют свое вероучение кидокге (кор. 기독교), где 기도 – это молитва, а 교 – учение, что дословно можно перевести как молитвенное учение. Однако надо заметить, что у протестантов есть еще одно корейское название – 개신교, где 개신 – преобразование, реформирование, а 교 – учение, что отражает уже более привычное для европейцев название. Католики считают себя последователями чхончжуге (кор. 천주교), где 천주 – это Бог (Небесный Владыка), 교 – учение, что можно перевести как Божье учение или учение Небесного Владыки. Поэтому когда кореец говорит, что он христианин (среди корейских слов, обозначающих «христианин» мы также находим 기독교), то это означает, что он является именно протестантом, но не католиком или, скажем, православным. Тоже можно услышать от представителя католической веры: «я не христианин, я католик».

Возвращаясь к теории М. Вебера, согласно которой общества с большей долей приверженцев к протестантскому вероучению сумели создать более развитую капиталистическую экономику, стоит отметить, что к Корее данный тезис можно отнести только условно. Стремление к выгоде, без которого невозможна предпринимательская деятельность, всегда порицалось религиями, распространенными в Корее. Протестанты, конечно, внесли новшество в корейскую культуру, когда для спасения уже было недостаточно одной праведной жизни. Согласно М. Веберу для этого также необходима полезная хозяйственная деятельность, где угодность Богу профессии определялась и ее доходностью. Более того, богатство признавалось важным индикатором «успешной» загробной жизни.

Безусловно, религиозно обоснованная доктрина о добродетельности труда, и необходимости добросовестно и усердно работать, облегчила социально-экономическую модернизацию Кореи в XX веке, и большую роль в этом сыграли протестанты. Однако надо учитывать и другие факторы, способствующие коренному изменению экономического облика Кореи. Сюда можно отнести: корейское трудолюбие; уважительное отношение к «старшим», основанное на учении Конфуция; финансовая помощь Западных стран; «образовательная лихорадка», присущая корейской нации, когда образование рассматривается как главный двигатель социальной мобильности. Поэтому в данном случае говорить только о «протестантской этике» в Корее, как о доминирующем условии развития страны не стоит. Вместе с тем, конечно, неразумно также принижать роль христианства, которое исповедует значительная часть корейской элиты, так как именно протестантизм для них стал неким символом приобщения к новым идеям и ценностям западного мира.

Список литературы

1. Артюхов М. Н. Корейское христианство и его особенности / М. Н. Артюхов // Наука. Релігія. Суспільство. – 2008. – № 3. – С. 128-133.

2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Макс Вебер // Избранные произведения [пер. с нем. Ю. Н. Давыдова]. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Ким Г. Н. История религий Кореи / Г. Н. Ким. – Издательство КазНУ. – Алматы, – 2001. – 230 с.
4. Кондакова Н.С. Развитие протестантизма в Корее: История и особенности распространения // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 13. – С. 31-35.
5. Clark D. Christianity in Modern Korea / Education about ASIA. – Vol. 11. – № 2. – 2006. – P. 35-39.

УДК 316.6

СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА И ЛИЧНОСТИ В РАЗНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ

Белюрко Н.М.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
nadezhda_3377@mail.ua

Введение. Фактически философия зародилась на рационализации мифа, ведь даже у древних людей, признающих превосходство животного над человеком и поклоняющихся силам природы, встречаются мифы онекоем высшем предназначении человека. Мифы существовали у всех народов древности и воспринимались ими не как выдумка, а как реальность, в которой все было связано воедино-люди, боги и природа. Этот период мифологического мировоззрения человечества в XXI веке кажется нелогичным, и иррациональным, однако, даже в эпоху цифровизации, когда хищники больше не угрожают человеку, известна причина возникновения молнии, и мир, в целом, стал более понятным и упорядоченным, жизнь современного человека полна непредсказуемых ситуаций, что побуждает его для снижения внутреннего напряжения прибегать к ритуалам и верить в суеверия точно так же, как это делали его древние предки.

Основная часть. В древнегреческой философии первоначально человек воспринимался не сам по себе, а как составляющая системы отношений; предполагалось, что он вместе со всей природной и социальной средой, соседями, полисом, животными и богами живет в едином, неделимом мире.

Платон полагал, что различие человека и животного связано с различием благородных и низших сословий. Философ дает дуалистическое определение человека, как двуногогосущества без перьев и носителя разума. Это неоднозначное определение было подвергнуто резкой критике киником Диогеном Синопским, который, ощипав петуха, принес его в Академию со словами: «Вот человек Платона». Выдающийся русский писатель Ф.М. Достоевский, спустя почти два тысячелетия, несколько видоизменит платоновское изречение: «самое лучшее определение человека-это: существо на двух ногах и неблагодарное».

Основатель первой в мире Академии, Платон и основатель Лицея, и перипатетической школы, Аристотель, а также их предшественник Сократ, заложили основу философии античности. В эту эпоху возникли первые представления о человеческом бытии, взглядах человека на окружающий мир и о смысле существования.

Мировоззрение представителей раннехристианских общин было сформировано в противостоянии языческим представлениям о мире. Период постепенного перехода к средневековой культуре, новому типу религиозной веры и философского мышления был ознаменован противостоянием философских учений стоиков, эпикурейцев, неоплатоников. Для христианской мысли была характерна ассимиляция достижений античной философии, особенно неоплатонизма и стоицизма с теологией, синтез диаметрально противоположных, сложно сопоставимых позиций: христианского откровения и философии Античности.

Средневековые философы, отвечая на вопрос, что есть человек, придерживались точки зрения, что с одной стороны, человек олицетворяет в себе «образа и подобие Божье», с другой стороны, так же, как в эпоху Античности Платон и Аристотель и их ученики, видели в человеке «разумное животное». Что касается специфики концепций человека в Средневековье, Ж. Ле Гофф приводит собственные выводы, касающиеся этого периода: «Средневековый индивид был, таким образом, опутан сетью обязательств и солидарностей, вступавших в конечном счете в противоречие друг с другом, что давало человеку возможность освободиться и самоутвердиться в результате неизбежного выбора».

Эпоха Возрождения или Ренессанса стала новым этапом философской мысли, когда главным стало признание ценности личности, ее уникальности. Леонардо да Винчи, емко и лаконично сказал: «человек-есть модель мира», и эта фраза стала своего рода отражением социальных отношений и лейтмотивом периода Возрождения. Одной и наиболее дискуссионных работ о человеке и смысле жизни эпохи Возрождения, является трактат Валлы «О наслаждении». Неоднозначность восприятия работы может быть вызвана тем фактом, что в начале трактата, в первой книге особое внимание уделяется важности стоицизма, далее отстаивается важность эпикурейства, а заканчивается работа проповедью христианской морали и критикой, как стоицизма, так и эпикурейства.

Русский историк философии Лосев А. Ф. пишет о трактате Валлы следующее: «с надеждой на более или менее достаточный успех, необходимо отдавать себе отчет в той исторической атмосфере, в которой такие трактаты могли появляться в XV в. в Италии. Атмосфера эта зовется обычно Ренессансом. Но Ренессанс нельзя понимать и спиритуалистически, как это выходит у тех исследователей, которые слишком сближают Ренессанс со средневековой ортодоксией и утверждают, что в нем по сравнению с этой последней вовсе не было ничего нового...» [3].

В Эпоху Просвещения продолжилась борьба за политические свободы и гражданские права человека, начатая в эпоху Возрождения.

Проблема человека была одной из основных в философии французского Просвещения и решалась с позиций открытого материализма, сторонниками которого были Ламетри, Дидро, Гельвеций, Гольбах или с позиций деизма, точнее деистской формы материалистической философии, сторонниками которой были Вольтер, Руссо и другие. Свое понимание человека французские материалисты противопоставили религиозно-философской антропологии, отказавшись от дуалистической трактовки природы человека как сочетания телесной, материальной субстанции и нематериальной, бессмертной души.

Философская идея человека в русской философии, еще со времен Киевской Руси была тесно переплетена с христианизацией. Русская социально-философская традиция рассматривает в человеческой личности, прежде всего, ее аксиологическое, ценностное начало.

Постичь личность в полной мере возможно рассматривая не только ее социальную сторону, но и индивидуально-самобытную. Представитель русского религиозного экзистенциализма Н. Бердяев пишет: «Стать личностью есть задача человека. Определить кого-либо как личность, есть положительная оценка человека» [2].

Выдающийся русский ученый Н.Д. Кондратьев полагал, что «анализируя человека, как элемент общества, необходимо строго учитывать двойственную естественно-социальную природу человека».

Б.Г. Ананьев, выступая в 1957 г. с речью на собственном юбилее, обосновал необходимость синтеза всех антропологических знаний, комплексного исследования человека. Свои идеи по этому вопросу ученый изложил в статье «Человек как общая проблема современной науки», а в дальнейшем занялся написанием книги «Человек как предмет познания». Ученый запланировал на начало 70 гг. прошлого века издание книги «Человек как предмет воспитания», но смерть помешала ему завершить начатое.

Современная наука в целом отвергает идею предопределенности или предзаданности исторических событий, о чем в частности, писал выдающийся французский социолог и философ Р. Арон[1]. И поскольку исторические события не являются предопределенными, то и будущее многовариантно и способно измениться под воздействием социальных групп и их лидеров, т.е. зависит от действий людей. Во всемирной истории встречаются моменты, когда одна личность изменяет ход истории, как это было, например, с Македонским. На протяжении всей истории России государственные правители влияли на становление и развитие государства, применяя при этом разные методы воздействия. Карамзин в своей работе «Историческое похвальное слово Екатерине II» прославляет неоценимый вклад в развитие России двух выдающихся правителей России: Петра I – как реформатора, заложившего основы русской государственности, и Екатерины II, которой суждено было «довершить начатое Петром, просветить народ, образовать Россию, утвердить ее счастие на столпах незыблемых, согласить все части правления».

Заключение. От момента зарождения философии, появления первых определений человека философами эпохи Античности и до настоящего времени возникло огромное количество концепций человека, однако и в настоящее время ряд вопросов остается актуальным и является предметом многочисленных научных дискуссий. В частности, столь же актуальным, как в древности, и риторическим, остается вопрос о соотношении в человеке биологического и социального. Таким образом, можно сделать вывод, что каждая из существующих концепций человека имеет культурно-историческое значение, отражает особенности эпохи. В настоящее время наиболее актуальным является комплексный, мультидисциплинарный подход к изучению человека, предполагающий синтез всех антропологических знаний.

Список литературы

1. Aron R. Introduction to the Philosophy of History: An Essay on the Limits of Historical Objectivity. – London: Weidenfeld&Nicolson, 1948.
2. Бердяев Н. А. Москва: О назначении человека / Н. А. Бердяев. – Москва: Республика, 1993. – 384 с.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1978. – 623 с.

УДК 37.017.4

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ГРАЖДАНИНА РЕСПУБЛИКИ

Бессарабов О.В., Большинская А.Э.
МОУ «Школа № 150 города Донецка», г. Донецк, ДНР
moy_150@mail.ru

Введение. Переменчивая история уже в который раз влияет на устои человека, вынуждает сомневаться в своих корнях, в твердости земли под ногами. Именно поэтому очень важно обратить внимание не только учащейся молодежи, но и учителей-педагогов на истоки патриотизма – их личного, естественного чувства любви к Родине.

Воссоздание патриота нового поколения должно проводиться на всех ступенях жизнедеятельности: начиная с себя, с семьи, образовательных учреждений, трудовых, воинских и иных коллективов и заканчивая высшими органами Республики. Не стоит забывать о том, что ведущее место в воспитании патриота занимает семья и только после – школа. Акцентируя внимание на семейных корнях, используя методы «социальной закалки» и адресного подхода, в человеке «проснется» гражданин. То есть, если научить любить свою Родину с малого, с себя, своих корней, научить обосновывать и отстаивать свою точку зрения, не поддаваться на окружающую провокацию, т.е. быть «социально закаленным», а также понимать особенности поведения той или иной

нации, то воспитание «корневища» естественного патриотизма даст свои позитивные плоды в развитие социума в целом.

Основная часть. Какой бы творчески и интеллектуально одарённой ни была личность, проявление в ней любви и уважения к своему краю и национальной культуре делает эту личность ярче, богаче и самобытнее. Важно, чтобы ребёнок уже с младшего возраста начал осознавать себя частицей своей семьи, своей нации, своей Родины и чувствовал ответственность за них.

Чрезвычайно важной структурой, формирующей и развивающей ценностную и нормативную основу национального самосознания, является общеобразовательная школа – то место, где происходит рождение гражданина и патриота, а также его подготовка к жизни в технологически-развитом конкурентном мире. Школьный и подростковый возраст являются наиболее восприимчивыми для эмоционального, социального и гражданского воспитания: пережитое в этот период отличается большой психической устойчивостью. И недостаток подобного воспитания у взрослого человека восполнить неизмеримо сложнее.

На данном этапе становления и развития государства перед всеми участниками учебно-воспитательного процесса стоит главная цель: научиться быть естественным патриотом, любить себя, а значит и Родину, заботиться о своем развитии – работать во благо Отечества, быть верным своим убеждениям – направить развитие Родины в единое русло, быть «социально закаленным» – не попадать под гнет и провокации других государств, самоопределиться в мире – уважать себя и другие этносы, определить свое место в развитии Родины – найти место своей нации среди других.

Несомненно, что ведущее место в воспитании патриота занимает семья и только после учебные заведения и другие социальные сферы. Поэтому нужно также использовать принцип «адресного подхода» (из Концепции патриотического воспитания), предполагающий использование особых форм и методов патриотической работы с учетом каждой возрастной, социальной, профессиональной и других групп населения. Он указывает на разноуровневую включенность в воспитание гражданина-патриота таких факторов, как семья, ближнее окружение, учебное заведение, этнокультурная среда, производственный коллектив, регион проживания с его экономическими, социальными, культурными и другими особенностями общества в целом. Исходя из вышесказанного, адресное воспитание индивидуально на каждую семью может быть осуществлено через СМИ, массовые мероприятия, акции.

Так, например, позитивное влияние на воспитание *естественно патриотизма* имеет телепередача «Не то слово» на канале «Оплот ТВ», которая учит не только правильному произношению, склонению слов русского языка, но и раскрывает их этимологию, что в свою очередь не только повлияет на грамотность населения, но и на понимание неких тенденций развития общества. Из более массовых форм, влияющих на

воспитание *естественного патриотизма,* – это акция «Бессмертный полк», которая есть не только показателем индивидуальной гордости не только за заслуги своих предков, но и за общую победу русского народа. Таким образом, мы приходим от частного к целому. Донецкий журналист Юрий Черепахин в статье «Патриотизм – главный ключ к возрождению Русской Цивилизации» по этому поводу проводит аналогию с деревом: «Нация формируется столетиями и тысячелетиями, переходит через разные стадии взросления, но корень остается неизменным, благодаря чему нация имеет свою индивидуальность и дает свои особенные плоды… Каждый лист на дереве имеет важную цель – выживание дерева – ведь если сгинет дерево, сгинет и лист...» [1].

Согласно законодательству Донецкой Народной Республики, медиапространство усердно работает и выдает материал патриотического направления. Осталось за малым, – научиться обычному человеку правильно воспринимать и воспроизводить данные сведения. Для этого необходимо патриотическое воспитание проводить для всех возрастных категорий граждан первоначально, постепенно усложняя.

Не менее важной составляющей патриотического воспитания является гражданско-патриотическое направление, которое распространенно не только в соответствующих общеобразовательных организациях со специальными наименовании (статья 83. Закона об образовании Донецкой Народной Республики), но и в обычной жизни общеобразовательных учреждений. Так, например, ежегодно проходят конкурсы «Будущий воин», «Юный патриот Донбасса», спортивная игра «Зарница» и под. Участие в мероприятиях такого рода позволит не просто на словах поговорить о патриотичности, но и частично окунуться в мир военных, что лишь положительно повлияет на общую готовность стать на защиту своей Родины.

Заключение. Итак, в течение всего учебного года и даже за его пределами проходит масса мероприятий патриотического направления, в которых активно принимают участие большая часть не только учащихся и учителей, но и жителей региона, что демонстрирует позитивную тенденцию роста патриотизма жителей Республики. Ведь воспитывая детей, мы воспитываем не только их родителей, но и самих себя.

Список литературы

1. Черепахин Ю. Патриотизм – главный ключ к возрождению Русской Цивилизации [Электронный ресурс] / Юрий Черепахин. – Веб-прект «Обретение себя истинного». – Режим доступа: http://pandoraopen.ru/2013-01-22/patriotizm-glavnyj-klyuch-k-vozrozhdeniyu-russkoj-civilizacii/ (дата обращения 30.09.2020).
2. Патриотическое воспитание граждан Российский Федерации на 2011-2015 года [Электронный ресурс]: Государственная программа (постановление Правительства Российской Федерации от 5 октября 2010 г. №795). – Режим доступа: http://www.gospatriotprogramma.ru (дата обращения 30.09.2020).

УДК 130.2

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ

Бетильмерзаева М.М., д-р филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»,
г. Грозный, РФ
maret_fil@mail.ru

Введение. Миф, религия и философия представляют собой духовные формы культуры и вместе с тем основные типы мировоззрений, которые охватывают исторически длительные периоды генезиса человеческого мышления. Мифологическое мышление имело предельно прикладной характер, носители которого обнаруживали смыслы бытия в его явленности. Религия также возникла как одна из попыток обнаружения связи между индивидом и окружающей действительностью. Становление и развитие философии как одной из основных форм духовной культуры было обусловлено трансформационными изменениями человеческого сознания, критическая и гносеологическая функции которой привели сначала к сомнению в данных мифологической картины мира и породили вопросы, что есть первоначало и какова сущность явлений. Противопоставление бытия мышлению, сущности явлениям определили антитетичность природы философских поисков. И уже в процессе рефлексии над возникшими вопросами выделились различные пути их разрешения: чувственный (эмоциональный) и рациональный (абстрактный), религиозный и философский.

Основная часть. Проблема, которая служит камнем преткновения для гармонизации коммуникативной сферы человеческого общежития, заключается в том, что в контексте глобализационных процессов наметился заметный крен в сознании современного человека в сторону культурной, мировоззренческой несовместимости носителей различных мировоззренческих трендов. Мировоззренческие противостояния существовали во все времена. Современные катаклизмы обусловлены в целом глобализацией проблем в области демографии, экономики, экологии, в духовной сфере. Человек изначально находится в границах особенностей своего ума, которому свойственно познавать что-либо через противопоставление его другому: свой-чужой: свой – не чужой, а чужой – не свой; мужчина-женщина: мужчина – не женщина, женщина – не мужчина. То есть, в такой исключительности объема понятий у нас формируется четкая градация их смыслосодержания, что «упрощает» нашу задачу в отделении «семян от плевел».

Очевидной экземплификацией данной проблемы может служить наблюдаемая мировоззренческая трансгрессия, которая приобретает в современном обществе алогичные формы. Термин «трансгрессия» определяется как понятие, обозначающее ситуацию достижения субъектом внешней позиции по отношению к чему-либо в процессе пересечения

границ и выхода за пределы, по сторону явлений, состояний или объектов, которые, в свою очередь, также являются внешними, чуждыми субъекту и не способствуют свободному проявлению его истинной сущности. Запрет и его преодоление, предел и его нарушение представляют собой череду моментов, инициирующих генезис человеческой истории. Но на каком-то этапе эти явления приобретают крайние формы выражения, вытравив из себя всякое человеческое. Как пишет М. Фуко, «не существует предела, через который абсолютно невозможно переступить» [1, с. 117], но переступивший не перестает ощущать предельность по причине невозможности выйти за границы собственного бытия. Уточним, что крайний предел все-таки существует, по крайней мере, для ограниченного человеческого разума, и это смерть. Человек, испытывая трансгрессивные изменения, оказывается по ту сторону добра и зла, морали и безнравственности, человеческого и животного. И потому понятие «трансгрессия», наиболее адекватно отражает наблюдаемую ситуацию мировоззренческого диссонанса.

Эксплицируя понятие «мировоззрение», мы сталкиваемся с тем, что в его структуре исследователи выделяют различные уровни. Традиционно принято говорить о чувственном (эмоциональном) и рациональном (абстрактном) уровнях мировоззрения, основными компонентами которых являются мироощущения, мировосприятия, миропредставления, миропонимания и мироотношения. Мировоззрение как система взглядов человека на мир отражает его ментальные особенности и когнитивный потенциал. Структура мировоззрения, согласно Vidal [2] представлена тремя уровнями: объективная реальность; субъективная реальность и интерсубъективная (социальная) реальность. Вкупе генерируется сознание как возможность наиболее оптимального (при тех заданных условиях) отражения индивидом объективной реальности в субъективной картине мира. Естественно, что большинство людей не рефлексируют над своим мировоззрением, но, тем не менее, являются носителем определенного взгляда на мир, который обусловлен соотношением вышеприведенных факторов.

Человек, как известно, продукт социальной среды. Субъектность человека находит выражение в его социальном поведении, которое структурируется и регулируется совокупностью различных факторов, детерминирующих человеческое бытие: генетический потенциал и среда обитания. Отношения между индивидом и социальной средой – взаимообусловленный процесс обуздания природы и рождения культуры, закодированной в геноме человека. Генетический потенциал обусловливает наследственные возможности, разворачивающиеся в процессе воспитания и обучения. Среда представлена как биологическими условиями проживания, так и социальным окружением, способствующим раскрытию генетического потенциала человека.

В процессе воспитания и обучения формируется соответствие индивидуальных качеств человека определенным социально-культурным ценностям общества. Индивид в процессе воспитания и обучения

осознанно или неосознанно зондирует среду обитания для установления границ дозволенного, возможного взаимодействия и совершает выбор в пользу того или иного социального поведения. С одной стороны, индивид выступает как объект воспитания и обучения, с другой стороны, он является субъектом социального процесса, который выстраивает вокруг себя целую сеть когнитивных связей, преобразующих среду обитания в соответствии с собственной установкой. Установку мы понимаем, согласно Д.Н. Узнадзе [3], как специфическое состояние готовности к определенной ситуации, для возникновения которой «достаточно двух элементарных условий – какой-нибудь актуальной потребности у субъекта и ситуации удовлетворения». Палитра потребностей субъекта формируется его ментальными и когнитивными особенностями [4].

Как отмечает М.А. Богданова [5], «…детерминация сознания и познания связывается с регулятивным участием культуры в функционировании сознания и познания человека», соответственно, мировоззрение человека, народа, общества, эпохи находит отражение в мифе, религии, традиции, языке, ценностях, нормах, моде, физических фактах (материальные вещи, процессы, явления) [6].

Заключение. Таким образом, мировоззрение субъекта обусловливает его социальную активность и каждодневный процесс принятия решений по поводу глобальных и локальных, знаменательных и повседневных, общественных и индивидуальных событий.

Список литературы

1. Фуко М. О трансгрессии. Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – Санкт-Петербург, 1994.
2. Vidal C. “Metaphilosophical Criteria for Worldview Comparison.” Metaphilosophy 43 (3): 306–347. Retrieved from: http://homepages.vub.ac.be/~clvidal/writings/Vidal-Metaphilosophical-Criteria.pdf.
3. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб: Питер, 2001.
4. Бетильмерзаева М.М. Сознание как свойство социального бытия: ментально-когнитивное осмысление // Вестник психофизиологии. – 2017. – № 4. – С. 16-20.
5. Богданова М.А. Когнитивная наука как успешный проект международного синтеза наук. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F944096855/Bogdanova (данные обращения: 08.07.2020).
6. Бетильмерзаева М.М. Онтологические основания ментальности как социокультурного феномена // Общество: философия, история, культура. – Краснодар, 2016. – № 6. – С. 9-11.

УДК 111.12

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА АПОЛЛОНИЧЕСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Бойчук С.С., канд. филос. наук
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, ЛНР
overbaring@mail.ru

Введение. Проблема философского самообретения остается вечным вопросом, претендующим на звание очередного скандала на палубе плывущего за логосом «корабля дураков». Традиционно особая роль в навигации «философским пароходом» принадлежит обрывкам зачитанных до дыр античных лоций. Невозможность быть вне вечного возвращения к греческим истокам осознана континентальной философией в качестве альфы и омеги собственной судьбы, однако задача понимания уроков эллинских учителей оказывается слишком сложной для ограниченного сознания людей текучей современности.

Цель данной работы заключается в реконструкции фундаментальных философско-антропологических основ идеи преодоления страстей как условия доблести и мудрости в контексте аполлонических идеалов античной Спарты.

Основная часть. Со сверхчеловеческих высот становления духа Ницше посылал отравленные стрелы проклятия Сократу, обвиняя его в измене здоровым инстинктам эллинского гения крови и почвы. Козлоногий Пан греческой философии, принесший дельфийскую истину на улицу города, якобы разрушил безмятежный мир природной очевидности и заменил чечевичной похлебкой добродетельного знания уверенность аристократического первородства. Он носил в себе те особые слова, что нарушали ночной покой и разрывали сердце привычным и столь будничным олимпийским богам: словно зловредный вирус, слова этого насмешливого, необузданного силена Марсия проникали в атлетическую плоть и начинали разлагать волю к жизни. Соблазненные миражом великого отказа, потомки неистового Ахилла и коварного Одиссея забывали животное безумие борьбы, хмельную радость исступления дионисийской пляски. Для того чтобы раскрыть загадку Сократа, выдуманную или увиденную Фридрихом Ницше, и решить предложенное им уравнение соотношения греческого и негреческого, необходимо увидеть культурный контекст разворачивания дельфийского проекта в истории полисной цивилизации и непосредственно связанной с ним антропологии благородного мужа.

Ключом к решению данного казуса и философского скандала послужит рассказ Плутарха о том, как один илот дерзко вел себя с Хариллом, племянником легендарного Ликурга; возмущенный недопустимым нарушением упорядоченного мироздания, спартиат сказал:

«Если бы я не был так разгневан, я бы убил тебя» [2, с. 323]. Несмотря на кажущуюся легкость объяснения данной ситуации через обращение к логике знакового пространства «волшебной сказки», поощряющей милость эпических героев к слабым противникам, одно упоминание факта добросердечности и мягкости ни в малейшей степени не проясняет суть дела. По всей видимости, только благодушный морализатор, прощавший персонажам своих «Сравнительных жизнеописаний» «человеческие, слишком человеческие» слабости, мог поверить в благодетельную силу кроткого нрава, с легкостью способную остановить руку, занесенную для удара. Тем более, следует помнить, что сами участники данной коллизии пребывали по ту сторону добра и зла, жизни и смерти: первый, если верить доступным нам источникам, был обречен погибнуть от короткого меча спартанского «секретного патруля», второй представлял идеальную машину убийства, всей системой воспитания подготовленную рутинно отбирать чужие жизни.

Категорический императив убийства присутствует здесь как звездное небо над головой в виде «кастовой» дхармы кшатрия и как моральный закон внутри доблестного воина, столкнувшегося с недопустимым поведением низкого человека (так Одиссей, не колеблясь, бьет палкой Терсита, дерзнувшего высказаться на совете доблестных). Вся культура оправдывает и подталкивает справедливую десницу. Парадоксально, но требование возмездия является нравственным велением: как сообщает в сумме этики греческого мира первый энциклопедист Аристотель, «кого гнев охватывает из-за того, из-за чего следует, из-за тех, из-за кого следует, а кроме того, так, как следует, в должное время и на должный срок, тот заслуживает похвалы» [1, с. 136].

Таким образом, главный урок спартанца можно сформулировать в виде следующей максимы в духе лаконского немногословия и гномической мудрости семи великих: «недостойно убить в гневе», то есть нельзя, поддавшись инстинкту, животной части души, отринуть в себе разум как действительный и сущностный, субстанциональный и бытийный исток. Для начала, рекомендует традиция, следует подавить в себе эмоции и только потом, в состоянии спокойствия и духовного равновесия, сделать шаг. Фактически здесь мы видим умонастроение, близкое по духу к даосскому пафосу стрельбы из лука, когда взошел на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью в сто жэней, и великой идеи «не-деяния», опирающейся на техники управления собственной психикой.

Идеал аполлонического чувства меры парадоксально совпадает с дао сохранения невозмутимости духа, с одной стороны, и конфуцианским идеалом гуманности, состоящим из умения владеть собой и восстановления правила «ли», с другой. Пространство тождества смыслов и культурных ценностей позволяет говорить об особой антропологической модели благородного мужа, призванной стать базисной, основополагающей для цивилизационных структур. Данная модель признается эталонной, как правило, в рамках традиционного общества,

которое, в отличие от современности, постоянно провоцирующей страсти как источник получения прибыли и формирования властных/репрессивных пространств, испытывает панический страх перед животным в человеке. Причина этого стремления запереть бестиарность даже на уровне морской свинки в клетке культуры заключается в непередаваемом ощущении угрозы энтропийного распада, навязчивой идее, сопровождающей и терзающей весь символический космос традиции. Прочувствованная каждой клеточкой и ставшая несущей структурой антитеза высокого и низкого человека, многомудрого Одиссея и говорливого Тирсита, порочного эротика Сократа, преодолевшего в себе стихию страстей и неспособного подняться над случайными неистинными аффектами завистливого Мелета, оказывается альфой и омегой антропологической картины мира. Грань, разделяющая эти два полюса, проходит по линии отношения к власти и подчинению, к первичной власти над собственным я – причине и условию иных вариантов управления.

Возвращаясь к тому, что послужило отправной точкой рассуждений и поисков, к сократическим медитациям бывшего базельского профессора классической филологии, отметим следующие. Благодаря критике священных иллюзий ложные и излишние сущности, избегнувшие встречи с режущей поверхностью бритвы Оккама, оказываются безжалостно уничтоженными философским молотом Ницше, а очищенные истоки обогащают будущее. Именно волей к подлинному объясняется дионисийская реконкиста и развенчание Сократа. Попытка переоценки ценности афинской повитухи знания позволяет увидеть генеалогию фундаментальной антропологической идеи преодоления страстей как условия доблести и мудрости. Система психического воспитания посредством «культуризации» внутреннего мира индивида, подавление всего недостойного, так полно воплотившаяся в постоянно отговаривающем от поступков даймонии и логическом обосновании этики, выражает общую интенцию традиционного общества опираться на личность, а не на формализированные институты и развернутые модели внешнего диктата условной нормы.

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – Т. 4 / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – 630 с.
2. Плутарх. Застольные беседы / Плутарх. – Л.: Наука, 1990. – 592 с.

УДК 615.849

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ: СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

Виндилович Е.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vindilovich@list.ru

Введение. Семья всегда являлась объектом глубоких исследований в философии. К пониманию сущности семьи мыслители прошлого и современные исследователи подходили по-разному, однако семья всегда рассматривалась как объективная форма социального бытия и социально-ценностный феномен общества.

Социально-экономические отношения воздействуют на семью и на ее репродуктивную функцию опосредованно через правовые, культурные, политические, социально-нравственные ценности.

Семья как специфическое социальное явление находится в диалектическом единстве и взаимодействии со всеми сферами структуры общества. Она формируется под непосредственным влиянием труда, экономической жизни общества и идеологических отношений. Социальный контекст в совокупности вышеуказанных факторов направляет развитие семьи.

Основная часть. В современных отечественных исследованиях последних десятилетий доминирующим остается структурно-функциональный подход к семье, представленный в работах А.Г. Харчева и М.С. Мацковского. Исследование структуры и функции семьи было связано с вопросами полоролевого поведения и межличностных отношений, построенных на марксистских методологических положениях. В целом они были разработаны довольно хорошо с точки зрения логики кабинетного анализа, но при выходе на реальное поле жизненных процессов появлялось большое количество вопросов, на которые данная теория не могла найти ответы.

На сегодня весьма актуальным является определение содержательной стороны понимания пар к семейной жизни, так же предполагается анализ таких понятий как брак, семья, функции семьи, «гражданский брак», брачный договор, формирование семейного бюджета, причины и последствия разводов и т.д.

В XXI веке создание семьи предполагает определенную готовность к семейной жизни, а именно: наличие образования, профессии, подходящего возраста, экономическую независимость, физическое и психологическое здоровье. Общественная ценность семьи обусловлена ее «производством и воспроизводством» непосредственной жизни, воспитанием детей, формированием их индивидуального сознания [1].

В последнее время значительно возросло внимание к проблемам брака и семьи. Общество хочет знать, что происходит в семье и почему так

часты разводы, в силу каких причин множество мужчин и женщин, испытывающих потребность в любви и заботе, стремящихся отдать свое тепло близкому человеку, остаются одинокими. Как сложный феномен общества, ее ценность обусловлена несколькими функциями: первое- воспроизводством самой жизни общества на биологическом уровне, второе – воспроизводством форм общения на социальном уровне, и третье- воспроизводством «культурной программы» общества на социокультурном уровне. Все эти функции выводят семью на высший уровень приоритетных ценностей общества, ибо без семьи, оказывается, движение вперед невозможно.

Современных ученых, занимающихся проблемами семьи, условно можно поделить на сторонников двух дискурсивных парадигм в понимании сегодняшнего состояния семьи: «кризиса семьи» и «модернизации семьи» [2].

Сторонники концепции «кризиса семьи» В.А. Борисов, А.И. Антонов, Л.Е. Дарский и др. называют основные факторы, позволяющие говорить о кризисе семьи:

– подмена социальных норм деторождения (отрицание многодетности семьи),

–снижение значимости семьи как необходимой формы социального бытия человека и ломка его нравственных устоев,

–деформация семейного производства и перемещение его во второстепенные средства общественной экономики и др.

В концепции «кризиса» признают, что причины кризиса носят объективный, долговременный и глобальный характер.

Совсем иную позицию занимают «модернизаторы» (Вишневский А. Г. и др.). Под модернизацией они понимать макропроцесс перехода от «традиционного общества» к современному – обществу модерна, в котором человек модерна все больше ориентируется на себя, становится личностью, неспособной жертвовать во имя любых социальных общностей, ставить общие (групповые) интересы выше частных. Модернизаторы утверждают, что институт семьи переживает не кризис, а «модернизацию», которая является закономерным следствием общественного прогресса и при всех своих «издержках» (низкая рождаемость, убыль населения, рост числа разводов, высокая доля неполных семей) носит в целом прогрессивный и позитивный характер, т.к. обеспечивает свободу выбора семейного и демографического поведения, которая объявляется одним из «прав человека» [3].

Таким образом, можно со всей уверенностью констатировать, что основную часть функций, которые выполняла патриархальная семья, взял на себя сам индивид, а также государство (государственное пенсионное обеспечение) и общество, в лице благотворительных организаций и бизнеса в социальной сфере. Человек стал профессионально и экономически независим от семьи, он может столь же хорошо выполнять свои профессиональные функции независимо от своего семейного статуса.

Можно отметить список современных проблем, основываясь на реалиях жизни, которые касаются всех форм семьи и значительно влияют на ее создание в негативном контексте:

- сложное материальное положение или нищета – опасна риском развития депрессии, в результате чего понижается самооценка, снижается уровень поддержки, которую может оказывать супруг, отношения в семье становятся менее удовлетворительными;

- жилищная проблема – данный факт отрицательно сказывается на взаимоотношениях супругов, поскольку, опираясь в общении на рекомендации и указания старших родственников, они лишаются самостоятельности в общении, а поэтому не приобретают личный опыт взаимодействия и построения отношений друг с другом;

- старение супругов. Это этап в жизни семьи, когда мужчина хочет использовать последний шанс для реализации своей сексуальности, а женщина испытывает одиночество из-за того, что выросшие дети покинули «родное гнездо», может служить почвой для семейных конфликтов, депрессий, разводов;

- проблемы внутрисемейных отношений (пьянство, безработица, адюльтер);

- болезнь или отставание в психическом развитии ребенка;

- социальные сети – неэффективное использование социальных сетей приводит к зависимости. Отдаление от реального общения между супругами, нерешенность межличностных вопросов тоже создают серьезные проблемы, что в итоге может привести даже к разводам.

- распространение городского образа жизни – тенденция к расширению контактов и социальных связей усиливает нервно-психические нагрузки и напряженность межличностных отношений приводят к озабоченности и раздражительности, которые нередко переносятся в семью и являются причинами конфликтов. Вместе с тем, перемещение сельских жителей в города приводит к изменению образа жизни, восприятию новых стандартов поведения. Причем изменение мнений о желаемом количестве детей в семье зависит от длительности проживания супругов в городе, от уровня их образования и квалификации [4, 5].

Заключение. Реальность диктует необходимость принятия более продуманной программы возрождения института семьи. В этих условиях совершенно очевидна правомерность объявления проблемы семьи приоритетной социальной проблемой.

Нужна новая семейная идеология с государственным статусом. Успех социально-экономических преобразований возможен только при внимательном отношении государства к проблемам семьи. Долгосрочная социально-экономическая стратегия развития страны должна быть направлена на первоочередное решение проблем, связанных с уровнем и качеством жизни семей. Необходимо принять меры по стимулированию негосударственных форм социальной защиты, участию в ней некоммерческих организаций, развитию в обществе благотворительной и волонтерской деятельности.

Стоит сделать выводы, что институт семьи претерпевает изменения и перестает быть ценностью в современном понимании молодежи. На сегодня для них главной ценностью теперь является личная свобода и материальный достаток. Вместе с тем, семья была и есть основным фундаментальным институтом общества, придающим ему стабильность и способность восполнять население в каждом следующем поколении. Роль семьи не исчерпывается только рождением детей, она способствует широкому развитию общества и его прогрессу. Но в данный период времени у молодых людей наблюдаются огромные трудности в создании и сохранении семьи. В нынешней экономической ситуации большинство молодых семей практически лишены перспективы на улучшение жилищных условий за счет государства, предприятий, благоприятной системе кредитования в стране, уровня заработной платы. Поэтому одним из путей выхода из сложившейся ситуации является оказание материальной помощи молодым семьям, предоставление льгот, повышение уровня жизни населения, финансирование государством детских дошкольных учреждений и общеобразовательных, так как материально-бытовые проблемы семьи оказывают на нее дестабилизирующее действие. Так же необходимо поднимать статус семьи в обществе, его значимость и приоритетность перед личной свободой.

Список литературы

1. Ляушева С.А. Влияние модернизации общества на институт семьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 2. – С.105-110.
2. Нагевичене В.Я. Гендерные ролевые девиации как факторы кризиса семьи //Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 10 (269). – С. 189-192.
3. Юрданова М.Э. Семья в фокусе современных социальных проблем общества // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 2. Вып. 15. – С. 345.
4. Вишневский А.Г. Вызовы демографического развития современной России / Судьба семьи – судьба Отечества. – М.: Изд-во РГСУ, 2005. – С.111-118.
5. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). – М., 1998. – 360 с.

УДК 165.23

МИРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАУКИ

Волошин В.В., д-р филос. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
v.voloshin@donnu.ru

Философия науки изучает сущность, структуру, эволюцию науки, ее эпистемологическое содержание и социокультурное функционирование.

Сущность, именуемая «наукой», принципиально неполна, набор ее свойств исторически вариативен и не дан исследователю в полном объеме. Отсюда – разнообразие дефиниций и классификаций науки. Остановимся на следующем определении: наука – массив специализированных, структурированных, достоверных, обоснованных знаний о мире и познающем субъекте – элементе социума; она – результат синтеза теории и эмпирии, системного интерактивного взаимодействия умозрения и опыта.

В пространстве науки, на конкурентной основе, объективируются и рационализируются изначально субъективные программы и методы интерпретации реальности. Философия науки обобщает полученные сообществом ученых результаты, переводит их в общезначимый формат. Научные теории и программы проходят сквозь фильтр философской рефлексии, переосмысливаются в широком культурном контексте, дополняются универсальными знаниями о самой науке. Параллельно философия участвует в формировании научной концептуальной матрицы, выполняет эвристическую, критическую, методологическую функции.

Основания науки – взаимосвязанные смысловые конструкции и категориальные сетки высшего порядка. В комплексе они обеспечивают развитие и функционирование науки, ее включенность в локальный социально-исторический контекст и общекультурное пространство. Говоря о философском базисе нужно иметь в виду, что не вся (и не любая) философия способна выступать в качестве основания науки. Без системных апелляций к естествознанию, постижение мира и анализ науки превращаются в спекуляцию, беспредметную языковую игру.

Массив знаний, претендующий на статус научного, в процессе эволюции приобретает следующие существенные атрибуты: 1) наличие четко очерченной и оригинальной предметно-проблемной области; 2) оперирование устойчивым понятийно-категориальным аппаратом; его неотъемлемый сегмент – термины, референтами которых являются идеальные объекты; 3) присутствие набора принципов, подходов, способов решения исследовательских задач и преодоления научных аномалий; 4) существование апробированной логики научного исследования, адекватной структуре, содержанию, целям той или иной дисциплины; 5) способность открывать законы (закономерности, тенденции) объективной реальности; 6) практическая значимость полученных описаний, объяснений, прогнозов. Последний атрибут предполагает функциональные манифестации.

С помощью понятия «функции науки» фиксируются ее внешние проявления, роли которые она играет в жизни человека и общества, направления, способы, формы реализации общекультурного потенциала науки. Раскрывая функции (по большому счету, все они априори являются социальными), мы отвечает на вопросы: где наука применяется, в чем ее польза, имеет ли она ценность? В функциональном поле науки выделим три смысловых мира. Занимаемое ими пространство – исторически изменчиво, границы – условны.

Прежде всего, наука производит значительный объем осмысленной информации, активно участвуя еще с эпохи античности в созидании, того,

что К. Поппер называет «третьим» миром» объективного знания, репрезентируемого научными концептами, гипотезами, теориями. Этот обширный функциональный регион назовем *эпистемологическим*. Здесь создаются идеальные объекты, а наука реализует себя в производстве инновационных знаковых систем, приращении теоретического знания с помощью дескрипций и объяснений, формулировке предсказаний. Все эти процессы связаны с созданием моделей реальности и конструированием ее альтернатив – возможных миров. Благодаря науке со второй половины прошлого века радикально изменяются информационно-коммуникационный пейзаж и когнитивный климат, появляются новые типы знания, методы его получения, обработки, адаптации, трансляции.

Второй регион – *культурно-мировоззренческий*. Наука это не только достоверное знание, но и стиль мышления, «поэтическое вопрошание природы» (И. Пригожин). Начиная с классической эпохи, наука (наряду с религией, философией, искусством) формирует мировоззрение человека и картину мира социума, участвует в создании ценностей – специфического типа идеальных объектов, наличие которого – гарантия выживания человечества. Порождая новые смыслы и идеалы, наука, посредством сциентистского образа мироздания, расширяет и трансформирует культурное пространство. Объективная наука – модератор ясного, строгого, когерентного мышления. Она предохраняет от иллюзий и релятивизма. С XIX века на языке науки пишутся программы жизнедеятельности общества, разрабатываются алгоритмы преодоления кризисных явлений. Наукоемкие производства и технологии меняют склад жизни, параметры, способы существования человека, формы восприятия мира и его атрибутов на уровне обыденного сознания (экзистенциальная функция).

На границе первых двух регионов наука активно участвует в образовании и воспитании. Выполняет она и другие общественные функции. Среди них И. Т. Касавин выделяет: генерирование природной и социальной картин реальности, экспертизу техносоциальных проектов, эпистемическое обеспечение технологического развития. Российский философ подчеркивает необходимость соблюдения баланса: пренебрежение одной из функций в пользу другой (других) может превратить науку в «глобальную и неразрешимую социальную проблему со всей совокупностью непредсказуемых и драматических последствий» [1, с. 14].

Третий функциональный регион назовем *инструментально-экономическим*. Опираясь на науку, человек преобразовывает мир. Наука порождает не только идеальные сущности, но и материальные блага. С конца эпохи модерна она играет роль ведущей производительной силы, активно трансформирует ландшафт общественного бытия. Наука меняет не только архитектуру экономики, но и наделяет ее динамикой, увеличивает результативность. Инновационная техника и передовые технологии – гаранты экономического прогресса. Комфортными стали условия бытия человека; благодаря науке одержана победа над многими опасными заболеваниями, улучшилось качество жизни, увеличилась ее продолжительность.

Констатируем: материальная польза от науки-инструмента затмила культурную ценность науки, генерирующей смыслы и идеалы, нивелировала значимость ее гуманитарной миссии. Это проявляется в умалении авторитета естествознания, идеологической нагруженности науки, передаче инициатив в решении научных проблем политикам и «гретам тунберг», умышленной дискредитации критического и аналитического стиля мышления с помощью СМИ и социальных сетей. Философия и другие социально-гуманитарные дисциплины изгоняются из образовательного процесса по причине их, якобы, низкого прикладного значения. «Высока вероятность того, что инструментальное использование науки и далее будет вытеснять на периферию ее мировоззренческую функцию – способность быть источником рациональности для общества и личности. И здесь многое зависит от способности философии науки противодействовать этому, оставаясь школой философского и теоретического мышления» [2, с. 11].

Итак, наука реализует себя в трех взаимодействующих функциональных мирах – эпистемологическом, культурно-мировоззренческом, инструментально-экономическом. Экспансия упрощенно-потребительского подхода к науке, трактуемой сугубо прагматически, приводит к сокращению территории второго мира. В результате, постижение науки сквозь оптику метафизического вопрошания и аксиологического анализа, финитных смыслов и универсалий культуры уходит на второй план. Это чревато искажением научной картины мира и деформацией общественного сознания.

Список литературы

1. Касавин И. Т. Как возможна политическая философия науки? / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 3. – С. 5–15.
2. Касавин И. Т. Социальная философия науки: идея и проект / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2014. – № 4. – С. 5–19.

УДК 123.2

НЕПРЕОДОЛИМЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И СОБЫТИЯ

Глушко Е.С., канд. экон. наук
Автомобильно-дорожный институт ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Горловка, ДНР
ketkop@mail.ru

Введение. Философия никогда не терпела противоречий. Можно сказать, что она была рождена именно для того, чтобы устранить их путем обращения к заоблачному порядку идей Платона, или к принципу непротиворечия в логике и метафизике Аристотеля. Можно предположить, с другой стороны, что знаменитый поворот выраженый в одиннадцатом томе Карла Маркса «Тезис о Фейербахе» в основном направлен против этой традиционной сущности философии. Это еще одна причина для «окончательного» господства Гегеля, с точки зрения метафизической

мысли, и, конечно, для консервативного появления его теории. Когда Бертольд Брехт противопоставил неаристотелевскому или эпическому представлению описанному Аристотелевской Поэтикой, он явно подчеркивал сопротивление противоречий притворной силе посреднического разума.

Проблемам преодоления непреодолимых противоречий было посвящено масса работ знаменитых ученых, среди которых необходимо выделить: Сёрла Дж., Яковлева М. В. Marder M., Ваттимо Дж. Однако к сожалению, в их работах опускались моменты влияния этих противоречий в целом на событийное сознание общества.

Цель работы – установить существование непреодолимых противоречий и выяснить степень их влияния на события, происходящие в обществе и сознании человека.

Основная часть. Теория, которая выдвигается на обычном философском языке, должна быть не противоречива, и поэтому она по своей сути является преодолением противоречий. Общий характер философии, рожденной в Греции является своего рода «педагогическим» наставлением обществу. Если не следовать традиционным метафизическим путем примирения противоречий, то невозможно объяснить свои интересы в философском размышлении о них. Вероятно, что педагогическо-метафизическое отношение единственная возможность для философии предложить отражение противоречий. Но отказ от этого предположения подразумевает несколько радикальных изменений в само понятие философии, которую пытаются практиковать. Прежде всего, намерение размышлять о такой теме, как противоречия, как и о любой другой теме, выбранной для философской дискуссии, не может быть мотивировано теоретическими причинами. Это потребовало бы, чтобы сама теория чувствовала необходимость обсудить – подтвердить, исправить, обновить – представление о противоречиях.

Очевидно, что на сегодняшний день задача философии заключается в необходимости размышлять о противоречиях, чтобы их преодолеть в царстве неискаженной правды, как косвенно предположил в свое время Фукуяма: «Философия победила бы, лишь только потому, что в ней нет конфликтов». Однако, существует оппозиция между герменевтикой и эпистемологической верой в объективность научной истины. В свое время Хайдеггер отмечал, что герменевтика – это не дисциплина, которая изучает метод расшифровки того, что кажется на первый взгляд непонятным, искусство обнаружения его скрытого смысла. Герменевтика в основном философия неприводимой инаковости другого, которая не обязательно означает, что это философия конфликта, но, безусловно, это не теория примирения на основе общей объективности научной правды. Как ни парадоксально, одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе гораздо ближе к герменевтике, чем к научному объективизму. Более того, марксизм не может поверить, что изменение мира предполагает преодоление интерпретации в пользу объективизма, если он не хочет превратиться в догматический сталинизм [1].

Сегодняшний мир не нуждается в большем примирении через философию или больше катарсиса через Аристотеля. Возьмите скорее вообще признанный кризис демократии, т.е. потеря доверия к представительным институтам – что-то вроде проблем, которые были уже хорошо известны Уинстону Черчиллю, сегодня усилились и усугубляется растущими возможностями социального контроля. Во многих из наших «демократий» люди больше не верят в свою способность влиять путем голосования на политику правительства. Участие в выборах постоянно уменьшается; общественное обсуждение все более и более ограничивается сплетнями или жалобами на политиков.

Совсем недавно стали говорить о «уникальном народе», что в переводе на политические термины примерно означает «Вашингтоновское соглашение». Мышление уникальный – сильный враг герменевтики, которое упрекает его за свой релятивизм. Более или менее новый «реализм» философов как Джон Серл и сортировка остатков феноменологии с постаналитическим эмпиризмом, кажется, заменяет эпистемологическую метафизику прошлых десятилетий. На самом деле, это новая интеллектуальная поддержка неолиберального мира, по-прежнему сосредоточена в имперской экономической мощи США с ее многонациональным капитализмом. Идеологическая политика США хочет очистить философию от герменевтического релятивизма, которая представляется угрозой для чиновника, науки, правды, чьи связи к социальной и экономической власти не нужно доказывать, если каждый думает о государственных (военных) и частных деньгах, вовлеченных в современное научное предприятие [2].

Все больше ученых поддерживают знаменитый тезис об окончании истории, который является не чем иным как идеологической апологетикой: демократия и либеральный капитализм победил, следовательно, больше нет истории, то есть, нет больше конфликта, ни интерпретаций (Пол Рикер) [3]. Видимо, и не только внешне, ничего не может произойти. Похоже, что единственными чрезвычайными ситуациями являются «международный терроризм» который не имеет характера врага. НАТО и даже ООН все более и более участвуют в операциях международной полиции. Они требуют в основном безопасности, независимо от того, сколько это стоит с точки зрения свободы, конфиденциальности или смысла жизни каждого человека. Даже общечеловеческое уважение к «жизни», что, кстати, означает просто биологическое выживание, независимо от того, в каких условиях, кажется, принадлежит к этой атмосфере сдержанного существования, очень вероятно, определяется страх, распространяемый СМИ (страх перед террористами, страх перед безработицей, страх иммигрантов ...). Одним словом, триумф на практике и в теории статус кво [4].

Значит, ни размышления о противоречиях, ни теория, защищающая конфликт соответствуют теоретической потребности, внутренней по отношению к философии. И даже если кто-то хочет теоретически

объяснить проблему противоречий, нужно ссылаться на «общее состояние мира», чтобы это ни означало. Признать это элементарное наблюдение уже означает – быть осторожным – принять герменевтический подход вместо его научного объективистского аналога. Но это не значит признать реалистичным отношение к идее, если утверждать, что соответствует исторической необходимости «мира», что нужно правильно и, следовательно, оценить свою правду. То, что называется фактами, – это то, что общество признает фактами. И это вопрос опыта больше в гегелевском смысле, чем в эмпирическом.

Заключение. Таким образом непреодолимое противоречие во многих отношениях это то самое место, где происходит Бытие и правда проявляет себя. Сильные связи между истиной, событием и Бытием порождают конфликт в противоречиях, проявляющихся в ироничных версиях герменевтики. Философские рассуждения об противоречиях, хотя и вдохновляются целью содействия примирению, служат противоречиво, чтобы напомнить нам о онтологической необходимости конфликта.

Список литературы

1. Яковлев М. В. Идеология. / М. В. Яковлев. – М.: Мысль, 2009.
2. Сёрл Дж. [Searle J.] Рациональность в действии: пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.
3. Marder M. Shaken: Ontology and the Event Being / M. Marder, S. Zabala. – England, 2018.
4. Ваттимо Дж. О проблеме реальности в современной философии / Дж. Ваттимо. – М., 2012. – 176 с.

УДК 165.3

ЖИВОЕ ЗНАНИЕ В ГНОСЕОЛОГИИ С.Л. ФРАНКА

Дикой А.Ю.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР

studysociology@mail.ru

Введение. Семён Людвигович Франк (1977–1950) – выдающийся русский философ, внёсший значительный философский вклад в теорию познания и дополнивший ее оригинальными идеями интуитивизма. Вопреки общепринятым подходам, С.Л. Франк определяет свою гносеологию не как теорию познания, а как теорию знания, которая, в свою очередь, «исследует не процесс познания или познавания (отчего её и не следует называть теорией познания, во избежание ложных толкований), а природу самого знания как объективного отношения обладания истиной. Она исследует не процессы, происходящие внутри познающей личности, а само отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом» [1, с. 18]. Философа в первую очередь интересует природа самого знания и

отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом. Для описания этого отношения философ использует категорию «живое знание». Данная категория – одна из ключевых в теории знания С.Л. Франка. Нашей целью в данной работе является определение специфики этой категории и ее места в гносеологии С.Л. Франка.

Основная часть. Категория живого знания в системе С. Франка имеет свое уникальное содержание, что резко отличает его подход от представителей классической традиции в лице Фридриха Якоби, славянофилов и др. У Франка единство субъекта и объекта познания является досознательным, онтологически бытийным, и само это досознательное единство является первичным, непосредственным «живым» знанием субъекта об объекте, точнее – знанием бытия о самом себе, живым переживанием. Осмысленное таким образом живое знание выступает не чем иным, как гносеологическим выражением для обозначения онтологической первореальности. Эта реальность сочетает в себе идеальное и реальное, единство сознания и бытия, является тем первичным бытием, в котором нет разделения на субъект и объект, поскольку они слиты в нем воедино.

Теория Франка наиболее полно и содержательно развёрнута в произведении «Предмет знания», но при этом Н.О. Лосский полагал, что произведение «Непостижимое» – это «обстоятельное исследование живого знания» [2, с. 139]. В теории живого знания бытие предстает как «единство реальности и идеальности, т.е. единство переживания и мыслимости. Поэтому оно может уясняться не воспроизводящему знанию-мышлению, которое всё превращает в только мыслимое содержание, а лишь непосредственному живому знанию, как единству мышления и переживания, как мыслящему переживанию» [3, с. 352].

В живом знании отдельные факты не являются изолированными в себе реальностями, но предстают как целое, как развёрнутое во временной поток единое обнаружение человеческого существа как такового. Непрерывная цепь сменяющихся моментов является связью, соединяющей прошлое человека с его настоящим, которая проходит через пребывающее единство его личности, которая, как целое, присутствует в каждом отдельном моменте своего развития. Вместо изолированных или «замкнутых» единичных фактов здесь обнаруживается «лишь единая в себе непрерывная цепь сменяющихся моментов, которая, как целое, а, следовательно, и в каждом отдельном своем моменте, и есть не что иное, как развернутое во временной поток единое обнаружение нашего существа, как такового» [3, с. 354].

Франк различает две формы интуиции – «созерцательную интуицию» и «интуицию-жизнь». Эти две формы интуиции близки в своей основе, философ говорит, что в своей основе, это «одна и та же интуиция». Но это «одна и та же интуиция» лишь в своей основе, а не в полноте своего содержания, потому что в первом случае эта полнота остается неисчерпанной, поскольку содержание интуиции как источника

отвлеченного знания – вневременное, или идеальное – «чистое знание»; во втором же случае речь идет об обладании бытием во всей его временной и сверхвременной конкретности, т.е. о «единстве знания и жизни».

Живое знание является универсальной формой интуиции и знания. Но далеко не всякая интуиция есть живое знание; живое знание есть интуиция в ее более высокой, «высшей» ступени. А основанное на нем знание отличается своей углубленностью в бытии, предполагающем единство знания и жизни.

Специфика философских взглядов Франка заключается в том, что в его концепции несовершенное, недостаточное, неполное всегда укоренено в более совершенном, достаточном и глубоком по содержанию основании. Этот же принцип мы видим в гносеологии Франка. В конечном счете, основой всякого знания является интуиция всеединства: «Итак, первой основой всякого знания является интуиция всеединства, непосредственное усмотрение отношения частного содержания к целостности всего иного – отношения» [3, с. 238]. Это означает, что интуиция всеединства пронизывает собой всё бытие, что она проявляется в каждой частичке многообразного мира и знания.

Живое знание – как «высшая ступень интуиции» – представляет собой полное слияние субъекта и объекта, знания и бытия. Это уже не фиксирование содержания знания о предмете, и даже не обладание предметом (т.е. знанием о его предметности), а само бытие, которое знает само себя [4, с. 20-21].

Заключение. Живое знание – это и высшая ступень интуиции, и способ познания реальности, предполагающий слияние двух сторон: субъекта и объекта познания. В живом знании субъект не противостоит объекту, а слит с ним в единое целое, оно охватывает всю сущность познаваемого объекта в его невидимой или незаметной связи с всеединством.

Разработка гносеологической проблемы у Франка отличается оригинальностью и глубиной. Гносеологический комплекс, который включает понятия отвлеченного знания, интуиции и живого знания, объединённый идеями трансцендентального мышления как способа постижения истины, обращение к онтологии как необходимому источнику познания, связь сознания и бытия – все это выступает прочным фундаментом, на котором строится гносеология Франка, которая одинаково способна решать метафизические, онтологические, и социально-философские проблемы осмысления социальной реальности.

Список литературы

1. Франк С. Л. Введение в философию в сжатом изложении. – Пб.: Academia, 1922. – 84 с.
2. Лосский Н. О. Теория знания С. Л. Франка // Сборник памяти Семёна Людвиговича Франка / под ред. протоиерея о. Василия Зеньковского. – Мюнхен, 1954. – С.133-144.
3. Франк С. Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлечённого знания // Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека / Сост., вступ. ст., комм. И. И. Евлампиева. – СПб.: Наука, 1995. – С. 35–416.

4. Аляев Г.Е. «Живое знание» в философии С. Франка: гносеологический, онтологический и этико-антропологический контекст // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. Вып. 16. – С. 19–32.

УДК 101.9

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Емельянова Н.Н., д-р филос. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
fianu48@mail.ru

Человеческая жизнь не может протекать вне деятельности, составляющей основу нашего существования. Вопросы, связанные с деятельностью и творчеством, касаются и единичного бытия, и цивилизации в целом. В эпоху постсовременных инноваций проблема творчества обретает особо значимые смыслы. Можно утверждать, что теоретическая и практическая новаторская деятельность является условием непрерывного конструирования реальности.

С точки зрения приверженцев религиозного мировоззрения, человек обладает онтологической способностью к творчеству, поскольку создан по образу и подобию Творца. В известной антроподицее Н. Бердяева именно творчество предстает феноменом, оправдывающим наше существование. В марксизме основой творчества полагается трудовая практика, посредством которой человек осуществляет целесообразное изменение окружающей действительности. Заметим, что в понятие практики входит не только практическая, но и интеллектуальная деятельность человека. Сама по себе практика всегда обусловлена определенной идеей: прежде чем осуществить какое-либо действие, надо подумать, *что* именно требуется сделать и *как* это сделать. При этом идея, несомненно, основывается на той или иной потребности, нуждающейся в удовлетворении.

В творчестве всегда соединяются индивидуальные и социальные потребности человека. Творчество субъекта олицетворяет практическую активность социума и деятельную основу самого бытия. Человек испытывает одновременно и потребность утвердиться в мире, и потребность выйти за рамки этого утверждения. В результате он преодолевает себя и преобразует мир. Дух насыщается энергией, и в нем конституируется актуальное бытие.

Любая деятельность нуждается в объекте, точно так же, как сила нуждается в сопротивлении; ей нужны рамки, которые необходимо преодолевать. Творческая деятельность, представленная поначалу в виде определенной задачи, предусматривает постановку все новых и новых задач, причем цель может быть как внешняя (осуществляемая ради других

целей), так и внутренняя (осуществляемая ради себя самой, то есть самоцель). Стремление к деятельности создает феноменальный мир, существующий как материал для человеческого творчества. Поставляя субъекту созданные им объекты деятельности, он нацеливает его на постоянно обновляющиеся усилия. По сути, в мире вещей нет ничего, что не было бы результатом деятельного творчества.

Творческий субъект действует в конкретный исторический период и решает задачи, назревшие в данном пространственно-временном измерении. Творческое сознание всегда социально и исторично. Эта историчность содержится в структуре бытия, существующего в форме осознания. Поскольку субъект пребывает *здесь* и *теперь*, его творческая деятельность, как интеллектуальная, так и практическая, неотделима от конкретной социальной практики и составляет необходимый элемент общественного творчества.

Следует заметить, что масштаб творческой деятельности определяется субъектом в зависимости от того, насколько он подвластен влиянию традиций и стереотипам общественного сознания. Творческий труд всегда строится на сочетании индивидуального и родового начал. Индивидуальная свобода ограничена природными законами и социальными установками, которые воспринимаются как препятствия на пути к достижению цели. Стремление к их преодолению порождает цепочку проб и ошибок, но именно последние становятся условием осуществления творческой деятельности, как в личностном, так и в общечеловеческом масштабе.

Путь цивилизации – это не только выявление блестящих достижений человеческого разума, стремящегося к свободе, но и демонстрация многочисленных трагических утрат во всех сферах жизнедеятельности. Творчество, имеющее онтологические, гносеологические и социальные корни, является феноменом жизнедеятельности, демонстрирующим неограниченные возможности человеческого разума, как в позитивном, так и в негативном аспекте. Творческий субъект направляет свою деятельность на мир феноменов, хотя его поступками руководит ноуменальная действительность. Способность к ограничению чувственных потребностей означает способность к волевому решению в соответствии с основным целевым мотивом. Сила мышления и сила воли объединяются в общем порыве, результатом чего становится творческий акт самосознания. Непреодолимый творческий импульс усилием воли направляется на достижение определенной цели, и человеческая культура развивается в истории в виде ряда последовательных ступеней. Подпитываясь целенаправленными действиями социально активной личности, творчество направляет ход исторических событий. Творческий процесс бесконечен, хотя каждый акт творчества имеет свои границы.

В результате реальность предстает продуктом творчества, которое одновременно и ставит себе ограничения, и постоянно выходит за них. Диалектика творчества проявляется в бесконечном движении от простого к

сложному, от низшего к высшему, но непременно – с преемственной связью между новым и старым. Изменчивая сторона культуры, выражающаяся в новаторстве, осуществляет снятие очередного бытийного и умственного противоречия. Человеческая мысль снова и снова решает вечные проблемы построения истинного бытия, каждый раз вкладывая в эти проблемы новое содержание.

Будучи открытым процессом и утверждая целесообразность саморазвития, творчество предстает саморазвивающимся феноменом, порождающим из хаоса гармонию. Понимание чужого мира, схватывание так называемой «души» той или иной эпохи, объединение отдельных проявлений интеллектуальной и эмпирической деятельности в едином контексте – все это является необходимым условием очищения смыслов творчества от намеренных или невольных искажений.

В силу своей позитивной антиномичности творчество не может основываться на монологизме как способе существования культур. Нужен постоянный диалог и творческих личностей, и ценностных приоритетов, и даже текстов, отображающих потребности эпох и потому требующих адекватного понимания. Тут важно учитывать специфику не только творческого сознания, имеющего множество значений, но и целостность этого сознания и жизненного мира. Реальность, адекватно проинтерпретированная, становится реальностью освоенной.

Активное саморазвитие человечества требует применения новейших технологий, в том числе в сфере университетского образования. Последнее предполагает подготовку достаточного количества субъектов, нацеленных на творческий поиск, в котором научно-теоретическая составляющая не менее значима, нежели практическая. Университетское обучение предусматривает подготовку личности, непосредственно участвующей в культурном строительстве своего государства. Приобщение студенческой молодежи к научной работе способствует развитию любознательности, смекалки и творческой интуиции.

При этом мы не должны забывать, что в стенах вуза студент должен не просто получать знания, но и проживать полноценную жизнь, наполненную интересными событиями. В частности, дебюты первокурсников убедительно демонстрируют творческие способности студентов, их артистизм и увлеченность избранной профессией.

На лекциях и семинарских занятиях необходимо постоянно побуждать студентов к творческому мышлению, к умению правильно формулировать свои мысли и отстаивать собственную точку зрения. К сожалению, факторами, провоцирующими поиски творческих решений, могут выступать и непредвиденные социальные феномены (например, пандемия короновируса), побуждающие изыскивать новые формы общения преподавателей и студентов. Думается, опыт дистанционного обучения, в том числе и негативный, дает нам повод для поиска решений, оптимально учитывающих интересы и возможности как обучаемых, так и обучающих.

УДК 130.3

БЕЗДУХОВНАЯ ТЕРПИМОСТЬ КАК УНИФИЦИРОВАННЫЙ ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ САМОУБИЙСТВО

Ефременко А.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
alefblogs@ya.ru

С развитием электронных средств коммуникации, глобальное информационное воздействие на формирование личности стало столь велико, что экзистенциальная сущность конкретного индивида перестала быть уникальной. Это симбиоз навязанных извне стереотипов, причём зачастую, построенных на ложных фактах и чуждых человеческому естеству определениях нормальности. Возникает вопрос о том, кто же определяет границы нормы. Очевидно, что толпа, посредством межличностных связей. Определение же понятия нормы для толпы происходит путем безпрерывного транслирования заданного стереотипа посредством электронных средств коммуникации. Повестку для основных информационных ретрансляторов формулирует мировая финансовая и политическая элита.

Корпоратократия не приемлет ни логику, ни философию как основу научного подхода к образованию. Есть только один показатель – коэффициент рентабельности. Современному обществу запрещено размышлять над своими потребностями, они уже сформированы и запланированы с учётом необходимых экономических показателей. Сама способность распознавать истину стирается у индивидума значительными заголовками к незначительным инфоповодам. Развитие точных наук – это прекрасно, корпорациям нужны квалифицированные исполнители. Но вот осознать и спрогнозировать глобальные последствия своих открытий и изобретений без философии и развитого логического мышления такие специалисты не в состоянии. Как говорил замечательный русский культуролог Ю.М. Лотман: “Образование и образованность – это не одно и то же” [5, с. 460].

Под видом свободной воли человечество приучают к так называемой толерантности, то есть, по сути, к безразличному восприятию любых частных отклонений, активно перерастающих в общественные тенденции под воздействием манипуляционных инструментов. Такой подход очень быстро, даже в пределах одного поколения, стирает межэтнические и межрелигиозные границы. Уничтожает коренные традиции социального воспитания, стирается родовая память. Видимая обрядовость у этнических групп больше не несёт глубинного духовного смысла, а имеет лишь развлекательную составляющую.

В результате корпорации добиваются следующих результатов:

Во-первых: снижается порог внутренней сопротивляемости к новым стереотипам социальной нормальности. Фазы программирования общественного сознания стали значительно короче.

Во-вторых: происходит глобальная унификация рынков потребления, а это значит более лёгкий и менее затратный вход на эти рынки.

В-третьих: такое общество настроено космополитично к государственным институтам, а следовательно, подвержено политическим манипуляциям извне и не склонно к защите своей обособленности.

И в-четвёртых: развращённое общество стремится к максимальному потреблению, что обеспечивает высокие финансовые показатели для корпораций.

Философия потребления – вот новая парадигма глобального мирового развития. Что это означает для экзистенциальной личности? Исходя из вышесказанного – личность только лишь иллюзорно осознаёт себя индивидуальной, но таковой уже не является. Она предсказуема, все её решения запрограммированы, а предподчтения и вкусы сформированы посредством внешних установок. Маркеры нормальности не заданы по умолчанию. Это очень короткий путь к конечной точке биологического существования человечества как вида.

Как писал Аристотель: свобода воли – есть самоопределение разума [1, с. 156]. Если нашим разумом активно манипулируют, то для спасения расчитывать мы можем только на дух. А духовность просыпается только во времена тяжёлых испытаний и тяжелейшим из них является война. Возникает парадокс – для того, чтобы выжить, необходимо умирать.

Список литературы

1. The Oxford Handbook of Free Will second edition. ed. RobertKane, Oxford: Blackwell, 2011 – 577 с.
2. Кому принадлежит Земля? / Ноам Хомский («Noam Chomsky: Who Owns the Earth?»), The New York Times, 2013
3. Пропаганда / Эд. Бернейс – М.: «Библос», 2016. – 140 с.
4. Общественное мнение / У. Липпман – Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
5. Чему же учатся люди? / Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. – С. 459-462.

УДК 101.1::316

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Измайлова Д.И.

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР

Jamilyushka@yandex.ru

Введение. Феномен отчуждения вошёл в фокус философской рефлексии лишь в конце первой половины XX века, однако общий интерес

философской мысли к данному явлению прослеживается с античных времен. Отчуждение было предметом философского анализа стоицизма, эпикуреизма и скептицизма.

Истоки явления социального отчуждения находим уже в начале XX века, то есть во времена большой антропогенной нагрузки, во времена антропологического кризиса, во времена дегуманизации человека, причиной которой является дестабилизация социально-экономической жизни, приводящая к социальным и личным драмам.

По П. Сорокину все существующие формы отчуждения стоит сгруппировать следующим образом:

- генетическое (биологическое) отчуждения;
- социальное (приобретенное или вторичное) отчуждение [1].

Цель данной работы – анализ феномена социального отчуждения в контексте пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19.

Основная часть. Напомним, что впервые вирус Covid-19 был выявлен и идентифицирован в декабре 2019 года в городе Ухане, КНР. В марте же 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения было официально объявлено, что эпидемия вируса COVID-19 достигла уровня пандемии. В это же время ВОЗ, отметив уровни распространения и степени тяжести заболевания, призвала мировое сообщество принять неотложные и беспрецедентные меры по урегулированию и контролю распространения вируса. Ведущей из таковых мер стал режим самоизоляции как карантинного мероприятия, ставший новой реальностью для граждан многих стран, в т.ч. и для наших соотечественников.

Проведём анализ коннотаций такого явления как самоизоляция.

Самоизоляция – это один из симптомов в психиатрии, характеризующийся уходом от контактов с людьми и общественной деятельности [2].

В то же время, самоизоляция в политике, иначе называемая изоляционизм, представляет собой направление, в основе которого лежит идея невовлечения во внутреннюю государственную политику иных государств, народов, наций и этносов [3].

В сложившейся ситуации с пандемией коронавируса, по мнению автора, наиболее уместной трактовкой самоизоляции будет социальная изоляция, при которой подразумевается отторжение индивида от других индивидов или социальных групп в результате прекращения или же резкого сокращения социальных контактов. Необходимо отметить, что традиционно принято выделять следующие типы социальной изоляции:

- полная изоляция;
- физическая изоляция [4].

Под полной изоляцией понимают абсолютное отсутствие как личных контактов с людьми, так и опосредованных способов общения (письма, телефонная связь, социальные сети и т.д.). Такая изоляция, несомненно, приведёт современного человека к состоянию травматического кризиса, способного вызвать защитные реакции психики в виде различных когнитивных расстройств.

Под физической изоляцией принято понимать возможность полноценного общения с использованием доступных технических средств связи, не имея возможности личных встреч.

Очевидно, что самоизоляция в условиях пандемии по своему типу представляет собой именно физическую изоляцию. Рассмотрим степень влияния физической изоляции на различные группы лиц и её возможные последствия.

Очевидно, что самоизоляция в форме физической изоляции наиболее ощутима для представителей самых социально незащищённых слоёв населения, не имеющих финансовой и социальной возможности полноценно пользоваться достижениями технического прогресса, начиная от мобильной связи и заканчивая сервисами по доставке еды. Такое ограничение, безусловно, приведёт к маргинальному социальному поведению данного общественного класса. Девиации могут проявляться как в нарушении режима самоизоляции (что далеко не самое страшное), так и в откровенно экстремистских действиях, выражающихся в демонстративном пренебрежении установленными противоэпидемическими нормами, а подчас и в преднамеренном способствовании распространению инфекции. Очевидно, что для этого социального класса режим самоизоляции влечёт к психосоциальной травматизации, дезадаптации, дезорганизации и депрессивным настроениям, и как логическое продолжение, к всё более нарастающему социальному отчуждению от общества [5].

Для молодёжи и активных людей среднего возраста вынужденная самоизоляция приобретает черты, скорее, социального дистанцирования, чем полного социального отчуждения. Заметим, что понятие «социальное дистанцирование» в данном контексте не вполне уместное. Здесь будет правильным понятие «физическое дистанцирование», подразумевающее полноценное взаимодействие при сохранении физической дистанции (вспомним темпераментных итальянцев, переговаривающихся через балконы и поющих песни в условиях карантина). В веке цифровых коммуникаций пережить карантин для этой социальной группы без видимых психологических последствий вполне возможно.

Для населения возрастной категории 65+ социальная изоляция будет процессом с одной стороны достаточно болезненным, но вместе с тем отчасти привычным. Ввиду объективной и закономерной невысокой социальной активности самоизоляция для данной категории не вызовет кризисных психосоциальных травматизаций, но, вместе с тем, лишение привычного круга общения и нарушение привычного уклада жизни, несомненно, являются факторами развития стрессов, подавленности, психологических проблем, неизбежно влекущих обострение имеющихся хронических заболеваний.

Заключение. Самоизоляция – это объективно необходимая и эффективная мера по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции Covid-19. При этом как социальное явление самоизоляция может привести к ряду негативных последствий для современного общества, среди которых ведущими будут проявления социального отчуждения,

обострение чувства экзистенциальной заброшенности, чуждости миру, другим людям, бессмысленности собственного существования. Стоит также отметить, что вышеперечисленные проявления будут наблюдаться в и без того стигматизированных слоях общества.

Список литературы

1. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 393 с.
2. Краткий психологический словарь / авт.- сост. С.Я. Подопригора, А.С. Подопригора. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 318 с.
3. Новая философская энциклопедия в 4-х томах/ Научно.-ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1 – 4. – 2816 с.
4. Горбачева К. Правовая основа режима самоизоляции: комментарии эксперта. – 2020. – Режим доступа: https:// realnoe vremya.ru/articles/170518-samoizolyaciya-izakonodatelstvo-rossii.
5. Тищенко Ф. Коронавирус: режим самоизоляции и его особенности // Справедливо. Центр. Режим доступа: https:// spravedlivo.center/articles/koronavirus-rezhimsamoizolyacii-i-ego-osobennosti/.

УДК 164.02

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Казакова О.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

o.kazakova@donnu.ru

Социальное и культурное бытие человека наполнено смысловыми знаками и символами, которые способствуют формированию нового типа общественных и межличностных отношений. Как справедливо утверждал Ю. Лотман, даже тогда, когда мы «наблюдаем сигнализацию уличных светофоров, читаем роман или смотрим кинофильм, ловим сигналы из космоса или дешифруем язык дельфинов, – мы стремимся включиться в определенную систему коммуникаций и получить информацию, которая передается с ее помощью» [2, с. 7].

Становление и развитие информационного мира воплощается в семиосфере. В процессе знаково-символического анализа социального бытия выявляется, что «знак» является не только структурным элементом коммуникации, но и средством сохранения и ретрансляции информации. Семиотизация жизни предстает современным способом коммуникации. Данная ситуация обусловлена стремительным развитием новейших технологий, трансформацией общества в постиндустриальное и информационное, а цивилизации – в техногенную. Кроме того, происходит формирование качественно иного пространства общения, процессов социального взаимодействия, которые осуществляются благодаря растущему влиянию символических и знаковых систем.

Актуальность исследования знаково-символической коммуникации подчеркивали многие отечественные и зарубежные мыслители. Так, с точки зрения А. Ф. Лосева, символ вещи есть ее обобщение, закон, упорядоченность, ее «внутренне-внешний» знак. Символ также является и принципом бесконечного становления, отображения вещи; он предстает как «субстанциальное тождество бесконечного ряда вещей, охваченное одной моделью» [1, с. 272].

Важность семиотического анализа социального бытия усиливается феноменом массовой культуры, которая рассматривается сегодня как закономерный результат развития информационного мира. Его коды и смыслы активизируют формирование и развитие виртуальной реальности, коммуникационных технологий, расширяя сферу общения человека и переводя их в измерение семиологии. В ее контексте открываются возможности становления новых форм идентичности индивида в кодах знаков и символов.

Инновационный потенциал средств массовой коммуникации и изменение под ее влиянием способов познания ставит задачу переосмысления лингвистической природы «знака» и «символа», многочисленные интерпретации которых дают возможность воспринимать всю действительность как бесконечный гипертекст. В этом смысле социальность, то есть общество в целом, выступает как определенная знаково-символическая реальность, раскрытие которой требует включения различных, в первую очередь современных, познавательных систем.

Решение проблемы соответствия «знака» реальности в процессе поворота классической семиотики на семиотику человека и общества дает возможность рассматривать новые аспекты социальной активности в структурах потребления и обмена, выделять нормы морали, права, обычаев через символы и знаки. Они фиксируют новые коды индивидуальной жизни как принципы обобщенной рациональности социальных процессов.

Уточнению содержания понятий «знак», «символ», «информация» способствует сопоставление их с такими понятиями, как «семиозис», «семиотика», «семиосфера». Так выявляются особенности «текста» как кодифицированного социального знания в процессе его превращения в гиперреальность. Семиотизация сознания также может быть исследована в процессе анализа так называемых «структур повседневности».

Основные точки пересечения и взаимосвязи «языка», «знака», «информации» обнаруживаются в контекстах виртуализации социокультурного пространства жизни человека. Здесь раскрывается смысловое различие и тождество понятий «знак», «знаковость», «символ», «символическое», «симулякр», «симуляция». Кроме того, символические процедуры применяются в процессе «раскодирования» семиотической системы социоэкономических взаимодействий. Семиотика знака утверждается в корреляции социальности и глобальной финансово-монетарной системы как специфической коммуникативной системы современного социума.

Монетарная система предстает не только интегральной составляющей современного социального и экономического пространства жизни

индивида. Она являет собою наиболее характерный пример символической знаковой системы. Реальность заменяется циркуляцией симулятивных знаков, осуществляющих игру только цифрами, словами, элиминируя «тело», «искушение», «желание» из систем культурных ценностей и превращая их в симулякры.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
2. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство СПб, 2002. – 765с.

УДК 101.1

СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТОВ «МОДЕРН», «ПОСТМОДЕРН», «AFTERПОСТМОДЕРН» И ТИПОВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Клименко А.Б., канд. филос. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.klimenko@donnu.ru

В настоящее время не существует единой точки зрения относительно определения понятий «модерн» и «постмодерн»: это же касается соотношения концептов «модерн» и «классика», «постмодерн» и «неклассика», «afterпостмодерн» и «постнеклассика». Конечно, жесткой корреляции между названными понятиями не существует. Очевидно, первые из них – модерн, постмодерн, afterпостмодерн – имеет преимущественно социокультурную нагрузку. Мы используем эти концепты для описания стилевых особенностей в искусстве: литературе, живописи, кинематографе или в политической и социальной жизни. С другой стороны, ряд «классика-неклассика-постнеклассика» касается прежде всего типов рациональности, описывая эволюцию духовной жизни, науки и вненаучных форм познания. То есть речь идет о различных критериях отбора указанных концептов, которые, на первый взгляд, отнюдь не пересекаются.

Но, если пытаться взглянуть на них в конкретно-историческом контесте, окажется немало характеристик, которые позволят провести параллели между классикой и модерном, неклассикой и постмодерном. Однако эта зависимость не является линейной. Проективная природа модерна (постмодерна) означает, что общество наделяет определенный период своей жизни определенным смыслом, устанавливает цель, к которой следует прийти в конце этого отрезка времени, вырисовывает общественный идеал, сознательно обосновывает ценности, интересы, подбирает методы и пути социальных преобразований. Учитывая проективную сущность модерна, имеет смысл говорить о том, что

последней является результатом, продуктом классического типа рациональности, в частности науки и философии Нового времени и эпохи Просвещения. Когда же разработанные в рамках классической рациональности положения воплощаются в жизнь (что связано со становлением институтов государства и права, промышленными революциями, завоевание колоний и как следствие формированием мирового рынка и т.д.) философия отвечает на это появлением множества интуиций, в которых чувствуется сомнение относительно способности ума решить все социальные проблемы. На смену классической рациональности с ее целостностью, объективностью и системностью приходит неклассическая. Хронологически она зарождается во время модерна и предшествует постмодерну. Ситуация вновь повторяется в последней четверти XX ст., когда в условиях постмодерна зарождается постнеклассическая рациональность, обосновывающая, в свою очередь afterпостмодерн.

Оставим вне рассмотрения вопрос о завершенности проекта модерна и жизнеспособности проектов постмодерн и afterпостмодерн. Для нас важнее доказать, что классическая рациональность исторически предшествует модерну, неклассическая – постмодерну, постнеклассическая – afterпостмодерну. В рамках соответствующего типа рациональности не только происходит рефлекция существующих общественных отношений, но и проектирование будущего.

Список литературы

1. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
2. Волков В. Н. Постмодерн и его интерпретации. – М.: Издательские решения, 2017. – 606 с.

УДК 304.4.

НАРОДОВЛАСТИЕ КАК СОЦИАЛЬНО – ФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН (КОНЦЕПЦИЯ В. ПОЛОСИНА)

Клычев Е.Н.
ОО «Краснодарское региональное отделение Академии социальных наук России»,
г. Краснодар, РФ
BondarMV0108@gmail.com

Проблематика народовластия имеет значительную теоретическую и практическую стороны. В этой работе мы затронем первую. По сути, в отношении определения народовластия можно констатировать серьезные разночтения. Так, либерально ориентированные ученые-обществоведы предпочитают народовластие отождествлять с демократией [3]. Эта традиция, заложенная философией Просвещения, была основательно развита в работе А. Токвиля «Демократия в Америке» [4]. Здесь же мы хотим остановиться на более расширенном понимании народовластия,

которое предложено современным российским философом и религиоведом Вячеславом Полосиным. Характерной чертой его методологии следует признать анализ тех или иных политических форм через преломление их в массовом сознании.

Показательно, что для В. Полосина куда более предпочтительной является категория «народовластия», а не «демократии», что он объясняет малым соответствием народовластным критериям большинства формально демократических режимов. Это вполне справедливо в отношении к современным демократиям, которые являют лишь один из существующих способов «осуществления власти какой-либо элитой, имитирующей процесс принятия кадровых решений как бы самим народом»[2, с. 252]. Но интересно, что этот автор принципиально не отрицает возможностей формирования национального политического строя, основывающегося исключительно на низовых импульсах и практиках. Хотя, под большим вопросом остаются устойчивость подобных образований и их долговечность, так как все это зависит от многих условий, соблюсти которые неимоверно трудно. Видимо поэтому народовластие обычно трансформируется в противоположный тип государственности – политический элитизм.

Народовластие характеризуется тем, что здесь народ реально осознает себя в качестве самостоятельного исторического и политического субъекта, а элиты являются частью народа, а вовсе не отделены от него, действуя «исключительно по его полномочиям и от его имени» [2, с. 250]. Если же иметь ввиду политический элитизм, то он предполагает обязательного господина над народом, в качестве которого может выступать либо политическая фигура, либо целая конкретная общественная группа. Стоящий над народом господин – это уже принципиально иной субъект, иной источник волеизъявления. Народ теряет свою политическую субъектность в той степени, в какой господин над народом имеет возможность действовать от имени народа. Как указывал Ж-Ж. Руссо, если народ просто обещает повиноваться, то этим он уничтожает себя, переставая быть народом [Цит. по: 1, с. 217]. Однако формально демократическое правление сплошь и рядом не мешает существованию реального политического элитизма, что просматривается уже в опыте античных демократий. В подобных случаях народ трактуется как не прямой, а только опосредованный и не единосубъектный носитель политической власти. Последняя вполне может быть функционально отчуждена от народа в пользу определенной части народа: либо качественно «лучшей» элиты или самодержца, либо количественно «большей» толпы, простонародья [2, с. 251].

В. Полосин видит следующие варианты осуществления государственного строя в форме народовластия.

Первый вариант – *народоводительство*. Это такой строй, при котором полноправный носитель и распорядитель власти – народ передоверяет полноту власти конкретному харизматическому лидеру, как, например, пророку (пророки древнего Израиля) или вождю, которым

формируется правящая элита. Нередко народоводительство имеет место в ситуациях перемен: радикальных реформ, революций, а то и природных или военных угроз, «когда прямым волеизъявлением народа происходит смена правящей элиты, режима или всего строя, и народ формирует ту власть, которой действительно доверяет. Советником народа выступает харизматический сверхчеловек – пророк, имам, которого народ сам признает своим вождем и за которым следует» [2, с. 283].

Второй вариант, *республика,* представляющий строй народовластия на демократической основе фактически в ее первозданном смысле, когда народом осуществляются высшие функциональные задачи суверенного политического субъекта через многоступенчатое делегирование законодательных и управленческих функций профессионалам, пользующимся народным доверием, при том, что сам народ полностью сохраняет контроль за их действиями. Другими словами, республика в подобной интерпретации является «выборной аристократией» [2, с. 268].

Третий вариант народовластия – *охлократия,* при которой реализуются властные стремления количественного большинства, то есть «безэлитной» толпы или «простого народа». В этом случае народное правление базируется на критерии: один человек равен одному голосу, тем самым выявляя арифметическое большинство. В. Полосин признает охлократию обратной и темной стороной народоправства, которая в определенных случаях положительного развития может потянуться к светлой стороне, а именно к формированию народной аристократии, выделению из народа профессиональных элит. В случае же негативного развития охлократия воплощается в демагогократию, объективно ведущую к тирании или «легитимной жесткой диктатуре какой-либо элиты» [2, с. 271].

Четвертый вариант представлен *народоправством,* представляющим наиболее сложную форму народовластия, где сочетаются модели народоводительства и республики. Здесь народ осуществляет высшие задачи в качестве суверенного политического субъекта, делегируя управленческие и некоторые правовые функции ведущим профессионалам в своей сфере; тогда как верховные контрольные и судебные функции возлагаются на конкретное лицо, облаченное народным доверием (судье, халифу, императору, президенту и т. п.), при всем при этом контроль народа за деятельностью всех властных институтов сохраняется.

Если обратить внимание на историю, то можно найти немало фактов подлинного (или весьма к нему близкого) народовластия. Тем не менее следует указать на временную ограниченность периодов, когда именно народ выступал с позиции единственного суверена и главного политического субъекта. Правда сам В. Полосин склонен полагать, что при жестком следовании определенным условиям возможно долгосрочное устойчивое народовластие [2, с. 284], что у нас вызывает сомнение. Как бы то ни было, но концепция В. Полосина все же методологически расширяет границы народовластия как теоретического феномена, заставляет видеть в нем участие не только демократических, но и

авторитарных механизмов. Последние, с нашей точки зрения, находили неоднократное воплощение на отечественной почве, как, например, концепция «народной монархии».

Список литературы

1. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы / А. Гулыга. – М.: Соратник, 1995. – 310 с.
2. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство. / В. Полосин. – М.: Ладомир, 1999. – 440 с.
3. Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия/ коллектив авторов. – М.: Новое издательство, 2005. – 602 с.
4. Токвиль А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

УДК 1(075)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИММАНУИЛА КАНТА

Кожухов Л.П.
ГПОУ «Донецкий политехнический колледж», г. Донецк, ДНР
dpt1929@mail.ru

Развиваясь стремительными темпами, общество сегодня часто меняет уклад своей жизни. Эти изменения задевают все сферы и каждого в частности. И которыми бы не были интересы и цели людей, на первый план должно стать то, что объединяет их, что есть моральным. Нельзя допустить, чтобы к благородным, приподнятым целям шли через несправедливость и кровь, не считая интересы личности, ценности ее жизни и свободы.

Именно такие вопросы первым в истории философии поставил Иммануил Кант, выдающийся философ, ученый. Его философия стала началом нового направления философии – немецкой классической философии и осуществила коренной переворот в философии как науке. Он определил, что познание не являются созерцанием, а конструированием предмета, то есть предмет оказывается не исходным, а конечным продуктом познания. В результате этого философия как учения о мире, о человеке постоянно рассматривается как учение о познании мира.

Процесс познания, по Канту, начинается с чувств, потом переходит к разуму и заканчивается в разуме, выше которого нет ничего. Кант определял «Философское познание есть познание разумом посредством понятий [4, с. 536].

Вещи существуют сами по себе, они независимые от нас. Эти вещи действуют на органы чувства и вызывают ощущение. Процесс упорядочения ощущений происходит в сфере понимания. Кант разработал систему категорий разума, выделил их в четыре группы: качество, количество, отношение, модальность.

Категории у Канта – это не отображения действительности, а неизменные формы мышления, формы восприятия вещей. Поэтому мир

делится на мир явлений и мир вещей в себе, на мир вещей для нас и мир сверхчувствительный. На уровне разума действует мир сверхчувствительный, где происходит высший синтез процесса познания. Разум у Канта по своей природе антиномичный, то есть раздваивается в противоречиях, потому что состоит из антиномий – противоречивостей. Учение Канта об антиномичности разума стало причиной разработки положительной диалектики в немецком классическом идеализме.

Теоретическая философия Канта к недавнему времени очень часто была предметом научного исследования, потому что диалектический материализм марксизма, который властвовал в советской философии, рассматривал ее как одно из теоретических источников.

Сегодня мы можем пересмотреть и преодолеть чуть ли не все крайние односторонние оценки кантовского наследия, имеющиеся в ортодоксальном марксизме (дуализм, априоризм, агностицизм, формализм, антиисторизм, риторизм, субъективизм и т.п.). Но прежде всего надо признать ошибочными утверждение о том, что «философии Канта далеки основы гуманизма», что « она является идеологическим оправданием равнодушного отношения к человеку», что она «пустая и бездушная». Даже такой глубокий знаток Канта, как В.Ф.Асмус, под давлением идеологических догм был вынужден обвинять Канта в пессимизме его взглядов на человека: «Учение Канта о человеке окрашено в пасмурные, пессимистические тона». «Основные черты кантовской этики» – «идеализм, формализм, риторизм» [1, с. 8, 22]. Как на один из « принципиальных пороков и недостатков» Канта указывают даже на «абсолютизацию тезиса о ценности каждой отдельной личности» [2, с. 425]. Правда, усилиями российских, украинских, грузинских кантоведов (С. Алексеева, Ю. Бородая, М. Булатова, А. Гулиги, В. Кузнецова, М. Мамар-Дашвили, И. Нарского, Т. Ойзермана, Е. Соловьёва, Г. Тевзадзе, В. Шинкарука и др.) эти ошибки советского кантоведения во многом преодолены.

Достигнутое Кантом нужно заботливо сохранять и опираясь на него и на мировой кантовский опыт, двигаться дальше.

Список литературы

1. Асмус В. Ф. Иммануил Кант / В. Ф. Асмус. – М.: Издательство «Наука», 1973. – 534 с.
2. История философии: учебник для высш. учебных заведенный. – Ростов на Дону, 2000. – 576 с.
3. История философии в кратком изложении: пер. с чеш. – М.: Мысль, 1991. – 390 с.
4. Кант И. Критика чистого разума /пер. с нем. Н. Лосского, прим. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Эксмо, 2011. – 736 с. (Антология мысли).
5. Ойзерман Т. И. Теория познания Канта / Т. И. Ойзерман, И. С. Нарский. – М.: Наука, 1991. – 200 с.

УДК 304.2

МОДЕЛЬ УСПЕХА КАК ФОРМА САМОУТВЕРЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Кокоткина О.С.
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный аграрный университет», г. Луганск, ЛНР
kos.loga@mail.ru

Введение. Трансформация сегодняшнего общества, мобильность обновления среды, изменения в социальной структуре социума неизбежно приводят к изменениям механизмов жизнедеятельности человека.

Происходящие изменения и преобразования в культуре совершенно логично отражаются на таком социокультурном феномене как жизненный успех. Актуальной остается проблема самоутверждения личности в современных вызовах социума в контексте моделей успеха с выявлением его содержания, противоречий, тенденций изменения представлений об успехе.

Цель работы: исследовать понятие «успех» в контексте философского подхода, выявить основные сущностные характеристики модели успеха, категории, имеющие влияние на модель успеха личности.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили принципы системного анализа, психологического и философского подходов.

Результаты и обсуждения. Проблему самоутверждения личности необходимо рассматривать в органической взаимосвязи с проблемой успеха и проблемой неудач применительно к целостной модели жизнедеятельности человека. Именно успех исследователями толкуется не только как истинный, положительный результат в том или ином виде жизнедеятельности человека, но как, прежде всего, системная интегральная характеристика этой жизнедеятельности. Неудачи и неуспех рассматривается как обратная сторона законов успеха[2,с.287].

Жизненный успех является сложным и многомерным явлением и причиной этого утверждения является, прежде всего, противоречивость самого понятия.

Первым противоречием является субъективное и объективное в этом понятии. Субъективность успеха соотносится с личностными критериями успешности, с индивидуализацией своей личности в социальной среде, а объективность успеха обусловлена социальными стереотипами успешности, стремлением быть признанным, не быть изолированным от окружения, то есть стремлением самоутвердиться в той или иной социальной группе.

Второе противоречие успеха заключается в том, что, будучи результатом жизнедеятельности личности, которая выстроена в определенной логике последовательных достижений, успех, в то же время, является точкой отчета, целью, направляющей личность на ее жизненном пути.

Третьим противоречием в успехе является противоречие между жизненными притязаниями и реальными возможностями в реализации этих целей [1, с. 143].

Эти противоречия продолжают делать актуальной проблему самоутверждения личности через модель успеха.

В современных исследованиях понятие успех остается практически вне поля философии. Ограниченность такой позиции становится явной по мере оформления и становления «смысложизненной» проблематики в философии.

Мы понимаем, что, анализируя смысл жизни, мы не можем обходить стороной проблему жизненного успеха как социальной и личностной значимости человеческих поступков и в целом жизнедеятельности.

Рассмотрение модели успеха в контексте философского знания заключается в решении проблемы смысла жизни и смысла жизни как выражения представлений об успехе [4, с. 602].

В западноевропейской философии сформировалось ряд концепций смысла жизни, представителями которых были: А. Блаженный, Ф. Аквинский, Р. Декарт, Б. Спиноза, С. Кьеркего, Т. Мор, Ф. Бэкон, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шеллинг, И. Фихте, Л. Фейербах, Ф. Ницше и др.

Процесс самореализации происходит в процессе жизнедеятельности человека, то есть смысл жизни состоит не в результате деятельности человека, а именно в процессе жизнедеятельности [5, с. 133].

Процесс достижения цели, обусловленный субъективными и объективными факторами, включен, наряду с результатом достижения цели, в формирование жизненного успеха. Отсюда и рассматривать успех нужно как последовательное изменение своего «Я», то есть поиск себя, следствие, самоутверждение себя. Это есть процесс «жизнетворчества». Исходя из этого, можно утверждать, что успех личности – это и есть жизненный успех [3, с. 255].

Обращаясь к исследованиям К. Ясперса, можно утверждать, что цель является непосредственно средством осуществления смысла жизни, а смысл жизни в таком случае «сверхцелью». И успех, и смысл жизни предполагают: целеполагание и конструирование образа «Я», динамику достижения, либо не достижения цели и, безусловно, развитие личности, ее самоутверждение.

Каждый человек определяет цели и задачи своей жизни формирует определенную модель успеха. Формируется целеполагание для каждого человека и, оказываясь перед выбором в принятии решений, индивид зависит от ценностной ориентации, которая в данный момент им руководит. Ценностные ориентации влияют на планирование действий и на осуществление этих действий. Их сущность можно определить как социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения [6, с. 344].

Выводы. В контексте философии, основываясь на существующие парадигмы о смысле жизни, мы можем определить два подхода к

пониманию успеха, первый: успех – результат деятельности человека, второй: успех – это процесс и результат деятельности человека. Наиболее познавательными возможностями обладает второй подход, так как именно он дает возможность широко исследовать модель успеха как самореализацию и самоутверждение личности.

Однако следует также сделать вывод и о недостатке в философском подходе исследования модели успеха, причиной этому является так называемая «абстрактность» категории феномена успеха.

Список литературы

1. Акчурин И.А. Топология и идентификация личности // Вопросы философии. – 1994. – №5. – С. 143-149.
2. Ануфриев Е.А. Социальный статус и активность личности: Личность как объект и субъект социальных отношений. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С.287
3. Бауман З. Мыслить философски. Пер. с англ./Под ред. Н.Филиппова. М. – 1996. – С.255.
4. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения. – М. Прогресс, 1990. – С.602.
5. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. – М.: Мысль, 1984. – С.133.
6. Философский словарь / отв. Ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев.– М, 2014. – С.344.

УДК 246.6

РЕЛИГИОЗНАЯ СИМВОЛИКА В ПРОСТРАНСТВЕ СВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Комисова Е.И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.komisova@donnu.ru

Любая религиозная система характеризуется определенным набором символов, которые воплощают в себе трансцендентное начало, олицетворяют смысл вечного, непреходящего бытия, являются связующим звеном между миром Горним и миром Дольним. «Весь мысленный (духовный) мир таинственно представлен символичными картинами в мире чувственном для тех, что имеют очи, чтобы видеть» – писал Максим Исповедник.

В любом религиозном символе можно выделить два уровня – трансцендентный уровень, или внутренний, который находится вне эмпирической действительности человека, и имманентный уровень, внешний, обнаруживающийся в реальной жизни.

Так, под трансцендентностью Бога понимается его отдаленность и возвышенность над природой и человеком, отсутствие его привязанности к творению. Согласно апофатическому богословию, Бог недоступен человеческому познанию за исключением того, что он сам предпочитает открывать о себе человеку. Один из самых узнаваемых масонских символов «Циркуль и наугольник» демонстрирует, что разум человека

ограничен и его нельзя расширить, а мудрость Бога безгранична, абсолютна, непостижима и всегда будет находиться над человеком.

Под имманентностью Бога подразумевают его присутствие и активность в природе, в истории и жизни человека – пребывание Бога в созданном им мире. Бог особенно ярко предстает как высшая творящая сущность в библейских сюжетах, рассказывающих о происхождении мира. В первой книге Торы, «Бытии», Дух Божий изображается то движущимся под водой, то вдыхающим в человека жизнь. Немецкий протестантский теолог Пауль Тиллих писал, что Бог – это не существо, а внутренняя сила, которая вызывает к жизни, принцип бытия всего, что существует в этом мире, наподобие абстрактного закона Дао. Религиозные символы отображают абстрактное понятие Бога, непостижимого человеком. Главная их задача – видимое изображение Высших сил при помощи аллегорий и метафор. Религиозный язык – язык метафор, как и любой другой. Метафора придает образу эмоциональную выразительность и насыщенность, через ассоциативность и символизм – глубину и доступность заложенного в образ смыслового содержания. Это касается и религии, и обычной жизни, и искусства.

Искусство и культ всегда находятся рядом. Религиозный человек творит религиозное искусство, светский человек – светское. Есть масса примеров использования светскими художниками религиозных сюжетов, символов, и наоборот. Один из наиболее распространенных примеров предмета религиозного поклонения, который можно встретить в современном светском искусстве, – христианский крест. Этот символ занимает важнейшее место в христианском наследии. Он является частью некоего общего культурного кода (так, у фразеологизма «нести свой крест» есть аналоги во многих европейских языках). Деятели искусств используют образ крестных страданий как аллегорию достижения стоящих перед ними художественных целей.

В российской истории дискуссии о том, допустимо ли использовать распятие в нецерковной живописи, продолжаются больше ста лет. В 1906 году русская художница-авангардистка Наталья Гончарова написала несколько работ на религиозные сюжеты. Ее выставку 1914 года арестовали по решению Обер-прокурора Синода В. К Саблера, поскольку «нельзя… допускать умышленное обезображивание святых лиц в виде посмешища среди зеленых собак, лучистых пейзажей и подобной кубической дребедени». За художницу заступились бывший министр просвещения, представитель Академии художеств и даже архимандрит Александро-Невской лавры, назвавший стиль Гончаровой близким к древней иконописи, и арест выставки был аннулирован.

Похожий инцидент произошел почти через 100 лет, в 2009 году. Во дворе Московского музея современного искусства на Петровке напротив Высоко-Петровского монастыря установили скульптуру «Распятие», работы Юрия Орехова – действительного члена Российской академии художеств. В прокуратуру Москвы было направлено заявление по поводу

кощунственной скульптуры, представляющей собой обнаженный образ Иисуса Христа, распятого на современной ажурной металлоконструкции. Автор письма указывал, что «изображение образа распятого Христа без креста является кощунством по отношению к православной святыне, несет в себе принижение и обесценивание крестного пути Христа и всей Его крестной жизни и смерти, наносит прямое и явное оскорбление, является издевательством и глумлением по отношению ко всем верующим православным христианам и их религиозным чувствам. Еще одним проявлением огромного кощунства и богохульства является изображение Христа обнаженным (без набедренной повязки)» [1].

Неоднозначную реакцию вызывало и творчество российского артиста Владислава Мамышева-Монро, который в серии своих портретов перевоплощался в различных персон. Среди них были Мэрилин Монро, Любовь Орлова, Гитлер и Иисус Христос. Мамышев-Монро в своих перформансах пытался переосмыслить эти образы именно как символы массовой культуры, поэтому они для него оказываются стоящими в одном ряду.

В 2017 году в Немецком историческом музее проходила выставка «1917. Революция. Россия и Европа». Скульптура российского живописца Александра Косолапова «Вождь, герой и бог», выполненная в стилях соцреализм и поп-арт, являлась наглядным образцом, демонстрирующим краткую историю массовой культуры XX века. Здесь марксизм-ленинизм и мания по поводу диснеевских персонажей – то, что немецкий теолог Пауль Тиллих назвал квазирелигиями – ставятся в один ряд с христианством. Косолапов изобразил вместе Ленина и Иисуса Христа, держащих за руки Микки Мауса. Изображенная троица побуждает посетителя выставки задуматься, какую роль играет в истории каждая из фигур, и как сосуществуют вместе в различных мировоззрениях коммерция, идеология и религия.

Иногда такое добровольное «восхождение на крест» носит характер эпатажа. Один из самых скандальных примеров – использование распятия в качестве реквизита в концертном туре 2006 года американской певицы Мадонны – Луизы Чикконе, против чего выступил Ватикан. Во время исполнения одной из песен, входящих в программу шоу «Confessions», певицу, с терновым венцом на голове, размещали на огромном сверкающем кресте. Этот образ вызвал негодование у многих христиан всего мира. Верующие призывали отказаться от посещения концертов Мадонны. Сама же певица заявила, что ее сценическое распятие на кресте является призывом обратить внимание на голодающих детей в Африке, а не богохульным перформансом. «В Библии говорится, что нет разницы, носит ли человек крест, или поднимается на него» – написала впоследствии Мадонна [2].

Таким образом, религиозный символ – это фрагмент вещественного мира, который интерпретирует духовную реальность и приобщает к ней зрителя. С помощью религиозных символов разнообразно и иносказательно раскрываются ценности и идеалы художников, писателей, певцов

и других представителей светского искусства, которые не всегда верно воспринимаются общественностью, а религиозный догматизм и стереотипное мышление и в XXI веке иногда не видят грани между богохульством и эксцентричными методами самовыражения в искусстве.

Список литературы

1. Христианин просит прокуратуру проверить «Распятие» в Московском музее современного искусства – URL: https://www.newsru.com/religy/02sep2009/raspiatie.html (дата обращения 22.10.2020).
2. Мадонна рассказала, почему поет распятой на кресте – URL: https://korrespondent.net/showbiz/164896-madonna-rasskazala-pochemu-poet-raspyatoj-na-kreste (дата обращения 22.10.2020).

УДК 1

ЛЕВО-КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ: ОТ ДОНБАССА К РОССИИ

Коновалов А.Г.[1], Коновалова И.В.[2]

[1]ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР,
[2]МОУ «Школа № 69 г. Донецка», г. Донецк, ДНР
konovalov.1957@mail.ru

1 февраля 2020 г. в г. Москва состоялся учредительный съезд партии «За Правду». Председателем партии был избран Захар Прилепин, его первым заместителем Александр Казаков. Оба, до убийства Главы ДНР Александра Захарченко, были его советниками. Основные идеи, смыслы, принципы, образ будущего, положенные в идеологическое основание партии «За Правду», родились на Донбассе, в условиях войны, в противостоянии с потерявшей свою субъектность Украиной, где гибридная война Запада с Россией на Донбасской земле обрела форму военного противостояния. На защиту Республики встали люди разных национальностей, вероисповеданий, политических предпочтений, профессий, пола, возраста. Из этого народного котла выдвигались командиры, управленцы, лидеры территориальных образований, объединенных общими задачами, целями, проснувшихся от « либерального сна обезличенности», вновь осознавшие, что они русские, независимо от национальности, веры и традиций. Возвращение России к себе самой началось на Донбассе. «Мы русские, – говорил великий русский полководец Александр Суворов, – и с нами Бог». Донбасс – сердце России, как писали когда-то в учебниках, и не случайно идея Новороссии, идея Русской Цивилизации, идея Русского мира обрела свою интеллектуально-предметную форму тоже на воюющем Донбассе.

Партия «За Правду» позицирует себя как партия традиционных нравственных ориентиров, сформированных внутри Русской Цивилизации, существующей более 1000 лет. Понятия «свобода», «совесть», «справедливость», «равенство», «достоинство», «ответственность», «взаимопомощь»,

«патриотизм» – смыслообразующие в русской культуре, образовании, формах общежития, где все граждане России равны перед государством.

Выступая перед Народным Советом ДНР, Глава Республики Александр Захарченко в январе 2016 г. сформулировал основные принципы идеологической концепции Донецкой Народной Республики: Свобода, Справедливость, Совесть, Равенство – СССР.

Свобода – это суверенность и суверенитет. Свобода и порядок – основа основ.

Справедливость на основе тех ценностей, которые лежат в основании тысячелетней истории государства Российского.

Совесть – это мерило человеческого в человеке, «духновение» творца, соразмерность с ним.

Равенство – это такое общественное устройство, при котором все члены общества, независимо от вероисповеданий, культурной самобытности и этнической принадлежности обладают одинаковыми правами в государстве.

В самом названии партии слово «правда» имеет особый смысл. «В чем сила? Разве в деньгах?» – спрашивает герой культового фильма Алексея Балабанова «Брат». – «Я вот думаю, что сила в правде: у кого правда, тот и сильней». «Правда» – это и справедливость, и истина, и ценность. «Правда» – это норма, путь, движение.

Лево-консервативная идеология, возрожденная на Донбассе, – это не только возвращение к традиционным нравственным ценностям, своей истории, своим героям, своей культуре, своей вере, своему образованию. Это и возвращение к индустриальному развитию страны, это независимость от внешних сил, прежде всего, Запада, который в России видит не партнера, а экзистенциальную угрозу. Лево-консервативная идеология – это опора на собственные ресурсы и возможности, без чего становление ДНР было бы невозможно. Что было сделано в Республике, которая оказалась в очень сложных военно-политических и экономических условиях, где 2/3 территории республики оказались под оккупацией Запада, в лице националистического режима Украины:

– налажено свое производство вооружения (система залпового огня «Чебурашка», пистолет «Оплот», анти-снайперская винтовка «Сепаратист», снайперская винтовка «Дончанка» и др.);

– налажено свое производство автобусов и трамваев;

– заложены свои фруктовые сады, парники;

– организовано свое птицеводство;

– восстановлено свое производство зерна.

На основе своего угля – своя электроэнергия.

Весь этот комплекс мер стал возможен благодаря национализации госпредприятий и введению внешнего управления в структурах с частными активами, отказавшимися сотрудничать с ДНР.

Становление республики происходило в условиях экономической блокады со стороны Украины и политической изоляции Запада и, к сожалению, либеральной части российской элиты и госструктур. Только

поддержка российского общества, Президента России В. Путина, гражданско-патриотических сил России дает нам уверенность и надежду, что не только Донбасс, но и вся «Новороссия», вернутся в лоно Русской.

Цивилизации, исправив историческую несправедливость отторжения русских земель, в чужой, антироссийский проект «Украина». Появление в политическом пространстве партии «За Правду», выступающей за возвращение всех утраченных территорий, в силу разных причин, в Русское Цивилизационное пространство, означает, что время возвращения России к себе самой пришло, и что чуждый России либерально-западный проект утратил в России какие-либо перспективы.

В одном из своих интервью Александр Казаков сказал: «То, что не удалось сделать на Донбассе, мы продолжим здесь, в России» (https://youtu.be/aRRKBxBo1NU). Голосование по изменениям в Конституцию РФ убедительно показало, что лево-консервативные ценности есть часть культуры Русской Цивилизации, ее нравственное ядро. Только тогда, когда Россия опиралась на собственную историю, своих героев, свой опыт, ценности, культуру, образование, она была непобедима.

Возвращение к себе – наша общая задача.

УДК 615.849

ФЕНОМЕН БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

Красова И.Е., Андреева Т.А., д-р филос. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Актуальность исследования природы бессознательного в современной философии и психологии представляется важной и очевидной, учитывая попытки тотального вмешательства в сферу индивидуального сознания через манипулятивные технологии в рекламном бизнесе, PR-коммуникаций и политических компаний. Бессознательное, будучи достаточно изученным феноменом, все же продолжает таить в себе много неоткрытого и неисследованного, в связи с чем данная тема довольно часто поднимается в работах современных философов.

Являясь основателем психоанализа, З. Фрейд все явления в жизни человека пытался объяснить с позиции борьбы в человеке сознательного и бессознательного, «Я» и «Оно». Бессознательное начало, по мнению философа, проявляется в самых разных формах – снах, фантазиях, а также в искусстве. Например, с точки зрения фрейдизма искусство или художественная деятельность представляет собой разновидность сублимации (переключения) сексуальной энергии человека в творческой деятельности. Действительно, достаточно вспомнить, как легко и просто писать стихи в состоянии влюбленности. Влюбленный человек способен

без особого труда переводить излишки своей сексуальной энергии в творчество. Например, А.С. Пушкин свои лучшие стихи написал, будучи в ссылке, вдали от своей жены. С другой стороны, если излишек сексуальной энергии не находит своего выхода в творчестве, фантазии, это может привести к появлению душевной болезни, неврозам, разного рода психопатологии. Получается, что человек искусства сам себя излечивает от душевных болезней или притормаживает их развитие, поскольку активно переводит свои бессознательные образы в образы художественные.

Результатом художественной деятельности являются образы, которые, по мнению З. Фрейда и его последователей, выступают в качестве замаскированного проявления Эдипова комплекса [4, с. 62]. Такая позиция основана на понимании человека, как продукта биологической эволюции, в психике которого осталось много атавизмов от наших древних предков – разного рода фобии, жестокость, страхи, агрессия. Для преодоления этих скрытых негативных качеств психики требуется внешнее воздействие с помощью образов искусства, которые способны в какой-то степени излечивать древние инстинкты и агрессию. С этой позиции Фрейд полагал, что художник или писатель является своего рода врачевателем душевных болезней. Сейчас разработан специальный вид психотерапии – библиотерапия, когда человек, читая разные книги, рекомендованные ему психотерапевтом, пытается в них найти причины своего заболевания и способы их излечения.

Кроме З. Фрейда, изучением бессознательного занимались и другие исследователи, например, известен вклад в изучение данного вопроса М. Фуко. Автор, исследуя феномен бессознательного, противопоставляет историцизм и реальность бытия человека. Согласно М. Фуко изучение бессознательного необходимо для комплексного исследования объективных процессов, происходящих в жизни общества и каждого отдельного человека. При этом, бессознательное представляет собой ни что иное, как отражение сознательного, выступая его двойником, тенью. Сознательное и бессознательное развиваются параллельно и взаимно обусловлены. Проявление бессознательного можно обнаружить всюду: в политике, в экономике, а не только в жизни отдельного человека. Тем самым, автор ставит бессознательное и сознательное в качестве движущих силу развития всего общества.

Представители франкфуртской школы рассматривали соотношение сознательного и бессознательного в рамках социальной философии. Изучая феномен бессознательного, К. Юнг обнаружил проявление бессознательного, изучая архетипы, которые тесно связаны не с индивидуальными особенностями, а коллективными проявлениями в жизни общества [1, с. 169]. Феномен бессознательного наиболее полно проявляет себя во снах. Ведь сны выполняют не только физиологическую и биологическую роль. В сновидениях нам являются образы и переживания, характеризующие процесс индивидуального развития человека. Впервые серьезно о роли снов в качестве метода психоанализа серьезно заговорил З. Фрейд. Но

наиболее интересным и практически ориентированным является подход К. Юнга к анализу и разбору снов. Этот подход значительно отличается от того, что предложил в свое время Фрейд.

В отличие от своего учителя Фрейда Юнг не считал, что сон – это простой шифр, выражающий неосуществленные и запретные желания. Это была слишком упрощенная, по его мнению, позиция. Для Юнга сон являлся манифестацией бессознательного, его чистым языком.

К. Юнг предлагал два подхода к анализу снов:

- объективный (каждый образ, персонаж сна соотносится с реалиями жизни сновидца);

- субъективный (каждый образ является частью самого сновидца, элементом его души).

Субъективный подход на первых этапах анализа сложно принять, так как не каждый человек готов принять свои негативные импульсы. По К. Юнгу, при субъективном подходе убийца во сне является выражением деструктивных импульсов самого человека. Гештальт-терапевты позднее расширили этот подход, и каждый предмет во сне предлагали рассматривать в качестве отражения аспектов личности сновидца.

Интересен подход к феномену бессознательного в трудах Ю. Хабермаса. Понятие бессознательного философ связан с ценностями и мотивами, что в целом характерно для любой идеологии. Стремясь найти связь между сознательным и бессознательным, Ю. Хабермас установил, что потребности, выраженные в символической форме, являются важными для аналитика. Установив связь между сознательными и бессознательными мотивами, можно установить причину происходящих изменений или патологий, тем самым, роль аналитика как раз и должна сводится к выявлению и установлению такой связи [1, с. 80].

В отличие от западной философии, в русской философии исследование бессознательно традиционно исследуется в рамках метафизики и религиозного сознания (Н. Бердяев, В. Розанов, Д. Мережковский и их последователи). Бессознательное противопоставлено психологическому и социологическому подходам, а рассматривается как первопричина возникновения мира из хаоса.

Однако впоследствии бессознательное стало рассматриваться с позиции психоанализа. Например, В.В. Розанов рассуждал о «бессознательных инстинктах», которые лежат в основе различных человеческих проявлений, причем не только примитивных, но и достаточно сложных [3, с. 380].

В советский период в сфере изучения бессознательного отечественная философия стала придерживаться диалектико-материалистического направления, представленного такими отечественными мыслителями, как П.С втономова, А.Г. Асмолов, Ф.В. Бассин, Т.И. Бармашова И.Т. Бжалава, А.П ойко, Г.П. Велиев, Ф.Х. Гаджиев, П.Я. Гальперин, П.С. Гуревич, А.И. Дмитриев, Д.И. Дубровский, П.В. Симонов, А.Е. Шерозия, Л.С. Выготский, Д.Н. Узнадзе и др.

Бессознательное с позиций диалектического материализма – это совокупность психических состояний и процессов, которые осуществ-

ляются без прямого осознания [5, с. 95]. В рамках советской философии выделялось два уровня бессознательного: психический и физиологический. С материалистических позиций о физиологических основах бессознательного писали еще И.М. Сеченов и И.П. Павлов.

Бессознательное чаще всего рассматривается как индивидуально-психическое явление. Однако в философии существует и понятие общественного бессознательного. Первым попытку описать общественное бессознательное предпринимает Э. Фромм. Он пишет, что бессознательное детерминируется обществом, причем происходит это двояким образом: общество подвергает своих членов иррациональным потрясениям и одновременно снабжает их различными фикциями, с помощью которых истина деформируется и оказывается в плену у мнимой рациональности. Фромм показывает, как общество влияет на бессознательное и формирует у человека ложные ценности и представления [5, с. 120]. Тем самым, бессознательное имеет как бы два уровня проявлений: индивидуальный и общественный. При этом, эти уровни взаимно обуславливают друг друга.

Оценивая разные подходы к природе бессознательного, можно сделать ряд выводов.

1. Несмотря на изученность бессознательного, в философии нет однозначного понимания данного феномена. Фрейд, будучи основателем психоанализа, ввел данный термин в научный обиход, но еще до Фрейда бессознательное рассматривалось как некая трансцендентальная сущность, связанная с явлениями метафизического, космического характера.

2. В природе бессознательного можно выделить два уровня: индивидуальный и общественный. При этом, проявление бессознательного на индивидуальном уровне обусловлено общественными явлениями.

3. Бессознательное в западной философии имеет ярко выраженную социальную направленность и позволяет изучать не только индивидуальные проявления (болезни, сны, патологии), но и социальные явления (например, идеологию, религию, тотальный контроль над массовым сознанием).

Список литературы

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. – М: Проспект, 2009. – 608 с.
2. Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. – М.: Либроком, 2000. – 469 с.
3. Розанов В.В. Темный лик. Метафизика христианства // Религия и культура. – М.: Правда, 1990. – С. 372-582.
4. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. – М.: Норма, 2005. – 328 с.
5. Фромм Э. Иметь или быть. – М.: АСТ, 2012. – 126 с.

УДК 101.9

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ТИПОЛОГИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ НАНОПЕРСОНАЛИЗАЦИИ

Лустин Ю.М.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР
lustin56@mail.ru

Введение. Актуальность темы исследования определяется систематически обостряющимися вызовами современности, которые нарушают устои миропорядка, создают дефицит цивилизационной безопасности, углубляют кризис личности. При этом человек современной дигитализирующейся цивилизации испытывает различные моменты социальной апатии, этно-национальной агрессии, мировоззренческой деградации. Социетальный поворот к сетевому сообществу, «электронной личности», «клиповому» мышлению отдаляют индивида от типовых реалий его культурной жизнедеятельности. На типологический потенциал личности всё активнее и целенаправленнее оказывают влияние такие взаимосвязанные факторы информационного пространства как: электронизация, компьютеризация, информатизация, социокиборгизация, медиатизация, робототизация, виртуализация, цифровизация, чипизация.

Основная часть. Характерной особенностью современного общества является стремительный рост социальной информации, которая становится все более технологичной, потребительской, регламентационной. Сегодня, как авторитетно отмечает С.А. Дементьев «Ценность информации формирует информационные черты общества, такие как информационные потребности, информационная инфраструктура, информационные ресурсы, информационные технологии, информационный потенциал и социально-информационные отношения, связанные с производством, получением, хранением, использованием и защитой информации, включающими общественные, государственные, правовые, технико-технологические способы регулирования информационных отношений…» [2, с. 218].

Прогностическая динамика информационного общества (информдинамика, по Лачинову В.М, Полякову А.О., – автор) в своем социокультурном влиянии на личность проявляет трансформационный, интеграционный, конструктивный, конвергентный характер, исходя из конкретных условий институализированной среды, сложившихся типов мировоззренческих, социально-экономических, социетально-интеллектуальных, национально-религиозных отношений в обществе (Т. Анциферова, В. Афанасьев, О. Бабешко, Н. Лапин, В. Марлей, В. Савина). Как утверждает М.А. Абрюкова, возрастающий уровень овладения человеком персональным информационным контентом зависит от общества, в котором «…человек также трансформируется под специфику данного

социума, и этот переход несёт в себе положительные и отрицательные моменты, явные и неявные признаки»» [1, с. 505].

Исходя из этого, представляет интерес «понятие «наноперсонализированное», понимаемое как социетальный процесс цифровой самоинтеллектуализации личности, который носит ноосферную направленность» [4, с. 30]. Вполне очевидно, что типологические аспекты социокультурного влияния социума на информационную личность персонализированно фокусируют интенсивность взаимоотношений между объектами и субъектами общества на основе единства мировоззренческих идеалов, идейно-нравственных ценностей, социально-бытовых традиций различных групп, индивидуальных членов полиэтничных сообществ. Как следствие, наноперсонализированное воздействие социума на индивида определено «точечным» характером своей мировоззренческой цельности, специальными квотами дозируемой информации, нормированием процесса научной организации интеллектуального труда в сообществе, «цифроопределённым нормативированием результатов персонализированной деятельности чипированного индивида («техночеловека», «человеческой особи», «мультителесного неочеловека», «кибернавта» и т.д).

По мнению автора, типология социокультурной наноперсонализации личности на современном этапе развития информационного общества имеет ноосферную ориентацию. Она также пределена своей стратегической сконцентрированностью на предметности дигитализационного формата «от социально общего – к единично технологическому». Характерно также, что в данной модели приоритетным будет индивидуально-психологическое восприятие и технологизированное приспособление человеком идей космопланетарной конвергенции в темпоральных модусах своего личностного бытия (теория планетаризации сознания Д. Радьера, автопоэзис У. Матурана, Ф. Варела, Н. Лумана).

Конвергентная характеристика информационной организованности человеческой жизни в цифровой форме, с одной стороны, значительно принизит качество неповторимости и единственности современной личности, а с другой, – придаст технократическую уникальность будущему человеческому индивидууму. В этой связи, Ф.А. Ёмирзоева справедливо замечает, что сегодня «общество и его культура переживают социальные и технические трансформации, под влиянием которых изменяется содержание целостности личности» [3, с.12].

Трансформационный характер информационного общества в особенностях его наноперсонализированного влияния на человека специфицировано отражается в закономерностях процесса философской рецепции. Это:

а) *типовое восприятие* личностью информации в дискурсе социального сходства и культурно-исторического различия фрагментов (фактов, событий, процессов) её содержания;

б) *рефлексивное преобразование* элементов отражённой информационной реальности в конструктивные компоненты мыслетворчества и образа действия субъекта социальной практики;

в) *действенное приспособление* результатов информационного познания к их эффективному использованию в социокультурных практиках личности.

Заключение. Типология трансформационной составляющей современного информационного общества объективна в своей закономерной тенденции наноперсонализированного влияния на личность, с целью повышения уровней её информационности и информативности.

Данная обоснованность специфицирована интеграционной составляющей социетального механизма философской рецепции, содержание которого способствует типовому восприятию, рефлексивному преобразованию и целенаправленному приспособлению человеком результатов информационного познания. В типологическом аспекте своей социальной рациональности это обстоятельство обеспечивает достаточно высокий уровень социализации субъекта практики в информационном пространстве, направляет его цивилизационные убеждения и мотивы, морально-идейные намерения, общественные потребности и интересы.

Отмеченный подход направлен на укрепление социально-демократических основ государственного регулирования всех сфер общественной жизни, создание персонализированных условий для самоактуализации индивида, генерирование интенсиональных установлений по становящимся вопросам чипизации, социокиборгизации, виртуализации техночеловека будущего.

Содержание онто-гносеологического постижения человека современной цифровой эпохи в наноперсонализированном дискурсе его сущности и существования предполагает дальнейшую методологическую, социокультурную, инновационно-практическую разработку эти вопросов.

Список литературы

1. Абрюкова М.А. Типология социального характера личности в условиях информационного общества / М.А. Абрюкова // Социологические науки. Электронный научный журнал. – 2015. – № 2(2).
2. Дементьев С.А.Информационная картина мира: аксиологическое измерение / С.А.Дементьев // Вестник Краснодарского ун-та МВД России, 2017. – № 2 (36). – С.215-219.
3. Ёрмирзоева Ф.А. Проблемы формирования личности в условиях информационного общества / Ф.А. Ёрмирзоева // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 5. – № 9. – С.11-16.
4. Лустин Ю.М. Личность информационного общества: антропо-типологические аспекты экзистенционального кризиса / Ю.М. Лустин // Научный потенциал. – 2020. – № 3 (30). – С. 28-31.

УДК 1+165.009

К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Мазаненко О.М., канд. психол. наук, доц.
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР
oksanamazanenko@gmail.com

Введение. Стремление к неизведанному, бесконечному, к выходу «из себя», к тому, что называют трансцендированием, выступает сущностной характеристикой творческого сознания. В последнее время в философии и науке все чаще подчеркивается актуальность и необходимость понимания данного феномена. Инициатива в решении обозначенной проблематики принадлежит философии и психологии.

Цель данной работы – обосновать перспективы философской рефлексии в исследовании феномена творческого сознания.

Основная часть. Термин «сознание» был впервые сформулирован Р. Декартом лишь в XVII веке и поставлен в один понятийный ряд вместе с существующими до сих пор терминами «душа», «психика», однако далеко не отождествлялся с ними [7, с. 25]. В ходе эволюции научных знаний и философской мысли, сознание и психика все больше разводятся в связи с различными представлениями об их сути. Психика становится предметом изучения психологии, а сознание – философии [1, с.19].

Обобщив опыт осмысления сознания, В. Молчанов выделяет четыре типа понимания сознания: сознание как отражение; сознание как спонтанная деятельность; сознание как причинно или функционально обусловленное практикой или социальными отношениями; сознание как усмотрение смысла [6, с. 108].

Сознание в современной трактовке достаточно единодушно признается неустранимым в любом контексте философского рассмотрения. Но впервые задача понимания сознания ставится в феноменологической философии (Ф. Брентано, Э. Гуссерль), где сознание не определяется понятийно, а представляется описательно в сочетании и столкновении различных видов опыта. Само многообразие типов опыта указывает на факт наличия их различения.

Современная парадигма сознания позиционирует его как 1) особое состояние, свойственное только человеку, в котором ему одновременно доступен мир и он сам; 2) внутренний мир человека, его субъективная реальность в виде идеальных чувственных и мысленных образов; 3) модель внешнего мира, которая дает возможность познавать и преобразовывать окружающую действительность, которые позволяют регулировать поведение и деятельность человека [5, с. 62].

Идеальные феномены для каждого конкретного человека уникальны, содержательно неповторимы. В этом случае философы говорят об индивидуальном сознании. Оно более узко и менее масштабно, чем

сознание общественное, которое аккумулирует в себе идеи, взгляды, чувства, ценности конкретного общества и отражает все многообразие его бытия. Общественное сознание глубинно и всеохватывающе, обеспечивает преемственность, наполняя вековыми традициями и общечеловеческими ценностями индивидуальное сознание. В современных научных работах находим описание природы, содержания и механизмов различных форм общественного сознания: морального, политического, правового, эстетического, религиозного, научного, художественного, экономического, экологического, философского и др. Собственно, многообразие социальных процессов, в которые включается человек и определяет разнообразие форм общественного сознания [2, с. 17].

Анализ работ философов по изучению природы и сущности сознания не позволил нам обнаружить такую форму сознания, как творческое сознание. В философии в большей мере принято говорить о творческом характере сознания в целом и не выносить творческое сознание в отдельную категориальную форму. На наш взгляд, в современных реалиях в этом прослеживается некий когнитивный диссонанс. С одной стороны есть утверждение о том, что сознание априори выполняет творческую функцию, дает возможность человеку не только познавать объективные законы действительности, но и вносить изменения в окружающую среду. С другой стороны, ученые и практики заняты выяснением отличий между человеком творческим и нетворческим, изучением особенностей творческого мышления, воображения, качеств и свойств творческой личности, в конце концов, противопоставляя понятия творчества и адаптации [4, с. 217].

Совершенно очевидно, что творческое сознание, также как и другие формы сознания, имеет право на дифференцированность и пристальное внимание ученых и практиков. Во-первых, огромный накопленный конгломерат знаний о творчестве и творческом сознании требует обобщения, систематизации и обличения в стройную концепцию. Во-вторых, этот вопрос как никогда актуален в связи со смещением в эпоху постмодерна общественного сознания к обыденному, массовому. При этом ценность творческой индивидуальности опустилась на нижние этажи ценностной иерархии, уступив место вещизму, деньгам, власти, сместив приоритет «быть» на «казаться».

Творческое сознание может выступать как составляющая любой другой формы сознания, связанной с различными сферами жизнедеятельности человека. Но главной отличительной его особенностью является полагание нового, направленность на созидание, проявление в деятельности «Я», благодаря которому творческий продукт приобретает неповторимые, уникальные свойства [7, с. 154].

Риторика философов о сознании вплоть до рубежа XIX–XX века в основном включала категории рационального когито (разум, познание, знание, мышление). Принимая за основу рассуждений идеи феноменологии, мы усматриваем в качестве генеральных категорий творческого

сознания субъективные опыт и переживания, а потому нас в большей мере интересуют концепции, в которых присутствует человек целостный, с его чувствующим, переживающим сознанием. Наиболее остро эта тема представлена в феноменологической концепции Э. Гуссерля, Х.Субири, экзистенциальных взглядах Дж. Бьюдженталя, А. Камю, Г. Марселя, Р. Мэя, М. Пруста, Ж.-П. Сартра, С. Франка, В. Франкла, М. Хайдеггера, И. Ялома, К. Ясперса, в диалогических парадигмах М. Бахтина, М. Бубера, в философско-психологических идеях М. Мамардашвили, С. Рубенштейна, С. Франка [3, с. 72].

В трудах обозначенных авторов красной линией проходит мысль о том, что творческое сознание есть полноценная личностная форма целостности бытия. Это уникальная инстанция внутреннего «Я», которая наделена свободой (хотя и относительной). А потому эта инстанция не редко демонстрирует во вне свою непрактичность, рассеянность, как погруженность в себя, или наоборот чрезмерную сосредоточенность только на творческом акте. Здесь вариаций явления своей экзистенциальной позиции окружающим может быть великое множество. Творческое сознание это специфически человеческий способ «существования» я-в-мире как внутреннее присутствие во внешней реальности, выраженное в оригинальном художественном произведении. Можно утверждать, что оно руководствуется предъявлением своей уникальности, индивидуальности, аутентичности Миру.

Заключение. В связи с очерченным кругом проблем, нам представляется актуальным и значимым шагом философское осмысление творческого сознания как отдельной формы сознания в контексте парадигмы существования.

Список литературы

1. Герасимова И. А. Человек в мире: Эволюция сознания / И.А. Герасимова. – М.: Альтекс, 1993. – 653 с.
2. Дубровский Д. И. Категория идеального и ее соотношение с понятием индивидуального и общественного сознания // Вопр. философии, 1988. – № 1. – С. 17.
3. Дубровский Д. И. Проблема сознания в философии и науке / Д. И. Дубровский. – М.: Канон+, 2009. – 471 с.
4. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
5. Кудряшова Т. Б. Философия творчества [Электронный ресурс] / Т. Б. Кудряшова. – Режим доступа: http: // kudr-phil.narod.ru/index.html
6. Молчанов, В. И. Исследования по феноменологии сознания / В. И. Молчанов. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007 – 435 с.
7. Сорокин Б. Ф. Философия и психология творчества: научно-метод. пособие для аспирантов и молодых преподавателей [Электронный ресурс] / Б. Ф. Сорокин. – Режим доступа: http: // philosophy.allru.net/perv265.html.

УДК 338.46

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК КАТАЛИЗАТОР УСКОРЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Мартьянова Е.Г., канд. филос. наук, ***Чеснова Е.Н.,*** канд. филос. наук
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
lialia.mistiks@gmail.com, Elenika.Nova@yahoo.com

Режим карантина и всеобщая самоизоляция, ворвавшиеся в жизнь людей во многих странах в результате пандемии коронавируса COVID-19, кардинально изменили привычный уклад жизни, ограничили коммуникацию между людьми и оказали беспрецедентное влияние на все сферы общественной жизни. Можем наблюдать изменение общественных и государственных структур, системы образования и здравоохранения, социального обеспечения, рынка труда, сферы услуг, трансформации в сфере культуры, искусства и т.д. Закрылись детские сады, библиотеки и учреждения культурно-досугового типа (торгово-развлекательные центры, парки культуры и отдыха, кинотеатры, театры, музеи, концертные залы, филармонии, спортивные объекты) и другие места массового посещения и рекреации граждан. Была переведена в дистанционный формат работа предприятий, учреждений среднего и высшего образования. Временно было приостановлено и/или перенесено проведение спортивных, культурных, зрелищных, досуговых мероприятий с большим скоплением людей. Ограничение межличностной коммуникации и перевод на дистанционный формат работы приводит к активизации цифровых и информационно-коммуникационных технологий. Интернет позволил продолжать работу, образование, осуществлять покупки и продажи в сети, общаться, отдыхать, приобщаться к культурно-историческому наследию и искусству. И в настоящее время для этого созданы все условия.

В сфере культуры современные отечественные и зарубежные музеи, галереи, экспозиционные комплексы, театры и т.д. используют цифровые информационные технологии и ресурсы (официальный сайт, мобильное приложение, QR коды, мультимедийное оборудование и т.д.). Кроме того, активно разрабатываются и реализуются проекты, связанные с культурными процессами и практиками, сохранением и освоением культурно-исторического наследия разных народов мира, созданием различных цифровых ресурсов. В этом плане мы согласны с мнением Архиповой О.В., которая отмечает следующее: «Само искусство трансформируется под влиянием цифровых и смарт технологий. В нем появляется все больше элементов иной, казалось бы, чуждой искусству реальности – науки, технологии, экономики» [1]. Происходит повсеместная цифровизация культуры, представляющая собой особою форму взаимодействия того или иного учреждения культуры с посетителями или зрителями, приобщение их к культурно-историческому

наследию и искусству посредством цифровых и информационно-коммуникационных технологий. Цифровизация мировой и отечественной культуры включает в себя создание онлайн коллекций, 3D туров, виртуальных экскурсий и цифровых гидов по лучшим выставочным проектам, виртуальных концертных залов, оцифрованных книжных памятников, онлайн трансляции культурных мероприятий и др. COVID-19 послужил катализатором ускорения цифровизации мировой и отечественной культуры. Ведущие музеи мира и России уже давно активно внедряли цифровые технологии. Как подчеркивал отвечающий за цифровизацию заместитель министра культуры РФ Максим Юрьевич Ксендзов, именно в режиме самоизоляции в связи с распространением коронавирусной инфекции начинается «большой долгосрочный проект по цифровой трансформации отрасли» [2]. Угроза пандемии явилась стимулом для развития цифрового направления в области культуры и искусств. В настоящее время в России реализуется национальный проект «Культура» (2019-2024), состоящий из трех федеральных программ – «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура»; в рамках данного нацпроекта под цифровой культурой понимается как раз «цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры» [См: 3; 4; 5].

Если мы обратимся к существующим цифровым культурным проектам, то обнаружим, что во время пандемии все учреждения культуры, в том числе крупнейшие музеи мира перевели свою работу в цифровой формат и представили свои онлайн коллекции и виртуальные экскурсии, которые можно посмотреть бесплатно с любого цифрового носителя (Британский музей (г. Лондон, Великобритания), Прадо (г. Мадрид, Испания), Лувр (г. Париж, Франция), Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (г. Москва, Россия), Русский музей (г. Санкт-Петербург, Россия), Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия) и т.д. [6]). В условиях запрещения массового скопления людей и отмены культурных, досуговых и развлекательных мероприятий в цифровом онлайн формате были проведены такие крупнейшие мероприятия мирового масштаба как европейский песенный конкурс «Евровидение», XIX Каннский кинофестиваль, 42 Московский Международный кинофестиваль и др. В Российской Федерации большой популярностью у зрителей пользовались проходившем в режиме онлайн-трансляций на портале «Культура.РФ» такие всероссийские культурные мероприятия как «День театра», «Ночь музеев», «Библионочь» и т.д. Следует отметить, что портал «Культура.РФ» помимо онлайн-трансляций культурных событий включает в себя ряд разделов и подборок по различным видам искусств: музыка, театр, кино, книги, и потому является очень востребованным у российских зрителей особенно в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Вот что по этому поводу сказала заместитель министра культуры Ольга Сергеевна Ярилова: «Портал «Культура.РФ», который уже давно является нашей ресурсной базой для всех учреждений, чуть ли

не каждую неделю бьет собственные рекорды посещаемости. 9 мая, например, она превысила 380 тысяч визитов, это самая большая цифра за всю историю существования портала» [7]. Цифровизацию начали внедрять дома культуры, проводя, например различные онлайн акции (посвященные не только празднованию 9 мая и проведению Бессмертного полка), с размещением в социальных сетях: *Facebook,* «Одноклассники», «ВКонтакте»; в приложениях для обмена фотографиями, видеозаписями с элементами социальной сети – Instagram. Распространением информации о деятельности и конкретных результатов (видеоролики, клипы, сценки и т.п.) концертных организаций, домов культуры в бесплатных приложениях, например, в WhatsApp. И это лишь только начало пути.

Список литературы

1. Архипова О.В. Цифровые тренды культуры: опыт трансформации культурных практик // Петербургский экономический журнал. – 2018. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-trendy-kultury-opyt-transformatsii-kulturnyh-praktik (дата обращения: 18.09.2020).
2. Минкульт запустил масштабный проект по цифровой трансформации. [Электронный ресурс]. – Сайт: «Лента.Ру». Дата публикации: 28 мая 2020.- URL: https://lenta.ru/news/2020/05/28/mschtb/ (дата обращения: 9.09.2020).
3. Приказ Минкультуры России от 01.03.2019 № 229 «Об утверждении плана деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2019-2024 годы». [Электронный ресурс]. – Сайт: КонсультантПлюс – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319630/ (дата обращения: 9.09.2020).
4. Цифровизация в сфере культуры. Законодательство и правоприменительная практика. [Электронный ресурс]. – Сайт: Издательский дом «Университетская книга». – Дата публикации: 15 февраля 2018. – URL: http://www.unkniga.ru/news/8004-tsifrovizatsiya-v-sfere-kultury-zakonodatelstvo-i-pravoprimenitelnaya-praktika.html (дата обращения: 9.09.2020).
5. Губченкова А.С. Проблемы цифровизации сферы культуры Российской Федерации / А.С. Губченкова, О.А. Чеснова, Л.А. Еникеева // Петербургский экономический журнал. – 2019. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tsifrovizatsii-sfery-kultury-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 16.09.2020).
6. Смирнова Ю. Дома из-за короновируса: Лучшие музеи-мира, где можно побывать онлайн и бесплатно [Электронный ресурс]. – Сайт: Комсомольская правда. – Дата публикации: 18 марта 2020 г. – URL: https://www.tula.kp.ru/daily/27106.4/4179888/ (дата обращения: 13.09.2020).
7. Невинная И. Как пандемии короновируса повлияла на культурную жизнь России. 26 мая 2020 г. // URL: https://rg.ru/2020/05/26/kak-pandemiia-koronavirusa-povliiala-na-kulturnuiu-zhizn-rossii.html (дата обращения: 13.09.2020).

УДК 071+474

КОНЦЕПЦИЯ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Миргородский А.А., канд. филос. наук
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
Mirgorodskiy87@mail.ru

Б.Н. Чичерин и В.С. Соловьев заложили основы традиции русского философско-правового идеализма, которому противостояли, с одной стороны, марксисты, с другой – ученые, взявшие на вооружение позитивистскую методологию. К числу последних принадлежали крупнейшие правоведы рубежа XIX – XX вв.: С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич и др.

Лев Иосифович Петражицкий (1867-1931) – один из крупнейших мыслителей философско-правовой направленности. Его основные работы – «Введение в изучение права и нравственности», «Теория права и государства в связи с теорией нравственности». Суть концепции Л.И. Петражицкого состоит в том, что он разграничивает позитивное право, которое официально действует в государстве, и интуитивное (естественное) право, истоки которого коренятся в психике людей. Естественное право – регулятор поведения человека, который приводит к реальному исполнению прав и обязанностей без государственных внешних средств принуждения [5].

Теория позитивного права противопоставлена теории естественного права. Теория естественного права получила широкое распространение во второй половине XIX века. Ее сторонники рассматривают право как совокупность неотъемлемых прав личности, которые не могут быть никем ограничены, в том числе государством, но объем прав в разные эпохи различен. П.И. Новгородцев также отмечал следующее: государство не произвольно в создании норм права, более того, уже тогда он отмечал, что не все нормы являются правовыми по своей сущности. Для того чтобы норма была правовой, она должна отвечать требованиям справедливости [4]. Справедливость основана на свободе и самостоятельности каждой личности. В философском смысле личность трактуется выше государства и социума.

Философ права Николай Николаевич Алексеев (1879-1964) был сторонником положительного права, а к естественному он относился достаточно критически, хотя разумно его исследовал [3]. Как и средневековые философы Запада, он выступал за сближение естественного права с правом божественным. Взаимосвязь права с обществом Н.Н. Алексеев понимал односторонне: право, по его мнению, не может обладать собственной значимостью, или, другими словами, право невозможно без общества, а общество без права возможно. Также самостоятельность права Н.Н. Алексеев усматривал вне слияния с нравственностью. По его мнению, право имеет свой собственный смысл в

сотворенном мире и в природе человека. Поэтому не только право может корректироваться ценностями, но и сложившаяся мораль может проверяться базовыми правовыми ценностями.

Таким образом, право, в соответствии с концепцией юридического позитивизма, есть результат только правотворческой функции государства, независимой от экономических и классовых отношений. Право – приказ власти, поддержанный санкцией принуждения.

Позитивизм отрицает «естественное право», которое рассматривается как заблуждение умов, ведущее к нарушению порядка. Эмпирическое познание права осуществляется на основе чисто юридических критериев, обособленных от моральных оценок права, а так же от его социально-политических характеристик. Сущность права признается непознаваемой – оно не нуждается в иных обоснованиях, кроме факта своего существования. В итоге право предстает в относительно определенной и легко обозреваемой совокупности правил (норм), принципов и типологических делений. При этом нормы позитивного права признаются правом только в том случае, если они не противоречат естественному праву.

Таким образом, согласно концепции позитивного права в русской философии конца XIX – начала XX века, позитивное право – это право, установленное государством. Абсолютные начала, которые проявляются в человеческом познании, руководят и практической деятельностью человека, реализующей себя в сфере нравственности и права. В основе разного понимания права лежали различия в осмыслении природы Абсолюта, связанные с отношением к важнейшему теоретическому источнику русской философско-правовой мысли – немецкой классической философии.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Восхождения к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2012. – С. 74-92.
2. Валицкий А. Философия права русского либерализма / А. Валицкий. – М.: Мысль, 2012. – 567 с.
3. История философии права // Под ред. Д.А. Керимова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. – С. 403-410.
4. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Серия «Мир культуры, истории и философии» / П.И. Новгородцев. – СПб. : Изд. «Лань» Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2000. – 352 с.
5. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – СПб., 2000. – С. 382-386.
6. Чичерин Б.Н. Философия права. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 336 с.

УДК 141.131:005.521

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

Михайлов А.Е., канд. филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет», г. Киров, РФ
aemikhailov@yandex.ru

В исследованиях будущего могут быть использованы эвристические модели с некоторым прогностическим потенциалом из любой области знания. Философия является такой областью, в которой предвидение и прогнозирование получают наиболее глубокое теоретико-методологическое обоснование. М. Вартофский отмечал, что «уже работы Платона и Аристотеля содержат модели будущего (актуальные не только для их времени, но и сейчас): эти модели содержат больше информации по сравнению с тем, что они сами выражают» [1, с 136]. Такие модели не только раскрывают содержательные характеристики того, что может или должно быть осуществлено в будущем, но и позволяют выявить детерминанты самого процесса социального проектирования при конструировании прогностических моделей.

В диалоге Платона «Апология Сократа» указывается на сходство творчества поэтов и прорицателей в *неосознанной вдохновенности*. Сократ говорил о поэтах: «не мудростью они могут творить то, что они творят, а какою-то прирожденною способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям; ведь и эти говорят много хорошего, но совсем не знают того, что говорят» [2, с. 75]. Но искусство прорицателей может быть рационализировано. В диалоге «Хармид» Сократ предлагает своему собеседнику согласиться с тем, что «и прорицание – наука о будущем, и рассудительность, руководя им, отпугнет всех шарлатанов, истинных же пророков назначит нам прорицателями того, что должно свершиться» [3, с. 367]. Таким образом, организующая и направляющая роль отводится рассудительности, что открывает возможность демистификации предвидения, способствуя его становлению и развитию как науки.

В иерархии доступных человеку способах постижения действительности Платон считал самым совершенным разумное постижение истинносущих родов бытия (идей). При таком подходе для Платона рационализация исследования будущего не может сводиться к установлению истинности предсказаний как меры полноты и точности их соответствия последующим событиям. В диалогах, в которых Платон рассматривал искусство политического управления, прогностическая составляющая определяется устремлённостью на разумное совершенствование общественного строя. В неизмеримый по продолжительности период времени возникали и погибали тысячи больших и малых государств с различными формами государственного устройства. За многообразием происходящих исторических событий Платон стремился выявить их внутреннюю логику,

когда высшая мудрость состоит в конструировании такой модели совершенного государства, относительно которой каждый отдельный случай можно рассматривать как отклонение или приближение к ней.

При установлении иерархии мысленных моделей государственного устройства Платон следовал нормативно-ценностному походу. «Всего правильнее сначала изложить наилучший государственный строй, затем второй по достоинству и, наконец, третий, а после изложения предоставить выбор тому, кто стоит во главе государства» [4, с. 213]. Предельным образцом наилучшего государственного устройства он считал тот, в котором тщательно соблюдается древнее изречение «у друзей на самом деле всё общее». Но поскольку такое государство могут устроить только боги или их сыновья, то нам «достаточно возможно сильнее к нему стремиться» [5, с. 213]. По ходу реализации наброска справедливого будущего, не опуская ничего самого прекрасного и истинного, следует различать то, что неосуществимо и избегать его. Поскольку осуществление идеала сталкивается с множеством трудностей и всегда ограничено, наталкиваясь на некоторый предел, то Платон указывал на возможность для человека ускользнуть от внешней детерминации, переключившись на внутреннюю. Он предлагал с направленной на внешний мир активности переориентироваться на самосовершенствование, на формирование «своего государства», то есть устроение своего внутреннего мира. Поменяв установку и глядя на образец, который может быть существует только на небе и в области рассуждений, но не на земле, «человек задумывается о том, как бы это устроить самого себя. А есть ли такое государство на земле, и будет ли оно – это совсем не важно. Человек этот занялся бы делами такого – только такого – государства» [6, с. 420].

Предлагаемый путь самосовершенствования не исключает поиск возможностей воплощения идеала в действительность. При проектировании будущего справедливого общественного строя Платон стремился к максимальной детализации в распределении и разнообразии числовых отношений, «не боясь упрёка в мнимой мелочности, когда будет устанавливаться даже количество обиходной утвари». Исчисления, развивая восприимчивость, память и проницательность, в сочетании с другими законами и занятиями, имеют воспитательное значение и помогают изгнать из душ «неблагородную страсть к наживе». Платон считал что, если рациональность лишена нравственных оснований, то вместо мудрости получается плутовство.

Законодательство, направленное на реализацию проекта идеального государства, должно соответствовать и местным условиям. К ним он относил воздушные потоки, климат, растительность и даже «божественное дуновение», полагая, что те местности, в которых оно чувствуется, превосходнее других, и являются уделом милостивых к исконным жителям гениев.

Таким образом, к основным характеристикам, определяющим процесс конструирования Платоном модели будущего, можно отнести:

- рациональность, раскрывающую внутреннюю логику исторических событий;

- социальный активизм, ограниченный просветительской функцией философии для двух высших групп во властной иерархии государства;

- ценностно-нормативный подход с ориентацией на достижение совершенства, справедливости, блага, счастья, истины.

Социальное проектирование в сочинениях Платона способствовало формированию теоретико-методологических оснований прогностики и социального прогнозирования как вида научного поиска.

Список литературы

1. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
2. Платон. Апология Сократа / Платон. Соч.: в 4-х т. Т. 1. – М. Мысль, 1990. 70-97 с.
3. Платон. Хармид / Платон. Соч.: в 4-х т. Т. 1. – М. Мысль, 1990. с. 341-372 с.
4. Платон. Законы / Платон. Соч.: в 3-х т. Т. 3. Ч. 2. – М. Мысль, 1972. 83-470 с.
5. Там же.
6. Платон. Государство / Платон. Соч.: в 3-х т. Т. 3. Ч. 1. – М. Мысль, 1971. 471 с.

УДК 316.75

СОВРЕМЕННЫЙ ФЕМИНИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Олифир И.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар, РФ

mail@kubsau.ru

Идеи феминизма, ратующие за расширение прав женщин, как принято считать, имеют истоки в философии Просвещения, когда были поставлены вопросы стирания не только сословных, но и гендерных различий. В то же время феминизм может быть рассмотрен в различных ракурсах, но здесь он нас интересует как социальная идеология. Данный феномен интерпретируется нами в виде концептуальной системы, объясняющей окружающую реальность, задающей те или иные стратегические задачи на различных поведенческих уровнях. Идеологии обязательно присущи: во-первых, групповой носитель или социальная база; во-вторых, факт постоянного идейного и культурного обмена с другими идеологиями. Особенно это присуще постмодернистской реальности, для которой характерна, по выражению З. Баумана, «текучесть» социальных идентичностей [1], выступающая фактором мировоззренческой эклектичности. При этом, размывание идейных сущностей создает условия для образования другого рода идентичностей, перспективы которых пока что довольно неопределенны. Именно к таковым сущностям относится идеология феминизма, на утверждение которой работают определенные аспекты общественной динамики.

Феминизм в качестве идеологии привлекает внимание исследователей уже не первое десятилетие. Так, британский идеологовед Дж. Шварцмантель считает феминизм разновидностью молекулярной или фрагментарной идеологии, которая, наряду с экологизмом, корпоративизмом и пр. стремится занять место, ранее застолбленное за классическими идеологиями – либерализмом, социализмом, консерватизмом. Однако феминизму присуще некоторое политическое «оскопление», ввиду того, что его основные акценты попадают на частную сферу. Сторонники феминизма ведут мало разговоров о политической власти, делая упор на изменениях общественных взглядов по поводу статуса женщины, преодоление сексизма и якобы патриархального неравенства [6, с. 195].

Что касается левых исследователей, то ими видится куда более политизированный смысл в феминизме, рассматриваемый в контексте новых леволиберальных идеологий, которые на почве постмодернизма переносят акценты с социально-политической проблематики на культурную, тем самым выступая составляющим звеном дискурса политкорректности. Видный ортодоксальный левый теоретик Б. Кагарлицкий не отрицает, что гендерное неравенство органично вытекает из сущности капитализма, и дискриминация женщин действительно имеет место. Однако современный вариант феминизма опускает классовую тематику, требуя гендерного равенства без всякого отношения к социальному статусу. Отношения между женщиной и мужчиной видятся либо в качестве договорно-партнерских, либо в качестве конкурентных. В традиционном понимании семья и брак интерпретируются как долг, а вот в современном смысле это сводится к частному выбору, оставляя за скобками этическую компоненту [3, с. 60-62]. В общем и целом Б. Кагарлицкий считает современный феминизм частью глобального проекта политкорректности, реализация которого предполагает навязывание определенных поведенческих практик, что-то вроде «символических кодов», без которых попросту невозможно претендовать на лидирующие социальные роли [3, с. 65].

Значительно больший критический настрой проявляет другой ортодоксальный марксист С. Строев, видящий в идеологии феминизма отражение транслируемого с Запада в Россию неолиберального проекта. В отличии от Б. Кагарлицкого, признающего определенную дискриминацию женщин, С. Строев считает все это искусственно раздутым в интересах транснациональной капиталократии. Последней вполне выгодна социальная дезинтеграция, блокирующая возможность классового объединения; а так же деградация традиционной семьи, способствующая формированию массовых индивидов, куда более подверженных манипуляциям. По сути гендерная дискриминация была преодолена уже в середине 20 века на Западе и в СССР, когда женщин полностью уравняли в юридических правах с мужчинами. Однако претенциозность современного феминизма куда шире. Сейчас речь ведется не об одинаковых стартовых возможностях, но об искоренении половых различий в публичной сфере, а

наиболее непримиримые феминистки открыто провозглашают «разрушение семьи, борьбу с нормальными гетеросексуальными половыми отношениями, пропаганду биологического превосходства женщин, ненависти к мужчинам и даже идею полного уничтожения мужчин» [5]. В то же время, иллюзорность и надуманность феминизма, по мнению С. Строева, заключаются в том, что имеющиеся факты гендерного неравенства в некоторых сферах социальной жизни, выступают следствием социально-биологических различий женщин и мужчин, вовсе не свидетельствуя о какой-то там дискриминации [5]. Именно поэтому различия в гендерном поведении исторически устойчивы и подвержены лишь частичным модификациям в условиях той или иной социокультурной среды.

Во многом соглашаясь с приведенными позициями Б. Кагарлицкого и С. Строева, мы не можем объективности ради не принимать в расчет тенденции социальной реальности, которые содействуют укреплению идеологии феминизма, работая на расширение его социальной базы. Основательное описание упомянутых тенденций имеется в исследовании американских социологов Ф. Зимбардо и Н. Коломбе. В недавно вышедшей монографии «Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности» обозначен совсем не традиционный тренд – объективно наметившееся превосходство представительниц слабой половины в карьерной области, получении высшего образования и ученых степеней. Основной источник этого американские ученые видят в компьютеризации, вызывающей больший отклик у мужчин на уровне глубинной психики и даже психофизиологии, а также в культуре потребления [2].

Определенным подтверждением данного обстоятельства служат проведенные нами предварительные исследования на схожую проблематику. Анкетный опрос студентов КубГАУ выявил, что около трех четвертей парней признают реальное количественное уменьшение мужественных людей, при том, что противоположную точку зрения высказало 4 %. На уменьшение количества «настоящих мужчин» указало 87 % девушек, тенденцию увеличения никто из опрошенных респондентов не назвал, тогда как примерно 10 % заявили, что в этом вопросе ничего не меняется. Интересно, что подобные явления отмечаются и публицистикой [4]. Таким образом «сильный пол» попросту перестает проявлять традиционно присущие ему сильные качества.

В итоге следует констатировать совсем неоднозначную ситуацию, складывающуюся вокруг современной идеологии феминизма. Для получения объективных выводов необходимо более основательное многоаспектное погружение в современную реальность, в ходе чего можно будет определить весомость конкретных источников феминизма, что даст возможность выносить суждения о его дальнейших перспективах.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб: Питер, 2008.
2. Зимбардо Ф., Коломба Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности. – М., 2017.

3. Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. – М., 2017.
4. Пономарев Ф. Мужество нас покидает? Ученый о том, как меняются типично мужские качества. // «АиФ –ЮГ». – №9. – 26.02. 2020.
5. Строев С. Феминизм как социальное явление. Режим доступа: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2011&Itemid=36
6. Шварцмантель Дж. Идеология и политика.– Харьков, 2009.

УДК 101.1:316

ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ ДОНБАССА: ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Петрова Е.И.
ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени М. Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР
elena_i_v@inbox.ru

Вступление. Феномен этнической и национальной идентичности основывается на понимании общности происхождения, традиций, верований, духовных ценностей, осознании своей исторической преемственности. Наибольшее влияние на формирование этнической общности имеет единство компонентов духовной культуры, то есть нормы поведения, ценностные качества и связанные с ними социально-психологические характеристики сознания людей.

Основная часть. История знает немало примеров, когда отдельные части этноса могут быть разделены политико-государственными границами, и, несмотря на это, они сохраняют свою идентичность. Примером могут служить Россия, Украина, Белоруссия, существующие после распада СССР как отдельные государства, но исторически принадлежащие к одному единому русскому этносу. Русский этнос формировался на базе специфического славянского этноса, который сложился на основе языческих верований, где было развито поклонение многим богам.

Огромное влияние на формирование русской нации, как высшей формы русского этноса оказало создание православной державы (после принятия православия в 988г). Известный русский писатель Д. Балашов, после размышления над таким мироустройством пишет: «Россию создали русские, хотя Великая Россия никогда не была страной-колонией, и народы, ее населяющие, были равны между собой... И все же великие государства, как и малые, растут из одного корня» [1, с. 464].

Проблема становления национальной идентичности народов Донбасса сегодня является одной из центральных, поскольку представляет собой синтез объективных и субъективных признаков нации. Суть данной проблемы лежит в наличии и сохранении национально-культурного единства.

Рассматривая Донбасс как территориальное сообщество, стоит отметить, что длительная продолжительность совместного проживания в нашем регионе русских и украинцев, а также представителей других национальных меньшинств способствовала как формированию этнической толерантности, так и повлекла проблему региональной культурно-исторической неоднородности. В результате, к началу XX века в Донбассе сформировалось особое многонациональное сообщество, основу которого составило русско-украинское население, а средством коммуникации стал русский язык. Это положило начало новому этапу развития Донбасса как части Русского мира.

Становление национально-культурного самосознания жителей Донбасса является сложнейшим социальным процессом, в основе которого лежит историческая память нашего народа. Никаких реальных социо-культурных различий между потомками украинцев и русских на Донбассе, говорящих на одном языке, усвоивших одинаковые ментальные и поведенческие модели жизни как минимум во втором поколении не существует практически, они принадлежат к одному новому этносу, именуемому ныне «новороссы». Исследователь Е. Морозов пишет о «новороссийском цикле» развития Русского мира, при котором «именно новороссы от Дуная до Алтая, берут на себя функцию системообразования и энергично формируют новую Россию. XX1 век будет веком становления Новороссии в политическом плане» [2].

Идентичность жителей Донбасса определяется теми социокультурными связями, которые органично вошли в жизнедеятельность региона на основе особенностей его становления и развития. В результате переплетение национальных традиций в общем полиэтническом пространстве Донбасса породило единые ментальные модели жизнедеятельности. Подлинная ментальная гармония любого социального организма возможна лишь при условии полноценного функционирования всех его составляющих. По мнению П. Рикера: «…по большей части идентичность личности или сообщества устанавливается по идентификациям – по ценностям, нормам, идеалам, моделям, героям, в которых узнают себя личность и сообщество…» [3, с. 151]. Такая идентификация по ценностям, основанная на полиэтничности Донбасса, обеспечивает целостность той ментальности, которая вбирает в себя множество национальных голосов.

В Донбассе всю историю его существования представители более ста культур не только прожили рядом, но и совместно боролись с врагами, вместе строили государство. При этом в поликультурном социуме Донбасса культуры взаимодействуют, смешиваются, но не исчезают в результате взаимодействия, не растворяются в друг друге, а взаимообогащаются. Поэтому такое общество можно представить как «палитру», в которой « …смешиваются «цветные пятна» – культуры, иногда давая совершенно новый «цвет», а иногда лишь чуть касаясь друг друга, давая небольшие новые «вкрапления» [4, с. 13].

Формирование национального самосознания связанно с активизацией интереса к культурообразующей религии. Основой духовности русского народа, а, наряду с ним, и народа Донбасса, выступает православие, которое является духовно-нравственным стержнем общества, формирует мировоззрение, характер народа, культурные традиции и образ жизни, этические нормы, эстетические идеалы. Национальное культурное наследие народов Донбасса, выраженное в материальной культуре (исторические здания, памятники истории и культуры, предметы народного творчества, искусства, повседневного быта и производства) принадлежат православной культуре или несут ее отпечаток

Выступая на заседании круглого стола на тему: «Проблемы идентичности Донбасса и современность» министр культуры ДНР М. Желтяков отметил, что важнейшей задачей сегодня является сохранение общенационального единства с Россией, с которой мы имеем общие корни. Особая роль отводится культуре как основе формирования идентичности общества. Этому способствует укрепление культурного и духовного единства многонационального народа Донбасса и Российской Федерации. У нас с Россией общие герои: герои космонавты – Георгий Береговой, Александр Волков, Леонид Кизим; герои труда – Прасковья Ангелина, Никита Изотов, Макар Мазай, Алексей Стаханов; государственные деятели – товарищ Артем, Владимир Дегтярев, Александр Засядько; деятели культуры – Павел Беспощадный, Всеволод Гаршин, Иосиф Кобзон, Александр Ханжонков, Сергей Прокофьев, Леонид Быков, Архип Куинджи и другие.

Заключение. Донбасс остается специфическим продуктом Русского мира и важнейшим фактором его дальнейшей исторической судьбы. Основой самосознания населения Донбасса является русский язык. Доминирующей в общественной жизни Донбасса остается русская и советская культура и ее традиции.

Список литературы

1. Балашов Д.М. Отречение: роман / Д. М. Балашов. – Москва : Lexica, 1994. – 672 с. – (Золотая Летопись России).
2. Морозов, Николай Дмитриевич Глобальный цикл прецессии и будущее человечества : история глазами математика / Николай Морозов. – М. : Амрита-Русь : Белые альвы, 2005 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 573 с. : ил., табл.; 25 см.; ISBN 5-94355-279-0
3. Рикер П. Я-сам как другой. – М.: Издательство гуманитарной литературы (Французская философия XX века). – 2008. – 416 с.
4. Дрожжина С. В. Мультикультуралізм як концептуальна модель та праксеологія розуміння сучасного українського соціуму : монографія / С. В. Дрожжина ; М-во освіти і науки України, Донец. нац. ун-т економіки і торгівлі ім. М. Туган-Барановського. – Донецьк : ДонНУЕТ, 2009. – 288 с.

УДК 111

КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ

Половинкина И.С.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
polovinkina.irra@yandex.ru

Введение. Начиная с XX века, интерес к философской категории «возможные миры» (далее – W) перманентно возрастает. Это связано, в первую очередь, с расширением представлений о реальности, признанием множественности ее уровней, а также с лингвистическим поворотом и революцией в естествознании. Как следствие – W утвердились в качестве объекта научных и философских исследований. Однако до сих пор четко не определен онтологический статус W и не сформулирована дефиниция, претендующая на универсальность.

Основная часть. Трактовка W разными учеными носит неоднозначный характер. Ряд логиков и философов полагают, что они – потенциальные реализации ситуаций, вариативные модели мира, существующие ментально (С. Крипке, Я. Хинтикка, Р. Карнап). Некоторые же ученые склоняются к модальному реализму – теории, в соответствии с которой, все W такие же онтологически полноценные, как и привычная физическая действительность, более того, в рамках данной теории W существуют в пространственно-временных координатах, пока недоступных оценке (Д. Льюис, Р. М. Хэар). Эта концепция имеет некоторые сходства с теориями Мультивселенной, имеющими место в физике и космологии.

В соответствии с первой парадигмой, категория W в своем практическом применении в настоящий момент позволяет философам, логикам, математикам, физикам, космологам достаточно эффективно разрешать ряд логических, эпистемологических и онтологических проблем, а также интерпретировать привычные представления человека о содержании категорий «необходимость» и «возможность». Во втором же случае, напротив, сторонники модального реализма настаивают, что W помогают корректно оценивать модальности, а не конструировать их.

Отмеченные системы взглядов представляют собой семантический и онтологический подходы к восприятию W. В настоящее время особый интерес вызывает именно семантика W, так как проблема онтологического статуса W, вне зависимости от ракурса ее рассмотрения, не может быть окончательно решена. Ни одна теория, в рамках которой этот статус объясняется, не может быть признана верифицируемой или фальсифицируемой.

Критикуя метафизику как способ раскрытия уровней реальности, представители аналитической философии приходят к выводу, что философия сама по себе не может оценивать устройство мира. Анализ возможен только в рамках осмысления явления неким сознающим и познающим

субъектом. Учитывая, что основным средством выражения мысли является язык, только изучая принципы наименования, структуру конкретного языка, этимологию слов и их контекстуальное значение, можно формулировать какие-либо теории [2, с. 218].

Благодаря анализу и интерпретации представлений об устройстве реальности Л. Витгенштейном, W перестали быть простой научной метафорой и превратились в состоятельную философскую категорию, в формате которой картина мира – совокупность истинных пропозиций. Впрочем, отмеченная система восприятия содержит ряд аномалий. Во-первых, как определить истинность, по крайней мере, превалирующей части всех пропозиций? Во-вторых, каким образом осуществить фиксацию всех истинных пропозиции одновременно? Это невозможно, так как пока одни мысли фиксируются в истинностном значении, другие его утрачивают. В результате возникает замкнутый круг. Единственным вариантом понимания W в данном случае является отслеживание контекстуального использования слов. Л. Витгенштейн отмечал, что для понимания конкретного языкового символа требуется его употребление в конкретной Пропозиции [1, с. 68].

По мнению Л. Витгенштейна, действительный мир – это некоторая совокупность фактов. В данном контексте важно понимать, что по Витгенштейну, факты – это не то, что описывает субъект, наблюдающий за разворачиванием той или иной ситуации, а, скорее, то, что фиксирует «камера» наблюдения. Факты носят абсолютно нейтральный характер, и могут быть разложены на элементы. В данной последовательности изначальной точкой является атомарный факт – наименьшая событийная единица, способная к реализации. Например, не будет фактом предложение: «Я пострадал от землетрясения». Однако таковым будет являться сумма показателей сейсмографов, зафиксированные на фото/видео процессы разрушений от землетрясения и прочее. Даже выражение: «Было землетрясение» – не факт, так как тогда у субъекта закономерно возникают вопросы, что значит «было», когда это случилось, в чем выражались признаки землетрясения – разрушались ли постройки, падали ли с полок книги, либо же сенсорно не удалось зафиксировать легкий подземный толчок. В ходе подобных размышлений субъект, тем не менее, придет к тому, что Витгенштейн и именует фактами – абсолютно нейтральными показателями объективности.

Именно благодаря способности к означиванию явлений и объектов, W можно воспринять и оценить. В роли «камеры» в данном случае выступает вероятность наступления какого-либо события. Как отмечает Я. Хинтикка вместо слова «миры», в рамках семантики W, следовало бы употреблять слово «сценарии» [3, с. 156]. То есть, W – это определенный набор фактов, но с наличием переменной. Например, при броске кубика, пять из шести его значений – это W. Не является W то, что покажет кубик, когда упадет.

Так как W в подобном ракурсе представляются аналогичными наборами ситуаций с некоторой переменной, проблемной стороной их иден-

тификации, в том числе семантической, является классификация объектов и явлений, которые должны относиться к константной или возможной реальности. Уместно ли относить, например, вымышленный литературный сюжет к W? Будет ли это означать возможность хаотичного набора фиктивных пропозиций необходимых для W, что приведет к полному обесцениванию W как философской категории? А если так – можно ли относить объекты и явления к W, не превращая при этом каждый возможный мир в мир эйдосов?

В настоящий момент на эти вопросы нет однозначного ответа. Это обусловлено тем, что ответы зависят от ситуаций, от контекста вопроса. Например, невозможно оценивать художественный замысел или процессы, протекающие в физической действительности в отрыве от контекста – как внешнего, так и внутреннего. Можно предположить, что именно контекст определяет классификационные составляющие каждой системы W. Так, W не будет являться сюжет книги сам по себе при его первичном рассмотрении редакторами. Данный сюжет будет объектом обсуждения без вариативных составляющих, фактом, не содержащим в себе пропозиций, на которые его можно разложить. Отдельные же части книги вполне могут интерпретироваться в качестве W. Это происходит тогда, когда варианты разворачивания событий в отрывках начинают обсуждаться критиками или, например, читателями. И те, и другие, вправе сформулировать вопрос: «А что, если?»

Заключение. На современном этапе философской рефлексии над проблематикой W, контекстуальный подход является наиболее адекватным в деле интерпретации W. Семантика W, как способ анализа модальных и интенсиональных понятий, позволяет сделать первые шаги по направлению к систематизации W, определению их аксиологического и, возможно, онтологического статуса.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн // Пер. с англ. Вадима Руднева. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.
2. Макеева Л. Б. Возможные миры: метафизика и здравый смысл / Л. Б. Макеева // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика / Под ред. Е. Г. Драгалиной-Черной. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 214–227.
3. Hintikka J. Situation. Possible worlds, and Attitudes / J. Hintikka // Synthese. – 1983. – Vol. 54. – № 1. – P. 153-162.

УДК 101.9

ЛИЧНОСТЬ И МАССА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Романова А.С.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
anna.romanova1810@gmail.com

Одной из центральных проблем личности в обществе является ее свобода и ответственность. Понятие свободы многогранно. Ее можно понимать как смысл и цель человеческого существования и как тяжкое преступление; как пустую фикцию и как путь к божественному благу, спасению души; как средство восстановления человеческого достоинства и как путь к социальному равенству. Диапазон этого понятия включает так же и спектр негативных проявлений (свобода «от») и многообразие положительного (свобода «для»).

О свободе можно говорить только тогда, когда у человека есть выбор не только целей деятельности, но и выбор средств, необходимых для ее осуществления. Объективным условием свободы выбора является существование спектра возможностей. В этом случае мера возможности прямо пропорциональна степени необходимости: возможно то, что не противоречит объективным законам и имеет для реализации соответствующие условия. Каждый выбор связан с преобладанием одной из альтернативных возможностей и отказом от других.

Выяснение общего понимания свободы позволяет выделить также ее конкретные аспекты. Среди них на первый план выдвигается: экономическая свобода, предполагающая свободу принятия экономических решений и действий; политическая свобода, заключается, в первую очередь, в наборе гражданских прав, гарантирующих человеку участие в управлении общественными делами; духовная свобода – свободный выбор мировоззрения, идеологии, системы нравственных ценностей, свобода совести.

Зависимость между свободой и ответственностью лица прямо пропорциональна: чем больше свободы человеку предоставляет общество, тем больше и его ответственность за использование этой свободы. Боязнь ответственности, уклонение от нее – это одна из негативных качеств личности. Осознание ответственности, готовность принять ее на себя – это черта личности, которая лежит в основе доверия к ней.

Социальная ответственность личности проявляется в различных формах: политической, правовой, нравственной, административной. Существуют еще индивидуальная, коллективная и различные виды профессиональной ответственности. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. В обществе не может быть личности, свободной от ответственности в той или иной форме.

Человек в процессе эволюции создал себе искусственную среду. Система ее естественных потребностей включает такие «неестественные»

элементы, как принятие другими людьми, познания и сомоидентификация. Люди стремятся проявить свою личность и индивидуальность, требуя от других поддержки определенных социальных стандартов [1, с.85]. На формирование идентичности влияет большое количество различных факторов: культурные и семейные традиции, политическая и экономическая ситуация и т. д.

Иногда равновесие между индивидуалистической и коллективистской ориентациями в личностной сознания нарушается. На фоне бурных социальных изменений теряются те базовые стандарты и нормы, опираясь на которые личность получает ощущение собственной идентичности с отдельной социальной системой.

В условиях потери ощущения собственной идентичности личностное сознание предстает перед целым рядом проблем. Человек все меньше надеется на то, что объединяя свои усилия с другими, возможно прийти к существенным изменениям социальной реальности. Объединение людей происходят стихийно, ситуативно (например, перед политическими выборами), и скорее является массой, управляемой иррациональными порывами. Все риски, проблемы и катастрофы поражают каждого абсолютно бессистемно и воспринимаются как индивидуальные проблемы. Кроме того, в социуме в условиях переходного периода нет ни одного стабильного социального института, который мог бы исправить ситуацию. В результате возникает «порочный круг» – общество и его развитие могут зависеть от действительно глобальных факторов, но действия его членов обречены на локальность.

Е. Тоффлер в своей работе «Шок будущего» также касается вопроса социальной безнормности. Эта ситуация возникает в условиях сильно ускоренного темпа социальных изменений [2, с. 23]. Фактически, это феномен времени, возникающий при наложении новой, только сложившейся системы норм на старую, новой культуры на старую культуру. В результате возникает социальная дезориентация, которая выступает именно следствием социальных преобразований.

Таким образом, данная проблема имеет много аспектов, но к основным ее характеристик следует отнести отсутствие четкого институционального контроля, хаос в сфере социальных норм и ценностей, и, как следствие, общее ощущение дезориентации, своеобразный психологический шок и рост количества девиаций.

Сегодня заметного значение приобретают процессы социальной маргинализации. Возникает большое количество людей, которые по разным причинам «выпадают» из общего социальной среды, но в то же время не примыкающих к новым общностей.

Еще одной проблемой взаимодействия элементов системы «личность – общество» является социализация личности. Общество, как известно, формируется из индивидов, из отдельных личностей, а личность, перед тем, как стать полноценным членом общества, проходит необходимый процесс социализации. Проблема социализации личности тесно связана с

темпом жизни. С самого начала существования в обществе у ребенка есть внутреннее ощущение продолжительности времени (событий, процессов, отношений). Одним из первых знаний, которые она получает, является знание о привычный ход вещей. Обычно это знание приходит в неформальной форме, и при этом – бессознательно. Без определенного набора социально-адекватных ожиданий и надежд продолжительности нормальное существование в социуме невозможно. Но, надо отметить, что в условиях переходного периода темп жизни несколько меняется.

Таким образом, социализация личности непосредственно связана с ее адаптацией в обществе, но при этом она позволяет противостоять полному слиянию индивиду с массой. Процесс социализации сегодня, это, прежде всего, открытый процесс, который не ориентирован на создание какого-то определенного продукта, связано с повышенной динамикой и нестабильностью существования в обществе норм, ценностей и установок.

Список литературы

1. Бхаскар Л. Общества / Л. Бхаскар // Социо-логос. – Вып. 1. – М., 2001. – С. 34-39
2. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; [Пер. с англ. И. Гутова]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 557 с.
3. Минюшев Ф.И. Социальная антропология / Ф.И. Мигюшев. – М.: Лада, 1997. – 136 с.
4. Донченко Е. Архетипы социальной жизни и политика / А. Донченко, Ю. Романенко. – М.: Просвещение, 2001. – 334 с.

УДК 37.035.6 : 80 (045)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА СУЩНОСТЬ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Рочняк Е.В., канд. филос. наук
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
lero1981@yandex.ru

Введение. Актуальность исследования вопроса патриотизма обусловлена необходимостью социально-философского анализа и переосмысления духовного состояния общества в переломные моменты его развития, при разрушении старой и развитии новой системы ценностей. В данных условиях важно соблюдение преемственности и обеспечение развития системы духовных качеств каждого элемента общества. Патриотизм занимает ведущее место в данной системе, выступая одним из главных факторов консолидации.

Цель: краткий обзор истоков исторически сложившегося понимания феномена патриотизма в современной русской философии.

Основная часть. Анализ взглядов русских философов на феномен патриотизма позволяет выделить три исторических периода: досоветский, советский и современный.

Значительный вклад в понимание проблемы патриотизма осуществили В. Шишков, А. Радищев, М. Добролюбов, В. Соловьев и др. Общим для них является определение сущности патриотизма через любовь к народу, к Родине, бескорыстное творение добра.

Мы не совсем согласны с точкой зрения на патриотизм Л. Толстого, который в своих статьях отвергает идею патриотизма как устаревшую, даже вредную и предлагает заменить его «высшей идеей братства людей».

Ценными для выяснения философии патриотизма являются взгляды И. Ильина, важнейшими среди них являются следующие.

1. Критика и осуждение противников патриотизма. Он с сожалением отмечает, что есть отрицатели Родины, которые подтачивают основы понимания данного понятия.

2. Обоснование естественной объективной неизбежности патриотизма, который является «целесообразным и жизненно полезным».

3. Далеко не каждому дано стать патриотом. Любовь к Родине исходит из духовных истоков личности, способной к духовному творчеству.

4. Дифференциация уровней патриотизма в зависимости от развития духовности личности. Низкий уровень патриотизма живет в душах большинства людей. Высший уровень патриотизма, присущий отдельным людям, характеризуется духовным сознанием и светом Божьего озарения и является истинным через свою духовность.

5. Быть патриотом, обрести Родину означает реально ощутить слияние с ней, как с важнейшим предметом и самоотверженно ее любить.

6. Отстаивание патриотизма у вынужденных эмигрантов, которые не перестают любить свою большую Родину и при случае заботятся о ее благосостоянии.

7. Отвержение идеи интернационализма и противопоставление ей идеи «наднационализма», которая вырастает из патриотизма.

Определенная часть исследований русского патриотизма посвящена патриотизму Советского Союза. К этому периоду относятся научные труды Л. Родина, Т. Беляева, Ю. Петросяна, В. Макарова, Г. Кочкалди, П. Рогачева, Н. Свердлина и др. Даже учитывая политическую составляющую патриотизма и, связанное с ней ослабление внимания к сущностным характеристикам данного феномена, нужно отметить значительные успехи советской науки в данной сфере. В этот период была исследована природа патриотизма, соотношение в нем повседневного и теоретического уровней, взаимосвязи с различными формами общественного сознания, его военной составляющей, которая для России всегда считалась самой главной.

Большое значение для современного понимания проблемы патриотизма имеют научные труды с конца 80-х годов XX в. до сегодняшнего дня, а именно: работы В. Гидиринского, В. Лутовинова, С. Ивановой и др. В них раскрыты высшие общественные ценности, среди которых особое место занимает патриотизм. Именно он оказался в

эпицентре борьбы в России самых разных, часто противоположных взглядов, мнений, убеждений, позиций, дискуссий и т.

Принимая точку зрения В. Лутовинова, мы обобщаем все многообразие подходов современных русских философов к пониманию патриотизма и объединяем их в определенные группы. К первой группе относятся ученые, определяющие патриотизм как возвышенное чувство любви к Родине. С этой группой взглядов тесно связана вторая, представители которой вместе с эмоциональной стороной включают в составы патриотизма и деятельностный момент. К третьей группе относятся философы, которые рассматривают патриотизм как явление общественного сознания. Четвертая группа авторов признают государство как объект патриотизма, поэтому его с полным основанием можно назвать «государственным патриотизмом». Пятая группа в определенной степени является альтернативной по отношению к предыдущей, ее представители, раскрывая сущность патриотизма, делают это в неразрывной связи именно с личностью. Представители шестой группы рассматривают патриотизм как важнейший момент, этап развития личности.

Вклад философской мысли России в развитие общемировой теории патриотизма заключается в понимании данного феномена в пределах следующих направлений:

а) определение патриотизма как возвышенного чувства любви к Родине, Отечеству;

б) определение в патриотизме деятельностной составляющей;

в) рассмотрение патриотизма как общественного явления;

г) рассматривание государства как объекта патриотизма;

д) отвод первостепенной роли субъекту патриотизма, то есть личности;

е) понимание патриотизма как духовной самореализации личности.

На основании анализа взглядов русских философов можно выделить следующие подходы к определению патриотизма:

а) патриотизм возникает и проявляется как чувство любви и веры в ходе социализации личности;

б) патриотизм формируется только в социуме, под влиянием социума и представляет собой не только важнейшую грань общества, но и источник его существования и развития;

в) субъектом патриотизма является общество, главной составляющей которого выступает личность готовая к самоотверженному труду ради Родины и защиты от угроз;

г) патриотизм выступает одним из факторов консолидации общества.

Заключение. Рассмотрение проблемы патриотизма характерно для всех трех (досоветский, советский и современный) исторических этапов русской философии. При этом общим моментом для всех работ является рассмотрение природы феномена патриотизма, выделение его сущностных характеристик и функций, акцент на субъекте.

УДК 130.123.4+130.2

ДИАЛОГ ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ: ГЕГЕМОНИЗМ В РАМКАХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рубцова И.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Irina93_2010@mail.ru

Высокий аксиологический статус диалога позволяет ему по праву находиться в одном смысловом ряду с такими фундаментальными политическими ценностями, как свобода, демократия, самовыражение, жизнь, равенство, а также играть значимую роль в международных процессах XXI века. Он оказывает серьезное влияние на внутриполитические и социальные трансформации, что актуализирует необходимость его тщательного исследования, теоретизации и институализации.

Современная эпоха, как отмечает М.С. Каган – это «эпоха многомерного диалога», и «ныне человечество “приговорено к диалогу”» [2, с. 402]. Однако следует отметить, что такой «приговор» в геополитике носит формальный характер, неспособный своевременно и корректно отвечать на вызовы и угрозы. В итоге это влечет за собой возрастание конфликтов на межличностном и межгосударственном уровнях, а также является своеобразной «ширмой» для продвижения и насаждения определенных позиций в рамках государственных интересов на международной арене.

Изучением вопросов ведения политического диалога занимаются такие ученые, как А.В. Глухова, Н.В. Зайцева, В.С. Рахманин, Е.П. Александров, Л.Н. Тимофеева, О.Г. Карпович и др. Проблему гегемонии, ее влияния на социокультурные и экономические сферы исследуют М.С. Мартьянов, В.И. Дашичев, И.Е. Афанасьев, И.С. Петрушкевич, Л.Е. Гринин и др. Однако исследуемые аспекты затрагивают вопросы истории, права, политики, национальных интересов, но не рассматривают философское содержание гегемонизма и его влияния на межцивилизационный диалог.

Цель нашей работы – рассмотреть межкультурную коммуникацию государств, стремящихся к гегемонии, и определить состоятельность диалога между участниками данного процесса.

Древние греки под гегемонией подразумевали военно-политическое руководство, осуществляемое городом-государством над другими государствами. В XIX веке гегемония подразумевает более широкое понимание и обозначает культурное и геополитическое превосходство одной страны над другими странами по всему миру. Также в социально-политической литературе (например, в идеологии марксизма) понятие гегемонии употребляется для обозначения господствующего положения определенного класса или социальной группы, а уже в XX веке дополнительно включает в себя феномен культурного империализма,

подчеркивающего культурное превосходство господствующего класса в рамках социально стратифицированного общества. Таким образом, под воздействием доминирующей идеологии правящий класс может путем интеллектуального превосходства навязывать собственное мировоззрение как естественное и исторически обусловленное.

Итальянский мыслитель и политик А. Грамши [1] развивал концепцию гегемонии, связывая вопросы культуры, идеологии и власти, где правящие классы обеспечивали бы свое лидерство в моральном, интеллектуальном и политическом плане, не прибегая при этом к насилию. Установление гегемонии автор уподоблял молекулярному процессу, во время которого происходят невидимые изменения мнений и настроений в сознании индивида; гегемония находит опору в культурном ядре общества, понимаемом как представление о мире, человеке, добре, зле: это традиции и предрассудки, знание, опыт поколений. Пока ядро стабильно, в обществе существует коллективная воля к сохранению существующего порядка. В случае подрыва ядра появляются предпосылки к революции. Однако сам же исследователь отмечал, что гегемония заключает в себе конфликт: видение мира господствующих классов не всегда совпадает с желаемым результатом, и реакция, которая формируется из непосредственной жизни и практики доминируемых, не всегда соответствует ожиданиям. Это предполагает постоянную борьбу с контр-гегемонией, и доминирующие вынуждены учитывать нормы и ценности образа жизни доминируемых, а задачу тех, над кем доминируют, автор видит в завоевании рабочим классом арены гегемонии с помощью органической интеллигенции [1, с. 12].

Таким образом, мы имеем дело с налаживанием диалога между социальными классами внутри определенного государства, но в то же время – и с межгосударственной конфронтацией.

Подтверждение взглядов А. Грамши мы можем найти у А. Тойнби и С. Хантингтона. Так, в трудах А. Тойнби «Постижение истории» и «Цивилизация перед судом истории» важной проблемой становится вопрос будущего западной цивилизации, ее реакций на «ответы» других цивилизаций. Приводится пример смены гегемонии Европы на гегемонию США, а также рассматривается роль других стран в ходе истории. В рамках своей концепции «вызов-ответ» автор детально отображает степень нарастающей тревожной конфронтации не только в вопросах наращивания военной мощи и гонки ядерного вооружения, но еще и касательно культуры и религии. Так, стремление Запада вестернизировать весь мир, утвердив тем самым свою гегемонию, вызывает либо определенный уровень принятия и усвоения в культурах, либо частичное усвоение, приспособление под свой менталитет и индигенизацию. Это само по себе является как частично состоявшимся диалогом, так и конфронтацией, поскольку принятые культурные ценности понимаются в рамках собственных культурных кодов и транслируются обратно на Запад в искаженном виде. Тем самым подтверждается несостоявшийся диалог и открывается череда новых конфликтов, поскольку задействуется механизм на подавление контр-

гегемонии. Примером таких реакций Тойнби считает вестернизацию России и Японии. Особую роль философ отводит России, которая выступает мощной контрсилой, противостоящей завоеванию и ассимиляции со стороны Запада, постоянно заставляющей себя выборочно овладевать достижениями западной технологии. Постоянная конкуренция с Западом в экономическом плане и в гонке вооружений, угроза принудительной вестернизации заставляют Россию взять инициативу диалога в свои руки, чтобы полностью держать ситуацию под контролем. А. Тойнби рассматривает историю отношений России с Западом и делает неутешительные выводы: для Запада агрессором является Россия, так как она «поглотила львиную долю территорий». В то же время, сами русские считают, что агрессия исходит со стороны Запада, для чего также есть весомые основания (от варягов, захвативших контроль над славянскими племенами, до войны с Наполеоном и двух мировых войн). Подчеркивая византийские корни христианства в России, исследователь приходит к выводу, что верования имеют практические следствия: «когда Византия и Запад вступают в противостояние, Византия всегда права, а Запад всегда не прав» [3, с. 77].

С. Хантингтон развивает идеи А. Тойнби и подчеркивает, что длительная эпоха доминирования западной цивилизации подходит к концу, поскольку другие цивилизации, по мере своей технологической модернизации, индигенизируются и отказываются от копирования западной культуры и ценностей. В результате вестернизация сводится на нет, проводится десекуляризация, что позволяет религии наращивать свое влияние в социальном, культурном и государственном регулировании. В дальнейшем цивилизации развиваются на базе своей культуры и тех ценностей, которые принципиально отличаются от западных, что приводит к готовности вступать в еще больший конфликт с ценностями Запада.

Таким образом, можно утверждать, что вестернизация стала ярким проявлением политики гегемонизма, однако она протекает уникально в разных странах, формируя отличительные особенности восприятия западных ценностей. Россия предстает как культура-оппонент, поскольку принимает далеко не все западные идеи; более того, она трансформирует их и приобщает к собственной культуре и идеологии, транслируя «переработанные» идеи обратно на Запад. Используя вестернизацию дозированно и осознанно, частично заимствуя ее достижения, некоторые страны смогли подняться до ранга великих держав. Способность выборочно воспринимать вестернизацию позволяет говорить об уникальности культур мира. Однако необходимо подчеркнуть, что диалог зачастую является несостоятельным и все чаще переходит в стадию конфронтации.

Список литературы

1. Грамши А. Тюремные тетради. Т. 3 / А. Грамши / пер. с ит. И.Я. Бондарчука. – М., 1959. – 269 с.
2. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с.
3. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад [Электронный ресурс] / А. Тойнби. – 1947. – Режим доступа: http://coollib.com/b/243293/read.

УДК 14

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ С.С. ХОРУЖЕГО И В.Н. САГАТОВСКОГО КАК ОСНОВАНИЕ НОВОЙ ЭПИСТЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Савицкий В.Ю.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vsavi2010@gmail.com

В системе современного дисциплинарно организованного научного знания всё более возрастающую роль получают междисциплинарные исследования в различных областях, благодаря которым в естественных и гуманитарных науках доминирует принцип множественности парадигм, претендующих на своё понимание структуры и динамики исследуемых процессов.

Становление интегральной научной картины мира, в том числе выработка единой парадигмы социальной реальности, требует новой конкретизации ранее выработанных методологических подходов, формирования и осмысления новой структуры пространства познания в гуманитарных науках.

В современной русской философии одними из наиболее ярких и стройных теорий, способных выступить базисом новой организации гуманитарного знания и эффективной альтернативой трансформациям западного постмодернизма, являются философия развивающейся гармонии В.Н. Сагатовского и синергийная антропология С.С. Хоружего.

Концепции В.Н. Сагатовского и С.С. Хоружего представляют собой самобытные целостно-мировоззренческие системы, в основе которых лежит неклассическое понимание антропологии.

Отказываясь от фундаментальных концептов, присущих классической метафизике и антропологии (субъект, сущность, субстанция), неклассическая антропология определяет человека как систему коррелятов энергий (антропологических проявлений у Хоружего) или коррелятов форм бытия (у Сагатовского).

Согласно синергийной антропологии С.С. Хоружего, человек представляет собой «энергийное образование: подвижную конфигурацию разнородных и разнонаправленных энергий, принадлежащих всем уровням организации человеческого существа, телесному, психическому и интеллектуальному» [2, с. 5].

Системообразующим принципом концептуализации антропологической реальности здесь становится конституирование человека в размыкании себя. При этом размыкание «осуществляется в предельном опыте человека: таком, в котором человек достигает горизонта своего сознания и существования, встречаясь с чем-то (или Кем-то, как в христианском опыте), что уже не принадлежит этому горизонту, является Другим по отношению к нему и к человеку как таковому» [1, с. 10].

В синергийной антропологии человек конституируется (формирует структуру своей личности и идентичности) в трёх формах размыкания: в бытии – к Другому, обладающему иным онтологическим статусом; в сущем – к Другому с фиксацией действия внутри себя энергий, не принадлежащих бытийному горизонту опыта и сознанию человека; в виртуальной реальности. Каждому из типов размыкания (открытости) человека соответствуют антропологические формации, в совокупности составляющие триаду человека: Человек Онтологический – Человек Онтический – Человек Виртуальный.

Анализ антропологической реальности в синергийной антропологии необходимо должен фундироваться на двух условиях – эпистемологической прозрачности и антропологической репрезентативности. Историческим примером реализации данных условий, по мысли С.С. Хоружего, является восточнохристианская духовная практика исихазма, возникшая у монахов Египта и Палестины в IV в. и окончательно оформившейся в XIV в. в Византии.

В философии развивающейся гармонии В.Н. Сагатовского человек представляет собой совокупность соотношений (коррелятов), реализующихся в трёх формах бытия: субъективной (для-себя-бытие), объективной (бытие-для-другого) и трансцендентной (себя-бытие как часть бытия-Абсолюта) реальности. При этом «полнота бытия, как взаимодополняющее единство трёх способов существования, является таковой не по объёму, ибо нельзя довести бесконечность до абсолютно законченной полноты, но предстаёт идеалом состояния каждой ступеньки развития каждого сущего и совокупности сущих любого объёма в их открытости» [5].

В концепциях синергийной антропологии и философии развивающейся гармонии можно отметить следующие общие черты:

1) стремление к созданию универсального языка, содержащего эксплицированные из множественных гуманитарных дискурсов выражения явлений антропологической реальности во всех её проявлениях;

2) коррелятивность и триадичность бытия человека: существование человека в рассматриваемых концепциях определяется соотнесенностью нередуцируемых друг к другу сфер бытия и имеет общее основание – дихотомическую пару Я – Другое;

3) фиксация фактов антропологических проявлений как размыкание (у Хоружего) или открытость (у Сагатовского) человека к окружающей чувственно постигаемой и трансцендентной реальности.

Вместе с тем, рассматриваемые концепции имеют качественные различия:

1) разновекторность целеполаганий антропологической реальности. Фундирующаяся на духовной практике исихазма концепция синергийной антропологии определяет идеальный результат человеческой жизнедеятельности как путь к синергии и обожению (антропоцентризм). В философии развивающейся гармонии человек может и должен выполнить своё сущностное предназначение в мире (антропокосмизм): «ответственное доопределение бытия на благо человеку и миру» [5].

2) разные методологические основания концепций.

Учение С.С. Хоружего базируется на парадоксальном синтезе достижений современной философии и тысячелетней духовной православной практики, поскольку практика исихазма отличается персоналистским духом, тогда как отказ от фундаментальных понятий метафизики (субъект, сущность, субстанция) имеет ярко выраженный имперсоналистский характер.

Концепция В.Н. Сагатовского, по мнению автора, представляется логически более последовательной и продолжающей традиции русской религиозной философии.

Вместе с тем, учения С.С. Хоружего и В.Н. Сагатовского являются не только попыткой преодоления тупиковой европейской философии и перспективой обновления русской религиозной философии, но имеют потенциал в дальнейшей их проработке стать ядром новой эпистемы гуманитарного знания.

Список литературы

1. Хоружий С.С. Синергийная антропология: цели, основания, результаты / С.С. Хоружий // электронная библиотека Института синергийной антропологии – URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2015/07/ horuzhy_2015_rggu_sa.pdf (дата обращения – 01.10.2020)
2. Хоружий С.С. Неклассическая антропология как ключ к новой организации гуманитарного знания / Доклад на Международном семинаре «К общеевропейской науке? Интердисциплинарность в контексте философского диалога между Францией и Россией» (3–5 сентября 2012 г., Бордо, Франция) // электронная библиотека Института синергийной антропологии – URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_gum_znanie_bordo2012.pdf (дата обращения – 01.10.2020)
3. Хоружий С.С. Русская мысль и поиски обновления европейской философии / Лекция, прочитанная на Философском факультете Белградского Университета 23 апреля 2007 года // электронная библиотека Института синергийной антропологии – URL: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/%2BBelgr_Lekt.doc
4. Сагатовский В.Н. Триада бытия: [введение в неметафизическую коррелятивную онтологию] / Сагатовский В.Н. – СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2006 – 123 с.
5. Сагатовский В.Н. Основания неметафизической коррелятивной онтологии в тезисах / В.Н. Сагатовский // электронная библиотека Персонального сайта В.Н. Сагатовского – URL: https://sagatovskij.ucoz.ru/publ/v_n_sagatovskij_osnovanija_nemetafizicheskoj_korreljativnoj_ontologii_v_tezisakh/1-1-0-9 (дата обращения – 01.10.2020).

УДК 23/28

ДУША КАК ПРЕДМЕТ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА В ТРУДАХ ОТЦОВ ЦЕРКВИ

Северилова П. В., канд. филос. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»,
г. Макеевка, ДНР
p.v.severilova@donnasa.ru

Представления о душе в святоотеческой традиции восходят к ветхозаветному учению о человеке как существе, сотворенном и наделенном Богом «дыханием жизни»: «И создал Господь Бог человека из праха земного; и вдунул в лице его дыхание жизни; и стал человек душею живою» (Быт. 2; 7). Для христианской антропологии – это одно из центральных свидетельств Шестоднева, с толкованием которого связано начало формирования учения о «душевном человеке» (*ψυχικοί*) в патристике.

Важнейшим источником христианской психологии становятся Послания Апостола Павла. В них Апостолу, с одной стороны, удается показать преемственность ветхозаветного и новозаветного взгляда на человека как носителя «душевной жизни», с другой, – показать отличие и высоту Новозаветного Откровения о человеке как носителе Духа Божия, Духа Христова: «так и написано: «первый человек Адам стал душою живущею»; а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное» (1 Кор. 15, 45 – 46).

По мысли Апостола, «душа» – это синоним жизни, ее «формальная причина», то, что роднит человека с другими живыми существами, и одновременно, являет особые свойства человеческого существа: его разумность, способность к чувственному восприятию и деятельности [1, с. 16]. Однако, только водительством духа (*πνεύμα*), Духа Христова как благодатного дара, в соподчинении ему, душевный человек обретает способность стать «духовным человеком»: «сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное» (1 Кор. 15, 44). В данном фрагменте Ап. Павла речь не идет о каких-то разных телах, под *телом* (*σώμα*) понимается весь человек в его целостном единстве и возможности пребывать в разных состояниях: как душевном, так и духовном. Подобный холизм становится одной из характерных особенностей святоотеческой антропологии, которая опирается как на библейское учение о человеке, так и на античную философскую традицию, и, в частности, на труды Аристотеля [2, с. 144]. В трудах отцов Церкви душа рассматривается как уникальный носитель личностных свойств человека, «дух, разумный и мыслящий», но не божественный по своей природе [3].

Одни Отцы Церкви трактовали учение о душе в контексте дихотомии (тело – душа), другие – трихотомии (тело – душа – дух). При этом дискуссионным оставался вопрос о том, являются ли эти начала

противоположными субстанциями или же речь идет о субстанциальном единстве человеческого существа. Дуалистическая антропологическая модель не утвердилась в традиции и была осуждена как оригенизм.

По мнению же большинства церковных писателей, начиная от апологетов первых веков (Татиан, Ириней Лионский, Климент Александрийский) до классиков патристики (Григорий Нисский, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин), христианскому учению о человеке в большей степени соответствует представление о целостности человеческой природы. Согласно мысли отцов, *душа* и *тело* – не противостоящие друг другу антагонистические начала, но сплавленные в одно целое таинственным (мистическим) образом. Св. Григорий Нисский пишет об этом так: «общение же ума с телесным состоит в каком-то невыразимом и немыслимом соприкосновении; оно и не внутри происходит, потому что бестелесное не удерживается телом, и не объемлет извне, потому что бестелесное не окружает собой чего-либо» [4].

Очевидно, христианским представлениям о человеке оказывается чужд дуализм, характерный для античной платонической традиции. В составе природы человека душа понимается как иерархически высшее начало, руководящее телом, но в то же время, составляющее с ним одно, «поскольку человек, состоящий из души и тела, есть единое» (Св. Гр. Нисский) [4].

В таком же отношении друг к другу находятся *душа* и *дух*. Когда Апостол Павел говорит о «духовном теле», он раскрывает тайну рождения «нового человека» от Воды и Духа в таинстве Крещения как преображения всего человека под действием Духа Святого. С точки зрения учения о целостности человеческого естества, *дух* может трактоваться как некое высшее, *логосное,* начало души, высшее ее состояние и источник познания вещей как видимых, так и невидимых.

При этом христианские мыслители периода раннего средневековья достаточно ясно представляли себе отличие жизни души от деятельности мозга как органа и в целом, жизни тела. Они полемизируют как с античными «материалистами», сводившими жизнь души к жизни тела, так и с современными учеными и философами физикалистами, которые сводят все проявления внутренней жизни человека к мозговой активности (концепции, которая утвердилась в современной экспериментальной психологии и теории сознания) [5]. Об этом, в частности, пишет, Бл. Августин: «...Тело иногда не совершает известного действия, но в этом-то более всего и видно отличие души от тела: первая всегда одна и та же, а последнее изменяется. Часть тела может омертветь, а вместе с тем и та часть мозга, которая находится в ней; но душа ничего не потеряла и действует по-прежнему, а если ее намерения не исполняются, то причина в несовершенстве орудия» [6]**.**

Возражали христианские мыслители и против античного учения о душе как части «космической души» (неоплатонизм), и против именования человека «микрокосмосом», то есть, малым миром, подобием вселенной.

Как иронически замечает Григорий Нисский: «сим громким именованием, воздавая такую похвалу человеческой природе, сами того не заметили, что почтили человека свойствами комара и мыши…что важного в этом – почитать человека образом и подобием мира…?» [4]. Человек – не микрокосмос, а макрокосмос и его величие в том, чтобы «быть по образу естества Сотворившего..» [4]. О макрокосмичности человека в дальнейшем писали такие авторитетные христианские мыслители, как Григорий Богослов, Симеон Новый Богослов и Григорий Палама.

Христианская традиция также категорически отвергла античные учения о «предсуществовании душ» или «переселении душ» как чуждые и противоречащие Преданию. Отцы Церкви открыто полемизировали с античными представлениями о душе, сложившимися, главным образом, в философии платонизма, согласно которым – душа – это субстанция, предсуществующая телу в неком месте (Аиде), «до того, как получит следующее тело», – как писал Платон в «Федоне» [7]. Прп. Максим Исповедник, рассуждая в русле православного учения о Спасении, возражает платоникам так: «Мы же, шествуя средним путем, как царским, согласно нашим отцам, не говорим ни о предсуществовании, ни о послесуществовании души или тела, но скорее о сосуществовании, храня себя от уклонения на обе стороны» [8, с. 297].

Таким образом, в христианской традиции, в трудах Отцов Церкви, душа каждого человека рассматривается как сущность уникальная, бессмертная, духовная, невидимая, сообщающая жизнь телу. Св. Иоанн Дамаскин, обобщая святоотеческое учение о душе, дает ей такое определение: «душа есть сущность живая, простая, бестелесная, по своей природе невидимая для телесных глаз, бессмертная, одаренная и разумом, и умом, не имеющая формы, пользующаяся снабженным органами телом и доставляющая ему жизнь» [8].

Проблема взаимоотношения *души* и *тела* может быть истолкована с точки зрения христианского богословского антиномизма [9]. Эта антиномия не может быть «снята», но примиряется в *духе* и Духом Св. поддерживается в равновесии, в «неслиянном, но и нераздельном» единстве и целокупности человеческого естества. Так, по утверждению Прп. Максима Исповедника: «человек остается целиком человеком в своей душе и своем теле и благодатью становится целиком Богом в своей душе и своем теле» [10, с.193].

Основными свойствами (силами) души христианские мыслители называют свободу, разумность, словесность, волю, способность к чувствованию и действию. Эти свойства образуют своеобразную иерархию сил души: от высшей – разума, к низшей – способности к чувствованию. Наивысшей же из разумных способностей души является дух, благодаря которому человек оказывается способен к богообщению и «обожению»: преображению всей своей природы под воздействием Божественной Благодати.

Список литературы

1. Гумилевский И., свящ., Учение Апостола Павла о душевном и духовном человеке. – Сергиев Посад: Типография И.И. Иванова, 1913. – 209 с.
2. Лохов С.А. Антропологический холизм в восточно-христианской традиции // Вестник РУДН, сер. Философия. – М., 2004 – 2005. – № 1 (10-11). – С. 144–156.
3. Зенько Ю. М. Проблемное поле православной антропологии и психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xpa-spb.ru/probl.html#_Toc258967094 (дата обращения – 20.10.2020)
4. Григорий Нисский, святитель. Об устроении человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/ob_ustroenii_cheloveka/#0_29
5. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://logopediya.com/psixologiya/259.php (дата обращения – 20.04.2020)
6. Дьяченко Г.М. Тайная жизнь души. Бессознательное [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.com.ua/books?id=TFpoCwAAQBAJ&pg=PA3&lpg=PA3&dq=%D0%B1%D0%BB%D0%B6.+%D0%90%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%9E+%D0%B4%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8+%D0%B4%D1%83%D1%88%D0%B8. (дата обращения – 20.10.2020)
7. Платон. Федон [Электронный ресурс] // Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 11–97. – Режим доступа: http://plato2005.platoakademeia.ru/TEXTS/PLATO/new/Platon2.pdf (дата обращения – 20.10.2020)
8. *Прп. Максим Исповедник*. О *различных недоумениях* у *святых Григория* и *Дионисия* (Амбигвы). Перевод с греческого и примечания архимандрита Нектария. – М: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 464 с. (Bibliotheca Ignatiana)Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-very/2_12 (дата обращения – 21.10.2020)
9. Лепахин В.В. Неслиянно, но и нераздельно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://post-krest.cerkov.ru/2749-2/ (дата обращения – 23.10.2020)

Мейендорф, Иоанн. Жизнь и труды св. Григория Паламы: Введение в изучение. – Издание второе, испр. и доп. для русского перевода / Перевод Г. Н. Начинкина под редакцией И. П. Медведева и В. М. Лурье. – Санкт-Петербург: Византинороссика, 1997, XVI+480 с. (Subsidia Byzantinorossica. T.2)

УДК 316.7; 321.8

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СРЕД В РЕАЛИЯХ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Спорник А.П., канд. филос. наук
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород, РФ
Alexander.Spornik@novsu.ru

Введение. В реалиях «цифровой цивилизации», как часто называют сегодня очередную стадию информационной революции, существенно

изменившей облик современного общества, кардинальной трансформации подверглись экономика, политические технологии, правовые отношения, наука и техника, образование и культура, коммуникации, повседневность. «Оцифровывание» ключевых процессов социальной жизни ставит перед нами вопрос, каким образом происходит конструирование социокультурных сред в реалиях цифровой цивилизации?

Основная часть. Следует оговориться, что к настоящему времени исследователи многих стран и научных направлений так и не пришли к единому выводу относительно содержания понятий «социальное пространство» [1; 2] и «социальная среда» [3]. Поэтому, в качестве общего представления о данных концептах будем пользоваться следующими определениями:

1. Социальное пространство – это образуемая человеком специфическая пространственно-временная целостность, конструируемая ним «пространственная среда – своего рода физическое и ментальное выражение организации пространства», [2, с. 151].

2. Социальная среда – «совокупность условий, которые способствуют или затрудняют взаимодействие субъекта с окружающей социальной средой. Для субъекта это может быть позитивный процесс, повышающий потенциал и результативность деятельности, либо негативный, снижающий возможности субъекта. Использование термина «социокультурная» помогает избежать одностороннего социологического, экономико-технологического и культурного детерминизма и применять многофакторный подход к анализу жизненных реалий, понимая неразрывную связь социальных и культурных компонентов общественного бытия и невозможность их строгого разграничения» [3, с. 88].

В условиях такой терминологической неопределённости проблематичным становится поиск детерминант, обусловливающих формирование и поддержание стабильного функционирования социокультурных сред, а также, что немаловажно для данного исследования – обеспечивающих управление ними. Привычные традиционные формы социального проектирования и конструирования подверглись существенной корректировке с момента изобретения и активного внедрения био- и информационных технологий.

С одной стороны, биотехнологии и, шире, биополитика выступают в качестве инструмента активного конструирования социокультурной среды. Так, например, воспроизведение принципов биологической трофики нашло своё непосредственное отражение в современной социальной иерархии [4], а медицинские технологии, генетические исследования, биоинженерия и быстро развивающийся комплекс нейронаук имеют огромный управленческий потенциал, оценить который в полной мере едва ли представляется возможным. Спектр использования такого потенциала в социально-культурном проектировании может быть весьма широким: от искусственного конструирования и навязывания новых потребностей, продвижения новых видов товаров и услуг [5, с. 320] до (в

перспективе) создания индивидов с предзаданным набором определённых «желательных» качеств и свойств, примерами чего изобилуют сюжеты художественных произведений фантастического жанра, описывающих уже весьма недалёкое будущее.

С другой стороны, информационные технологии, ставшие главным двигателем прогресса, локомотивом развития экономики, ведущим фактором, определяющим социальную динамику, также являются одной из ключевых детерминант формирования различных социокультурных сред: от городской до образовательной или производственной [6].

Гигантские вычислительные мощности современных компьютеров, объединённых в локальные и глобальные сети, позволяют оперировать большими массивами данных, в кратчайшие сроки производить обмен информацией между абонентами, строить высокотехнологические производственные цепочки и т.д. Важно отметить, что «процессы информатизации, цифровизации и технизации производства и процессы технологизации социальных практик всегда накладываются на процессы проникновения и насыщения технологий достижениями науки. Наука через инновационные технологии, базирующиеся на научных достижениях, активно формирует образ, а также структурную и функциональную основу современного постиндустриального общества» [7, с. 104].

Создание принципиальной возможности машинного, а в последствии и нейросетевого управления социальными (в самом широком смысле) процессами открывает возможности конструирования принципиально новых сред. В то же самое время существующие традиционные формы социальных отношений оказываются переформатированными в соответствии с требованиями новых реалий. Можно сказать, что формируется новая «среда обитания» человечества, требующая соответствующей адаптации и задающая направление дальнейшей эволюции человека. Адаптироваться к новым условиям всем нам придётся уже при непосредственном воздействии биотехнологий

Заключение. Именно научные достижения в области биологии и IT сфере становятся тем фундаментом, на котором в условиях цифровой реальности осуществляется конструирование новых социокультурных сред. Ведь именно на них ориентируется власть в эпоху высоких технологий, где на «научной основе» строятся процессы управления производством и потреблением, осуществляется контроль за социальными процессами и деятельностью индивидов.

Список литературы

1. Gryaznova E. К вопросу об определении понятия «социокультурное пространство». / E. Gryaznova, S. Afanasyev // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 27–41.
2. Орлова Е. В. Социокультурное пространство: к определению понятия / Е. В. Орлова // Манускрипт. – 2017. – № 7 (81) – С. 149–152.
3. Винникова Е. В. Теоретические подходы к определению социокультурной среды как социального феномена. / Е. В. Винникова // Историческая и социально-образовательная мысль – 2018. – Т. 10, № 6–1. – С. 84–89.

4. Некита А. Г. Архетипические истоки и институциональные стратегии трансформации социальных иерархий. Монография / А. Г. Некита, С А. Маленко. – Великий Новгород, 2009. – 137 с.
5. Желнин А. И. Биополитика и биополитическая экономия: сущность концептов. / А. И. Желнин // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 3. – С. 320-330.
6. Герасимов Б. Н. Параметры типов социокультурных и экономических сред. / Б. Н. Герасимов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2016. – № 9. – С. 19–24.
7. Пелевин С. И. Постиндустриальное общество в условиях цифровизации. / С. И. Пелевин // Манускрипт. – 2020. – № 13 (7). – С. 101–104.

УДК 316.3

ФИЛОСОФСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНБАССА

Стецюра В.В.
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
vstetsyura@list.ru

Проблема идентичности как базисной структуры личности, как социокультурный феномен эпохи глобализации, часто именуемой эпохой постмодерна, является одной из самых дискуссионных и широко обсуждаемых в философском, социально-гуманитарном научном дискурсе.

Актуальность проблемы идентичности вытекает из противоречий, сложившихся в современном мире, переосмысления места человека в мире и понимания мира человеком в рамках глобальной визуализации культуры, дифференциации всех типов отношений в социуме, технологического рывка, переживания исторического опыта, трансформации социальных и политических институтов, противоборства идеологических систем.

Исследования идентичности Донбасса закономерно вытекает, прежде всего, из-за нахождения его в культурно-цивилизационной пограничной зоне, регионе столкновения геополитических интересов в условиях измененной социально-политической, экономической среды [1].

Проблема идентичности в неразрывной связи с темой личности актуализировалась в научном дискурсе в середине прошлого столетия. Так, российским философом М. Мамардашвили проблема идентичности была обозначена как общекультурная проблема столетия, как проблема личности мыслящего, сознающего и переживающего человека, главное действие которого найти себя, установить тождество с самим собой, главный страх перед акмэ был обозначен как страх личности – не сбыться, не осуществиться, «не родиться» [5].

З. Бауман, Э. Гидденс связывали проблему идентичности с трансформацией обществ: перехода от модернистских обществ к постмодернистским и видели главное сражение будущего на разломе экзистенциальных ценностей, предпосылкой которого являются два

противонаправленных процесса: обращение к собственной социокультурной идентичности против тенденции «универсализма», размывающей этнические формы бытия, подрывающей нормативность уклада жизни. Под вопрос ставится не только статус личности, но и сама идентичность, а точнее, угроза ее утраты в динамично изменяющемся социокультурном пространстве [3; 4].

Современная социогуманитарная мысль признает давление комплекса «сложностей» стремительно меняющегося мира на личность человека, связывая с рисками, неопределенностью будущего и разнообразием возможностей, прогнозируя главную опасность «конфузию идентичности», как психосоциальный мораторий статуса идентичности.

Осмысление проблемы поиска человеком своей идентичности и своего места в современном мире нашло свое отражение в научных подходах, междисциплинарных исследованиях. Так, З.А. Жаде различает философско-антропологический, психологический, социологический, социально-антропологический и политологический подходы, при этом отмечает, что проблема идентичности не может иметь прописки по ведомству какой-то одной науки [2].

В ходе дискуссии западными и отечественными учеными в социально-философском, психологическом познании идентичности личности, соотношении индивидуального и социального, интерпретации структурных компонентов были разработаны концепции, оказавшие влияние на понимание идентичности, при этом следует отметить, что большинство западных теорий сосредоточены на изучении проблемы идентичности индивида (Э. Эриксон, З. Бауман, П. Бергер, А. Ватерман, Т. Лукман, Ю. Хабермас, М. Хайдегер и др.), в то время, как отечественные ученые исследовали проблему идентичности субъекта в контексте социальной действительности, осмысления таких явлений как община, психология народов, национальный характер, национальный дух (Н.А. Бердяев, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев, О.В. Ключевский, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский и др.) [3; 4].

Разнообразие дисциплинарных подходов к исследованию идентичности в философии, социологии, психологии и других социогуманитарных науках приводит к расщеплению, множеству толкований понятия «идентичность»: 1) постоянство во времени, самобытность, «самость» как подлинность индивида; 2) динамический, социально-психологический феномен; 3) принадлежность к той или иной общности, переживание этой общности, степень социальным ожиданиям; 4) актуальный результат, состояние, переживание Я-целостности в определенный момент жизненного пути человека; 5) результат единого процесса дифференциации и интеграции в межкультурном взаимодействии [3; 4; 6].

В контексте данной работы термин «идентичность» рассматривается как самосознание личности, включающее в себя представление о своей индивидуальности, отождествление индивида с различными социальными

группами или общностями и связанным с этими группами социальными ценностями, нормами и ролями, переживания исторического опыта [3; 6].

Исследование идентичности Донбасса, базирующейся на цивилизационных основах, историко-культурных корнях, идеях и феноменах народов России, задается необходимостью поиска ориентиров в интеграционном движении общности Донбасса, нацеленной на встраивание, а точнее, возвращение, в геополитическую модель Русского мира, с одной стороны [1].

С другой стороны, современная идентичность Донбасса рождается в логике неопределенности под давлением внешних и внутренних угроз, затяжного военного конфликта, что приводит к вытеснению прежних программ межличностного взаимодействия и формированию новых, влечет за собой пересмотр представлений о различных явлениях действительности.

И, наконец, в ментальности народов, приставших к основному ядру в ходе исторического освоения территорий Донбасса, глубоко укоренена ценность собственного региона, его особая роль, внутреннее стремление к единству, опирающиеся на трудовые, этнокультурные традиции, ценности, эстетические и этические особенности. В результате накопленного исторического опыта, сформировался не только культурный, коммуникационный код, определяющий осознание человеком принадлежность к группе людей, общности Донецкого региона, но и несет ответ на важные для человека вопросы о его роли, задачах, возможных и желаемых перспективах, ценностных ориентирах, решая проблему определенности человека, его представления о себе.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что необходим поиск продуктивной модели для анализа цивилизационной идентичности Донбасса в условиях фундаментальных изменений с опорой на ценность личности, исторический опыт и гуманистические идеалы.

Список литературы

1. Гуманитарное регионоведение: коллективная монография / Е.В. Андриенко, А.С. Бобровский, В.В. Волошин и др.; под ред. Е.В. Андриенко. – Донецк: Издательство ООО «НПП «Фолиант», 2019. – 204 с.
2. Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности / З.А. Жаде. – Ростов-н/Д.: Издательство ЮФУ, 2007. -335 с.
3. Идентичность и гуманизм в эпоху трансформации: монография / Е.С. Маслова, А.Ф. Поломошнов, П.А. Поломошнов. – Персиановский: Донской ГАУ, 2019. – 224 с.
4. Идентичность личности и общества (социально-философский анализ): монография / Д.А. Антонов. – Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2014. – 246 с.
5. Мамардашвили М.К. Философские чтения / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 832 с.
6. Тучина О.Р. Самопонимание личностью этнокультурной идентичности в разных условиях бытия: Дис... докт. психол. наук: 19.00.01 / ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет». – Краснодар, 2014. – 516 с.

УДК 130.1/.2

К ВОПРОСУ ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ФИЛОСОФИИ: ОПЫТ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

Сухина И.Г., канд. филос. наук, доц.
ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР
suhina_igor@mail.ru

«Назначение философии – быть наукой
о необходимых и общезначимых
определениях ценностей».
Вильгельм Виндельбанд.

Сам термин аксиология (от греч. axia – ценность и logos – учение), обозначающий философскую теорию ценностей, был введен в 1902 г. французским педагогом и философом П. Лапи, а в 1906 г. был предложен немецким философом Э. фон Гартманом для номинирования философской теории ценностей; «…Гартман выделил философской теории ценностей (Axiologie) отдельное место в своей системе философских наук…» [6, с. 15].

В первой половине XX века аксиология выделилась в самостоятельную область философского знания и была признана одной из фундаментальных философских дисциплин. Решающую роль в этом сыграло интенсивное развитие философского осмысления ценностей во 2-й половине XIX – начале XX вв.: Ф. Ницше, Р.Г. Лотце, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, и др.

Российский философ Г. Выжлецов относит начало аксиологического этапа в истории философского знания ко 2-й половине XIX века [2, с. 91]; отмечая, что «к началу XX века не остается сколько-нибудь серьезной философии, которая не обозначила бы своего отношения к ценностям, их роли в жизни человека и общества» [2, с. 93]. По его мнению, «…столь кардинальная переориентация философского сознания связана с мировым кризисом рубежа XIX – XX вв., вызванным глобальными сдвигами во всех сферах человеческой жизни» [2, с. 94]. Аксиологическая проблема ценностей предельно актуализируется в переломные, кризисные периоды исторического развития человечества, когда рефлексивная философская мысль вновь переосмысливает его ценностные ориентиры и приоритеты.

Принимая во внимание, что ценности – это, прежде всего, значения, актуальные смыслы человеческого бытия, выступающие его ориентирами и мотивационными основаниями, можно констатировать, что ценностная проблематика в той или иной степени была присуща философии всегда. Так, российский философ В. Ильин подчеркивает, что «принципиальное понимание непреходящего статуса ценности в философских тематизациях действительности существовало исстари» [3, с. 94]. В целом становление аксиологии было подготовлено предшествующей историей философии, особенно – ее метафизических идей, и явилось важнейшим ее выражением.

Безусловная актуальность темы ценностей не могла не привести к возникновению аксиологии как философской теории, доктрины ценностей.

В значительной степени история философии может быть презентирована как история становления и развития аксиологических идей о ценностях, развития ценностных представлений – апперцепций (о священном, добре, истине, красоте, справедливости, любви и т.д.), стимулирующих развитие человеческой мысли, культуры мышления, т.е. философии в целом.

Философия изначально формировалась как система общего знания о мире и человеческом бытии («в мире»). Эти темы философских штудий развертывались в их корреляции, – предполагая, дополняя и обогащая одна другую. Центральная проблема философии – это проблема отношения «человек-мир», имеющая ценностно-мировоззренческий характер. Основные исторические типы философских картин мира: космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм представляют собой концептуализацию исторически актуального ценностного отношения человека к миру.

В самом общем плане ценность можно трактовать как нечто значимое вообще. Самая существенная ее характеристика – (смысловая) значимость. О ценностях, как отмечал Г.Риккерт, следует говорить только то, что они значат [4, с. 55]. Ценность – это всегда определенное значение или значимость, актуализируемое и утверждаемое во всем многообразии сообразных со смыслом подлинных проявлений человеческого бытия, имеющих сознательно-мотивированный характер. И если говорить о фокусировании ценностей на человеке и его бытии, – то это значения чего-либо для человека, его актуализирующего ценности сознания; здесь ценности выступают выражением, так называемого, антропного принципа.

Человеческое бытие погружено в мир ценностей, в которых сублимируется и интегрируется его смысловое содержание. И ценность является таким значением, которое содержит в себе отношение, причем отношение субъектное, поскольку присущие ей значения предполагают их объективацию и аффирмацию в сфере человеческой жизнедеятельности.

Ценности играют ключевую, определяющую роль во всей системе сообразного со смыслом, значениями человеческого мироотношения, во всех сферах человеческой деятельности, в праксеологическом освоении мира человеком – субъектом в целом, будучи универсальным способом такового, реализуемым культурой и цивилизацией. Аксиологию следует трактовать знанием о смыслообразующих основаниях человеческого бытия в мире, как и знанием о его гуманитарно-адекватном освоении человеком.

Ценности как человечески- или гуманитарно- значимые смыслы, – синоним гуманитарности, и каждая социально-гуманитарная наука должна определиться в своем подходе, своем отношении к ним. Аксиологическое понимание человеческого бытия раскрывает его сущность и специфику, очерчивает круг того, что является «человеческим в человеке». «Аксиология есть ключ к пониманию человека и человеческого» [5, с. 60].

Ценности как актуальные смыслы или значимости, содержащие принцип реализации, связывают человека с миром. «Ценности выступают

связующим звеном между человеком как субъектом сознания/сознательно-мотивированной активности и миром, инициируя развертывающуюся, процессуальную систему связей «человек-мир», в которой осуществляется человеческая жизнедеятельность» [5, с. 23]. Ценности интегрируют не только человеческое бытие в его смысловой определенности и сознательно-мотивированной субъектности, но также и всю исторически развивающуюся систему коррелятивных связей «человек-мир».

Поэтому ценность должна рассматриваться в качестве ключевой философской категории, посредством которой осуществляется экспликация смыслообразующих оснований человеческого бытия, праксеологического его мироотношения; что и составляет предмет философии, изучающей сообразное со смыслом отношение человека к миру, постигающей, что есть мир в его значении для человека, и что есть сам человек и его бытие. Философия, так или иначе, предполагает фокусирование на ценностях.

Имеется в виду не просто аксиологическая функция философии, заключающаяся в рациональном обосновании ценностей и критической переоценке их значений, но аксиологическое понимание философии, соответствующее ее предмету, задачам, предназначению, самой ее сути.

Философия аксиологична, – в этом ее специфика как мировоззрения, и универсальной системы рационального знания о мире и человеке. Такое, акцентирующее аксиологическое измерение философии понимание ее сущности и специфики – принципиально и в мировоззренческом, и в теоретико-методологическом плане. Оно принципиально с дидактической точки зрения, и должно раскрываться в преподавании курса философии, не только в выработке философски состоятельной культуры мышления, но и в развитии самости субъекта философского мышления. Уместна постановка вопроса о потенциальных возможностях аксиологического измерения философии, в теоретическом и практическом его актуальных проявлениях.

В теоретико-методологическом плане аксиологическое понимание философии проявляется не просто в рациональном оценивании явлений действительности, но в отнесении к ценностям, как методологической процедуре, ориентирующей на установление общезначимых ценностей в действительности, представлении ее как значимой, – с позиции ценностей.

Предложенная Г. Риккертом методологическая процедура отнесения к ценностям [4, с. 96-98] сродни подлинно философскому воззрению на мир, так как ориентирует сознание и мышление на выделение значимого и общезначимого, т.е. на выявление смысла, значения в действительности и ее явлениях, соотнесенных с человеком и его бытием в мире.

Аксиологическое понимание философии выражает ее гуманитарную сущность, указывает на то, что ее назначение – выработка и обоснование общезначимых ценностных универсалий человеческого бытия. Именно в сфере аксиологии раскрывается подлинный удел философии – постижение мироздания в его абсолютной полноте, т.е. в единстве действительности и смысла, актуализируемого как ценность. Поэтому Г. Риккерт утверждал: «…бытие все же только часть мира. Кроме бытия имеются еще ценности,

значимость которых мы хотим понять. Лишь совокупность бытия и ценностей составляет вместе то, что заслуживает имени мира» [4, с. 22].

Список литературы

1. Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи / В. Виндельбанд ; пер. с нем. – СПб.: Издательство Д.Е. Жуковского, 1904. – 313 с.
2. Выжлецов Г.П. Аксиология: становление и основные этапы развития / Г.П. Выжлецов // Социально-политический журнал. – 1996. – № 1. – С. 86-99.
3. Ильин В.В. Аксиология / В.В. Ильин. – М.: Издательство МГУ, 2005. – 216 с.
4. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
5. Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография / И.Г.Сухина. – Донецк: ГО ВПО ДонНУЭТ, 2016. – 444 с.
6. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: монография / В.К. Шохин. – М.: РУДН, 2006. – 457 с.

УДК 177

ИСТОЧНИКИ НОРМАТИВНОСТИ В НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ А.А. УХТОМСКОГО

Сычев А.А., д-р филос. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», г. Саранск, РФ
sychevaa@mail.ru

Введение. А.А. Ухтомский – известный русский физиолог, автор ряда идей, среди которых наибольшую известность получили принцип доминанты и идея хронотопа. Значение Ухтомского, однако, выходит далеко за рамки естествознания. В ряде своих работ он поднимается над узкими частнонаучными проблемами и делает оригинальные обобщения философского характера, выстраивая тем самым мосты между математикой, физикой, физиологией с одной стороны и психологией, эстетикой, этикой – с другой. «Естественная необходимость в физической стороне моей жизни и нравственный закон – нравственная необходимость – в моих отношениях с мне подобными являются для меня вместе чем-то единым», – писал он. [2, с. 320-321].

Фокусом философских идей Ухтомского является этика, понимаемая в предельно широком смысле – не как приложение теоретических знаний к практике человеческих взаимоотношений, но как «само цельное знание в своих основных побудительных импульсах и осуществлении» [2, с. 455]. При этом он со скепсисом относится к претензиям магистральной этики (кантианской, утилитарной, марксистской и т.д.) выявить единую универсальную норму или, исходя из общей философской теории, сформулировать набор нравственных правил и законов, которые можно приложить ко всем случаям межличностных взаимодействий. Этика

подобного рода способна ухватить лишь внешние и случайные зависимости человеческой жизни: «Внутреннее же содержание человека, настоящая его жизнь, если ее назвать этическою в особом смысле, очевидно, не может быть изучаема, как его “убивающая”; потому-то доселе и остаются бесплодными попытки – создать для нее “положительную науку”» [2, с. 337]. Что в таком случае должно направлять и ориентировать человека в сфере морали, то есть каковы реальные источники моральной нормативности? Ответ на этот вопрос предполагает обращение к центральным для Ухтомского идеям хронотопа, доминанты, лица, двойника, собеседника.

Основная часть. Ухтомский отказывается рассматривать жизнь человека в контексте безусловных моральных норм, довлеющих над ним. Напротив, он исходит из требования учитывать единичность каждой ситуации, разворачивающеюся в уникальном пространстве-времени мирового бытия – *хронотопе*. Он пишет об этом так: «С точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а “мировые линии”, которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [2, с. 267].

Не моральные нормы должны предопределять поступки человека, а сам человек, учитывая ориентиры для нормотворчества, определяющие сами основы человеческого бытия. Истоки этих ориентиров Ухтомский пытается обнаружить в физиологии.

Особенностью всякого живого организма является способность реагировать на окружающую среду. Такая реакция хронотопична, то есть организм реагирует не на каждый отдельный стимул, а комплексно на весь изменяющийся пространственно-временной континуум своего существования. Реакция может проходить по одному из двух векторов. В первом случае организм пытается максимально сократить пространство и время до события удовлетворения своих потребностей. Крайней степенью развития такой тенденции является сидячий паразит, органы которого (зрения, движения и т.д.) упрощаются или атрофируются за ненадобностью. Во втором случае организм находит в себе силы отказаться от немедленного удовлетворения потребностей ради каких-то благ в будущем. Эта тенденция предполагает развитие способности предугадывания будущего, возможное лишь при условии усложнения мозга. Крайней степенью развития второй тенденции является человек, в особенности гениальная личность, которая способна, анализируя ход развития ключевых «мировых линий» истории, предугадывать возможное будущее и стимулировать на этом основании духовное развитие человечества. Это предугадывание тем точнее, чем больше человек опирается на совокупный опыт человечества, зафиксированный в морали.

Мораль является выраженным в культурно закодированных нормах отражением той же тенденции к отказу от сиюминутных соблазнов ради

преумножения общего блага в будущем. На индивидуальном уровне мораль воплощена в совести человека. Она требует оказаться от легких путей, всех форм самоуспокоения, безответственности, социального паразитизма, постоянно «беспокоя» человека, подстегивая и подгоняя к действиям ради других. Мораль способствует смещению *доминанты* (направленности мышления и деятельности) с себя самого на другого: «Только там, где ставится доминанта на лицо другого как на самое дорогое для человека, впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки. Ибо ведь только в меру того, насколько каждый на нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого. И с этого момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице» [1, с. 150].

Ухтомский использует многозначность понятия «лицо» в русском языке – это и собственно лицо и личность. *Лицо* – это не абстрактный человек, а отражение уникального внутреннего мира. Нет одинаковых лиц: «Лицо ведь тем и отличается от вещи, что оно ничем и никем не заменимо» [2, с. 242]. Можно пытаться вычитывать в лицах других только свое отражение, искать подтверждение лишь своим идеям, т.е. воспринимать другого как собственного *двойника*. В таком случае другой никак не повлияет на меня. Но можно увидеть в нем и принципиальное несовпадение со мной, отличия от меня, иное знание, нераскрытую тайну. Тогда доминанта на лицо другого становится стимулом для общения, самоизменения: двойник превращается в *собеседника*.

Заключение. Ухтомский выводит моральную нормативность из бытия человека: человеческая жизнь в его понимании является такой реакцией на окружающую среду, которая предполагает не приспособление к среде, а выбор пути наибольшего сопротивления, предполагающий постоянное стремление заглянуть как можно дальше в будущее. Мир не дан ему в готовом виде: он является заданием, которое требует решения. Иными словами, человек, в отличие от животных, не встроен в хронотоп, а выстраивает собственный хронотоп. Ориентиром на этом пути является мораль, которая требует сдерживать сиюминутные порывы ради общего блага. Однако мораль не сводится к категорическим императивам или формулам этического кодекса. Ее источник – совесть, личностно преломляющая нравственный опыт человечества. Это своеобразный компас, позволяющий человеку совершать свободные поступки, учитывающие весь спектр условий и обстоятельств: как временных и пространственных, так и ценностных.

Совесть рождается не из индивидуальных желаний и не из внешних по отношению к человеку правил. Она рождается в пространстве общения совершенно различных людей, задающего стимулы для саморазвития. Норма в таком понимании – это не спущенный сверху закон: «Норма в живом собеседовании, в котором открыты уши каждого для всех прочих; и в котором строится история» [2, с. 489].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00082.

Список литературы

1. Ухтомский А. А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
2. Ухтомский А. А. Интуиция совести. – СПб.: Петербургский писатель, 1996. – 528 с.

УДК 316.342.5.

АНТИНОМИИ КОНСУМЕРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Тимощук А.С., д-р филос. наук, ***Трофимова Н.Н.,*** канд. юрид. наук, доц.
ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России», г. Владимир, РФ
human@vui.vladinfo.ru

Введение. Дискурс консумеризма разворачивает педагогику в сторону потребителя. Потребительская трансформация социальных связей приводит к размыванию границ безопасности. Проблема статьи – как разрешить антиномию инклузии и защищённости социума. Цель работы – раскрыть противоречия консьюмеризации образования. Результат: сравниваются гуманистическая и нетолерантная стратегии к школьному насилию; ставится вопрос, может ли педагогика консумеризма санкционировать более жёсткие меры по отношению к несовершеннолетним правонарушителям?

Основная часть. Высокие требования к помогающим профессиям не уравновешены требованиям к клиенту и защищённости лица, оказывающего услугу. Устное замечание, запись в журнал, вызов родителей, – это меры только для учеников, имеющих определённый нравственный самоконтроль. Как быть с неадекватными, которые быстро понимают, что «Вы мне все равно ничего не сделаете»? Выходки могут продолжаться продолжительное время и затрагивать интересы значительной группы лиц, однако у школы нет методов воздействия на правонарушителя. В Приморске дошло до того, что группа родителей избитых учеников, пострадавших от малолетнего хулигана из неблагополучной семьи, вынуждена была устроить самосуд. Психотип 11-летнего характеризовался как корыстно-насильственный, предкриминальный, агрессивно-асоциальный. Дети, выросшие в атмосфере насилия, понимают язык силы, границы применения которой сейчас сузились из-за гуманистического характера потребительского общества. Грубо говоря, чтобы несовершеннолетнего правонарушителя изолировать от общества, нужен труп. Пока он не убьёт кого-нибудь, он может практически безнаказанно оскорблять, издеваться, избивать других людей. Институт ПДН не эффективен для таких правонарушителей. Мы проводим профилактические беседы об уважительном отношении, а подростки-делинквенты сколачивают ОПГ и нападают на людей. Детская жестокость со стороны государства не наказуема вплоть до деликта.

Система потребительского общества создана для сдержанных воспитанных людей. Взломать её, используя бреши безопасности, не представляет труда. Для этого нужно быть наглым, уверенным в себе, дерзким правонарушителем, эксплуатирующим гуманную систему правосудия потребительского общества.

В становящемся потребительском российском обществе лицо, оказывающее услугу, пока не защищено от агрессии потребителя. «В Екатеринбурге школьник напал на педагога с молотком», «Школьник из Ульяновска ударил учительницу ножом», «Восьмиклассник избил учительницу на уроке физики», «В Ейске ученики изнасиловали учительницу до смерти», «В Санкт-Петербурге банда старшеклассников набросилась и избила учителя школы из-за идеологии АУЕ», «В Москве восьмиклассник ударил учительницу по лицу». Такие новости появляются почти регулярно из разных городов страны и не только по отношению к учителям. Только резонансных случаев нападений пациентов на медицинских работников известно сотни в год. Количество латентных случаев даже невозможно сосчитать, скорее всего, счёт идёт на тысячи. В Ютубе размещается огромное количество роликов с примерами булинга и насилия подростков, агрессии по отношению к представителям профессий «человек – человек».

Звучат предложения: вооружить представителей помогающих профессий, охранять их, принять профессиональные кодексы, ужесточить наказание за нападение. В случае с несовершеннолетними, рекомендуют ввести штрафы и наказания для родителей.

Из практических, вполне рациональных инициатив потребительского общества, – идея выдавать медикам и педагогам пистолеты, шокеры и газовые баллончики. Подобный же рецепт предложил и Дональд Трамп после очередного колумбайна в США: скрытое ношение оружия педагогами и обучение навыкам практической стрельбы. Разозлённый отец жертвы из Флориды вопрошал Президента: «Сколько нужно ещё погибших от насилия в школе?». Однако в обществе, где оружие – это часть потребительских товаров может быть только одно решение – вооружить тех, на кого нападают.

Голос гуманистической педагогики в меньшинстве. Советы «учить ненасилию, конструктивному диалогу» воспринимаются, как советы дуть на фурункул. Критики исходят из того, что неадекватным подросткам нужны не кружки и не беседы о половом созревании, а служба воспитателей-охранников, которая может оперативно применить меры дисциплинарного воздействия вплоть до временной изоляции в ЦВСПН.

Вполне естественно, что в потребительском обществе сама школа косвенно подтверждает свой статус образовательной услуги, занимая отстраненную позицию в области воспитания: воспитывать должны родители дома, а мы должны давать предметные знания. И это действительно так, в плюралистическом обществе нет единой коммунистической морали. Рядом с нами учатся православные и

мусульмане, буддисты и атеисты, бедные и богатые, здоровые и больные. Тотальная инклузия. Радикальная толерантность. Коррекционная парадигма обходится дороже. Инклукзия – это коллективная плата общества за экономию коррекционной стратегии. Коллективный воспитательный процесс для гетерогенной среды может только состоять из шаблонных инструкций: «правила дорожного движения», «при пожаре», «действия при захвате заложников», «правила поведения в толпе», «поведение в экстремальных ситуациях» и т.п.

В городах школы становятся большими, оптимизированными и эффективными. В такой отчуждённой атмосфере мы скоро получим феномен массовых полуанонимных государственных школ США с неумолимой инклузией, в которых устанавливаются пуленепробиваемые классные доски, акустическая система реагирования на стрельбу, проводятся учения по действиям в ЧС и патрулирование полицейских.

Педагог, врач, социальный работник, служащий – представителей этих профессий в потребительском обществе нужно учить самообороне по такому же стандарту, как происходит обучение других помогающих профессий, связанных с общественной безопасностью, – полицейский, судебный пристав, надзиратель, охранник, пилоты гражданской авиацией.

Мир изменился. Кто мог представить, что детские сады, школы, транспорт станут объектом террористических угроз? Работодателям нужно обращать внимание не только на профессиональные компетенции, но и на подготовку в области общественной безопасности и самозащиты. Раз образовательные организации не могут быть зоной, свободной от оружия, то персонал должен уметь оказывать вооружённое сопротивление правонарушителю оперативно, т.к. сотрудники правоохранительных органов прибудут на место, в лучшем случае, через пять минут.

Ожидания «хорошего потребительского общества» опережают защиту помогающих профессий, статус которых остался на уровне социалистического общества принудительного благоденствия. Добро же в потребительском обществе должно быть с кулаками. Возможно в этом случае, следует пересмотреть состав образовательной услуги и воспитательный компонент её покинет.

Ситуация, когда авторитет учителя и врача был непререкаем, в прошлом. В медицину и образование единицы идут работать по призванию, в основном, эту профессию выбирают из-за слабости рынка труда, не предлагающего нормальной занятости. Насилие в образовательной среде становится растущим трендом. Буллинг, травля учителей, насилие по отношению к персоналу и обучающимся. При этом школьные хулиганы защищены законом. Администрация признаётся, что ничего не могут поделать с несовершеннолетним, который чувствует свою безнаказанность, что вызывает реакцию родителей и сетевой сарказм.

УДК 165.43

НОВЫЙ ИСТОРИЗМ ИЛИ НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В СИТУАЦИИ ПОСТПРАВДЫ

Целик Т.В., канд. филос. наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
tzelik@meta.ua

Информационное общество создало новую социальную реальность, где современный человек обладает небывалым по масштабу доступом к различного рода информации, его жизненное пространство, благодаря современным СМИ, перенасыщено всевозможными событиями, в которых он опосредовано становится соучастником, и в которых не мог бы принять участие ни в какую другую эпоху. Большую часть этих событий-фактов мы воспринимаем как эмпирически данные, но все же принимая на *веру* их достоверность, т.к. проверить лично правдивость полученной информации чаще всего невозможно. Если учесть, что мы живем в нестабильном мире глобальных изменений, в мире информационной войны, где интерпретация событий-фактов дается зачастую в определенном идеологическом ключе, то возникает необходимость: 1) не только изучения этой новой социальной реальности, но и 2) выработки\выбора методологии такого познания, а также 3) анализа форм и способов познания этой реальности самим социальным субъектом (человеком, социальными группами, различными общностями), на которого направлена эта информационная война, и, в силу такого воздействия – 4) его собственных трансформаций. Эти задачи не могут быть детально рассмотрены в рамках одного доклада, но попытку первого приближения к проблеме мы выносим на публичное обсуждение данной работой.

Фундаментальным разделом философии является теория познания, а комплекс ее проблематики включает целый спектр важнейших теоретических вопросов: методологии научного познания, критериев истинности, соотношение рационального и эмпирического знания и т.д. И если со времен Декарта европейский рационализм опирался на утверждение «ничего на веру», декларируя отрыв от предыдущей средневековой системы познания (где господствовала сила авторитета Священного Писания и авторитетных имен вообще), выстраивая системы доказательств, разрабатывая адекватную методологию познания и проверяя положения теории на практике, то сегодня мы видим многообразие методологий, отражающее не только плюрализм мнений и подходов философского анализа, но и создающее эпистемологический хаос, который можно назвать ситуацией *постправды*. В первую очередь речь идет о методологии социального познания, т.к. точное естествознание все же остается в рамках классической науки и методологии при всем многообразии и дифференциации специальных методологических оснований каждого из ее направлений.

Позитивизм и марксизм не случайно провозглашали необходимость создания социологии и социальной теории в методологии и парадигме точного естествознания с ориентацией на практический результат – такова была логика развития европейского рационализма, опиравшегося на убежденность в необходимости открытия универсальных законов, и европейского гуманизма с идеей всеобщей свободы. Но уже следовавший за ними иррационализм предложил иные основания социального познания – от бессознательного в психоанализе до экзистенциального переживания повседневности, ухода от всеобщности и универсальности человеческого разума, внося, таким образом, субъективизм и психологизм в эту гносеологию. В свою очередь, прагматизм провозгласил возможными любые теории, если они позволяют добиться своей цели, даже если таковые не являются достоверными, а хотя бы выглядят правдоподобно. Современные постмодернистские методологии и вовсе можно сравнивать с софистикой времен античности по способам подмены понятий и конструированию симулякров в результате интеллектуальных построений, что создает псевдореальность (Ж. Бодрийяр), особенно благодаря информационному сопровождению некоего событийного ряда.

Столь длинный экскурс в историю европейской мысли понадобился нам не случайно – с 80-х гг. XX в. формировалась еще одна методология – *новый историзм*, родоначальником которого считают профессора Стивена Гринблатта. Данное течение получило широко распространенное влияние в 1990-х гг. и сначала являлось школой литературной теории. Эта методология из литературной переросла в социальную, где историческое и социальное пространство рассматривается как следствие реализуемых идей, анализируется роль автора в конструировании нового социума: «…включенный в дискурс, текст оказывается субъектом истории… удается проследить…, как читатели меняли свою реальную жизнь по прочтении текста и вследствие этого чтения», – передает суть этой методологии один из ее теоретиков Александр Эткинд [1]. При этом, сами представители нового историзма отмежевываются от постмодернистской деконструкции.

Как видим, с одной стороны, это еще одно обращение к фундаментальному философскому вопросу о соотношении сознания и бытия (фихтеанская диалектика Я и не Я; гегелевское развертывание разумного в действительное, марксистский тезис о том, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»), решавшегося в рационалистическом ключе. А с другой – субъективизм философских построений постмодерна и продолжение этой традиции в методологии нового историзма: «Идеи принадлежат к миру воображаемого и в этом своем качестве обладают странной способностью изменять реальность. Когда такое вмешательство идей в жизнь приобретает особо крупные размеры, это называют революцией. Поэтому история текстов, разразившихся революцией, имеет самостоятельное значение», «…тексты и их авторы борются за осуществление в историческом перформансе» [1],

– таков основной посыл этой современной методологии, переосмысленной в новых условиях.

Но за последние тридцать лет калейдоскоп исторических событий действительно приобрел характер своеобразного перформанса, который современный человек не успевает даже осознавать, получая каждый день массу новостных сообщений, которые тут же стираются следующим событийным рядом из информационного потока. То, о чем не говорят – не существует. Проблема, осмысленная старшими софистами, и со времен Протагора укорененная в философском дискурсе, получает новую форму воплощения – кто и как говорит о некоем событии определяет его бытийность, делает его явным, фактическим или уводит в небытие. Так, например, пару лет назад в диалоге со мной о продолжающихся обстрелах Донецка собеседник высказался следующим образом: «Не может быть, об этом не говорят по Евроньюс», – и мой личный опыт даже не включенного наблюдателя в эти события, а свидетеля и участника, как аргумент не воспринимался. Эмпирический факт уступал в данном случае доверию информации о нем в СМИ или отсутствию таковой, превращая реальность в небытие. И наоборот – информационный повод (зачастую, не имеющий даже реального основания) все чаще становится фактором социальных выступлений, массовых движений, майданных технологий разрушения целых государств, санкционной политики и пр. При этом такой инфоповод поддерживается достаточно большим количеством людей, представляющих самые разные социальные группы и слои, создавая ситуацию *постправды.*

Часто речь даже не идет об осмыслении или глубоком анализе и оценке такой информации, потому что эту часть интеллектуальной деятельности современный человек вообще передоверят некому экспертному сообществу, а дальше включаются не рациональные уровни восприятия, а иррациональные, эмоциональные, строящиеся на *доверии* к авторитетности источника информации. Как видим, акцент переместился на роль идеи, идеологии, инфосферы сегодняшнего уровня, когда авторство, ушедшее в Интернет, моделирует общество по своим лекалам. Эмпирический факт может отсутствовать как таковой вообще, достаточно, чтобы информация о нем существовала и была правдоподобной, создавая в таком герменевтическом круге некий симулякр, после чего экспертное мнение утвердит *веру* в него. Далее в трансформированном сознании современного человека остается место только для средневекового восклицания – «Верую, потому что абсурдно!». Другое мнение, даже аргументированное и опирающееся на факты, в этой ситуации довлеющего симулякра, воспринимается почти как средневековая ересь, а идейного оппонента готовы уничтожать физически (например, как это произошло с Олесем Бузиной).

Позволю себе еще один пример недавно состоявшейся дискуссии с интеллектуалом из ближнего зарубежья о выдвижении на Нобелевскую премию мира и Премию Сахарова новых лидеров охваченной протестными выступлениями Белоруссии. Сначала инициатива Д. Туска, недавнего

главы Евросовета, вызвала у моего собеседника недоумение и сомнение в правдивости этой новости, но последовавшее решение Европарламента о присуждении этим новоявленным деятелям Премии Сахарова уже оценивалось совершенно иначе: «Не нам судить, уважаемые люди лучше знают. Раз наградили, значит это правильно». Авторитетность решения, принятого органом Европарламента, оказалась выше собственного эмпирического опыта, здравого смысла и критического отношения при оценке масштаба личности той же Тихановской и последствий деятельности лидеров белорусских протестов. Вера в *авторитет* в данном случае является определяющей, т.е. способ мышления оказывается таким же, как в домодерную эпоху.

Таким образом, можем утверждать, что информационное общество породило новое гносеологическое средневековье. Ничем другим парадокс популярности абсурдных суждений, но все же имеющий своих приверженцев, по образцу «плоской Земли» или рассказов о дончанах, которые сами себя обстреливали, объяснить не получится. При этом роль уровня образованности собеседника может не играть никакой роли: рядовой гражданин или высокообразованный интеллектуал с несколькими высшими образованиями и даже научной квалификацией с одинаковым упорством могут доказывать любой абсурдный тезис. И если с точки зрения гносеологии методология нового историзма не несет ничего принципиально нового, то для оценки последствий влияния на современную социальную реальность, когда ее инструментарий используется сознательно и целенаправленно (так называемые «фабрики троллей», сайты, становящиеся лидерами мнений, и пр.) она имеет огромное значение.

И все же, то, какие идеи найдут развитие, как они реализуются в обществе, становясь опредмеченной реальностью, зависит от нас самих, нашего критического мышления, здравого смысла и нравственных начал.

Список литературы

1. Эткинд А. Новый историзм, русская версия [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nlo/2001/1/novyj-istoriz9m-russkaya-versiya.html

УДК 123.1:128

ОБОСНОВАНИЕ ФЕНОМЕНА СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Шатохина Н.П., канд. филос. наук
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»,
г. Макеевка, ДНР
shatohina-85@mail.ru

Экзистенциализм, как учение об истинном постижении мира через внутриличностное начало, как признание себя в Боге, и Бога в себе – по сей день притягивает к себе лучшие умы человечества, заставляет по-новому

взглянуть на привычную картину мира. Проблема творческой свободы, как и свободы вообще, тесно сопряжена с проблемой постижения экзистенции. Как замечает Т.А. Кузьмина: «...экзистенциальный опыт есть еще и опыт свободы. И надо сказать, что сама проблема свободы, имеющая свою длинную историю борьбы различных школ и направлений, адекватно может быть поставлена только с учетом экзистенциального опыта» [3, с.22].

Цель данного исследования – анализ творческой свободы в русле философии экзистенциализма. В рамках экзистенциальной концепции, как философии истинного жизненного смысла, поиска выхода «Я» за пределы телесной субстанции, наиболее полно раскрывается данная проблема. В современном мире осознание свободы в рамках экзистенциальной концепции, как возможного пути к духовному «исцелению» и преобразованию действительности, избавлению от страха перед прекращением жизни, представляется важной проблемой требующей переосмысления и иного понимания её глубинного смысла.

Созидание дает свободу, а она приближает индивида к Богу. Как точно выразил Ю.Н. Сколяр: «В экзистенциально-философском рассмотрении свобода воли связана с высшими духовными ценностями» [5, с. 163]. Творчество, как божественное предназначение человека, как метафизический бунт, исключающий насилие, есть единственным выходом в бесконечность, незавершённость. Только творчество, высшее проявление свободы воли, в некоторой мере, способно даровать личности абсолютную свободу, простор фантазии и самовыражения.

Вслед за классиками французского экзистенциализма Ж.П. Сартром и А. Камю, вопрос о свободе созидания и её сущностном проявлении затрагивался такими философами как М. Мерло-Понти, Г. Марсель, Н. Аббаньяно, Ортега-и-Гассет, Н. Бердяев, Л. Шестов, И. Ильин, О. Больнов, Э. Мунье, Дж. Сантаяна, У. Баррет. Однако их трактовка экзистенциальной концепции свободы и творчества не нашла своего продолжения в современной философии.

Если попытаться выделить основные черты присущие философии экзистенциализма, то среди них будет ощущение бездомности, заброшенности человека в жестокий и разрушительный мир. Даже невзирая на абсурдность бытия, жизнь все равно ценна, но каждое ее мгновение пограничено. Д.Г. Грей так определяет жизненную концепцию представленную, в частности, в немецком экзистенциализме: «Жизнь, наполненную смыслом, согласно экзистенциалистам, требуется постигать не с точки зрения завершенности или продолжительности, но, напротив с точки зрения усиления и высветления (clarifikation) жизненных возможностей от раза к разу» [2, с. 35]. А как усилить свои жизненные возможности, не причиняя при этом вред другим и не нарушая установившуюся внутри тебя гармонию? В дальнейшем исследовании учений немецких и французских экзистенциалистов можно найти ответ на этот вопрос. Он коренится в созидательной деятельности. Созидание – путь к бессмертию при жизни, который не только не нарушает баланс

между индивидом и окружающим его миром, но стирает границы между Бытием и Ничто.

В экзистенциализме существует категория Ничто подразумевающая собой, прежде всего, не угрожающую слепую силу, а возможность, потенцию любого явления. В категории Ничто отражается вся нестабильность мира, еще невоплощенные формы явлений, вещей, идей. В своей жизни человек постоянно балансирует между бытием и Ничто, но именно последнее порождает созидательную деятельность, дает автору свободу воплощения, а не рабство перед священным страхом исчезновения.

Постоянное пребывание между бытием и Ничто толкает человека к самопознанию, анализу глубин своего «Я». Вот в этой то ситуации и проявляется концепция свободы. Личность сама определяет себя, хочет быть именно такой, а не иначе. Она стремится к истинному существованию, где есть место и творчеству, и свободе, и личностным целям. Пребывание в Ничто есть пребывание в истинном воплощении жизни, в творческом поиске. Именно в творчестве личность сталкивается с нестандартными, непредвиденными ситуациями, в решении которых и проявляется ее истинная свобода, раскрывается уникальность мышления и мировидения.

Тайна экзистенциализма заключена в оправдании человека именно таким, каким он создан природой или высшей силой, между которыми, вполне вероятно, можно поставить знак равенства. Подчеркивая уникальность сугубо человеческого видения мира Хайдеггер использует термин «das Dasein». Это не просто термин. И.А. Михайлов пишет о том, что: «К хайдеггеровскому понятию "Dasein" очень трудно подобрать эквивалентное русское слово, поэтому переводчики предлагают разные варианты: "вот-бытие", "наличное бытие", "существование", "бытие-сознание", "присутствие"" [4, с. 5]. Иными словами, под этим термином ученый понимает возможность жить именно здесь в это мгновение и осознавать свое «Я»-присутствие в данный момент времени. В категории «Dasein», как и в творчестве, сходятся векторы прошлого, настоящего и будущего, и в зависимости от того какой из них занимает главенствующую позицию, определяется подлинность бытия.

А. Камю впервые обратил внимание на роль созидания в стремлении к свободе. Он предлагал утверждение себя через полную самоотдачу и реализацию внутренних сил, когда всего себя отдают идее, бросая тем самым вызов бессмысленности. Творя, человек, на самом деле, не только демонстрирует свой протест, но вместе с тем и силу воли, мужественность. Между художественным и философским творчеством нет никакого различия, главное заключено в самом творческом акте, который отражает всю полноту существования, даёт право на попытку. Не только, для А. Камю, но и для других представителей экзистенциализма, центральным вопросом всегда был и остается: – «стоит ли жизнь того, чтобы жить?». Созидание является единственным способом разгадать трансцендентное, постичь тайну сотворения и ощутить свою связь с Богом. Созидание даёт

свободу, не ограниченную смертью, условностями, обществом, позволяет раскрыть своё истинное предназначение. У Н. Бердяева мы находим: «Мы чувствуем священный авторитет умолчания Евангелия о творчестве. Божественно-премудро это абсолютное молчание священного писания о творчестве человека. И разгадка премудрого смысла этого молчания есть разгадка тайны о человеке, есть акт высшего самосознания человека... И Бог ждет от человека антропологического откровения творчества, сокрыв от человека во имя богоподобной свободы его пути творчества и оправдание творчества» [1, с. 26].

Бросая вызов абсурду существования, творческий человек неизбежно бунтует против обыденности и закономерности, нарушить которые можно только с помощью созидательного акта, продолжения себя в творческом порыве, который один и есть оправдание бытия человека во Вселенной. Созидание позволяет ему раскрыться здесь и сейчас, возвыситься над тленностью тела и бегом времени, через преодоление себя преодолевать страх смерти. Только творчество, как единственно-верный путь раскрытия собственных возможностей, способностей, своей экзистенции, даёт возможность отойти от привычного и абсурдного существования, хотя бы отчасти приблизиться к запредельной границе между постижимым и трансцендентным.

Список литературы

1. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества / Н. Бердяев – М.: Правда, 1989. – 608 с. – (Серия «Из истории отечественной философской мысли»).
2. Грей Д.Г. Идея смерти в экзистенциализме / Д.Г. Грей // [пер. с англ. Р.Л. Кочнев, Е.А. Цветухина]; Омский научный вестник. – №4. – 2017. – С. 31-38.
3. Кузьмина Т.А. Экзистенциальный опыт и философия / Т.А. Кузьмина // Вопросы философии – 2007. – №12 – С. 16-27.
4. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни / И.А. Михайлов. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 284 с.
5. Сколяр Ю.Н. Исследование феномена свободы воли в экзистенциальной философии / Ю.Н. Сколяр // Лесной вестник. – 2015. – № 4 – С. 163-168.

УДК 1(06)/304.2

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЕЕ СВЯЗИ С ПРАВОМ

Щербинин А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

scherbinina@mail.ru

Введение. В условиях глобализма, углубление системного цивилизационного кризиса, принципы социальной справедливости перестали быть объектом только внутренней социальной политики государства, а стали делом всего международного сообщества,

общечеловеческой проблемой. Глобализация заставила по-новому взглянуть на проблему справедливости в современном обществе, особенно в связи с углублением мирового экономического и финансового кризиса, что породило необходимость социальной защиты населения в планетарном масштабе. Именно рост роли социальной справедливости в решении планетарных социальных проблем должно предоставить глобализации «человеческое лицо», свести к минимуму ее негативные последствия.

Целью публикации является анализ современного историко-философского генезиса представлений о гуманистическом потенциале справедливости в решении социальных проблем.

Основная часть. Этимологически справедливость (justitia) происходит от права (jus) и выступает правовой основой, принципом абстрактно общей формального равенства и свободы.

Среди теоретиков последних десятилетий, рассматривавших эту проблематику, наибольшую популярность приобрел американец Дж. Ролз, который выпустил в 1972 г. свою «Теорию справедливости», в которой отразил современную стадию развития общества. Эта теория стала вехой в развитии общественных наук и до сих пор является трудом фундаментальной значимости и ценности. Дж. Ролз осмыслил справедливость через социальную структуру общества, которое допускает сочетание индивидуальной свободы и справедливого распределения материальных благ.

«Теория справедливости, – пишет Дж. Ролз, – зависит от теории общества… Нашим предметом, однако, является социальная справедливость. Для нас главный субъект справедливости – базисная структура общества, или более точно, способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации. Под основными институтами я понимаю конституцию и основные экономические и социальные устройства [1]. Надлежащее распределение выгод и тягот общества – вот что такое социальная справедливость, важнейший аспект справедливости вообще.

Таким образом, американскому либералу Дж. Ролза справедливость представляется как служение благу всех, общему благу, примерно равное распределение выгод и тягот, возникающих по взаимодействию в рамках общества, предполагает регулирование частной собственности и исключение эгоизма при гарантии равенства прав и обязанностей. Речь идет о справедливости реальной, а не формальной, социальной и политической, а не юридической.

В 1994 г. на русский язык была переведена книга О. Хёффе «Политика. Право. Справедливость», вышедшая в Германии в 1987 г. Несмотря на отвлеченно-теоретический характер своего труда, Хёффе не пренебрегал социальными и политическими аспектами дела. К «опосредованным принципам» справедливости вместе с основными свободами и правами участников он относит и социальное государство [2].

Раскрывая содержание понятия «справедливость», необходимо проводить четкое разграничение между принципом свободы и принципом социальной справедливости. Ф. Хайек представляет это разграничение в виде классического силлогизма. Первая ссылка этого силлогизма может быть изложено так: «погоня за социальной справедливостью обязывает государственную власть относиться к гражданину как к объекту администрирования». Вторая ссылка силлогизма состоит в том, что: «выбирая между минимальным уровнем благ и свободой, последняя всегда приноситься в жертву». На основании этих двух ссылок делается вывод, что попытка реализовать идеал социально справедливого государства всегда чревата формированием антидемократического режима и свидетельствует о несовместимости свободы и справедливости. Единственным механизмом реализации принципа социальной справедливости, по Ф. Хайеку, является образование специфического «полномочия распределительного органа», который издает приказы, каким образом следует распределять вознаграждения, а также и кому необходимо делать. В такой системе человек не является свободным, то есть он связан только общими правилами поведения, выступает объектом конкретных указаний со стороны органов государственной власти. Вот как Ф. Хайек формулирует следующий тезис: «власти, которой поручено достичь определенных результатов для отдельных людей, должны предоставляться деспотические полномочия для того, чтобы заставлять людей совершать то, что кажется необходимым для достижения этих результатов» [3].

Заключение. Таким образом, при выборе приемлемой для общества положительной концепции справедливости, нельзя некритически, механически копировать различные зарубежные концепции социальной справедливости, которые не отвечают потребностям российского общества на современном этапе его развития. Сравнивая различные определения категории справедливости, представленные в зарубежной научной литературе, можно сделать вывод, что ее содержание раскрывается: во-первых, через принципы (соотносительность, распределение, наказание, вознаграждение); во-вторых, через понятия «норма», «мера» (правовая, социальная, моральная); в-третьих, через идеалы, чувства и оценки.

Исходя из этого, можно сформулировать современную приемлемую для российского общества концепцию социальной справедливости, которая будет направлена на решение сложных социальных проблем – стабилизацию общества, достижения социального согласия, преодоление экономического и финансового кризиса. Это – обусловленная естественным правом общечеловеческая ценность, которая представляет собой защищенные законом равные возможности доступа каждого члена общества ко всем имеющимся социальным благам, а также распределение и законное их использования с учетом собственного вклада в общество.

Список литературы

1. Ролз Джон. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – С. 5 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.litmir.me/br/?b=539162&p=5 (дата обращения: 04.10.2020).

2. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость: Основоположения критической философии права и государства. – М.: Юрист, 1994. – С. 301.
3. Фридрих Август фон Хайек. Право, законодательство и свобода Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек ; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – С. 120, 193.

УДК 130.2

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ НАТУРФИЛОСОФИЯ В.В. РОЗАНОВА

Ярошевская А.В.
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР
radistkakett00@mail.ru

Наследие русской религиозно-идеалистической философии конца XIX − начала XX веков, во многом предвосхитившее становление европейского экзистенциализма, невероятно ценно и актуально в наши дни. Осмысление в работах выдающихся русских философов В. С.Соловьева, В.В. Розанова, К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова кризисных явлений общественной жизни и общественного сознания, остро очерченные проблемы взаимоотношения личности и социума по-новому переосмысливаются в контексте реалий современности, усиливают внимание к таким понятиям и экзистенциалам, как война и мир, жизнь «на грани», пребывание в «пограничной ситуации», смерть, свобода.

Среди яркого разнообразия русской религиозно-философской мысли конца XIX− начала XX веков заметно выделяются своей «взрывчатостью», не ослабевающей с годами актуальностью и оригинальностью» произведения В. В.Розанова [5, с. 5].

Василий Розанов – одна из самых загадочных, противоречивых, талантливых фигур в русской культуре и философии рубежа веков. Писатель, который не создал ни единого в традиционном смысле произведения; мыслитель, исследующий переживания «мимолетного»; литературный критик, обладавший глубоким аналитическим умом и шедший всегда вразрез с читающим большинством; блестящий и плодовитый публицист; богослов, постоянно скользивший по краю ереси и находившийся с официальной церковью в весьма сложных отношениях. Розанов парадоксален, оригинален и противоречив, его деятельность ярко проявлялась в невероятном разнообразии книг, статей, эссе, выступлений на философско-религиозную тему.

В.В. Розанов в своей экзистенциальной натурфилософии, где стержнем является метафизика пола, видел острейший конфликт существования личности в разделении души и тела. Экзистенциальное понимание конечности существования, смертности, сопутствует, по Розанову, человеку на протяжении жизни. Смерть, которая «ко всем придет» и

которой «все кончается» не просто кара, наказание. Это дар, отличающий человека от животного, своеобразная мера, в системе ценностей человеческого существования. Этим, считает критик, определяется истинная любовь к человеку, любовь жалостливая, сострадательная, всепрощающая.

Произведения Розанова исповедальны, откровенны, и, поэтому, часто непонятны широкому большинству. Критик пропускает через призму собственного мировосприятия волнующие его вопросы, ищет ответы на них, прежде всего, в границах собственного «Я». Эта уникальная черта сближает Розанова с экзистенциализмом: предметом и центральной категорией писателя и критика являются вопросы существования обычного человека. Тем не менее, разнохарактерные аспекты мировоззрения философа могут быть интерпретированы в рамках экзистенциализма, с предтечами которого – Ницше и Кьеркегором − философа многое роднит.

Выявляется розановский экзистенциализм и в отношении философа к смыслу существования, который, абстрагируясь не только от «конечно-эмпирических характеристик бытия, но и от обыденного», он видит как раз в «мимолетном» [1]. Философ не просто занят изучением мира. Он создает свой собственный мир. Соединяя невидимыми нитями личную экзистенцию и собственную реальность, писатель присутствует в каждом из своих произведений. Причем, «Я»−вселенная Розанова – вселенная, состоящая из личностных оценок и убеждений писателя, теряется в отрыве от авторского «сверхэкзистенциализма».

Касаясь в своих разнохарактерных работах различных экзистенциальных категорий, Розанов создавал так же афористические притчи, в которых наиболее ярко отражалось его мировоззрение. Философия жизни так увлекла писателя, что он сочинил притчу о морали, душе, свободе выбора, которая начиналась ставшим уже общеизвестным афоризмом: «Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали». И далее: «Ибо жизнь моя есть день мой, и он именно мой день, а не Сократа или Спинозы» [4, с. 238.]. Эта уникальная черта сближает Розанова с экзистенциализмом: предметом и центральной категорией писателя и критика являются вопросы человеческого существования, касающиеся как человечество в целом, так и обычного человека.

Особое место в критике Розанова занимало творчество Ф.М. Достоевского, в котором писатель раньше других угадывал экзистенциальный надрыв: «Достоевский прежде других заговорил о жизни, которая может биться под самыми душными формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых невозможных условиях» [2, с. 54]. Анализируя размышления Достоевского о человеке, о его страданиях и методах преодоления духовного кризиса, Розанов называл писателя «глубоко субъективным», повествующим «о нестерпимых мучениях человеческой природы, о совершенной невозможности выносить их и о необходимости найти пути, чтобы из них выйти» [2, с. 60].

«Именно среди глубочайшего мрака человеком постигается главная истина его бытия», − писал Розанов, открывая своеобразный закон, применимый позже в методологии экзистенциального сознания [3, с. 196].

Таким образом, анализируя наследие выдающегося русского философа и публициста, можно отметить, что Розанов, обладая уникальным историческим чутьем, предвидел многое из грядущего века, в частности, взаимодействие экзистенциализма и психоанализа с литературой.

Список литературы

1. Махлак К.А. Философия В.В. Розанова и экзистенциализм [Электронный ресурс] / К.А.Махлак // Начало. – 2006, − №15. Режим доступа: https://slovo-bogoslova.ru/nachalo/filosofiya-v-v-rozanova-i-ekzistencial/
2. Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария / В. Розанов // Мысли о литературе: сборник / сост., вступ. ст., коммент., указ. имен А. Н. Николюкина. – М.: Современник, 1989. – С.41-158. – (Б-ка «Любителям российской словесности». Из лит. наследия).
3. Розанов В. В. О Достоевском / В. Розанов // Мысли о литературе: сборник / сост., вступ. ст., коммент., указ. имен А. Н. Николюкина. – М.: Современник, 1989. – С.192 – 204. – (Б-ка «Любителям российской словесности». Из лит. наследия).
4. Розанов В.В. Уединенное / В.В.Розанов // в 2-х т. Т. 2. Сост., подгот. текста и примечания Е. В. Барабанова. − М.: Правда, 1990.− 712 с. Серия «Из истории отечественной философской мысли», приложение к журналу «Вопросы философии».
5. Фатеев В.А. Публицист с душою метафизика и мистика / В. В. Розанов: pro et contra: антология в 2 кн. – Кн. I: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Фатеева. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 5 – 37.

УДК 316.485.26

ТЕРРОР КАК ФОРМА АГРЕССИВНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕСТРУКТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Альмухаметов Р.Ш.
ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук», г. Новосибирск, РФ
r-almuhametov-89@mail.ru

Введение. В попытке отразить эмпирическую природу терроризма, прежде всего, стоит сделать акцент на нелегальном статусе и сетевой структуре организации террористических движений, доминировании опосредованных связей между отдельными более или менее формализованными группами [3, с. 145].

Основная часть. В свою очередь террор, антисоциальную активность террористических акторов, можно определить как систематически осуществляемую организованную (формально или неформально) совокупность агрессивно-насильственных деструктивных социальных действий. Ведь ключевым критерием агрессивного действия выступает наличие замысла нанести вред или непосредственное нанесение ущерба жертве. Главная особенность феномена насилия − наличие акта принуждения другого что-то делать или не делать посредством запугивания, применения силы или нанесения различных форм вреда. Социально деструктивная активность предполагает разрушение основных структур жизнедеятельности другого субъекта (рис. 1).

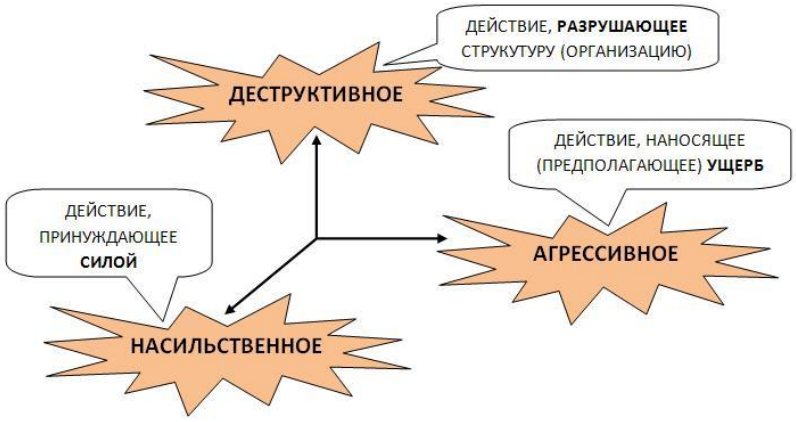

Рис. 1. Агрессивно-насильственное деструктивное поле террора

Цель данной работы охарактеризовать процесс зарождения террора как формы агрессивно-насильственных деструктивных социальных действий в контексте организации террористических движений.

В рамках теоретико-методологических и эмпирических исследований проблемы терроризма, проведенных российскими учеными и

зарубежными исследователями, можно выделить следующие этапы «кристаллизации» террористических организаций и социально-психологические механизмы, провоцирующие террор:

1. Социальная эксклюзия, слабая интеграция общества в настоящем и сегрегация, отсутствие кооперации в прошлом;
2. Недоверие к государственным институтам;
3. Депривация: оценка себя и группы относительно других через транслируемые образы в СМИ;
4. Активизация недовольства за лишения, пережитые в прошлом или проблемы, испытываемые в настоящем;
5. Фрустрация: чувство бессилия (одиночества);
6. Поиск виновных реально или виртуально (гипотетически);
7. Экстрапунктивная реакция на депривацию и фрустрацию (враждебность в отношении других);
8. Дегуманизация «назначенных» виновными, рутинизация предрассудков;
9. Усиление этнокультурного эгоцентризма;
10. Солидаризация единомышленников и сочувствующих, усиление готовности к совместным действиям террористической направленности;
11. Декларация идеалистических целей (ореола мессианства) и возможности самореализации, обретения признания, господствующих социальных позиций через участие в «жертвоприношении врагов»;
12. Моральное оправдание любых мер борьбы, ритуализация агрессивных и насильственных действий;
13. Провокационное осквернение значимых символов оппонентов;
14. Апеллирование к чувству стыда в обществе за неучастие в «сакральном» насилии (продуцирование конформизма в массах);
15. Отсутствие гарантий личной безопасности и защиты коллективных интересов для не участвующих в «борьбе с врагами» сограждан [1, с. 166, 307; 2, с. 28; 5, с. 51-66].

Важно учитывать, что понятие терроризм отражает в большей степени форму социальной организации и структуры, как было упомянуто выше. Террор, в свою очередь, характеризует суть социального действия, в рамках которого есть замысел, сам акт действия и ожидание запланированной реакции со стороны тех субъектов, в адрес которых направлен теракт или их совокупность. В связи с чем террор может осуществлять не только террористическая организация, но и частные вооруженные формирования, и регулярная армия, и, как показывает практика, данное явление имеет место в межличностных и личностно-групповых конфликтах. В последнем случае ярким примером являются проявление крайней жестокости в процессе травли в среде школьников (буллинг), на рабочем месте (моббинг), в местах лишениях свободы.

Однако особая угроза исходит от наполнения политической конкуренции в суверенных странах социальными действиями террористического содержания, когда борьба за господство в границах суверенной территории идет без оглядки на разрушение самого поля

власти и социального порядка. Этнонациональные или политические меньшинства редуцируют фундаментальные устои жизнедеятельности государств и их союзов. В случае же несогласия части соплеменников с деструктивными переменами или оказания сопротивления, люмпенизированные группы почуявшие силу или поддержку со стороны, легко переходят к тотальному террору.

В настоящий момент уместно как никогда предостережение футуролога Э. Тоффлера, который еще в 80-е гг. XX в. советовал обращать внимание на «меньшинства и даже минименьшинства», одну из самых болезненных точек в пространстве социальных взаимодействий XXI в. [4, с. 285].

Заключение. Таким образом, террор в современном мире становится тактикой действий и на макросоциальном уровне (межгосударственные взаимодействия) и на микросоциальном (взаимоотношениях индивидов и групп). Социальное действие, ориентированное на вселение страха, публичную расправу, многократное воспроизведение акта насилия с помощью средств коммуникации при всех достижениях цивилизации никуда не уходит, а становится более анонимным. Агрессия и насилие, перетекая из эпохи в эпоху, обрастает все большей жестокостью и латентностью. Научно-технический прогресс не синхронизируется с социокультурной эволюцией человечества в сторону гуманизации взаимодействий. Концепты и категории, сформулированные несколько веков назад философом Т. Гоббсом («война всех против всех») и зоологом Ч. Дарвином («выживает наиболее приспособленный») все еще в тренде.

Список литературы

1. Атран С. Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком / Пер. с англ. Бюро переводов «Пароль» и Н. Подунова. – М.: Карьера Пресс, 2016. – 608 с.
2. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. – 2006. – № 1 (1). – С. 28-32.
3. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 216 с.
4. Тоффлер О. Раса, власть и культура. Новая технократическая волна на Западе: [Сб. ст.: Переводы] / Сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – 450 с.
5. Фатали М.М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию / Пер. В.А. Соснина. – М.: Форум, 2011. – 288 с.

УДК 355.318

ЗНАЧЕНИЕ ЧВК В НОВЫХ ВОЙНАХ

Банадыков Я.Д.

ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР

a.k-l@mail.ru

Введение. Частные военные компании (далее ЧВК) – это угроза или панацея России в современных войнах, конфликтах и борьбе с мировым терроризмом?

Чтобы это понять нужно выработать чёткое понимание, что такое ЧВК, какие положительные или отрицательные последствия несёт применение и создание законодательной базы, регулирующей деятельность ЧВК на территории РФ.

Основная часть. В научной и публицистической литературе представлены схожие подходы к осмыслению сущности ЧВК. Наиболее типичные признаки в определениях сводятся к следующей дефиниции: «Частные военные компании – это коммерческие предприятия, которые предлагают специализированные услуги по охране, защите кого-либо и чего-либо, часто с участием в военных конфликтах, а также со сбором разведывательной информации, стратегическим планированием и консультированием в военной сфере» [1].

Также определение ЧВК содержится в международных соглашениях. Так в документе Монтрём имеющем рекомендательный характер, частные военные компании определяются как: «Частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Военные и охранные услуги включают, в частности, вооруженную охрану и защиту людей и объектов, например, транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов и консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников» [1].

На основе опыта применения ЧВК правительством США (и другими странами «Коалиции») в Югославии, Ираке, Сирии и Афганистане можно выделить следующие основные положительные стороны:

1. Высокий профессионализм военного контингента, отличающегося от регулярной армии, солдаты которой несут срочную службу, имея в лучшем случае начальную военную подготовку;
2. Представление интересов заказчика «инкогнито», что исключает международный конфликт, введение каких-либо санкций;
3. Отсутствие социально-психологических проблем, связанных с мобилизацией: никакого общественного резонанса, вызванного, условно говоря, деятельностью «комитета солдатских матерей» не произойдет, а численность погибших не будет учитываться в официальной статистике;
4. Абсолютная беспристрастность бойцов ЧВК по отношению к религиозным догмам, национальным интересам и т.д.; [2]
5. Рынок частных армий огромный и прибыльный;
6. Отстаивание экономических интересов без официального вмешательства.

Также есть ряд недостатков применения ЧВК, выявленных в тех же конфликтах:

1. Полное искажение официальной статистики;
2. «Специалисты» ЧВК не несут никакой уголовной ответственности за содеянные ими преступления в связи с отсутствием четкого определения наёмника в гуманитарном праве и беззаконьем во время конфликта в государстве;

3. «Специалисты» ЧВК (как было сказано) не прописаны в международном гуманитарном праве, а значит не могут иметь статуса военнопленного

4. Опыт ведения совместных боевых действий «специалистов» ЧВК и регулярной армии США в Ираке показал, что жесткие методы ведения боевых действий наёмников влечёт за собой негативное влияние на авторитет регулярной армии, так как местное население не видит разницы между бойцами. В свою очередь это приводит к накалу обстановки, и понижению доверия граждан к армии в зоне конфликта.

5. Создание коррупционных схем и отмыв денег через ЧВК правительством;

6. Силовое вмешательство Транснациональных Компаний во внутренние дела государств для достижения политической и экономической выгоды.

На данный момент в Российской Федерации нет законодательной базы для создания и функционирования частных военных компаний, а напротив, существуют такие законы как ст. 359, ч. 3 УК РФ, согласно которой за участие в вооруженном конфликте наёмника ожидает лишение свободы сроком от 3 до 7 лет. Сдерживающим фактором развития в России ЧВК является и статья 208 УК РФ, в которой создание вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, а равно руководство таким формированием или его финансирование являются преступлением, наказуемым от 2 до 7 лет лишения свободы. [3]

Заключение. Несомненно, ЧВК являются новым и эффективным политическим инструментом как во внешней политики, так и в борьбе с террористической угрозой внутри государства. Игнорирование этого инструмента государством является большой ошибкой. Поэтому за два дня до конца 2016 года Владимир Путин принял правительственные поправки в закон "О воинской обязанности и военной службе". Многие мужчины в России прошли срочную службу, т.к. поправки к закону затрагивают практически всех россиян. Теперь если они сражаются с террористами, то считаются военнослужащими, даже если официально не относятся ни к одной части Минобороны. Это небольшой шаг к легализации деятельности ЧВК в РФ, и, на наш взгляд, такая аккуратная политика правительства по этому феномену вполне оправдана. Чтобы не допустить сценария Ливии [3] и не дать радикально настроенным группам, проживающим на территории РФ, возможность лавировать в своих интересах в «сырых» законах, связанных с частной армией.

Список литературы

1. Козина А.А. К вопросу о статусе и функциях частных военных компаний // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2018. – Т. 2. – С. 295-301.
2. Шегаев И.С., Полозов А.Г. Роль и место частных военных компаний в борьбе с национальным и религиозным экстремизмом: трансляция мирового опыта в РФ // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 125-129.

3. Трунов И.Л. Частные наемные армии как политическая проблема нестабильности государств // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2013. – № 2 (3). – С. 45-50.

УДК 172.15

ПРОСВЕЩЕННЫЙ (ОБРАЗОВАННЫЙ) ПАТРИОТИЗМ

Баталин Р.А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка ДНР
rusbat79@yandex.ru

Введение. Патриотизм всегда являлся фундаментом сплочения граждан в трудные времена. Развязывая войны, недоброжелателям приходилось одновременно проводить и информационные кампании, направленные на подавление чувства патриотизма, искажение и подмену понятий с целью раскачать и ослабить страну изнутри, сделать её уязвимой. Но наряду с внешними тенденциями манипуляции и дискредитации патриотических чувств наблюдалось и внутреннее осознанное или неосознанное нечистоплотное отношение к патриотизму как со стороны отдельных представителей власти, так и некоторых политических движений, партий, граждан. Все эти факторы не могли не отразиться и на восприятии феномена «патриотизма».

Сегодня можно снова констатировать рост актуальности патриотизма. Но желая очистить его от несвойственных, искусственно приписанных свойств, слово «патриотизм» все чаще стало употребляться в словосочетании – «просвещенный патриотизм».

Цель: рассмотреть и проанализировать существующие в интеллектуальном дискурсе подходы к «просвещенному патриотизму».

Основная часть. Учитывая, что в современных словарях под словом «просвещенный» понимается «образованный, стоящий на высоком уровне культуры и знаний», то в информационном пространстве многие авторы под термином «просвещенным патриотизмом» стали также подразумевать осознанный, конструктивный подход к патриотизму.

В 1994 г. упоминание о «просвещенном патриотизме» мы встречаем в статье В.Д. Зорькина, где он выразил мысль, что *«просвещенный патриотизм – залог возрождения великой России»* [1]. Немного позже, в 1996 г., Е. С. Троицкий обращает внимание на то, что *«ныне требуется такой разворот в системе образования, при котором на учащегося и студента смотрели бы не только как на будущего специалиста, но как на просвещенного патриота, вобравшего в себя величайшие духовно-нравственные ценности русской православной культуры»* [9].

Накануне празднования 60-летия Курской битвы, А. А. Кокошин, в беседе с корреспондентом общественно-политической газеты «Труд», отмечает: *«Для нас очень важны вопросы формирования массового*

общественного самоосознания, в том числе и в вопросах истории. Я против того, что называют "квасным патриотизмом" – против упрощенчества в освещении нашей, в частности, военной истории, против ее искажения. Нам нужен просвещенный патриотизм». [3].

В 2005 г. М. Мертес, немецкий философ и публицист, предлагает увидеть проблему патриотизма в свете новой концепции гражданского или, как его называет автор, «просвещенного» патриотизма [5].

В 2017 г. о патриотизме написал статью А. В. Лубский, где отметил, что патриотизм не должен ослеплять нас: *«Любовь к Отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть. Поэтому гражданский патриотизм – это не только чувство, любовь и страсть, но и разум, и ответственность. В этом смысле гражданский патриотизм в России – это патриотизм разумный (просвещенный) и ответственный»* [4].

Стоит также упомянуть и сторонников, поддерживающих идею необходимости государственной идеологии, которые именно в ней видят осознанный, конструктивный – «просвещенный патриотизм». Среди них можно выделить Н.А. Корниенко, А.А. Зиновьева и Р.Г. Яновского. Так, в 2004 г., Р. Г. Яновский обосновал совокупность ключевых категорий составляющих социологическую теорию новой идеологии и подчеркнул: *«Именно идеология патриотизма должна быть положена в основу государственной идеологии, которая полностью отвечает национальным интересам страны, обеспечивая могущество России»* [10].

29.01.2015 г. Р. Ищенко обращает внимание на такое предназначение системы образования как воспитание патриота, говоря о необходимости на уровне государства идеологизировать образование, заложив в него патриотическую матрицу: *«Просвещение и патриотизм – основа для воспитания людей разумных. Для того чтобы выжить, России необходимо срочно вернуть гражданам цель жизни – идеологическую основу существования нашего общества и каждого его гражданина. Без этого мы не сможем противостоять паразитизму и будем уничтожены»* [2].

28.03.2018 г. В. Соловьев, выступив в Совете Федерации, обратил внимание на то, что новый тип войны – это тип информационно-организационного действия, а главное поле битвы это – души людей. После распада СССР, России удалось добиться суверенитета военного и внешнеполитического, но этот суверенитет не опирается на суверенитет экономический и тем более идеологический [8].

Официальная позиция руководства российского государства по поводу феномена «патриотизма», часто озвучивается самим президентом. Так, выступая на встрече «Клуба лидеров» 3 февраля 2016 года, он сказал: *«У нас нет, и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это и есть национальная идея*» [6].

А еще ранее, 12.09.2012 г., в Краснодаре, В. Путин провёл встречу с представителями общественности по вопросам духовного состояния молодёжи и ключевым аспектам нравственного и патриотического

воспитания, где выразил мнение о важности качественного образования и воспитания патриотизма: *«Справедливо говорят, что настоящий патриотизм – это образованный патриотизм. Настоящий патриот тот, кто знает, как и чем он может служить своему Отечеству. Хорошо учиться, получать больше знаний, образовывать себя сегодня – это значит быть готовым отдать свои знания, своё умение своей стране завтра. Поэтому так важен вопрос о будущем нашей образовательной системы, о её чистоте, честности и современности, не только об образовательной, но и воспитательной компоненте системы просвещения…»* [7].

Заключение. Анализируя подходы к пониманию термина «просвещенный патриотизм», мы видим, что, с одной стороны, этим термином выражают конструктивную позицию граждан и органов власти, предполагающую вовлеченность граждан в государственные процессы на условиях социальной справедливости; с другой стороны – четко сформулированную и внедряемую государственную идеологию. Представители сегодняшней власти видят его в консолидирующей национальной идее, признают и поддерживают активную позицию, свободу и права граждан, но в балансе с ответственностью. Таким образом, можно отметить, что сходство во мнениях относительно «просвещенного патриотизма» отражается в части необходимости осознания и более качественного подхода к пониманию и проявлению «патриотизма».

Список литературы

1. Зорькин В. Д. Патриотизм истинный и ложный / В. Д. Зорькин // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N1-2_95/1-2_03.HTM (дата обращения: 02.03.2020 г.).
2. Ищенко Р. В. Просвещение и патриот / Р. В. Ищенко // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.putin-today.ru/archives/8452 **(**дата обращения: 30.01.2015 г.).
3. Кокошин А. А. Просвещенный патриотизм / А. А. Кокошин // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.trud.ru/article/30-07-2003/59929_prosveschennyj_patriotizm.html (дата обращения: 30.06.2003г.).
4. Лубский А. В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе / А. В. Лубский // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-patriotizm-o-sovmestimosti-patriotizma-i-grazhdanstvennosti-v-rossiyskom-obschestve (дата обращения: 5.02.2017 г.).
5. Мертес М. Просвещенный патриотизм и национализм / М. Мертес // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.opencity.hrworld.ru/arhiv/6/pechat5.htm (дата обращения: 17.06.2005 г.).
6. Путин В. В. На встрече с представителями общественности в Краснодаре // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470 (дата обращения: 12.09.2012 г.).
7. Путин В. В. На встрече с активом «Клуба лидеров» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://leadersclub.ru/blog/smi/2105.html (дата обращения: 04.02.2016 г.).
8. Соловьев В. Р. Выступление в Совете Федерации в рамках «времени эксперта» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn--b1agj9af.xn--80aswg/video/arhiv-novostei-telekanala-rossija-24-za--31/v-solovev-v-sovfede-28-03-18.html (дата обращения: 28.03.2018 г.).

9. Троицкий Е. С. Русский народ в поисках правды и организованности (988-1996) / Е. С. Троицкий – М., 1996. – 455 с. – С 439.
10. Яновский Р. Г. Патриотизм о смысле созидающего служения Человеку, Народам России и Отечеству / Р. Г. Яновский – М.: Кн. и бизнес, 2004. – 527 с.

УДК 03.23.55

ОБРАЗ ГЕРОЯ, КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВОЙН ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ ВОВ)

Беспалов А.К.
ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва, РФ
bak2404@bk.ru

Введение. Победа в Великой Отечественной войне является одним из ключевых исторических событий для России и постсоветского пространства. При этом, с каждым годом, ее значимость и актуальность лишь увеличивается для нашего общества. Общепризнано, что всемирно-историческое значение Великой Отечественной войны и победы в ней советского народа не исчерпывается масштабными социально-политическими, экономическими последствиями [4, 512]. Данное историческое событие стало ключевым символом, важнейшей ценностью для основной массы граждан постсоветского пространства.

Основная часть. Закономерно, что в последние два десятилетия история ВОВ стала конкретно политическим явлением, объектом острого информационного противостояния. Многочисленные примеры фальсификации истории ВОВ, искажения действительных событий, разрушения общей исторической памяти о тех событиях нашли широкий отклик в научном обществе. Война за «память о войне» не закончилась, а скорее наоборот, вышла на новый виток, а наша позиция в ней отнюдь не наступательная. Для достойного противостояния в «войне памяти», необходимо четко осознавать ее цели и методический инструментарий.

«Войны памяти» возникают в эпоху перемен, когда происходит расставание с общим прошлым [3, 14] и, как следствие, его переоценка. О данном явлении мы можем говорить с начала распада СССР и вплоть до сегодняшнего момента. Войны памяти на постсоветском пространстве преследуют зачастую конкретную цель: укрепление национальной идентификации за счет преодоления и отрицания всего советского, имперского. Для них характерно разрушение общей исторической памяти народа, связывающих его символов и ценностей [7, 422]. Как справедливо отмечает Бордюгов Г.А., в таком случае, на повестку дня в государственной политике в сфере культуры и идеологии выходят глаголы «уничтожить», «покончить», «забыть», «вытеснить» [3, 15] и т.д.

Разумеется, одним из ключевых объектов «войн памяти» выступает ВОВ и символ победы советского народа в ней. Мы можем наглядно

проследить, как намеренно последние 20 лет в разной мере девальвируется и разрушается общая память о победе над нацистской Германией в странах Прибалтики, Польше, Украине, Грузии, Молдавии, Белоруссии и в самой России. При этом, на наш взгляд, одним из основных и действенных инструментов ведения войны против «памяти о войне» является образ героической личности.

Образ героя по своей сущности представляет некий идеал, моральный образец для подражания, ценностно-нравственный ориентир, фактически, он олицетворяет собой определенную эпоху. Именно данные факторы делают героический образ крайне удобным инструментом политической, идеологической борьбы. Путем искажения восприятия героических личностей в социуме: очернению общепризнанных героев или возведению в героический статус откровенно маргинальных личностей, представляется возможным изменять трактовку отдельных событий прошлого, либо трансформировать целую историческую эпоху, разрушать общее историческое сознание или же, иными словами, эффективно вести «войны памяти» и формировать принципиально иной взгляд на историю [2, 200]. Сущность же данного процесса можно наглядно проследить на примере исторической памяти о ВОВ.

Любая война имеет свой устоявшийся пантеон героев и Великая Отечественная – не исключение. Подрастающее поколение с школьных лет узнает о героях ВОВ: Матросове, Гастелло, Космодемьянской, Талалихине, Сиротинине и многих других, о талантливых военачальниках: Жукове, Рокоссовском, Ватутине, Чуйкове и т.д. В народном сознании был сформирован общий образ героя ВОВ – советского солдата, самоотверженно защищавшего подступы к Москве, Ленинграду, Сталинграду, освобождавший Украину, Беларусь, Польшу, Прибалтику, спасший Европу от нацизма. Но в последние 15 лет, на наш взгляд, на постсоветском пространстве мы можем говорить о таком явлении, как «война против героев». Ее проявления можно проследить в нескольких направлениях.

1) Борьба с символами и памятниками. Памятник – материальное олицетворение героя, его подвига, застывшее в камне или бронзе. Разумеется, при ведении войны против героев, он будет объектом уничтожения в первую очередь. Примеров борьбы против памятников ВОВ в странах постсоветского пространства можно найти множество. Известная ситуация с «Бронзовым солдатом» в Таллине, который неоднократно оскверняли, а затем пытались демонтировать в 2007 году, снос монумента советским воинам в Ташкенте в 2015, уничтожение «Мемориала Славы» в Кутаисии [3, 15] в 2009 году, уничтожение и осквернения целого комплекса памятников ВОВ на Украине за последние 6 лет (бюста Н. Кузнецова, мемориала на «Холме Славы» во Львове, памятника Ватутину в Киеве, барельефа Жукову в Одессе и т.д.). Из недавних событий, разумеется, можно вспомнить снос памятника Коневу в Праге весной 2020 года. Все это говорит об одной общей тенденции искоренения материального культурного наследия героев ВОВ, а как следствие – памяти о них.

2) Дегероизация и девальвация подвига советских солдат. Данный процесс направлен на очернение и искажение героических событий Великой Отечественной. Наглядным примером в данном случае может послужить характерная тенденция подмены понятий, когда в культурных программах, учебных пособиях, в СМИ Украины, Польши, Прибалтийских стран, советские войска-освободители превращаются в оккупантов, поработителей [5, 607]. В ряде стран (Латвия, Эстония, Грузия) были даже открыты музеи советской оккупации [3, 14]. Разумеется, при таком подходе, более полумиллиона советских солдат, погибших при освобождении Польши [1, 58], воспринимаются в настоящее время поляками не как герои, а как враги и оккупанты, равнозначные нацистам. О том же, что советская «оккупация» спасла польский народ от планомерного уничтожения по плану Гитлера [1, 58], практически не упоминают.

3) Искусственная героизация. Разрушение старых героических символов всегда сопряжено с конструированием новых, зачастую, антагонистичных. Наиболее яркой иллюстрацией является, разумеется, Украина, где происходит неприкрытая героизация пособников нацистов. Так, в 2008 и 2010 года Степану Бандере и Роману Шухевичу было присвоено звание Героя Украины [6, 261]. В последствии Янукович отменил данное решение, но тенденция героизации УПА и ее лидеров никуда н исчезла и сполна проявилась после государственного переворота 2014 года.

Таким образом, мы можем констатировать факт ведения разноплановой и противоречивой «войны против героев» ВОВ на территории постсоветского пространства в рамках «войн памяти». Но чем так опасна борьба с героями прошлого, к каким последствиям она приводит? За счет разрушения, девальвации устоявшихся общих героических символов, а также искусственного формирования новых героев, которые не консолидируют общество, а раскалывают его, происходит трансформация памяти о ВОВ, которая направлена, в первую очередь, на разрушение единого исторического прошлого. Героические личности и их образы являются скрепляющими вехами, удар по которым приводит к крушению и дроблению общего исторического сознания. Невозможно стравить друг с другом нации, либо разделить единый народ, у которых общая история и одни герои. Если же для одной части общества героями станут Бандера и Шухевич, а советские солдаты – «оккупантами», то расколоть и столкнуть такое общество в политическом или вооруженном противостоянии представляется достаточно просто.

«Войны памяти», за счет использования инструментария «героического», способствуют возникновению локальных конфликтов на постсоветском пространстве, усугубляют и консервируют их [7, 431]. Покуда мы не научимся противостоять «войнам памяти», «войне против героев», на территориях бывшего СССР будут возникать все новые горячие точки, уже существующие конфликты не смогут иметь возможностей разрешения, а победители в них едва ли будут.

Список литературы

1. Ананьев И.М. Освобождение Польши от немецко-фашистских захватчиков (к 40-летию) / И.М. Ананьев. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
2. Беспалов А.К. Герой и наша современность (Памяти Алексея Борисовича Мозгового) // Россия и мир в прошлом и настоящем: Материалы II Межвузовской научной конференции студентов и школьников. Сборник научных трудов / Отв. Ред. В.Е, Воронин. – М.: Издательство «Спутник +», 2020. – С.199-204.
3. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г.А. Бурдюгов. – Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.
4. Власкина Т.Ю. Героические Символы ВОВ и формирование системы ценностей ЛДНР // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.) / [отв. ред.акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020 – С.512-523.
5. Зейберт И.А. Переписывание истории Великой Отечественной войны и глорификация нацистских преступлений в современной Латвии // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.) / [отв. ред.акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020 – С.606-611.
6. Титова Е. Проблема героизации пособников фашистов на Украине в период президентства В.А.Ющенко // Великая Победа и современность. К 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Материалы международной научно-практической конференции. М.: издатель Степаненко, 2010 г. – С.261-265.
7. Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // преподавание военной истории в россии и за рубежом сборник статей. Российское военно-историческое общество, Институт истории и политики МПГУ. 2018 г. – С.421-431.
8. Чураков Д.О. Войны памяти: отстоять правду Победы // Гуманитарные науки. 2015. №1 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voyny-pamyati-otstoyat-pravdu-pobedy (дата обращения: 07.10.2020)

УДК 128

ВОЙНА И СМЕРТЬ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

***Варава В.В.*[1]**, д-р филос. наук, проф.,
***Коробов-Латынцев А.Ю.*[2]**, канд. филос. наук,
[1] ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, РФ
[2]ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР
vladimir_varava@list.ru, a.k-l@mail.ru

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит,
Неизъяснимы наслаждения –
Бессмертья, может быть, залог!
А.С. Пушкин

Введение. Традиционно область философии войны не сопрягается с философской танатологией. В западной традиции уже давно философия войны редуцировалась к этике войны, а та, в свою очередь, к теории

справедливой войны, которую скорее следует отнести к области права, нежели нравственной философии. Современную философию войны, сведенную к теории справедливой войны, методично лишают нравственного и метафизического измерений, ввергая ее в область политики и права. Последние работы западных авторов об этом наглядно свидетельствуют. В русской же философской традиции закрепился иной взгляд на войну, который, однако, в современности почти не актуализирован, в результате чего даже некоторые отечественные мыслители думают, что в России нет привычки к этическому осмыслению войны [4, 16]. Актуализировать русскую традицию умозрения о войне тем более актуально в наше время, которое наполнено военным столкновениями вокруг России и новыми военными угрозами.

Основная часть. Этическое измерение войны состоит в том, чтобы разгадать действие войны (как особого этоса) на человека, на его мысли и мироощущение. Лучшим введением в эту тему будут слова Платона «Философия – это наука умирать, или как они звучат в диалоге «Федон»: «Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним – умиранием и смертью» [5]. Война – это смерть. На войне убивают и умирают. Выходит, что «военная наука» представляет собой «науку умирать», которая, по Платону, и есть философия. На войне человек, прежде всего, учится умирать. Эта «учеба» не может не поменять его приоритеты, не сказаться на его мироощущении. Человек, который вынужден воспринимать себя и окружающие его предметы sub specie aeternitatis испытывает экзистенциальный шок. Об этом шоке свидетельствуют все антропологические исследования о войне [6].

Как пишет С.Н. Булгаков в работе 1915 года (т.е. во время Мировой войны), война дает человеку «откровение смерти». Этому откровению в мирное время препятствует мещанский бытовой уклад повседневной жизни. Война же приближает смерть и тем самым разрушает привычный *быт* человека, открывая для него *бытие*. Война, по Булгакову, способна духовно воскресить человека: «...Пусть странно, – пишет Булгаков, – а для многих дико прозвучит мое слово, но скажу его: это воскрешение приносится смертью, откровением смерти. Над міром стала смерть, о которой забыли или, вернее, хотели забыть, и, как небесный благовест, как предвестие грозной трубы архангела, зазвучала в сердцах весть. ... Смерть старательно изгонялась из мещанского обихода. ... У смерти стараются отнять ее торжественно-мистический характер, не услыхать ее откровения, заглушая его тихий шепот светскими церемониями, напыщенными речами» [7,18]. В мирной жизни смерть лишается своего торжественно-мистического характера. Более того, смерть изгоняется из человеческой жизни, в результате чего создается «эвтаназийная культура» [2].

Война, пишет Булгаков, предстает как катастрофа, она меняет все, и мещанское сознание разрушается войной, потому что оно планирует жизнь, а война и смерть могут сорвать все планы в одно мгновение. Война и смерть проверяют земные ценности, утверждает философ: «Война

неимоверно приблизила к сознанию смерть, сделала ее реально ощутимой, а это означает не что иное, как то, что мирочувствие эволюционно-мещанское должно уступить место религиозно-трагическому» [7, 25].

Любой человек боится войны из-за возможности смерти, поскольку смерть это первое, что привносит с собой война. Поэтому война как феномен неизбежно делает запрос на философию смерти. Такая философия должна воспринять войну, по выражению Бердяева, «творчески-духовно» [1, 159], иначе она упустит из своего поля зрения экзистенциальное действие войны на человека через возвращение смерти. «Опыт войны, – пишет Бердяев, – очень многое заставляет переоценить» [1, 254], и подлинная философия не может бежать от этой переоценки ценностей в отстраненные теории войны, справедливой или несправедливой, информационной, гибридной, сетевой или сетецентричной. Эти теории крайне важны для понимания феномена войны в целом, но они едва ли относятся к собственно философии войны. Они сближают философию войны с правом и политологией, тогда как подлинная философия войны ближе скорее нравственной философии и философской танатологии. Война, с точки зрения Бердяева, вопреки всеобщему мнению, не упрощает жизнь, но усложняет ее, заставляет решать фундаментальные философские вопросы, в русской культуре обозначенные как проклятые вопросы, среди них главнейший – вопрос о смерти.

И.А. Ильин отмечает, что война ставит человека перед лицом смерти: «Да, именно смерть, возможность личной смерти, ставит перед нами война. Ее наступление властно обрывает обеспеченность моей личной жизни, мою безопасность, мое спокойствие за себя» [3, 12]. «Всегда, когда человек стоит перед лицом смерти и видит, что будущего нет или что он бессилен перед ним, что он уже не строит его, – он обращается вспять и пересматривает свой жизненный путь. И если это бывает даже при стремительном наступлении смерти, когда прошлое проносится вихрем в угасающем сознании, то война вызывает этот пересмотр с особенной силой и отчетливостью» [3, 13]

Духовный смысл войны заключается в том, что война есть не только духовное потрясение, но также «духовное испытание и духовный суд» [3, 13]. Этот духовный суд, перед которым ставит человека война, состоит в вопросе: «Стоит ли жить тем, чем мы живем; стоит ли служить тому, чему мы служим?» [3, 15]. Именно война ставит перед человеком этот в сущности своей глубоко философский вопрос. И война же дает на этот вопрос простой ответ: «жить стоит только тем, за что стоит и умереть». Ильин, таким образом, в традиции русской мысли сопрягает философию войны не с правом и не с политологией, но с нравственной философией и философией смерти.

Заключение. В России война воспринимается как феномен этический, как экзистенциал, который способен преобразить человека. Экзистенциал войны сопрягается с экзистенциалом смерти, на что обращают внимание все русские мыслители, которые писали о войне.

Война приближает к человеку смерть, тем самым выдергивая его из быта и ввергая в бытие, в «прекрасный и яростный мир»; война через возвращение смерти провоцирует человека на разрешение проклятых вопросов его бытия. Философия войны в этическом измерении оказывается нравственной философией, этикой преображения человека. В экзистенциальном же измерении философия войны есть не что иное, как платоновская «наука умирать», т.е. подлинная философия.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О.А, Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012.
2. Варава В.В. Смерть как проблема нравственной философии: На материале русской философской культуры XIX-XX веков. Тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 09.00.05, доктор философских наук Варава, Владимир Владимирович. – Тула, 2005.
3. Ильин И.А. Духовный смысл войны. – М., 1915
4. Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. – СПб.: Алетейя, 2019.
5. Платон. Федон. [Электронный ресурс]. URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/19fedon.htm . Дата обращения: 01.11.2019
6. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России»: «Российская политическая энциклопедия», М.; 1999
7. Сергий Булгаков, Война и русское самосознание – М., 1915

УДК 336.2

РУССКАЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ НА ДОНБАССЕ В 1919 ГОДУ

Даренский В.Ю.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР

darenskiy1972@rambler.ru

Наступление Добровольческой армии на Донбассе в 1919 году является ценным предметом исследования, поскольку показывает социальные процессы периода Гражданской войны. Участник этих событий полковник Б.А. Штейфон в книге «Кризис добровольчества» (Белград, 1928) дал такую характеристику сложившейся ситуации: «Несмотря на крайне печальное общее состояние советских войск… красное командование все же имело немало преимуществ по сравнению с нами. Оно обладало громадным, многомиллионным человеческим резервом, колоссальными техническими и материальными средствами, оставшимися как наследство после Великой войны. Это обстоятельство и позволяло красным направлять все новые и новые части для овладения Донецким бассейном. Как ни превосходила белая сторона и духом, и тактической подготовкой, все же это была лишь небольшая горсточка героев, силы которых уменьшались с каждым днем… Что касается

рабочего населения, то призыв его в войска был нежелателен по двум мотивам: во-первых, по своим политическим симпатиям шахтеры не были явно на белой стороне и потому являлись элементом ненадежным. Во-вторых, мобилизация рабочих немедленно уменьшила бы добычу угля» [3, с. 6]. Данная характеристика может быть признана верной только в самом общем виде, однако рассмотрение конкретных материалов по истории наступления Добровольческой армии на Донбассе в 1919 г. заставляет сделать к ней очень существенные поправки. Главная из них состоит в том, что Добровольческая армия на самом деле смогла нанести поражение красным на Донбассе в 1919 году первую очередь за счет значительной поддержки местного населения – как казаков, так и горожан, в том числе и шахтеров. В ходе боев за Донбасс Донецкая группа войск генерала В.З. Май-Маевского несмотря на большие потери, тем не менее, увеличилась в численности с 9600 до 26 тыс. человек за счет новых добровольцев из числа местного населения. Как отмечает луганский историк и краевед Юрий Чепурнов, это «увеличение произошло не только за счет мобилизованных, Добровольческой армией она ведь называлась ввиду того, что основу ее составляли именно добровольцы»; «по книгам и фильмам кочует стереотип – все рабочие либо большевики, либо им сочувствующие. Рабочие разные были... Опорой Добровольческой армии являлась корниловская дивизия, из четырех ударных полков состоявшая. 4-й ударный полк состоял из шахтеров Донбасса» [2].

М.Н. Левитов в книге «Материалы для истории Корниловского ударного полка» пишет: «С 1 января 1919 г. по 1 мая полк выдержал 57 боев, сопряженных с постоянными и часто крупными потерями. К 1 января в полку было 1500 человек, это с пополнением из пленных в операции от Ставрополя до с. Овощи. За то же время из полка выбыло убитыми и ранеными 3303 человека. Полагая средний численный состав полка в 1200 человек, видно, что за четыре месяца полк переменил три состава… за это время выбыло из строя 683 офицера, служивших в своем полку в качестве рядовых бойцов» [1, с. 232]. Все пополнение полк получал на месте боев из числа добровольцев Донбасса. Тем самым, обычное представление о Донбассе как о пролетарском, а значит, якобы автоматически и «красном» регионе Гражданской войны, является безосновательным.

21-е января 1919 года в Луганск вошли красные одновременно с восстанием местного большевистского подполья. Отступив из Луганска за р. Северский Донец, казаки и добровольцы расположились в станице Луганской, разрушив за собой железнодорожный мост. Против красных войск стояли: полк, сформированный из казаков Луганской, Митякинской и Гундоровской станиц и Луганский офицерский добровольческий полк. Луганск защищали силы большевиков под общим командованием латыша Я. Лациса, состоявшие из 1-й Московской пролетарской дивизии, 15-й Инзенской дивизии, прибывшей из Поволжья (ее основу составляли латышские части), 41 дивизии (позже была расформирована и передана 15-й Инзенской дивизии), 42-й стрелковой дивизии, 1-го Луганского коммунистического полка и отряда китайских добровольцев.

Известно, что французы предлагали атаману Войска Донского П. Краснову прислать в Луганск из Севастополя французскую дивизию на условии подчинения Луганского района генералу Франше д'Эспере и оплаты французским предпринимателям убытков, понесенные ими в Донбассе в 1917-1918 гг. П. Краснов передал это предложение главкому Вооруженных сил юга России А.И. Деникину, на что тот ответил телеграммой: «Никогда не допущу никакого вмешательства в наши внутренние дела и считаю, что все вопросы должны решаться только нами, русскими, и никакие чужеземные власти не смеют даже претендовать на какое-либо руководство» [2]. Это противоречит мифу о поддержке белогвардейцев «интервентами» – поскольку эти якобы «интервенты» (союзники России по Антанте) лишь стояли в портах и в Гражданской войне не участвовали. Но зато у большевиков самыми стойкими частями были иностранцы – латыши и китайцы, воевавшие и под Луганском.

5(17) мая конница А. Шкуро, зайдя противнику в тыл, овладела Юзовкой и Авдеевкой, в Ясиноватой полк дроздовцев захватил три бронепоезда, 12(24)-го Добровольческий корпус В.З. Май-Маевского прорвал фронт на стыке красных 13-й и 8-й армий, создавая угрозу окружения; 16(28) мая корниловцы взяли Дебальцево, а 15(27) мая был взят Луганск. 13-я армия большевиков 27-31 мая отступала с боями, 1 июня оставила Бахмут, а дальше, уже почти не оказывая сопротивления, в беспорядке откатывалась на север – за Харьков и Курск.

Командование Добрармии старалось наладить экономическую жизнь на возвращенных территориях, где она отсутствовала при большевиках, которые вели карточную систему и запретили торговлю (это часто приводило к искусственному голоду). Б.А. Штейфон свидетельствует, что по распоряжению А. Деникина, «вслед за войсками прибыли вагоны с мануфактурой, мукой, сахаром и прочим. Все это немедленно стали продавать по "твердым" ценам. В быстро образовавшихся очередях весело тараторят женщины – жены рабочих: "При тех, иродах, сахара мы и не видели!". Говорят искренне, от души. Думаю, что не менее искренне эти же женщины бранили нас, когда Никитовку занимали красные… В Бахмуте те же настроения и те же картины. С небольшими вариациями: толпа вынесла из "агитпункта" на площадь большевистскую литературу и устроила громадный костер» [3, с. 46]. Как пишет Юрий Чепурнов, «по взятии Луганска по предписанию А. Деникина предпринимаются шаги в направлении примирения интересов работодателей и рабочих: устанавливается 8-часовой рабочий день и минимальный прожиточный минимум для рабочих 660-780 рублей» [2]. Автор отмечает: «Белая армия – нищая армия! Солдат получал 30 рублей в месяц, а офицеры – от прапорщика до главкома Деникина – в пределах от 270 до 1000 рублей» [2]. При А.И. Деникине рабочий получал больше офицера белой армии.

Как отмечается, в добровольцы шла «молодежь прежде всего» – на улицах Луганска можно было увидеть плакаты: «Учащийся! Родина зовет! Бросим мы книги, оставим ученье, в руки возьмем мы ружье!» Внизу был

изображен гимназист в серой шинели, на нем погоны и фуражка с кокардой [2]. В Добровольческую армию вступил луганчанин, позднее выдающийся русский поэт Владимир Алексеевич Смоленский (1901, Станица Луганская – 1961, Париж). Он ушел из Луганска с Добрармией в декабре 1919 года и покинул Россию с остатками армии П. Врангеля в 1920-м, автор 4-х вышедших во Франции поэтических сборников.

В настоящее время в ЛНР возрождена память о Гражданской войне со стороны белых казаков. Существующий ныне в составе Народной Милиции ЛНР отдельный казачий полк имени атамана Матвея Платова – продолжатель традиций белого Луганского казачьего полка 1919 года.

Список литературы

1. Левитов М.Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. – Париж, 1974. – 667 с.
2. Чепурнов Ю. Луганск // http://www.pseudology.org/goroda/Lugansk.htm

УДК 94(470)1941/1945 : 821.161

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Даренская В.Н.
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР
vera_darenskaya@mail.ru

Духовно-нравственный фундамент поэзии о Великой Отечественной войне уже в самом её начале обозначился как возвращение от советской символики к традиционным образам русской классической поэзии, в том числе, к народному мировоззрению, которое в то время еще оставалось православным. Весьма показательным в этом отношении является, например, стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины…»: «Как слёзы они вытирали украдкою, / Как вслед нам шептали: – Господь вас спаси! – / И снова себя называли солдатками, / Как встарь повелось на великой Руси… / Как будто за каждою русской околицей, / Крестом своих рук ограждая живых, / Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в Бога не верящих внуков своих».

Здесь сакральная общность устанавливается между поколениями Руси – древней и новой. Именно она и становится основой силы народа. Стоит отметить, что К. Симонов был дворянином – сыном генерал-майора царской армии Михаила Симонова и княжны Александры Оболенской. Получить благородное воспитание он не успел, однако через мать ему передался тот строй русской души, который был характерен для его предков. Именно поэтому в поэзии XX века он во многом сохранил дух русской классики. Но ещё более интересен феномен стихотворений о Великой Отечественной войне, написанных поэтами русской эмиграции,

которые изначально были враждебны СССР. Для того, чтобы сделать выбор им нужно было проявить самое глубокое христианское смирение и принять Россию такой, какая она есть. Так к общности единого народа, не делимого на «красных» и «белых», присоединяются и недавние враги СССР из Белой эмиграции. Например, Юрий Константинович Терапиано (1892–1980) в стихотворении «Из военного цикла» сознательно и молитвенно воспевает это новое сакральное единство бывших «белой» и «красной» России, объединённых общей бедой: «В грозе, в дыму, Господь, благослови / И удостой в раю счастливой вести, / Грехов прощенья и Твоей любви / Безбожников и верующих вместе. / Одним покровом, Боже, осени, / Дай русским соснам их прикрыть ветвями, / Штыки, снаряды, пули отклони, / Незримый щит подняв над их рядами. / О, сколько алой крови на снегу! / Встают бойцы навстречу рати чёрной, / Стоят они, наперекор врагу, / России новой силой чудотворной, / России прежней славою былой, / Как некогда на Куликовом Поле, / В огне Полтавы, в битве под Москвой... / Благослови народ великий мой / В его великой трудности и боли! [2, с. 98].

Известный историк академик Н.А. Нарочницкая писала: «Великую Отечественную Войну СССР выиграл в своей ипостаси Великой России... Став Отечественной, война востребовала национальное чувство русского народа и его духовную солидарность, разрушенные классовым интернационализмом, очистила от скверны братоубийственной гражданской войны и воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально, и в государственном будущем разорванную, казалось, навеки, нить русской и советской истории… в окопах Сталинграда в партию вступили обыкновенные почвенные русские люди, преимущественно крестьяне. И те, кого в двадцатые годы учили по первым большевистским учебникам глумливо называть Святого Благоверного Александра Невского классовым врагом, на Прохоровском поле умирали “за советскую Родину” в танке, носящем его имя» [1, с. 32–33].

30 (18-го по церковному стилю) марта 2019 года исполнилось 120-летие великого русского казачьего поэта Николая Николаевича Туроверова, «казачьего Есенина». Он был героем Белой армии, а затем одним из самых ярких поэтов русской эмиграции. В 1944 году поэт прямо обращается к «врагу под кличкою товарищ» в стихотворении «Товарищ». Вот его строки: «Перегорит костёр и перетлеет, / Земле нужна холодная зола. / Уже никто напомнить не посмеет / О страшных днях бессмысленного зла. / Нет, не мученьями, страданьями и кровью, / Утратою горчайшей из утрат: / Мы расплатились братскою любовью / С тобой, мой незнакомый брат. / С тобой, мой враг, под кличкою «товарищ», / Встречались мы, наверное, не раз. / Меня Господь спасал среди пожарищ, / Да и тебя Господь не там ли спас? / Обоих нас блюла рука Господня, / Когда, почуяв смертную тоску, / Я, весь в крови, ронял свои поводья, / А ты, в крови, склонялся на луку. / Тогда с тобой мы что-то проглядели, / Смотри, чтоб нам опять не проглядеть: / Не для того ль мы оба уцелели, / Чтоб вместе за Отчизну умереть?»

В этом стихотворении речь нисколько не идет о «примирении» с советской властью и «красными», а об общей трагической судьбе обеих частей русского народа. И тех, и тех «Господь спасал среди пожарищ»; и тех, и тех «блюла рука Господня»; но и те, и другие «что-то проглядели» и могут опять что-то проглядеть в будущем. Общность их судьбы оказалась в том, что и тем, и другим пришлось «вместе за Отчизну умереть». Это не «примирение» с врагом, а смирение – в понимании путей Истории. Трудно найти в литературе примеры столь же мудрого и искреннего христианского смирения, как в этом стихотворении Н. Туроверова.

Совершенно немыслимо, чтобы подобное стихотворение в адрес «белых» написал какой-то, даже самый «гуманный» советский поэт. В этом проявляется фундаментальное отличие христианского и коммунистического мировоззрений. Вся глубина христианского мышления и души поэта выразилась в поразительных строках о том, что самая страшная беда Гражданской войны была даже не в «мученьях, страданьях и крови», а в том, что «мы расплатились братскою любовью». Однако своей мученической войной с гитлеризмом бывшие «красные» искупают грех братоубийства и снова становятся русскими.

Не менее «знаковым» для нашей темы является стихотворение Георгия Владимировича Иванова (1894–1958) «На взятие Берлина»: «Над облаками и веками / Бессмертной музыки хвала – / Россия русскими руками / Себя спасла и мир спасла. / Сияет солнце, вьётся знамя, / И те же вещие слова: / “Ребята, не Москва ль за нами?” / Нет, много больше, чем Москва!» Это стихотворение было впервые напечатано через много лет после смерти поэта в журнале «Континент», в 1982 году. В предисловии к публикации друг Г. Иванова, парижский литератор Кирилл Померанцев рассказал: «“На взятие Берлина” русскими» было написано в мае 1945 года и записано мною после того, как Георгий Иванов мне его прочитал. Стихотворение отражает иллюзии относительно наступившего тождества СССР и России, которые у Г. Иванова были весьма кратковременны (как показывают другие его стихи). Вероятно, поэтому он даже не послал это стихотворение ни в один журнал» [2, с. 52]. Для «стопроцентного белогвардейца», как называл себя поэт, это стихотворение кажется, на первый взгляд, поразительным и странным. Ведь он был твёрд и последователен в своих политических убеждениях, бескомпромиссных по отношению к большевизму и советской власти. Стоит лишь вспомнить его строки: «Россия тридцать лет живёт в тюрьме... и лишь на Колыме и Соловках Россия та, что будет жить в веках»; «и ничему не возродиться ни под серпом, ни под орлом» и др. Откуда же родилось это стихотворение? Из такого же прозрения в единую жертвенную общность русского народа, в своей беде уже не делимого на «красных» и «белых», как два другие вышеприведенные стихотворения. В строках о том, что было спасено «много больше, чем Москва», поэт говорит о спасении русского народа как такового, что стоит намного выше любых разногласий.

Рассмотренные примеры стихотворений поэзии Белой эмиграции о Великой Отечественной войне, а также близкое им по духу стихотворение

К. Симонова являются яркими свидетельствами сохранения и возрождения православного строя души и мировоззрения русского народа в период этих страшных исторических испытаний.

Список литературы

1. Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. – М.: Минувшее, 2005. – 80 с.
2. Смирнов В. «Образ войны и победы» // Литература. – № 18 (258), 1997. – С. 51–57.
3. Терапиано Ю. Избранные стихи. – Вашингтон: Victor Kamkin, 1963. – 112 с.

УДК 355.01

ВОЙНЫ ПО ЛИНИЯМ РАЗЛОМОВ

Ионов Б.В.

ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР

bodya_dark@mail.ru

Введение. Термин «война по линии разлома» был сформулирован Самюэлем Ф. Хантингтоном. Война по линии разлома – это такая война, в которой доминирует не идея захвата территорий или ресурсов. Это война этнического уровня. Конфликт национальностей, религий, убеждений. Зачастую такие войны вспыхивают в результате недовольств одной этнической группы в определенной стране, я подразумеваю гражданскую войну. Чечня, Сербия, гражданская война во Вьетнаме, Грузии и т.д. Также такие войны вспыхивают из-за вмешательства во внутренний конфликт сторонних лиц, как в Афганистане или конфликт между Ираком и Кувейтом. Эти два конфликта переросли в войну между Исламом и Западом. Арабские жители объявили джихад США в поддержку Ирака. Волнения в тот период прошли по всем страна Исламского мира, жители каждой страны Лиги арабских государств поддержали Ирак, даже жители Саудовской Аравии, которая вела более прозападную политику [2, 433] Осенью 1990 года Сафар аль-Хавали, декан Исламского колледжа в Мекке, заявил, что это не «война мира против Ирака. Это война Запада против Ислама» [2, 437] Своими действиями против мирного населения Ирака, американцы спровоцировали ряд крупных терактов на территории США, Великобритании, Франции и всех стран-союзников США. Эти теракты продолжаются и по сей день.

Основная часть. Война в Афганистане между талибами и силами США продолжается по сей день. Но откуда берутся эти талибы, ведь конфликт продолжается уже более 19 лет и почти каждый день гибнут люди? Всё потому, что талибов поддерживает исламский мир. То же самое можно сказать и про войну СССР и Афганистана. Хотя Афганистан поддерживали оружием и деньгами США. Для американцев и людей Запада вообще Афганистан был окончательной, решающей победой в холодной войне [2, 431]. Спустя 10 лет Усама бин Ладен, взявший на себя

ответственность за теракты 11 сентября 2001 года, будет просить убежища в Афганистане. Талибан ему его предоставляют. США начинают боевые действия против талибов. Конфликт продолжается и по сей день. Как можно охарактеризовать всю ситуацию на Ближнем Востоке? Исламский мир давно ведет войну против мира христианского, эта война не окончена и не окончиться, пока одна из сил не уничтожит другую [2, 444]. Может быть сколько угодно перемирий, но крестовые походы на Восток как продолжались, так и будут продолжаться. Новые крестоносцы в лице США, Британии, Франции будут посягать на Иерусалим, Акру и Дамаск. Но всегда будет появляться Саладин, способный дать им отпор. Ведь Восток дело тонкое.

Но, что если такая война возникает не на Востоке? Конфликт в Югославии можно считать показательным. Война возникла из-за противоречий между сербами, с одной стороны, и словенцами, хорватами, боснийцами и албанцами, с другой. Возник конфликт опять таки на этническо-религиозной почве и привел к самому кровопролитному столкновению после Второй Мировой войны в Европе. Благодаря США, начавшим «гуманитарные бомбардировки», очень долго не могло установиться хотя-бы шаткое перемирие. Не смотря на то что Россия кое-как сдерживала Сербов, США своими действиями провоцировали возобновление боевых действий [2, 462, 501-514]

Заключение. Итак, для того чтобы охарактеризовать какую-либо войну как войну по линии разломов, нам нужно понять, какие же её определяющие факторы. Можно выделить следующие критерии таких войн:

- Обычно, эти конфликты носят локальный характер. Афганистан, Сирия, Ирак, конфликты происходили и происходят на территории этих стран. Хотя война между исламом и Западом куда более глобальна [2, 443].
- Для них свойственны ожесточенность и кровопролитность, поскольку на кону – фундаментальные вопросы идентичности [2, 444].
- Конфликт, как правило, продолжителен, его могут остановить перемирие или согласие, но они как правило нарушаются – и конфликт возобновляется. Ситуация во всех вышеупомянутых конфликтах имела в себе такую особенность [2, 522, 524].
- Решающая военная победа одного из участников конфликта увеличивает вероятность геноцида [2, 445].

Теперь можно охарактеризовать при помощи этих критериев конфликт на территории Донбасса:

- Боевые действия носят локальный характер. Разумеется, формально, даже в пределах Украины – это локальное столкновение.
- Ожесточен ли конфликт? Кровопролитен ли он? Да. Нет смысла говорить о количестве погибших и раненных. Эта война унесла множество жизней, сломала ещё большее количество судеб.
- Конфликт продолжается без малого 6 лет. Сколько было перемирий и договоренностей о прекращении огня? Снова и снова они нарушаются и конфликт продолжается.

- И наконец, что будет с Донбассом в случае военной победы Украины? В лучшем случае большая часть жителей бежит через границу, а в худшем – националисты устроят в Донецке и Луганске этническую чистку и геноцид русского народа.

Не упомянутым, но от того не менее важным свойством войн по линиям разломов является присутствие в конфликтах третьих лиц. Много раз было упомянуто о США, но сами они редко непосредственно участвуют в конфликте. В Афганистане, во время войны с СССР, они снабжали моджахедов оружием и деньгами. Без американских долларов и ракет не было бы поражения Советов [2, 432]. В конце концов Советы потерпели поражение из-за совокупности трех факторов, которым не сумели противостоять: американская технология, саудовские деньги и мусульманский фанатизм [2, 433]. Во время войны в Югославии, Россия и США участвовали в конфликте как третьи лица и пытались достичь каждый своих целей. Так и в войне на территории Донбасса, у нас имеются недвусмысленные свидетельства о том, кто кого спонсирует и кому помогает.

Собрав воедино все свойства, можно с уверенностью сказать, что конфликт на территории Донбасса является войной по линии разломов. Прекратить эту войну конфликтующие стороны не в состоянии, ибо слишком велик этнический разрыв и фундаментальные вопросы идентичности. Но снова-таки, при воздействии третьих сторон, которые имеют вес на непосредственных участников конфликта, могут остановить войну [2, 529].

Так же стоит упомянуть и войну во Вьетнаме. Она полностью подходит под тезисы войн по линиям разломов. Вьетконг не собирался уступать ни пяди своей земли захватчикам из США. Не смотря на огромную численную, техническую, тыловую основу США не смогли словмить дух коммунистического Вьетнама. В своей книге Е.Э. Месснер описал это так «Американцы слишком богаты. На выстрел снайпера-вьетконга в джунглях они высылают огнедышащий вертолет или самолет; на ракетчиков, взобравшихся на крышу сайгонского дома, посылают не патруль пехотинцев, а эскадрилью аэропланов, которая разбомбит целый квартал; красные потеряют снайпера и несколько ракетчиков, а янки потратят, со своими вертолетами и эскадрильями, тысячи долларов» [1]. И что мы имеем? Локальный конфликт, который длился длительное время и закончился лишь потому, что Вьетконг хитростью и определенной стратегией лишил армию США поддержки её народа. Если бы этого не произошло, США не остановились бы, пока весь коммунистический Вьетнам не был бы уничтожен, либо полностью покорен, чего дух вьетконга не позволил бы.

Так же Месснер, в своем труде ссылается на Хантингтона, но если у второго не было предвзятостей по поводу Ислама, то первый в своей книге приравнивает воинствующий Ислам к фашизму «Неудивительно, что воинствующий исламизм с полным основанием называют сегодня «фашизмом нашего времени» [1]. В свою же очередь Хантингтон говорил, что

действия исламских террористов – это следствие того, что ислам не может перенести войну на территорию врага, то есть западного мира.

Список литературы

1. Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна / Е.Э. Месснер. – Москва; Жуковский: Кучково поле, 2004. – 512 с. [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=71940 (дата обращения: 15.09.2020).
2. Хангтинтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2017. – 640 с.

УДК 355.01

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Комесаренко С.И.
ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР
skomesarenko@bk.ru

Введение. В эпоху информационных, гибридных и сетевых войн борьба ведется не только за территории и материальные блага, в первую очередь война идет за человеческий ресурс, за его сознание. Военнослужащие находится на особом положении в социальной системе координат. В ситуации реформирования силовых ведомств, важнейшее значение получает проблема формирования и регулирования политического сознания военнослужащих.

Основная часть. Традиционно под политическим сознанием понимается результат восприятия и осознания субъектом той части окружающей его действительности, которая связана с политикой и в которую включён он сам, а также его действий и состояний, связанных с политикой [5].

Соответственно, политическое сознание военнослужащих опосредует отношения данной социальной группы со сферой политики, одновременно представляя для индивида мотивационную основу для добросовестного выполнения им обязанностей военной службы.

Формирование политического сознания, как индивидуального, так и группового (массового), предполагает несколько этапов.

Первый этап. Получение социально-политических знаний в процессе критического осмысления политической действительности, постепенной рационализации чувственных представлений, обобщения имеющейся информации о политической жизни общества.

Второй этап. Трансформация полученных знаний в убеждения, которая происходит в процессе общественно-политической практики (как правило, этому способствует принятие уже сформированных оценок и норм политического поведения в рамках тех или иных политических организаций и институтов).

Третий этап. Определение на основе политических убеждений и анализа собственного опыта политической ориентации субъекта, которая в значительной степени обусловливает политическое поведение.

В обществознании традиционно выделяют 4 группы условий, которые влияют на формирование политического сознания:

1. макро- (мезо-, микро-) социальные –социально-экономические отношения, национальные, религиозно-конфессиональные, культурные традиции, образовательно-воспитательные институты, СМИ, особенности той или иной субкультуры и т. п.;

2. собственно политические – характер и тип политического устройства, специфика политического режима, политические институты, партии, организации и движения, развитость демократии и институтов гражданского общества и т. п.;

3. коммуникативные, обусловленные самим процессом понимания и оценки политических явлений;

4. субъективные, связанные с социальными и психологическими особенностями индивида, с его независимыми и усвоенными характеристиками (пол, возраст, национальность, культурное и национальноепроисхождение, образование, профессия и т. д.). [5]

Данная классификация имеет весьма обобщённый характер и может быть применима к различным социально-профессиональным группам, поэтому возникает необходимость выявления и систематизации факторов, определяющих специфику формирования политического сознания у военнослужащих.

Важной составляющей политического сознания является такая морально-этическая категория, как «защита Отечества». Смысл данной идеологемы закреплён в многочисленных законодательных и художественных текстах. Очевидно, что лексическая репрезентация данной идеологемы зависит от определённых политических условий, от той или иной политической конъюнктуры («За Бога, Царя и Отечество», «За Родину, за Сталина», «За Родину», «Служу Отечеству», «Служу Республике»и т.д.). Принятие человеком в погонах требований военной присяги предопределяет его обострённое восприятие таких нравственных категорий, как «долг», «честь», «самопожертвование» и др.

Оказывает влияние на формирование политического сознания военнослужащих также комплекс их прав, свобод и обязанностей, официально определяющий их правовое положение в обществе, иначе – статус военнослужащих [1]. Статус военнослужащего требует от него выполнять не только специфические обязанности военной службы, но и следовать особым моделям поведения и позиционирования. Правомерно считать, что, приняв военную присягу, человек определяет для себя и конкретные мировоззренческие позиции. В силу этого политическое сознание военнослужащих отличается высоким уровнем преданности избранным идеалам, а отказ от них чреват негативными последствиями.

Восприятие политической реальности и отношение к ней во многом определяется самой спецификой воинского труда, которая, в свою очередь, связана со строгой регламентацией всех сторон жизни и деятельности войск, особенностями их организационной структуры, экстерриториальным способом размещения воинских частей и т.п. Коллективистский характер

воинского труда выступает важнейшим условием политической социализации военнослужащих. В условиях совместного выполнения воинских задач и ритуалов (боевая учёба, совещания, построения и т.п.) индивидуальные политические предпочтения формируются с учётом общественного мнения и, вопреки декларируемым формам политического плюрализма.

Нельзя забывать и о таком факторе, как относительная замкнутость социально профессиональной группы военнослужащих. Являясь историческим атрибутом военной службы, проявлением элитарного статуса военного человека, такого рода «изоляционизм» способствует концентрации усилий на выполнении воинского долга.

На формирование политического сознания военнослужащих (как, собственно, и всего общества) сильнейшее влияние оказывают средства массовой информации, которое может быть как конструктивным, так и деструктивным. Сложившиеся таким образом стереотипы и предрассудки не только отрицательно влияют на престиж военной службы, но и трансформируют систему ценностей военнослужащих.

Военнослужащий не может быть равнодушен к политическим процессам государственного и мирового масштаба, к социально-политическим процессам, развертывающимся в обществе. Вполне логично, что он имеет собственные суждения, например, о внутренних локальных конфликтах или, скажем, о последствиях сложившейся системы монополярного мира. Более того, как специфическая социальная группа, военнослужащие имеют свои особые потребности, проявляют заботу об их удовлетворении [2]. Важнейшей из таких потребностей является стремление к получению информации. С развитием современных информационных технологий широкие слои общества (в том числе и военнослужащие) получили возможность политического самоопределения, что выражается в наличии политического плюрализма в армейской среде.

Заключение. Необходимо признать, что на современном этапе развития Вооружённых сил политическое сознание военнослужащих свободно от навязывания какой-либо идеологии, но в то же время оно потенциально открыто для управления и манипулирования. Это обстоятельство заставляет задуматься о необходимости регламентирования политического сознания в интересах государственной политики. Безусловно, речь идёт не о бескомпромиссной пропаганде и навязывании «политически правильных» действий и оценок. В условиях открытого доступа к самой разнообразной информации необходимо выработать комплекс мер, позволяющих регулировать механизмы защиты от негативного воздействия на политическое сознание военнослужащих.

На сегодняшний день дальнейшее изучение механизмов формирования политического сознания военнослужащих является актуальной научной задачей.

Список литературы

1. Федеральный Закон от 31.05.1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.

2. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (с изменениями и дополнениями), п. 1 ст. 2.
3. Бельков О.А. Армия и стабильность общества / О.А. Бельков // Россия и мир в новом веке – С. 63-72.
4. Дубровский В.А. Армия и политика / В.А. Дубровский // Известия Саратовского Университета. Серия Социология. Политология. – 2009. – Том 9. – Выс.2. – С. 105-110.
5. Замай Н.Н. Военно-профессиональная субкультура как средство формирования политического сознания российских военнослужащих / Н.Н. Замай // Военный академический журнал. – 2015. – Вып. № 3 (7). – С. 97-104.
6. Кошкин С.А. Специфика политического сознания военнослужащих / С.А. Кошкин // Власть. – 2009. – Вып. 4. – С. 99-102.
7. Копылов И.А. Армия и политика в современном мире / И.А. Копылов // Власть. – 2011. – Вып. 2. – С. 80-83.

УДК 37.035.91

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Корнюхов Д.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kornuhovd@gmail.com

Введение. Феномен лидерства имеет глубокие и древние корни, которые следует искать в особенностях общественного мировоззрения. На первый взгляд может показаться, что начав процесс демократизации и отказавшись от авторитарного прошлого, общество уже не имеет такой острой потребности в лидерах, однако это не всегда так. Имидж лидера в любой мировоззренческой системе координат отражает главные общественные ценности, идеалы и убеждения. Во многом по общественно-политическим лидерам можно судить о мировоззрении, уровне зрелости и духовного развития, а также об уровне политической культуры социума. Именно поэтому образ политического лидера в контексте гражданского общества требует детального философского анализа.

Основная часть. Можно выделить два базовых подхода к исследованию феномена лидерства: нормативный и описательный (дескриптивный).

В контексте нормативного подхода сделан акцент на построении неких идеальных функционально-типологических моделей лидерства. Нормативный подход ориентирован на поиск ответа на вопрос о том, каким должен быть феномен политического лидерства в идеальном аспекте и какие шаги для практической реализации данного идеала могут быть предприняты.

Описательный подход к феномену лидерства в гораздо меньшей степени опирается на аксиологическую базу. В контексте данного подхода анализируются не столько идеальные аспекты феномена политического лидерства, сколько реальные его стороны. Для реализации этой цели

приверженцами дескриптивного подхода активно используются эмпирические методы.

В современном социально-гуманитарном знании феномен лидерства исследуется, прежде всего, на эмпирическом уровне. Научные работы последних двух десятилетий опираются на анализ отдельных аспектов лидерской деятельности в определенных социальных сообществах, а также содержат практические рекомендации по формированию имиджа лидеров. Накопленный на данный момент времени солидный объем эмпирического материала очевидно требует аналитического обобщения. При этом до сих пор в науке так и не сформировалась единая концепция или методологическая база для системного исследования феномена лидерства. В связи с этим главной проблемой в вопросе изучения лидерства является то, что современные исследователи не формулируют какие-либо универсальные концепции, а подходят к данному феномену узко дескриптивно, описывая его либо с позиции одной определенной дисциплины, либо в контексте одного региона (страны) [1, с. 221]. В результате возникло огромное количество теорий и определений понятия лидерства, которые нередко противоречат друг другу.

Относительно теоретического уровня исследования феномена лидерства, следует отметить то, что он с необходимостью предусматривает создание методологической базы для эмпирических исследований. Методологическую основу для создания целостной теории лидерства формирует именно социальная философия. Как справедливо подчеркивает О. Симагин, «преодоление возникших трудностей, формирование «интегрального представления» о социальном статусе лидерства, его последовательный категориальный анализ возможны в системе понятий современной социальной философии, поскольку именно она делает упор на постижении общих (родовых) начал явлений общественной жизни» [2, с. 16]. Парадоксально, что хотя именно философия сделала заметный вклад в исследование проблемы лидерства, в современных философских исследованиях данной проблеме уделяется неоправданно мало внимания.

Заключение. Согласно с определением Д. Слизовского, политическое лидерство – это институционально и личностно детерминированный аспект общественно-политического взаимодействия [3, с. 130]. Развитие этого явления направлено от традиционного авторитарного к рационально-демократическому типу. Политические лидеры всегда отражали базовые мировоззренческие ориентиры общества, но в то же время они принимали непосредственное участие в формировании социальной ценностно-нормативной шкалы.

В целом, политическое лидерство диалектически связано связь с сознанием и аксиосферой современного социума, одновременно отражая и фиксируя его основные мировоззренческие установки.

Список литературы

1. Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство: исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли. – Архангельск: Издательство Поморского государственного университетата, 1996. – 256 с.

2. Симагин А.В. Лидерство в системе социального партнерства (социально-философский анализ): дис. канд. филос. наук: 09.00.11. – СПб., 2007. – 205 с.
3. Слизовский Д. Е. Политическое лидерство в контексте укрепления вертикали власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2001. – №3. – С. 124–138.

УДК 355.01; 101.1

СТАРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ В НОВЫХ ВОЙНАХ

Коробов-Латынцев А.Ю., канд. филос. наук,
ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР
a.k-l@mail.ru

Введение. Стремительная трансформация войны в XX веке потребовала от философии соответствующей своему предмету интерпретации этого феномена [7, 4], в результате чего в середине 90-х годов исследователи вводят термин «новые войны» [4]. Однако несмотря на существенную трансформацию как самого феномена войны, так и подходов к нему, война по-прежнему ставит перед человеком фундаментальные вопросы, постановка которых для человека в мирное время, как правило, отходит на второй план. Иван Ильин так определил эти вопросы: «Позволительно ли убивать человека? Может ли человек разрешить себе по совести убиение другого человека? Вот вопрос, из которого, по-видимому, вырастает основное нравственное противоречие войны» [3, 800]. Эти вопросы, на наш взгляд, остаются актуальными как для «старых», так и для «новых войн», однако их постановка в обстоятельствах новых войн требует более основательного определения самого термина «новые войны».

Основная часть. Под понятием «новые войны» понимается широкий спектр разновидностей войн: гибридные войны, опосредованные войны, малые войны, информационные войны, экономические, сетевые, сетецентричные войны и т.д. Разобраться во всех этих типах и видах современных войн крайне непросто, и сам собой напрашивается первый и главный вывод по этой теме – война в наше время стала действительно тотальной, она развертывается во всех сферах: политической, идеологической, экономической и т.д. В своей тотальности война являет предельную изменчивость, текучесть своей природы, стремительно трансформируется и обретает порой совершенно неожиданный вид. Однако философский вопрос о войне, о ее духовном смысле и нравственном противоречии, всё так же продолжает задаваться, в то время как к исследованию феномена войны присоединяются все новые и новые науки.

Многие исследователи уверены, что войны будущего будут роботизированы и за людей будут воевать роботы. О такой войне начинают рассуждать кибернетики, программисты и представители многих

других фундаментальных и прикладных наук. И посреди рассуждений технико-инженерного характера о роботизации войны философ продолжает свое одинокое вопрошание о главном: снимается ли в таком случае (в случае роботизации войны) вопрос о нравственном статусе войны, если по ее итогу все равно остаются победители и проигравшие, угнетающие и угнетаемые? Т.е. если проигравшая сторона все равно будет претерпевать страдание по итогу войны, пусть даже сама война станет почти бескровной? Нравственная проблема войны, такими образом, нисколько не снимается ни ожидаемой роботизацией войны, ни тем более современными инвариантами теории справедливой войны, при помощи которой современные ученые стремятся задать войнам этические рамки.

В XXI веке остро встает вопрос о том, насколько применима фактически старая этика войны к войнам нового типа. Современный западный мир активно разрабатывает теорию справедливой войны, однако двойные стандарты как западных политиков и их правительств, так и ученых-специалистов при применении этой теории к действительным конфликтам низводят эту теорию до уровня политического инструмента, лишенного самоценности [5, 173]. Однако не смотря на все сложности, связанные с теорией справедливой войны, показательно именно то, что вопрос об этическом и аксиологическом статусе войны в наше время стоит не менее остро, чем в XIX и XX вв. Более того, в новейшее время, когда воюют уже не только армии, но целые нации и народы, и когда деление на тыл и фронт фактически перестает действовать, вопрос о нравственном смысле войны неизбежно становится даже более актуален, нежели в эпоху классических войн. Действительно, современная война превращается в пространство, в котором фронт везде, а тыл нигде, соответственно воюют тоже все, и все в опасности. В качестве примера можно привести бомбардировки Югославии, когда авиация НАТО в 1999 году беспощадно и целенаправленно (!) бомбила мирные сербские города, уничтожала мирное население (некомбатантов). Для цивилизованного мира, который ориентируется на «старое» представление о войне, этот акт представляется варварством, однако с т.з. «новых войн» подобное становится нормой, для этого даже вводится специальный термин – «гуманитарная бомбардировка» (которая призвана принудить к «гуманным» ценностям объект бомбежки). Таким образом, вопрос о добре и зле в новых войнах все так же актуален, как и в старых, не смотря на новые методы ведения войн и трансформацию самого понятия войны.

Помимо морально-этического (вопрос о нравственном статусе войны), общественно-политического (войны по-прежнему решают политические вопросы, являются то продолжением политики, то ее предпосылкой), война в современности не потеряла и своего важнейшего измерения – экзистенциального. Война как тысячу лет назад, так и в наше время остается для человека духовным опытом, экзистенциалом. На этом опыте сосредоточена философия войны. Вопрос об экзистенуциальном смысле войны ставили русские мыслители во время Первой Мировой

войны. Это вопрос не только о личном нравственном переживании события войны как события в своей личной духовной жизни, но и вопрос о собственном этическом дозволении себе самому участвовать в войне. А.Е. Снесарев так сформулировал этот вопрос: «Имею ли я нравственную обязанность участвовать в защите своего Отечества?» [6, 187]. Очевидно, что этот вопрос может быть задан комбатантами сегодня с не меньшим духовным напряжением, нежели сто или двести лет назад. А для людей, которые отправляются на войну добровольно, т.е. не будучи в регулярной армии, этот вопрос может быть сформулирован иначе: имею ли я нравственное право не участвовать в защите своего Отечества?

Заключение. В экзистенциальном измерении войны вопрос о смысле войны сопрягается с другим важнейшим философским вопросом – вопросом о смерти. В конце концов, вопрос о войне – это не только вопрос о крови, но и вопрос смерти. И прежде всего вопрос о смерти. В 1915 году в своей публичной лекции «Война и русское самосознание» С.Н. Булгаков сказал, что война дарует человеку духовное воскрешение: «Пусть странно, а для многих дико прозвучит мое слово, но скажу его: это воскрешение приносится смертью, откровением смерти. Над міром стала смерть, о которой забыли или, вернее, хотели забыть, и, как небесный благовест, как предвестие грозной трубы архангела, зазвучала в сердцах весть. <...> Смерть старательно изгонялась из мещанского обихода. <...> У смерти стараются отнять ее торжественно-мистический характер, не услыхать ее откровения, заглушая его тихий шепот светскими церемониями, напыщенными речами» [2, 23]. Таким образом, война, по Булгакову, действительно является важнейшим экзистенциалом, наряду со смертью. Именно время войны, которое течет по-особенному, позволяет человеку достичь метанойи и увидеть окружающий его мир и себя самого в нем иначе, с точки зрения смерти / вечности. Здесь будет уместно привести слова Н.А. Бердяева из его статьи о «Духе уныния!», написанной в 1915 году во время Великого поста: «…Идеальным было бы отношение к войне того, кто бесстрашно смотря в глаза действительности, возлюбив правду, без прикрас и идеализации воспринимая самые мрачные факты, сохранил бы бодрость духа, волю к победе и веру в Россию» [1, 160]. Заканчивая свою статью, Бердяев подводит итог: «Война должна породить у нас новый тип отношений к жизни – безбоязненный, правдолюбческий и героистически-просветленный» [1, 161]. Думается, будет справедливым заключить, что «новые войны», как и старые, могут породить в человеке такой тип отношения к жизни, но зависит это от самого человека, от его духовного опыта и философского дерзания.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Футуризм на войне (Публицистика времен первой Мировой войны). – М.: Канон+, 2004. – 384 с.
2. Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. М., 1915. [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/item/324836. – Дата обращения: 14.09.2020.
3. Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Вып. 125 (5). С. 797-826.

4. Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015. – 416 с.
5. Куманьков и А.Д. Современные классики справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан / А.Д. Куманьков. – СПб: Алетейя, 2019. – 473 с.
6. Снесарев А.Е. Философия войны. – М.: Ломоносовъ, 2013. – 288 с.
7. Соловьев А.В. Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. Т. 2. Вып.1. 2013.

УДК 930. 1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА КОРРЕЛЯЦИИ МЕТАФИЗИКИ ВОЙНЫ И МИРА

Масаев М.В., д-р филос. наук, проф.
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, РФ
mikhail-masaev@yandex.ru

Введение. О феномене войны написано немало работ самого различного характера – как относящихся к узко специфической отрасли военного дела, так и многих других, имеющих разноплановый характер – художественных, публицистических, политических, экономических, философских и т. п. Мир как феномен также раскрывается в подобных ракурсах. Однако работ об этих явлениях в определенном синтезе их диалектического единства не так много. Данная работа призвана внести посильную лепту в изучение данной достаточно злободневной и актуальной проблемы.

Основная часть. Общеизвестно, что латинское крылатое выражение «**Si vis pacem, para bellum»** (в переводе с латинского языка – «Хочешь мира – готовься к войне») –приписывается известному римскому историку Корнелию Непоту, в частности – в знаменитом жизнеописании фиванского полководца IV века до н. э. Эпаминонда, которого многие военные историки называют не иначе как «отцом современной военной стратегии». Схожая формулировка фразы принадлежит также римскому военному писателю Вегецию Флавию: «Таким образом, кто хочет мира, пусть готовится к войне; кто хочет победы, пусть старательно обучает воинов; кто желает получить благоприятный результат, пусть ведёт войну, опираясь на искусство и знание, а не на случай. Никто не осмеливается вызывать и оскорблять того, о ком он знает, что в сражении тот окажется сильнее его (Igitur qui desiderat pacem, praeparet bellum; qui uictoriam cupit, milites inbuat diligenter; qui secundos optat euentus, dimicet arte, non casu. Nemo prouocare, nemo audet offendere quem intellegit superiorem esse, si pugnet.)» [1-2].

Всё вышесказанное безусловно справедливо с точки зрения базовых категорий военной тактики и стратегии. С древнейших времён ремесло воина и военного дела оттачивалось и доводилось до нужного состояния

путём постоянных усердных учений и упражнений рядовых воинов и среднего и высшего командного звена, одобренного свыше руководством государств, вовлечённых в перманентные войны и военные конфликты, которые сопровождали человечество на протяжении всей его сознательной истории.

Но не мене важным аспектом в истории человечества были и последствия войн. Войны, как и многое в жизни, имеют своё свойство: они рано или поздно заканчиваются… миром, а по окончании требуют всесторонних переговоров и многочисленных улаживаний зачастую их страшных и чудовищных последствий. И в данном контексте искусство воина отходит на второй план, уступая место искусству миротворца. Данное искусство в современном обществе исполняет институт дипломатии, призванный всячески улаживать военные конфликты, а лучше всего – и предотвращать их.

В данном случае вспоминается фрагмент завещания одного из лучших российских императоров, незаслуженно забытых Отечественной историей на какое-то время и сейчас возрождающегося из пепла этого забвения. Речь идёт об Александре III, отце последнего действующего российского императора Николая II, вошедшего в анналы мировой истории с именем «Миротворец».

Что же советует действующий император, «государь-миротворец», будущему главе державы, своему сыну, вошедшему в историю как «святой царственный мученик-страстотерпец»? А советует он следующее: «Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как его нес я и как несли наши предки. Тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекшего кровью Отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это Он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал передо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое «передовое общество», заражённое либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывали мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь.

Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. **Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать** (*выделено нами – авт.*). Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним и Россия рухнет. Падение исконно русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междуусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что Ты несешь ответственность за судьбу Твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость Твоего царского долга

будет для тебя основой Твоей жизни. Будь тверд и мужественен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только Самого Себя и Своей совести. **В политике внешней – держись независимой позиции. Помни, – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн** (*выделено нами – авт*). В политике внутренней – прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в годины бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства» [3].

Таким образом, анализируя текст данного завещания, можно акцентировать внимание на двух фрагментах, относящихся к диалектике войны и мира. Первый фрагмент – о том, что государь-миротворец говорит о своём стремлении дать внутренний и внешний мир в целях свободного и спокойного государственного развития, которое вследствие сохранения мира, с точки зрения императора Александра III, имеет потенцию, силу «нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать». Второй же фрагмент чётко увязывается с первым, когда речь идёт о необходимости независимой позиции, которой должен придерживаться будущий государь во внешнеполитическом курсе вверяемого ему государства, с одной стороны, а с другой – о том, чтобы его наследник всячески ***избегал войн*** («Помни, – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн»**).**

Говоря о личности императора-миротворца, необходимо в данном контексте вспомнить одну из заповедей блаженства, которая гласит: «Блаженны миротворцы, ибо сынами Божьими наречены будут». Император Александр, будучи глубоко верующим православным царём, очевидно, чётко помнил данную заповедь и в своём духовном завещании своему сыну Николаю желал её практической реализации, воплощённом в будущем правлении своего наследника, которому желал всяческого процветания и блага.

Показательны в данном случае также рассуждения известного деятеля искусств современной России, художника Ильи Глазунова, который анализирует деятельность известного реформатора эпохи Николая II, премьер-министра Российской империи, П.А. Столыпина: «Никакие крепости не заменят путей сообщения», – заявлял в Думе Столыпин, убеждая в стратегической важности Транссибирской магистрали для России….20 лет прошло после крушения советской власти. Казалось бы, пора встать на ноги. Так нет, со всего мира уже везут продовольствие в богатую некогда столыпинскую Россию. В обмен на нефть и газ. Впрочем, что продовольствие. Демография – наша главная беда. Посмотрите, в ходе демократических реформ год от года население страны сокращается. Как тут не вспомнить слова Столыпина: **«Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!»** (*выделено нами – авт*.). При нем страна действительно год от года, от реформы к реформе становилась могучей мировой державой, обгоняя Европу и Америку по темпам роста экономики и народонаселения. Население империи в начале XX века выросло на десятки миллионов

человек! И это несмотря на потери в Русско-японской войне и революции 1905 – 1907 годов, генеральной репетиции Октября, кровавый занавес которой был опущен его, Столыпина, железной рукой и непреклонной волей» [4]. Таким образом, один из важнейших моментов, на которые обращает внимание П. А. Столыпин – 20 лет «**покоя внутреннего и внешнего» (то есть – мира –** *выделено нами – авт.*). К сожалению, последнему царю из рода Романовых не удалось (по объективным причинам) выполнить ни духовного завещания своего отца («избегай войн»), ни важнейшего совета своего премьер-министра, который также говорил о необходимых 20 годах именно **мирного** развития России, «**20 лет покоя внутреннего и внешнего»**. Сейчас вряд ли имеет смысл искать виновных в том, что произошло с Российской империей или что могло бы произойти, не ввяжись Россия в первую мировую войну (история, как известно, не терпит сослагательного наклонения), однако анализировать и рассуждать об уроках истории в русле именно социально-философского анализа проблемы жизненно необходимо в контексте возможных сценариев развития дальнейшей истории человечества.

Возвращаясь к седьмой заповеди блаженства («Блаженны миротворцы…»), целесообразно обратить внимание на рассуждения священника Василия Куценко: *«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9). Какие ассоциации вызывает у современного человека слово «миротворец»? Можно предположить, что для большинства из нас миротворец – это человек в камуфляже, берцах, бронежилете, каске и с автоматом наперевес» [5]. «*Но ведь явно в Евангелии сказано, – рассуждает далее В. Куценко, – не о современных камуфлированных и вооруженных миротворцах, потому что тогда, во время жизни Христа и написания Евангелия, таких миротворцев не было. На самом деле были. Только назывались они немного по-другому и были по-другому вооружены. Штука в том, что оружие их было не менее смертоносным, чем современное.

Есть даже специальный термин «PaxRomana» – «Римский мир» (иногда «Августов мир», по имени императора Октавиана Августа). Это период римской истории, ознаменованный относительным спокойствием. Количество военных конфликтов в Римской империи было сведено к минимуму. Но в реальности Римский мир был миром, поддерживаемым силой римских военных легионов, рассредоточенных по границам….» *[5]*.

Заключение. *«*Преподобный Серафим Саровский, – подчёркивает В. Куценко, – однажды произнес величайшие слова: «Стяжи дух мирен, и вокруг спасутся тысячи» *[5]. Таким образом, обозначенная проблема далека от своего решения. Её дальнейшее изучение – перспектива дальнейших исследований, которые будут призваны раскрывать иные грани указанной проблемы.*

Список литературы

1. Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений / сост. Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровской. – М.: Русский язык, 1982 [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&dict_id=145 (дата обращения: 24.02.2019).
2. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xlegio.ru/sources/vegetius/ (дата обращения: 24.02.2019).
3. Духовное завещание Александра III своему сыну Николаю II [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samoderzhavnaya.ru/pages/duhovnoe_zaveshanie_alexandra_iii (дата обращения: 24.02.2019).
4. Черных Евгений. Сто лет без Столыпина // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.crimea.kp.ru/daily/25754.3/2739741/ (дата обращения: 24.02.2019).
5. Куценко Василий. Блаженны миротворцы // Православие и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/76897.html (дата обращения: 24.02.2019).

УДК 355.01

ВОЙНА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: МЕЖДУ ПАНЛОГИЦИЗМОМ И АБСУРДОМ?

Муза Д.Е., д-р филос. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
d.muza@donnu.ru

Введение. Недавно А.Г. Дугин вполне резонно обратил внимание на изменение онтологического статуса войн эпохи постмодерна. В частности он указал на то обстоятельство, в соответствии с которым войны постмодерна характеризуются особой онтологией: пространством, временем и действием. Но главное – эти войны напрочь лишены измерения сакральности [1, с. 171 – 173], а значит их формат, логика и телеология нуждаются в иных подходах и оценках. К сожалению, сегодня разнящихся вплоть до «несовсестимых» противоположностей.

Основная часть. При этом теоретический и практический вопросы «логики» и «методологии» войн упираются в проблему ревизии оснований войны, часто соотносимой с этико-аксиологическими сюжетами жизни тех или иных обществ. Отсюда **цель** – транскрибировать таковые.

К примеру, в своё время Ю. Эвола полагал, что показателем «милитарных» практик Европы (а за нею, естественно, и Америки), является вывод об утрате ими «истинного понимания, сотрудничества и общность цививизации» в сфере общих ценностных перспектив – «свободы», «достоинства» и «общности народов» [2, с. 92]. Т.е., этико-аксиологических оснований войны.

Разумеется, такая постановка вопроса важна, но она также может (и должна) быть сопряжена с принципом движущих сил войны, который вообще связывается с modus vivendi цивилизации (цивилизаций). Но связывается особым образом.

В этом контексте полезно вспомнить соображения А.Дж. Тойнби. В частности, предложенное им обобщение: «Война – «дитя цивилизации»,

поскольку возможность ведения войны предполагает минимум техники и организации, а также дополнительный эквивалент, который превышает все, что необходимо для обыденного существования (людей); и эти движущие силы войны не были присущи существованию первобытного человека, и в то же время, если взять иной ракурс, то мы вряд ли знаем что такое цивилизация..., тем более, что война в её жизни никогда не была нормативным и доминирующим инструментом» [3, p. VIII].

Однако в современных исследованиях войны встречаются сюжеты, посвященные уяснению взаимосвязи динамики цивилизации (цивилизаций) и типов войн. К примеру, Ж. Бодрийяр так артикулировал фазисы развития войны: «После *горячей войны* (кровопролитный вооруженный конфликт), после *холодной войны* (равновесие страха) настало время *мертвой войны* – размороженной холодной войны, которая кроме как схватиться с трупом войны, сделала неизбежным контакт с этим разлагающимся мертвецом…» [4, с. 13]. Причем для него после индустриализма с его результирующей – эпохой общества потребления, наступает время «фатальных стратегий».

В свою очередь А.А. Зиновьев, опираясь на представление об «эволюционном переломе», о проектируемой и управляемой истории, вывел новый тип войны – «эволюционную войну». Коварство последней состоит в том, что она не воспринимается как война, а напротив, в пропаганде предстает как «благо» [5, с. 542–550]. Таковы примеры воен в Югославии, Сирии, Украине, Белоруссии, не говоря уже о стратегическом давлении США и «коллективного Запада» на Россию и Китай.

Тем не менее, последний тезис нуждается в уточнении. А именно, в прояснении того, что принято маркировать «*цивилизационными войнами*». как наивысшим типом международного противостояния и противоборства.

Еще в 40-е годы К. Райт сформулировал положение о том, что все мировые цивилизации, проходя четыре периода развития: 1) героический; 2) потрясений и войн; 3) сплочения и стабильности; 4) стагнирующий, отличаются своей воинственностью. Она просматривается не только на уровне религиозной (проповедь), политической (пропаганды), экономической (конкуренция) и социокультурной (насилие) борьбы, но на уровне военной доктрины. Последняя помимо этико-философских обоснований «права на войну», содержит регламент ведения войны конкретными лицами и социальными институтами. Наконец, «военное искусство» воинствующей цивилизации несет в себе геополитические сюжетю, как мироустроительные [6, p. 106–109, 110–111, 117].

Рассматривая Стратегию нацбезопасности, военнную доктрину США, устав НАТО под этим углом зрения нужно признать их панлогицизм, т.е. желание тотального разрушения всех цивилизационных конкурентов. Но тот же К. Райт показал, что насквозь милитаризированные вавилонская, античная, ранняя арабская, турецко-османская цивилизации дезинтегрировались и ушли с исторической сцены по причине «кодирования» войны и перманентного осуществления таковой. Между тем и западную цивилизацию К. Райт относил к этому типу.

Хотим мы того или нет, но (вопреки С. Хантингтону) актуальная мировая история сегодня с очевидностью вышла на ристалище битвы «цивилизационных антагонистов» [7]. Последние – чаще всего благодаря индуцированию «духов войны» из «первоисточника», рассматривают своем прицеле иных цивилизационных субъектов как онтологически, социально и морально недопустимых сущностей. Неважно США – Россию, или КНР, как показало недавнее расследование, – обоих [8]. Но вопрос о подлинности рационально / абсурдистски обоснованных версиях военологии все же упирается в вопрос о «знамени Победы».

Заключение. Предупреждая человечество, в своём монументальном полотне «Мистерия XX века» (1977/ 1999) И.С. Глазунов указал на три идеологии, неспособные решить проблему социальной (моральной-и-эстетической) гармонии. Сегодня же, в XXI-м веке по тому же критерию невменяемости пошли США, НАТО и многие другие.

Однако скачь всадников Апокалипсиса (А. Дюрер) «зачеркивает» всю «машинерию» войны, поскольку XXI век не будет веком диалога, а скорее менстримом тотального самоуничтожения. Отсюда вопрос об истинности притязаний той или иной цивилизации – открыт.

Список литературы

1. Дугин А.Г. Русская война / А.Г. Дугин. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. – 272 с.
2. Эвола Ю. Метафизика войны / Ю. Эвола. – Тамбов: б.и., 2001. – 128 с.
3. Toynbee A. War and Civilization / A. Toynbee. – N. Y. : Oxford University Press, 1950. – xii, 165 p
4. Бодрияйяр Ж. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр // Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
5. Зиновьев А.А. Логическая социология: избранные сочинения / А.А. Зиновьев. – М.: Астрель, 2006. – 606, [2] с.
6. Wright Q. *A* Study *of* War / Q. Wright. – Chicago: University *of* Chicago Press, 1942. – Vol. 1. – 904 p.
7. Багдасарьян В.Э. Россия – Запад: цивилизационная война. Монография / В.Э. Багдасарьян. – М.: ФОРУМ : ИНФРА-М, 2018. – 410 с.
8. Латыпов Н.Н. Летальные игры стратегов. Ледяное дыхание огненного дракона / Н.Н. Латыпов, А.А. Вассерман, С.С. Тушев. – М.: Вече, 2019. – 416 с.

УДК 94:572.9

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ, ДРУГАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Некрасов С.Н., д-р филос. наук, проф.
ФГАОУ «УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, РФ
ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», г. Екатеринбург, РФ
nekrasov-ural@yandex.ru

Введение. Мировые войны исторически совпадают с взлетом и крахом глобальных проектов. Третья мировая гибридная война, в которой

сталкиваются красный и либеральный синий глобальные проекты, создает условия для другой глобализации. В ней формируется исторический шанс России выйти на новые рубежи развития и создать привлекательный образ общего будущего человечества. Поскольку объявленная Западом Третья мировая война будет идти в сферах нанобиоинфокогни-моделирования, возникает вопрос о роли России не как охранника тыла красного проекта и богатств Евразии, но как силы управляющей культурными кодами в постиндустриальном обществе. В обществе экономики знаний основным богатством станет понимание смыслов бытия. В первую очередь крестьянин на русской земле получает преимущества истории – энергия народа в социальном государстве приходит в движение. Для реализации глобального проекта Евразии важно успеть пройти путь реиндустриализации и новой коллективизации.

Основная часть. Классический исторический материализм весьма ограничен в понимании мировых войн и их роли в мировом историческом процессе. В истории России народное хозяйство, общественное производство вместе со страной прошло исторические потрясения мировых войн. В первой мировой империалистической войне человеческих масс вопрос для нас стоял так: способна ли царская Россия обеспечить развертывание мобилизационного потенциала продовольствием? И мы знаем, что та страна надорвалась в мобилизационных усилиях и поставила под ружье излишнее количество одетых в серые шинели рабочих и крестьян: для позиционной окопной войны им не хватило продовольствия и оружия, и покидавшие фронт с винтовками солдаты, в сущности, и совершили две русские революции 1917 г.

Во второй мировой войне, которая превратилась для СССР в Великую Отечественную Войну советского народа, была грамотно и в предельно короткие сроки проведена эвакуация, задействованы созданные перед войной Госрезервы по всем видам продуктов и вооружения. Поскольку это была война моторов и индустрий, антигитлеровская коалиция победила, поскольку во главе ее стоял могучий социалистический Советский Союз с плановой экономикой, централизованным управлением народным хозяйством и всеми сферами жизни народов страны, а результатом войны в глобальном масштабе стало образование Мировой системы социализма и формирование международного разделения труда стран, строящих социализм на пространствах Восточной Европы и Азии.

Третья мировая холодная война использовала гонку вооружений и предполагала постройку ракет, которые не взлетают, бомб, которые не используются, кроме локальных конфликтов малой интенсивности в горячих точках, однако основными поражающими факторами в этой войне стала упаковка, привлекательный образ будущего, колбаса, одежда и западный либеральный глобальный проект. В отличие от красного проекта, цвет либерального проекта синий – цвет символики правящей партии «Единая Россия», цвет оформления парадов Победы. Советский Союз проиграл эту войну и подписал капитуляцию на Мальте в декабре 1989 г.

Результатом явился действующий по сей день Вашингтонский консенсус – финансовая привязка остатков страны к системе МВФ и ВТО.

Объявленная Западом Третья мировая война будет идти в сферах нанобиоинфокогни-моделирования. Нано- предполагает миниатюризацию элементной базы вычислительной техники, здесь лидируют США и КНР. Био- предполагает создание искусственных вирусов как боевого поражающего генокод оружия различных этносов и наводящих панику и разрушение экономической жизни масс и континентов. Инфо- предполагает конкуренцию в области «big data», «интернета вещей» между «Хуавэй» и «Майкрософт» с элементной базой «Интел». Когни- предполагает конкуренцию смыслов и глобальных проектов: китайский проект будущего планеты как «содружества общей судьбы человечества» и американский проект трансгуманизма, создания управляемого искусственного человека и сокращения населения планеты. Сказанное означает, что война цивилизаций и классов, красного Китая и синего либерального Запада перемещается в сферу войны смыслов и борьбы за управление смыслами. Эти два государства обращаются к своим народам и к народам планеты с донесением своего смыслового послания будущему. Фактически, здесь сталкиваются социалистическая прогрессивная утопия благосостояния – для всех за счет упорного труда и науки – и буржуазная реакционная антиутопия конца истории.

Какова роль буржуазной России в этом раскладе сил в начале столкновения дракона и орла, какое место отводится медведю? Как сделать так, чтобы медведь выступил как «витязь в тигровой шкуре»? Сегодня РФ планирует свою роль в качестве охранника, блюстителя порядка на просторах Евразии, защищающего тыл Китая. Китая, понимаемого как единое общество, живущее по принципу «одна страна – две системы»: красный Китай или КНР и белый Китай, республика Китай на Тайване. До конца этого года мы увидим на сессиях ШОС и БРИКС прояснение позиции РФ в холодной войне США, объявленной КНР. Либо Россия остается «часовым Евразии» как и Советский Союз, а значит надежный тыл китайской экспансии в мир, либо она станет передовым ударным отрядом американских глобальных монополий. Беда России в том, что помимо национальных проектов, она не имеет и не реализует свой глобальный проект. Возможно, таким проектом, исходящим из глубин русской истории, станет проект изобилия органических продуктов сельского хозяйства на базе кластерного самоуправления для единой планеты? Такой проект предполагает превращение России в глобальную (возможно, фиолетовую» евразийскую) промышленную инновационную державу.

Очевидно, что буровую и кладовую планеты легко захватят более сильные хищники, и потому, как пишет М. Калашников, «будущей России необходимо стать не «кладовой и буровой планеты, а прежде всего промышленно-инновационной державой» [2, 292]. Полковник внешней разведки, или классической «орденской разведки», китаевед А. П. Девятов продолжает линию исторического материализма в парадоксальной форме

«небополитики», именно как продукта орденской политической разведки. Он пишет: «В доиндустриальном обществе натурального хозяйства основным богатством была земля – сельскохозяйственные, лесные и охотничьи угодья… В индустриальном обществе производства товаров и услуг основным богатством стал капитал – заглавная величина *наличной стоимости энергии* в форме денег, сырья и топлива» [1, 12].

Заключение. Управление смыслами и программными кодами составляет суть третьей мировой гибридной войны: «в постиндустриальном обществе экономики знаний основным богатством станет понимание смыслов бытия в форме способности людей выстраивать ряды (цепочки) последовательных шагов из любого исходного положения к желаемому результату. Согласно лозунгу «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Ибо через смыслы можно управлять всем процессом бытия» [1, 19].

Сегодня Третья мировая на горизонте, и она требует переосмысления опыта капиталистического вектора деградации, когда Россия оказалась на дне. Пора подниматься и успеть пройти путь реиндустриализации, а новой коллективизации и главное новой культурной революции смыслов.

Список литературы

1. Девятов А. В. Путь правды – разведка. Теория и практика «мягкой силы». – М.: Волант, 2013. – 87 с.
2. Калашников М. Россия на дне. Есть ли у нас будущее? М.: Яуза-пресс, 2009. – 352 с.

УДК 130.2

ДОНЕЦК РУКОТВОРНЫЙ: ВЗГЛЯД НА ГОРОД СКВОЗЬ ОПТИКУ РУССКОГО КОСМИЗМА

Олендарь Н.Е.

ГУК «Донецкая республиканская библиотека для молодёжи», г. Донецк, ДНР

Введение. В XIX-XX вв. в русской философии наметилась плеяда деятелей, которые смело использовали формулировки «активное христианство», «творчество», «теургия», а человек у них нарекался существом творящим, богоподобным, созидающим в синергии с Богом. Сложно представить более гуманистический пафос, где настолько бы «выпячивался» человек, и ему вверяли бы судьбы общества, мира и всей Вселенной. Такой пафос присущ Бердяеву, Фёдорову, о. С. Булгакову, Циолковскому, о. П. Флоренскому и иным мыслителям, которые отнесены к ветке «русский космизм» [1].

Основная часть. Заветы о достижении иммортализма, мира без войн, прекращения болезней и катастроф особенно слышны в период близко подступивших опасностей. Среди коих война и чума. В противовес повальной энтропии начинают действовать жизнетворческие силы, и на теле чумном или охваченном пожаром войны наряду с ранами и

гнойниками возникают очаги с розариями, симпозиумами, концертами, театральными мистериями. Пускай и не все, кто причастен к космизации пространства знают, что действуют по лекалам Фёдорова, Вернадского, Циолковского, Бердяева, но интуитивно эти люди уже живут философией русского космизма, воплощают проекты смертеотталкивающего дела.

Посмотрев на столицу ДНР – город Донецк, сквозь оптику русского космизма, очертятся характерные для этого течения явления. На фоне войны действует разумная человеческая сфера, антропосфера, которая «подчиняется действию особых, социально-экономических закономерностей» [1, с. 333]: облагораживается и озеленяется индустриальный массив, кипит научная жизнь. За время войны (с 2014 года) возникли Центр изучения космоса и космизма имени Николая Фёдорова и Донецкое отделение Российского космического общества, которые целенаправленно формируют «космическую точку зрения», на необходимости которой настаивал ещё Циолковский [2, с. 294-295]. Сильно развиты волонтёрские движения (безмездная помощь). Чествуются участники ВОВ: даже во время профилактических мер к 75-летию Победы дончане нашли возможность на автомобилях устроить колонну [3]. Многие водители прикрепляли к окнам дверей портреты своих предков-участников войны. «Бессмертный полк» целиком и полностью можно обосновать проективной философией Николая Фёдорова – вынесенным за пределы поминальных списков (синодиков) портретов усопших с целью воссоздания их образов [4, с.331].

Заключение. По-фёдоровски, т.е. с трепетным сыновним чувством в Донецке относятся к ушедшим отцам. Если за срез взять только 2020 год: к 100-летию хозяйственника, государственного деятеля Владимира Дегтярёва выходит сразу две книги о нём [5], ставят памятники Чехову [6], Панфилову [7] (на одноимённом проспекте), герою ДНР Михаилу «Гиви» Толстых [8]. И это всё во время пандемии и непрекращающихся военных действий!

В завершении хочется подчеркнуть, что сегодня Донецк как столица Донецкой Народной Республики, как город в состоянии войны представляет собой средоточие идей русского космизма, воплощающихся наяву!

Список литературы

1. Циолковский Константин Эдуардович. Космическая философия / Константин Циолковский. – Москва.: Издательство «Э»,2018. – 416 с.
2. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г.Семеновой, А.Г.Гачевой; Вступ. ст. С.Г.Семеновой; Предисл. к текстам С.Г.Семеновой, А.Г.Гачевой; Прим.А.Г.Гачевой. – М.:Педагогика-Пресс, 1993. – 368с.: ил.
3. В ДНР организовали автопробег, посвященный 75-й годовщине Победы [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20200509/1571207810.html (дата обращения 17.09.2020).
4. Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том 1. – М.:Издательская группа «Прогресс», 1995. – 518 с.
5. Белашова Ксения. Донбасс помнит Дегтярева / Ксения Белашова // Донецк Вечерний. – 2020. – 26 августа. – С. 10
6. В Донецке установили памятник Антону Чехову [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/2926460.html (дата обращения 17.09.2020).

7. В Донецке установили бюст Панфилова [Электронный ресурс]. URL: https://dontimes.ru/v-doneczke-ustanovili-byust-panfilova/ (дата обращения 17.09.2020).
8. В Донецке открыли памятник Герою ДНР Михаилу Толстых. [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/3045356.html (дата обращения 17.09.2020.

УДК 355.01

СТАРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ В НОВЫХ ВОЙНАХ

Паркин Д.А.
ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР
Batmanoo7@yandex.ru

Введение. Уже шестой год бушует война на территории нашего родного края – Донбасса. За это время её успели изобразить в своих произведениях различные литераторы, режиссёры, музыканты, художники и другие люди, которые ранее, возможно, даже не пробовали себя в этих профессиях. Столько же много и вариантов интерпретации типа войны: большинство называет её гибридной, кто-то – гражданской, украинская сторона и вовсе называет её войной Украины против России (русско-украинской войной). Мы же взглянем на неё при помощи философии и используем инструментарий данной дисциплины для того, чтобы показать, почему войну нашего народа против украинского национализма можно назвать справедливой. Для этого, конечно, придется обратиться к теории справедливой войны.

Основная часть. Теория справедливой войны – это одна из доктрин этики войны, доказывающая нравственную приемлемость некоторых войн. Хоть эти два термина – «справедливость» и «война», кажется, трудно представить в одном сочетании. Однако в последнее время теория справедливой войны приобрела очень большую популярность и востребованность, поскольку сильные мира сего используют эту теорию для легитимации своих войн.

Можно сказать, что идея справедливой войны встречается уже в Античности. Так, Аристотель в «Политике» указывал, что война является справедливой, если она ведется ради защиты своего государства (полиса), а также для установления господства над неразвитыми государствами. По Цицерону, только такая война оправданна, которая ведется с целью отражения и наказания агрессора. Однако главными основоположниками теории справедливой войны можно считать блаженного Августина и Фому Аквинского. Помимо них руку к разработке принципов справедливой войны приложили и многие другие западные мыслители: Каэтан, Гуго Гроций, Франсиско де Витория, Кант, Майкл Уолцер и др.

Основная задача теории справедливой войны — объяснить, когда и почему война может считаться морально обоснованной, а также указать допустимые способы её ведения. Так, античные философы оправдывали

войны с менее развитыми государствами и порабощение их народа. В Средние века оправдывалось убиение человека во имя Христа и узаконивались Крестовые походы, но также и устанавливались принципы войн между католиками. В Новое время оправдывали насилие против туземцев в колониях европейских держав. А с середины XX века и по наши дни политики используют её чтобы оправдать агрессию против того или иного государства, которое перешло дорогу интересам этих самых политиков, а также чтобы убедить народ в справедливости грядущего конфликта. Например, Ирак, Афганистан, Югославия, Вьетнам.

Рассмотрим войну в Донбассе при помощи теории справедливой войны.

Для того чтобы война считалась справедливой, она должна соответствовать 2 основным критериям: jus ad bellum («право» к войне) и jus in bello («право» в войне, т.е. право при ведении войны) [1]. Рассмотрим для начала jus ad bellum. К нему относится 6 главных принципов: принцип законной власти; принцип правого дела; принцип добрых намерений; принцип соразмерности; принцип разумных шансов на успех и принцип крайнего средства. Нас интересуют первые два принципа

Принцип законной власти. При сугубо формальном или процедурном понимании он требует, чтобы решение о начале военных действий принималось органом (должностным лицом), которые уполномочено на принятие таких решений конституцией суверенного государства или же международными соглашениями. Пользовалась ли им украинская власть? Нет, Янукович, хоть и бежал из Киева, все же оставался законным президентом страны. Государственный аппарат и силовые структуры находились в состоянии прострации и еще не контролировались евромайдановцами. Местная власть в регионах юго-востока де-факто не подчинялась Киеву. Армия находилась вне политики и не могла быть использована для подавления «Русской весны». По сути, новая власть в Киеве опиралась всего на несколько тысяч боевиков неонацистских организаций и наемников из частных военных компаний [3]. С этой точки зрения ответная реакция в городах юго-востока, выражающаяся в массовых стихийных акциях протеста против свержения законной власти, выглядит как вполне естественное явление, т.к. закон был на его стороне. Таким образом, Киев не имел легитимного правителя для начала военных действий против Донецкой и Луганских областей до проведения законных выборов, и поэтому действия киевской хунты не могут удовлетворять критерию законной власти.

По принципу правого дела всё тоже не очень гладко. Чего хотела добиться украинская власть начиная антитеррористическую операцию, позже превращенную в полномасштабную войну с применением тяжелой артиллерии, авиации и танков между вооруженными формированиями киевского режима и донбасскими ополченцами? Она пыталась разорвать историческую связь народа Донбасса с Россией, с русской культурой и русским языком. Силой заставить нас смирится с силовым

антиконституционным характером смены власти на Украине, с намерениями ультраправых движений распространить силовое давление на всех несогласных с новым правительством. Киев добивался установления диктатуры над русскоязычным населением. Здесь очевидно проявление тирании власти против своего собственного народа, что является признаком несправедливой войны [4, 103]. Народ Донбасса, напротив, использовал принцип правого дела, т.к. он руководствовался целями защиты родного языка, защиты своей истории от неонацистских нападок. Народ Донбасс восстал против несправедливости, защищал свое право. Выступление против тирании становится ещё одним справедливым поводом к войне [4, 53]. Локк высказался в пользу права на восстание в случае, когда «законодатели пытаются отнять и уничтожить собственность народа или повернуть его в рабство деспотической власти» [4, 109]

Эти положения актуальны для т.н. традиционной теории справедливой войны (т.е. государство-против-государства). В следствии того, что в XX-XXI веке угроза войны начала возникать не только лишь от других государств, а и от некоторых повстанческих, партизанских либо подобным им организаций, современные разработали неклассическую теорию справедливой войны, которая имеет дело с конфликтом государство-против-не-государства. В плоскости войны на Донбассе она довольна актуальна. Ведь в начале конфликта ДНР и ЛНР не представляли из себя то, чем являются сейчас. Весной-летом 2014 у нас не было организованных вооруженных сил, они еще не успели сформироваться и вместо них было ополчение. По административному устройству мы являлись обычными областями Украины без намеков на независимость. Но спустя 6 лет мы заметно изменили свою административную и военную структуру, сформировали свое государство. Даже Украина нехотя признает это: В 14 году нас называли террористами, спонсируемыми Россией, сейчас им все чаще приходится контактировать с нами на дипломатическом уровне (что с террористами не делается) начиная от обмена пленными и заканчивая Минскими договоренностями

Рассмотрим действия украинских властей со стороны неклассической теории справедливой войны. Для начала изучим принцип легитимной власти. Фоушин пишет: «Государство, вовлеченное в конфликт, все-таки должно соблюдать этот принцип, но не негосударственная группа» [5, 177]. Иными словами, у государства нет основания быть освобожденным от обязанностей санкционировать эту войну легитимным способом. Следовательно, негосударственные группы свободных от правил легитимной власти. Тем не менее они не свободны от принципов правого дела и крайнего средства. С другой стороны, Фоушин утверждает, что в список правого дела неклассическая теория вносит превентивное нападение и не обязательное соблюдение принципа крайнего средства. Но в своих примерах он рассматривает именно мятежников, которые преимущественно скрываются и/или применяют тактику нападения на уязвимые объекты государства. Но мы не являлись какой-то

скрытой мятежной ячейкой, народ открыто показывал недовольство переворотом и не желание признавать новую власть. Никаких нападений на уязвимые объекты не совершалось. И, самое главное, мы не скрывались и государство вполне могло связаться с нами и начать вести переговоры. Поэтому я считаю, что в плоскости нашего конфликта разрешение превентивных ударов и отмена крайнего средства для Украины не считается обоснованным

Заключение. Рассмотрев войну в Донбассе по критериям справедливой войны, мы можем сделать вывод, что со стороны Украины это несправедливая война **—** лишённая справедливой причины, объявленная лицом без должного авторитета, ведущаяся вопреки добрым намерениям (отдельные примеры агрессии украинских карателей против мирного населения Донбасса широко известны и зафиксированы не только СМИ, но и ОБСЕ). В то время с точки зрения теории справедливой войны действия Донецкой и Луганской Народных Республик можно считать вполне оправданными.

Список литературы

1. Бунтовский С.Ю., Каримова Х.И. Политические процессы на Украине как угроза Российской Федерации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 123. – С. 2097-2111.
2. Иванов А.В. Моральные дилеммы и концептуальные противоречия теории справедливой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – С. 46-50.
3. Коробов-Латынцев А.Ю. Осмысление Донбасской войны в современном отечественном философском дискурсе // Философия и культура в гуманитарном дискурсе Материалы международной научно-методической конференции. Отв. ред. Сулимов С. И. – 2019. – С. 19-21.
4. Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны: М.Уолцер, Н.Фоушин, Б. Оренд, Дж.Макмахан / А.Д.Куманьков. –СПб: Алетейа, 2019. – 268 с.
5. Фоушин Н. Две теории справедливой войны // Этическая мысль. – 2016. – Т. 16, № 2. – С. 169-186.

УДК 141.7. +130.2

КРЫМ И ДОНБАСС В РУССКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Переход С.О., канд. филос. наук

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, РФ

perehod1974@yandex.ru

Введение. Понятие «цивилизация» рассматривается как высокой уровень всех сторон жизни человечества (материального и духовного). Цивилизация отражает уникальность национально-культурных и исторических традиций, и силу их влияния на человека. Цивилизация

формируется на основе вечных ценностей в системе морали, этики, права, искусства, религия при этом является ориентиром и критерием истины, которую определяет Бог.

Идеал русской цивилизации – Святая Русь, замысел Бога о России. Основа русской цивилизации – Крещение Руси.

Основная часть. Начало христианизации древней Руси является этапом основания русского православного государства, что определило ход развития русской цивилизации, ее идентичности. Символом этого основания есть Крещение Руси князем Владимиром в Херсонесе Таврическом в 988 году.

Можно проследить генезис исторического становления русской государственности и этапы развития русской цивилизации.

Основные концепты культурной идентичности русской цивилизации сконцентрированы в следующих трудах: 1) «Поучение» (1099 г.) Мономаха, мыслитель дает свои наставления нравственного характера и определяет преимущество и задачи общегосударственного порядка; 2) «Слово о законе и благодати» (1037 г.) Илариона Киевского, где автор излагает сущность православия, размышляет о месте и роли Древней Руси, в этой работе впервые были использованы понятия «русская земля», «русский народ»; 3) «Москва – третий Рим» (1510 г.) Филофея, этот труд представляет внутригосударственную и внеполитическую доктрину единого Московского государства. Эти труды определили основу культурного кода русской цивилизации. Известны три составные части русской цивилизации: античность, византийское наследие и диалектическое соединение славянских и туранских элементов.

После падения столицы Византии Константинополя в 1475 году Московское царство становится центром восточно-христианской цивилизации, постепенно заменив Византию (Империя Ромеев).

В работе «Россия и Европа» одного из основоположника цивилизационного метода Н.Я. Данилевского определена русская (восточно-христианская) цивилизацию как особый тип существования русского славянского народа. По его мнению, восточно-христианская цивилизации состоит из ядра (историческая Россия) и дружеских народов, принимающих традиционные ценности и принципы России.

На современном этапе мы можем трансформировать данный тезис в новом ракурсе. Российская Федерация составляет ядро восточно-христиан-ской цивилизации. Следующим кругом этой цивилизации являются страны бывшего Советского Союза. Третьим кругом являются страны и народы мира, принимающие ценности русской цивилизации. На современном этапе данная концепция отражена в идеи Русский мир. Реализация идеи Русского мира как преодоление раскола, вызванного распадом Советского Союза в 1991 году, заключается в восстановлении исторической России, на современном этапе формы существования культурной идентичности русской цивилизации выражены в новых поправках к Конституции РФ, принятых 1 июля 2020 года. Они дают гарантии и возможности реализации

воссоединения всех составляющих элементов русской цивилизации. Основополагающий стержень этого процесса является Крым и Донбасс, именно в этих регионах происходит сейчас процесс формирования современной культурной идентичности русской цивилизации и Русского мира, который не ограничивается географическими границами или языками, на которых говорят народы, или национальной и религиозной принадлежностью. *Русский мир* – это свободное сообщество людей, наций, народов, обладающих одним генотипом, кодом русской идентичности, готовые признать и поддержать морально-этические, духовно-нравственные нормы организации общежития. Все члены Русского мира путем совместного делание, направленного на дальнейший рост и процветание цивилизации, приближают достижение единой цели – идеи всеединства, что является замыслом Бога о нашем бытии.

На основании выше сказанного, мы делаем следующие выводы: русская цивилизация как центр восточно-христианской цивилизации является особой формой существования русского народа и народов исторической Руси, принявшие базисные аксиологические ценности русского государства; под этими ценностями понимаются: *Богоизбранность* русского народа как носителя православной веры, *мессианизм* – ответственность за обустройство евроазиатского пространства и защита малых народов, *соборность* – единство всех слоев населения для достижения общей цели, *политическая симфоничность* – гармония идей и целей светской и духовной властей, *универсализм* – соединение всех национальных элементов российской цивилизации и мирное их сосуществование.

На современном этапе развития русской культурной идентичности константами его формирования являются Крым и народные республики Донбасса (ДНР и ЛНР). В рамках западного влияния Донбасс остается форпостом русской культурной идентичности.

Кодификацией современной русской идентичности стали поправки к Конституции России 1 июля 2020 года, где сформулированы базисные принципы русской культурной идентичности (поддержка традиционных ценностей, принятие исторической преемственности России как основы существования русского народа: государство-образующего).

Заключение. Целью русской культурной идентичности на современном этапе является преодоление временной разделенности русской цивилизации. Задачей русской цивилизации является защита традиционных христианских ценностей и исторической правды в контексте западного, постхристианского, потребительского мира. Миссия русской цивилизации есть защита и объединение наций, этносов и народов в рамках русского мира. Русский мир есть объединение индивидов, социальных групп, этносов, наций на основе русской идеи при сохранении идентификации всех его элементов. Русская идея – основа существования русской цивилизации, на которой строится культурная идентичность, что включает в себя: 1) *цивилизационный антиглобализм* (признание Российского государства одним из центров мирового универсума);

2) *экономический и политический солидаризм* (формирование общей идеи для всех социальных и национальных групп для достижения общей цели); 3) *демографический национализм* (укрепление государственного суверенитета); 4) *религиозный традиционализм* (укрепление и защита традиционных конфессий, в особенности православие и мусульманства, которые являются основами русской цивилизации).

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России.- М.: Мысль.- 1992.- 340 с.
2. Бердяев Н.А, Русская идея. Основные проблемы русской мысли конца 19 века начала 20 века // О России и русской философской культуре. – М.: Наука,1990. – С. 43-269.
3. Киселев И.С. Крымская идея: сб.ст. // авт.-сост. С.Н. Киселев, – Симферополь: Изд-во «ООО «Антиква», 2019. – 208 с.
4. Тихомиров А.С. Украинцы и Малороссия. М.: Русь», 305 с.
5. Киселев И.С. Крымская идея: сб.ст. // авт.-сост. С.Н. Киселев, – Симферополь: Изд-во «ООО «Антиква», 2019. – 208 с.
6. Муза В.Е. Русская цивилизация в условиях стратегической нестабильности: поиски формулы самостояния. // Н.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020.-288 с.
7. Никифоров А.Р. Три проекции крымской идеи. // Никифоров А.Р. – Симф.: Доля.- 1995. – 80 с.
8. Котолупов О.А., Хриенко П.А. Россия. Крым. Украина. Процессы социально-экономической идентификации. – Симферополь:ИТ «АРИА»", 2014. – 260 с.

УДК 82

АЛЬБЕР КАМЮ О «КОРИЧНЕВОЙ ЧУМЕ»

Рощин М.Ю.
ФГБУН «Институт востоковедения РАН», г. Москва, РФ
easterntraveller@mail.ru

Введение. Пожалуй, самым известным и вторым по счету романом, упрочившим репутацию Камю как мастера литературы, стала «Чума», опубликованная в 1947 году. Роман, в основном, писался в военные годы, хотя и вышел после войны. В этом смысле он несет явный отпечаток военных впечатлений Камю о «коричневой чуме» нацистов. Читая роман, невольно вспоминаешь слова Вячеслава Иванова, сказанные им о символе: «Он многолик, многозначущ и всегда темен в последней глубине». Роман символичен, хотя и погружен в особый мир, не лишенный тесных связей с реальностью.

Основная часть. В центре романа доктор Риэ, занимающий простую и ясную стоическую позицию во время нахлынувшей на город Оран эпидемии: «Сейчас есть больные и их надо лечить. Размышлять они будут потом, и я с ними тоже. Но самое насущное – это их лечить. Я как умею, защищаю их, и все тут». Доктор не верит в Бога и ведет постоянный спор с ученым священником Панлю: «Для меня такие слова, как спасение человека, звучат слишком громко. Так далеко я не заглядываю», но тем не

менее они вместе: «Вы сами знаете, что я ненавижу зло и смерть. И хотите ли вы или нет, мы здесь вместе для того, чтобы страдать от этого и с этим бороться». Возможно, излишне скептичный читатель подумает, что это звучит спорно. О том, что это не так, вспоминает в своей второй проповеди Панлю. Он рассказывает, что во время великой марсельской чумы в одной обители из 81-го монаха выжило четверо, из которых трое разбежалось, но остался один: «Братья мои, надо быть тем, который остается!» Панлю призывает следовать принципу Риэ: оставаться до конца, даже в невыносимых обстоятельствах.

В течение всей жизни Камю много и серьезно интересовался христианством, начиная еще с годов учебы в лицее и университете. Одним из его любимых философов был Николай Бердяев. Ну и, разумеется, страдания невинных детей (тема в литературном плане, пришедшая от Достоевского) играют в «Чуме» очень важную роль.

Третий по идейной значимости герой романа Тарру – близкий друг и сподвижник доктора. Он многое пережил в своей жизни и стал убежденным противником смертной казни и пацифистом. Как и доктор Риэ он не верит в Бога, но считает, что для людей важен образ святого человека, того, кого он называет, «святым без Бога». Тарру не уверен, насколько это возможно, и сама мысль не навязывается читателю, а скорее обозначена как вопрос.

Панлю, Тарру и Риэ задают ритм идейных дискуссий в романе, наложенных на трагическую хронику чумной эпопеи в Оране. Как противостоять злу – автор старается показать художественными средствами, изложенными в богатой нюансами притче. Преодоление зла так и остается открытым вопросом. Об этом в конце романа размышляют доктор Риэ и сливающийся с ним автор: «Но вместе с тем он понимал, что эта хроника не может стать историей окончательной победы. А может она быть лишь свидетельством того, что следовало совершить и что, без сомнения, обязаны совершать все люди вопреки страху с его не знающим устали оружием, вопреки их личным терзаниям, обязаны совершать все люди, которые за невозможностью стать святыми и, отказываясь принять бедствие, пытаются быть целителями».

В качестве четвертого героя «Чумы» я бы выделил журналиста Рамбера, который оказался в зараженном городе случайно и стремится воссоединиться со своей любимой женщиной. Она находится далеко, и поехать к ней невозможно. Рамбер соглашается помогать доктору Риэ в его противостоянии чуме: борьба со смертельной угрозой объединяет антифашистов разных взглядов и разных жизненных устремлений. Рамбер уходит в тот момент, когда эпидемия побеждена и личная жизнь возвращается: «Смутное и в то же время жгучее чувство, вскормленное этим многомесячным существованием, потерянным для любви, именно оно это чувство, требовало некоего реванша – пусть часы радости тянутся вдвое медленнее, чем часы ожидания». Читая эти строки, я думал, с кем из русских авторов можно их сопоставить, и вспомнил о «Сестрах» Алексея

Толстого. Там, правда, любовь играет еще более важную роль, как сила, позволяющая преодолеть хаос и разруху времен первой мировой войны и революции: «Уютный, старый, может быть слишком тесный, но дивный храм жизни содрогнулся и затрещал от ударов войны, заколебались колонны, во всю ширину треснул купол, посыпались старые камни, и вот, среди летящего праха и грохота рушащегося храма, два человека, Иван Ильич и Даша, в радостном безумии любви, наперекор всему, пожелали быть счастливыми». Любовь присутствует у Толстого как важнейший положительный императив, и этим его хроника смутного времени приближается к притче Камю.

Камю оставил открытый финал с поставленными, но не решенными вопросами. Я ясно чувствовал это с самого начала, но в тот момент, когда писал этот текст (декабрь 2013 г.), смысл послания Камю мне не был отчетливо понятен. А роман между тем заканчивается так: Риэ знал, «что микроб чумы никогда не умирает, никогда не исчезает, что он может десятилетиями спать где-нибудь в завитушках мебели или в стопке белья, что он терпеливо ждет своего часа в спальне, в подвале, в чемодане, в носовых платках и бумагах и что, возможно, придет на горе и в поучение людям в такой день, когда чума пробудит крыс и пошлет их околевать на улицы счастливого города». И вот в наши дни «коричневая чума» в виде украинского неонацизма вернулась и накрыла своей грязной волной Донбасс.

Заключение. В конце 1950-х гг. писатель достигает не только нового уровня зрелости, но и становится заметным общественным деятелем, которого в виду его твердых нравственных принципов все чаще называют «Совестью Запада». Во многом это было обусловлено его жестким неприятием терроризма и нацистской идеологии, нечувствительность к опасности которой становится тем дальше, тем больше характерной приметной современного западного мира.

УДК 327.8

«ТОКСИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА» КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ (НА ПРИМЕРЕ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ)

Сальников В.И., канд. ист. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, РФ
vyachs@yandex.ru

Термин «токсичные государства» предложил А.И. Неклесса для характеристики «горячих площадок сомализации современности», которые, по его мнению, не только убивают современный им мир «токсичными ядами органической архаики», но и бросают ему вызов, подобно тому, как это делали предшествующие им строители очередного «Небесного Вавилона» – от анабаптистов и ихэтуаней до коммунистов...[4,

с. 103-105]. Это государства, легитимизированные восстанием против современного им мира, привлекающих внимание людей далеко за их пределами, в значительной степени задействуют как кумулятивный, так и синергетический эффект от синтеза идеологии, психологии, утопии и мифологии...

В своей работе «Небесный Вавилон. Гибридный мир и сирийская комбинаторика» А.И. Неклесса приводит следующие характерные черты современных «токсичных государств»:

- зыбкие, подвижные границы контролируемых территорий, инволюция к этно/конфессионально ориентированным городам-государствам и дробящимся сообществам;

- социальная деградация и неоархаизация, культурная инверсия и цивилизационная эклектика, аксиологический кризис;

- уничтожение «неправильного» культурного наследия;

- использование элементов захваченной государственной инфраструктуры, оборудования, технологий, бюрократического аппарата, баз данных, финансовых и производственных активов;

- трофейная экономика как основа жизнедеятельности, логистическая всеядность, коррупция;

- перманентное ведение иррегулярных боевых действий различной интенсивности при несоблюдении законов войны и неразборчивости в отношении атакуемых целей и применяемых средств, в том числе и с потенциальным катастрофическим результатом в виде труднопрогнозируемых событий, имеющих значительные последствия (т.н. «черные лебеди»);

- политическое и вооруженное противоборство конфликтующих полевых командиров;

- участие несовершеннолетних в военизированных подразделениях;

- казни военнопленных, заложничество;

- фундаменталистское/постмодернистское прочтение традиции/конфессии, парадоксальный идеологический футуризм, религиозный утопизм;

- антропологический пылесос, действующий как вовне, так и внутри территорий, аккумулируя представителей специфических сообществ и психологических типов (фанатизм, идеализм, инфантилизм, адреналиновая зависимость, асоциальные наклонности), экспортируя в реверсном режиме социальный травматизм;

- гендерные эксцессы;

-криминализация, контрабанда, контрафакт, наркотрафик, торговля людьми и оружием;

-различного рода рестрикции, системное нарушение прав человека, замещение в социальном регулировании конвенции насилием;

-психологическая и санитарно-эпидемиологическая дестабилизация;

-массовые потоки беженцев и переселенцев [4, с. 102].

ИГИЛ, чей феномен А.И. Неклесса характеризует как «синтез геополитического стресса, геоэкономических возможностей и

геокультурного футуризма» [4, с. 98], идеальным образом воплощал все эти признаки. Об этом свидетельствует военизированный характер этого террористического квазигосударства с претензией на теократию, где все подчинено главной цели – воссозданию халифата и борьбе с его врагами, как внешними, так и внутренними. Борьба велась, как вооруженным путем, так и пропагандой, что соответствует принципам ведения «гибридных войн» [3]. К настоящему времени ИГИЛ уже почти разгромлен и превратился в обычную террористическую организацию. Однако это не последнее на сегодняшний день «токсичное государство» в зоне Евразийской дуги нестабильности [2].

Что касается Восточной Европы, то на территории Украины, которая на настоящей момент находится в зоне высокого уровня нестабильности, в 2014 г. в результате «Революции Гідности» и как реакции на нее – Русской Весны появилось два «токсичных» государственных образования – собственно Украина и Новороссия. Минские Соглашения уменьшили «токсичность» в обоих государственных образованиях, локализовав ее очаги.

Однако нынешняя «токсичная Украина» даже после смены политического класса продолжает привлекать деструктивные элементы из многих стран мира, и активно используется в качестве плацдарма гибридной войны против России и возрождающегося Русского мира как альтернативы существующему миропорядку с доминированием англосаксов.

Отказ же Кремля от поддержки Новороссии как новой России и как своеобразного «копья Русского мира» – альтернативного Западу, по мнению автора, является геополитической ошибкой. При снижении степени «токсичности» ЛДНР, Русский мир утратил стратегическую инициативу, что позволило евромайданной власти сделать передышку и усилить интенсивность гибридной войны против самопровозглашенных республик и Русского мира. К сожалению, состояние ЛНР и ДНР не позволяет им стать «локомотивами» возвращения Украины в Русский мир [1]. Они это сделать не в состоянии ни по социально-экономическим (слишком силен урон, нанесенный войной и санкциями), ни по социокультурным основаниям (высокие идеалы Русского мира не находят отражения в украинизированном сознании с его закоренелым материализмом и верой в то, что Украина – это Европа). Вот, если бы мы обрушили Европу, тогда этот самый важный контраргумент был бы отброшен. Но для этого нужно вести полноценные гибридные войны и обладать мощными цивилизационными основами. Нынешняя Российская Федерация, не обладающая достаточным экономическим и культурно-цивилизационным потенциалом и не имеющая высокопассионарных элит, вряд ли на это способна.

Однако не все так плохо. Если РФ считает себя наследницей России – ей придется решать эту проблему, причем не через передачу ЛДНР Украине, а либо через удовлетворение желания народа Донбасса войти в состав Российской Федерации, либо через поддержку Большой России как союза цивилизационно близких государств Русского мира, к которым

могут присоединиться ДНР и ЛНР… Но для этого необходимо создать соответствующий позитивный образ, привлекающий взоры миллионов людей и обрести необходимую политическую волю.

Список литературы

1. Бабицкий Андрей. «Интенсивная фаза интеграции». Как ДНР и ЛНР связаны с Россией? // Украина.ру. 2019. 30 янв. [Электронный ресурс]. URL: https://ukraina.ru/opinion/20190130/1022515489.html (дата обращения: 02.10.2020).
2. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. СПб.: Изд-во «ИПК НП-Принт», 2017. – 832 с.
3. ИГИЛ как угроза международной безопасности / [ред. А.В. Глазова]. – М.: РИСИ, 2015. – 188 с.
4. Неклесса А. «Небесный Вавилон». Гибридный мир и сирийская комбинаторика // Полис. – 2016. – №3. – С. 92-107.

УДК 303.09

ЦЕННОСТИ И ЭМОЦИИ НА ВОЙНЕ: АНАЛИЗ ИНВЕРСИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Севостьянов Д.А., канд. мед. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный аграрный университет»,
г. Новосибирск, РФ
dimasev@ngs.ru

Введение. Социально-философский анализ отношений, имеющих место в ситуации военных действий, должен опираться на современные теоретические подходы. Одним из таких подходов может быть назван анализ системных инверсий.

Системная инверсия представляет собой такую форму отношений в иерархической системе, при которой низший, подчиненный элемент приобретает главенствующее значение в данной иерархии, формально в ней не перемещаясь и сохраняя, опять-таки формально, свое подчиненное положение [1]. При этом в данной системе развиваются противоречия, которые в конечном итоге могут стать губительными для данной системы (собственно говоря, системные инверсии сами и представляют собой форму проявления системных противоречий).

Основная часть. Инверсивные отношения возникают в сложных иерархиях, то есть в таких иерархических системах, в которых действует одновременно несколько организационных принципов, определяющих взаимное расположение элементов в данной системе. Так, например, в иерархии может действовать количественный организационный принцип, который распределяет элементы по иерархической вертикали в зависимости от их количественных параметров; может действовать конституциональный организационный принцип, который выводит на

первый план наиболее необходимые для данной системы элементы, и так далее. Организационные принципы могут действовать согласованно; в этом случае положение каждого элемента в иерархии определяется действием нескольких непротиворечивых причин одновременно, и в иерархии действует исходный порядок при отсутствии инверсий (который обозначается как отношения ордера [2]). Но нередко случается, что один организационный принцип начинает противоречить другому, и в этом случае возникает системная инверсия: согласно одному организационному принципу, данный элемент формально должен занимать подчиненную позицию в иерархии, но зато благодаря другому он фактически может претендовать на большее.

Системные инверсии случаются закономерно тем чаще, чем сложнее данная система. Именно поэтому наиболее насыщены инверсиями системы «человек» и «общество». Однако обе эти системы способны рассматриваться как совокупность множества подсистем. Здесь мы рассмотрим две такие подсистемы: во-первых, человеческую деятельность, и во-вторых, систему ценностей, и определим, как инверсии, развившиеся в этих системах, специфическим образом влияют на поведение человека на войне.

Анализируя инверсии, следует помнить, что подобного рода отношения могут приобретать различную степень развития. В одном случае инверсивные отношения, хотя и имеются в наличии, выражены слабо и не могут конкурировать с исходными отношениями ордера (как чаще всего и бывает). В других случаях системные инверсии, напротив, приобретают самодовлеющее значение (и тогда функционирование данной системы решительно меняется, а сама система оказывается перед очевидной угрозой распада).

В системе человеческой деятельности, в частности, получила распространение инверсия, в результате которой эмоции, изначально имеющие служебный, подчиненный характер, выходят на первый план. Вместо рационального отношения к действительности человек демонстрирует в этом случае сугубо эмоциональное к ней отношение. При дальнейшем развитии данной инверсии человек просто утрачивает способность к сколько-нибудь продуктивной деятельности, поскольку оказывается во власти острого реактивного состояния; таким образом, система «деятельность» оказывается разрушенной и останется таковой до тех пор, пока инверсия не будет разрешена. В данном исследовании будет рассматриваться такой уровень развития данной инверсии, при котором эмоциональное отношение к действительности налицо, однако распад деятельности еще не наступил (в условиях военных действий такое состояние не редкость). При данной инверсии наблюдается противоречие между количественным организационным принципом (определяющим роль эмоций в общем контексте деятельности) и конституциональным организационным принципом (выводящим на первый план рациональное отношение к действительности, без чего невозможна никакая целесообразная деятельность).

Другая, не менее значимая инверсия возникает в иерархии человеческих ценностей. Здесь коллективные ценности зачастую вступают в противоречие с эгоистическими ценностями индивидуального благополучия. Так, общеизвестной высшей ценностью является культура, а она носит безусловно коллективный характер. И здесь наблюдается противоречие между количественным и конституциональным организационным принципом: с одной стороны, это роль эгоистических ценностей в отношении с коллективными, определяемая количественным принципом, с другой стороны – безусловный приоритет коллективных ценностей, определяемый конституциональным принципом, поскольку любая ценность есть понятие социальное. Общество, в котором возобладает ценностная инверсия, обречено на распад и войну «всех против всех».

Таким образом, исходя из наличия или отсутствия данных инверсий. можно выделить следующие формы поведения человека на войне.

1. Наличие инверсий ценностей и деятельности. Приоритет эгоистических ценностей и эмоциональное отношение к действительности. Война воспринимается как ужас, модель поведения человека – дезертир.

2. Наличие инверсии ценностей при отсутствии инверсии деятельности. Приоритет эгоистических ценностей и рациональное отношение к действительности. Война воспринимается как возможность поправить свое материальное положение, модель поведения человека – мародер.

3. Наличие инверсии деятельности при отсутствии инверсии ценностей. Приоритет коллективных ценностей и эмоциональное отношение к действительности. Война воспринимается как несправедливость, которую нужно устранить. Модель поведения человека – мститель (в мирной жизни после войны для него характерны посттравматические поведенческие расстройства).

4. Отсутствие инверсии деятельности и ценностных инверсий. Рациональное отношение к действительности и приоритет коллективных ценностей. Такой субъект чувствует свою личную ответственность за исход войны. Война для него – серьезное, общественно важное дело. Он вполне способен на самопожертвование, если понимает, что по-другому нельзя. Модель поведения человека – герой.

5. Наконец, существует ситуация, когда инверсии ценностей и деятельности так или иначе присутствуют, но носят умеренный характер и существенно не влияют на поведение. В этом случае люди не проявляют себя ни как дезертиры, ни как мародеры, ни как мстители, ни как герои. Они просто, что называется, «тянут свою лямку» на войне. Именно такие люди, как правило, составляют большинство.

Заключение. Таким образом, одной из важнейших практических задач применительно к военному делу является предотвращение развития ценностных и эмоциональных (деятельностных) инверсий в военной среде. Если предотвращение эмоциональных инверсий является задачей военного обучения (формирование выученных реакций, исключающих эмоциональное отношение к действительности), то профилактика ценностных инверсий в большей мере представляет собой главным образом воспитательную задачу.

Список литературы

1. Севостьянов Д. А. Инверсивный анализ в управлении / Д. А. Севостьянов. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2017. – 287 с.
2. Van der Meer J. M. Order [Электронный ресурс] / J. M. Van der Meer. – URL: http://www.encyclopedia.com/topic/Order.aspx (дата обращения 17.09.2020).

УДК 1:3+1:93

«МЫ – СОВЕТСКИЙ НАРОД!» – ФОРМУЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО ИДЕОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОГО МЕЖВРЕМЕНЬЯ

Трухан А.В., канд. филос. наук, доц.
Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Ростов-на-Дону, РФ
axioma.maxima@mail.ru

Введение. Исторический путь России характеризуется разрывами и сменами социально-политических форм. Нам выпало жить в очередной промежуточный период смены эпох. Россия как метафизический и исторический субъект вновь оказалась в точке двойного разрыва: настоящего с вечностью и прошлого с будущим. А.С. Панарин называет это состояние людей русской культуры «убийством исторического времени», угашением «духа христианского эроса», который «питается верой в смысл истории» [4, с. 401]. Можно встретить именование нашего времени как «безвременья». Мы используем понятие современной философии – «постсоветское межвременье» [3].

Основная часть. Исторический путь России есть процесс становления ее как цивилизации идеократического типа, для которой вера в общественный идеал и работа социокультурных механизмов его воспроизводства являются необходимыми условиями общественного единства. Попадание России в ситуацию постсоветского межвременья обусловлено кризисом идеократического сознания. Демонтаж коммунистического идеала и ликвидация политической монополии КПСС привели к разрушению целостности советского сознания и распаду объединяющих народы идеократических структур советского государства. Советский человек как носитель идеократического сознания, лишенный смысла своего существования и механизмов реализации этого смысла в истории, потерял самого себя и свою страну.

Задача возвращения России в историю решается на пути обретения общественного идеала. Попытки найти этот идеал в русской религиозной философии или в постсоветском православии оказались безуспешными. Воцерковление советского человека не состоялось по причине углубляющегося раскола в общественном сознании по линии противостояния

православной и советской идентичностей. Идеологически Русская Православная Церковь заняла антисоветскую позицию, демонизируя святыни советского идеократического сознания. Решение задачи преодоления этого раскола не дается и постсоветской философской мысли. Попытки синтеза православия и социализма не привели к рождению посткоммунистического идеала, имеющего власть подчинить себе волю отдельных индивидов единому смыслу и единой цели.

Отсутствие идеологического проекта мобилизации страны является главной угрозой политической безопасности современной России. Ясное понимание гибельности движения страны без идеологически обусловленного курса прозвучало в последней статье С.Ю. Глазьева «Идеология или смерть!» [1] Пафос статьи заключается в призыве к правящей элите руководствоваться в своей деятельности идеологией спасения страны. Если принять во внимание, что никакой новой идеологии, способной править в России на сегодняшний день нет, а государственная идеология либерализма является не более, чем парадигмой легитимации в общественном сознании власти денег, то нетрудно предположить реакцию правящей элиты на этот призыв общественного деятеля и академика С.Ю. Глазьева. Для нас же этот призыв означает, что мы приближаемся к тому моменту, в котором каждый из нас будет поставлен перед выбором: либо умирать за общую идею, либо смириться с политическим устранением России и физическим уничтожением ее граждан.

Вопрос «За что умирать?» – метафизический. Перенесенный в политическое пространство мысли, он звучит так: ради какой политической идеи мы способны пойти на смерть? Исторический опыт России показывает, что ответ на этот вопрос может быть получен только на самом краю бездны общественно-исторического небытия. А. Дугин для именования этого момента использует хайдеггеровский термин Ereignis «событие» – миг максимального риска, в который приходит спасение [2, с. 24-25]. Текущая задача русской общественной мысли состоит в том, чтобы не упустить этот момент Ereignis в исторической судьбе России. В событии грядущего распада страны необходимо уловить ключевые смыслы и оформить их в идеологию возрождения.

Чтобы не упустить этот момент, необходимо уже сейчас осознать, какой социальный субъект способен подчинить свою волю власти общественного идеала ради спасения страны. В Русской революции 1917 года таким субъектом стал союз рабочих и крестьян. Мы полагаем, что в грядущий момент Ereignis для постсоветской России таким субъектом может стать советский народ. Сегодня советского народа уже нет. Но жив советский человек. Он потерял свое отечество, но продолжает жить на территории всего постсоветского пространства. Живое идеократическое сознание советского человека проявляет себя в отторжении принципов и ценностей либеральной идеологии, противодействии нравственному растлению человека средствами постсоветской официальной пропаганды, неприятии потребительских смыслов жизни, сохранении способности мыслить

категориями общего блага и выходить за рамки частных интересов. Советский человек продолжает трудиться на ключевых местах воспроизводства идеократического сознания в культурных и образовательных учреждениях, транслируя в постсоветские поколения тоску по высшим смыслам и большим целям. Межвременье не может насытить советского человека убогостью своих предложений. Оно не может насытить и постсоветские поколения. Советский человек транслирует идеократический тип сознания на межличностном уровне общения, но он не может собраться в народ без объединяющей идеологии. Советский человек – это единственное живое наследие, оставшееся в России от советского периода.

Для теоретического определения общественного идеала будущей России необходимо преодолеть раскол в русском идеократическом сознании по трем линиям разрыва между православной, русской и советской идентичностями. В нашем понимании эти разрывы преодолеваются в определении России как цивилизации идеократического типа, которая в XX столетии конституировала три базовых уровня своей идентичности. На уровне православной идентичности задаются метафизические смыслы, на уровне русской идентичности эти смыслы выражаются в культурном коде, а в советской идентичности определяется политическая форма воспроизводства и сохранения этих смыслов и кодов. Мы полагаем, что в советской политической форме была достигнута высшая точка адекватного выражения содержания русского идеократического сознания в истории России. В советском человеке русское идеократическое сознание идентифицирует себя через универсальный общественный идеал. Здесь русское этническое начало подчиняется идеократическому, а русское идеократическое начало приобретает вселенскую общечеловеческую степень общности.

Выделяя и конституируя советскую историческую форму политической идентичности в качестве генетической константы, связывающей прошлое России с ее будущим, мы выводим формулу политической идентичности будущей России: «Мы – советский народ!» Мы – потомки рабочих и крестьян, создавших первое в мире государство трудящихся и предложивших миру новую форму политического объединения народов, на основе отрицания рабства (эксплуатации человека человеком) в любых формах его проявления. Базовый архетип политического идеала этого единства раскрывается в сознании советского человека первыми словами из школьного букваря: «Мы не рабы. Рабы не мы». Он продолжает транслироваться в постсоветской культуре. Мы полагаем, что этот архетип отрицания рабства может послужить основанием общественного единства в преодолении последствий грядущего разрушения российского государства. В этом протестном идеале уже содержится потенциал рождения положительного общественного идеала посткоммунистической России.

Заключение. «Мы – советский народ!» Эта формула социально-политического единства позволяет нам выдвинуть политические лозунги: «За возвращение своего отечества советскому человеку!» и «Советские люди всех государств объединяйтесь»! В событии Ereignis, мы поймем,

под властью какого общественного идеала будем идти на смерть за возрождение политической власти в своем государстве.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю. Идеология или смерть! [Электронный ресурс]. URL: https://izborsk-club.ru/19782/ (дата обращения: 21.09.2020).
2. Дугин А. С. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2017. – С. 24-25.
3. Павлов А.В. Философия современности и межвременья. – Тюмень: ИД «Титул», 2017.
4. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. – С. 401.

УДК 32.001:167

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ФИЛОСОФСКИЙ КОНЦЕПТ

Чернышов В.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
black270@mail.ru

Введение. «Мягкая сила» как комплексная политика предполагает фундаментальную опору на потенциал национальной культуры и экономики, степень вовлеченности в мировые процессы взаимодействия стран, легитимность государственного строя, участие в международных организациях.

Основная часть. Концепт «мягкой силы» работает в антитезисной связи с концептом «жесткой силы». В их диалектическом взаимодействии вскрываются действительные органические процессы политико-культурных общественных взаимодействий. В отличие от «мягкой силы», «жесткая сила», характеризуется, прежде всего, постоянством и устойчивостью влияния на социальные объекты, определенной степенью ригидности. Так, «жесткой силе» приписываются определенные характеристики, не присущие «мягкой силе», основные из них: давление с позиции силы, постоянство и устойчивость, непрерывность, непоколебимость, твердость, интенциальный напор [1, с. 173]. В понятие «жесткой силы» чаще всего входит комплекс сил, таких как военная мощь, экономическое или политическое давление.

Из узко локального понятия применительно к политике «глобального доминирования» США в мировой политике в разработке Дж. Ная [2], «мягкая сила» получает философское обоснование как универсальный инструмент, регулирующий внутренние и внешние общественные связи между стратами и классами, государственными и интернациональными корпорациями по «неболевой», адаптивной модели, в рамках которой осуществляется коммутационное взаимодействие представителей различных социальных групп. Но самое широкое поле применения политика «мягкой силы» получает именно на международной арене, где в быстро

меняющихся условиях конкуренции государств, она показывает наилучший результат.

Можно условно выделить три главных составляющих элемента «мягкой силы», которые ей необходимо присущи: привлекательность культуры, политическая идеология и форма дипломатии. На примере США мы можем представить эту триаду в следующем виде: поп-массовая культура; либеральная демократия; элитарная дипломатия. Однако концепт «мягкой силы» включает в себя также ряд компонент, без которых он становится лишь теоретической проекцией, частично теряет возможность эффективного практического применения – это имиджевая привлекательность, вариативность подходов к решению сходных задач, благотворительная составляющая, популяризация и пиар-кампании. «Мягкая сила» может трансформироваться в «гибкую силу», которая способствует преодолению внутриполитических и внешнеполитических кризисов без тотальной ломки общественно-государственного строя.

Истоки современной концепции «мягкой силы» специалисты видят в древнекитайской философии: «Идеи, схожие по своему действию с «мягкой силой», появились задолго до того, как концепт начал обсуждаться в американской политологии. Одним из самых древних источников считаются изречения Лао Цзы (VII в. до н.э.), полагавшего, что в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет» [3, с. 119]. Непосредственными идейными вдохновителями концепции «мягкой силы» можно считать концепцию «культурно-идеологической гегемонии» А. Грамши [4], концепцию «соблазна» Ж. Бодрийяра, концепцию «обольщения» Жиля Липовецки.

Заключение. Концепт «мягкой силы» включает в себя не только понятия-сателлиты: «умная сила», «мягкая власть», «умная власть», «гибкая сила», но и предшествующие его формированию базисные понятия – «культурно-идеологической гегемонии», «культурно-политического соблазна и обольщения». Тем не менее, предполагаются различия в оценке восприятия концепции «мягкой силы» и ее предшественниц, поскольку последние разрабатывались безотносительно к положительному или отрицательному имиджу их практической реализации в макиавеллистском ключе: политические методы должны быть эффективными, независимо от их морального содержания и общественного одобрения.

Список литературы

1. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – № 10. – С. 173–192.
2. Nye J.S.Jr. Soft Power. The means to success in world politics. – NY: Public Affairs, 2004. – 191p.
3. Ковалева Д.М. Концепт Soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – №13. – Вып. 1. – С. 118–132.
4. Грамши А. Тюремные тетради. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 560 с

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ДЕНЬГАМ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЕЙ

Акишина В.Н., Гордеева А.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
akishinall@mail.ru

Неотъемлемой частью жизни современного человека выступают деньги. В рамках жизненного пути у человека формируется определенное отношение к деньгам и материальным благам, которое может изменяться на протяжении жизни. Изучение специфических характеристик отношения людей к деньгам позволяет говорить об особенностях поведения в тех или иных ситуациях, связанных с денежными взаимоотношениями, характеризовать денежные установки и потребности человека, определить важность материальных ценностей для него [2]. Отношение студентов к деньгам может оказывать влияние не только на их отношение к себе, способ жизни и реализацию своих экономических и профессиональных ролей, но и определяет перспективу развития личности в будущем [1].

Целью нашей работы стало выделение особенностей отношения к деньгам студентов экономического и гуманитарного профиля на примере показателей студентов-экономистов и студентов-психологов. Так, мы предположили, что студенты-экономисты будут иметь более позитивное и рационалистическое отношение к деньгам, а также материальные блага будут оцениваться ими выше, чем студентами-психологами. В исследовании приняли участие 54 студента, среди них 29 психологов и 25 экономистов в возрасте от 18 до 22 лет.

В комплекс психодиагностических методик исследования отношения к деньгам вошли: опросник для изучения отношения к деньгам Семенова М.Ю., методика «Завершение предложения» в модификации Семенова М.Ю., опросник «Нравственная оценка денег» Горбачевой Е.И. и Купрейченко А.Б., опросник Бубновой С.С. «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности», методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности»» Фанталовой Е.Б. Достоверность различий была проверена с помощью t-критерия Стьюдента и χ^2 Пирсона.

Анализ полученных результатов по опроснику «Нравственная оценка денег» Горбачевой Е.И. и Купрейченко А.Б. показал, что студентами гуманитарной специальности деньги воспринимаются как категория безнравственная, в большей мере провоцирующая в поведении людей такие проявления как лживость, беспринципность, безответственность, нетерпимость, несправедливость. Владение деньгами может одновременно

указывать на свободу, предоставлять возможности, а с другой стороны делать человека зависимым от данной сферы. Студенты-экономисты отождествляют деньги с позитивными нравственными ценностями, они понимают, что данная сфера требует ответственного отношения к деньгам, проявления терпимости и принципиальности, честности, при этом деньги позволяют чувствовать себя свободными и реализовывать свои планы. Подобные проявления отражаются на их стратегии экономической активности, что подтверждается результатами методики Семенова М.Ю. «Отношение к деньгам».

Опросник Семенова М.Ю. «Отношение к деньгам» позволил нам изучить особенности отношения к деньгам и монетарных установок у студентов. Результаты показали, что студенты-психологи не имеют выраженных рациональных и позитивных установок по отношению к деньгам (21,97 баллов) что указывает на то, что они не ведут постоянного подсчета имеющихся у них средств, легко тратят деньги, не ориентируясь на их оставшееся количество, могут брать их взаймы и не стремятся к планированию своего бюджета. Студенты-экономисты имеют обратные тенденции в рамках данной сферы. Они рационально управляют своими финансовыми ресурсами (56,08 баллов), а значит личные финансовые обязательства не отягощают их. Они планируют свой бюджет, считают имеющиеся и отложенные у них средства, стараются не брать денег взаймы, бережно относятся к наличным средствам, а также считают, что деньги способны решать многие проблемы. Различия между выборками оказались значимыми ($t_{эмп.}$=16,52; $p \leq 0,001$).

Методика «Завершение предложения» в модификации Семенова М.Ю. позволила выявить, что студенты обоих профилей считают, что в первую очередь деньги являются непосредственно денежной единицей/ знаком, отождествляя данное понятие с такими категориями как валюта, товар, результат оценки труда, зарплата, стипендия, наличка, мера стоимости, единица измерения, бумажка, монета и т.д. ($\chi^2_{эмп.}$=1,08; значимых различий не выявлено). При этом студенты-психологи чаще всего связывают данное понятие с проблемами и зависимостью (62%), считая, что деньги сопровождаются обманом, рисками, злостью со стороны других, нервными состояниями и т.д. Однако они понимают, что деньги на сегодняшний момент являются необходимостью (69%), так как они представляют собой, по их мнению, ресурс для существования, средство для жизни. В меньшей мере они ассоциировали деньги с властью, признанием (7 %), влиянием на других людей (35 %). Студенты-экономисты напротив воспринимают деньги как ресурс, возможность (90 %), источник потенциала, способ улучшить жизнь (90 %), поднять себе настроение (90 %). Деньги дают им возможность чувствовать себя свободными и при этом испытывать положительные эмоции, ощущая стабильность и финансовую устойчивость. Также студенты-экономисты указывают, что денежные ресурсы выступают регулятором отношений (82 %).

При анализе результатов по шкале «Материально обеспеченная жизнь» методики «Уровень соотношения «ценности» и «доступности»» в модификации Фанталовой Е.Б. не были обнаружены противоречия и

конфликты в сфере материальной обеспеченности у студентов экономических (2,24) и психологических (2,59) специальностей ($t_{эмп.}$=0,97; p≥0,05). Это говорит о том, что обе выборки адекватно оценивают свои возможности и желания в плане своей материальной обеспеченности.

Сравнение профилей ценностных ориентаций студентов двух выборок, полученных с помощью методики Бубновой С.С. «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» указало на значимые различия. Так, материальные ценности, а также связанный с ними социальный статус (4,96) и возможность управлениями другими людьми, (5,16) оказались наиболее значимыми для студентов экономических специальностей. Они отметили, что сегодня важно иметь высокое материальное благосостояние, получать удовольствие от заработка денег, делать накопление материальных средств на будущее. Для студентов-психологов высокое материальное благополучие выступает одной из наименее значимых ценностей, как высокий социальный статус (1,59) и управление другими людьми (1,72), в то время как важными для них оказались взаимоотношения с окружающими людьми. Они подчеркивают, что наиболее значимы для них любовь, близкие взаимоотношения, общение, им важно оказывать помощь другим людям, даже когда это доставляет им дискомфорт, а также они подчеркивают значимость здоровья и познания нового в мире, природе, человеке.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о различном отношении к деньгам у студентов разных специальностей, на примере психологов и экономистов, подтвердилась. Студенты-экономисты имеют более позитивное и рационалистическое отношение к деньгам, чем студенты-психологи, материальные блага ими оцениваются также выше.

Список литературы

1. Журавлев А.Л. Экономическая социализация формирующейся личности: теоретическая модель и экспериментальное исследование (на примере ценностных ориентаций личности) / А.Л. Журавлев, Т.В. Дробышева // Психологический журнал. – 2011. –Т.32, № 2. – С. 59-81.
2. Рябинина Е.В. Психический процесс формирования денежных установок / Е.В. Рябинина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 9. – С. 123-127.

УДК 159.9

ИСТОРИЯ БОЛГАРСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ВО ВРЕМЕНА ДВУХ БАЛКАНСКИХ ВОЙН И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1912–1918 гг.)

Алексиева Д.В.
Варненский свободный университет, г. Варна, Республика Болгария
anika1969@yahoo.com

Болгарская психология формируется как наука в последние десятилетия 19в. Ее развитие становится возможным после Освобождения

Болгарии от турецкого рабства в результате Освободительной русско-турецкой войны 1876 г. – 1879 г. Первые болгарские психологи окончили свои докторантуры в известных университетах Западной Европы – Лейпцигском, Йенском, Женевском и др.

В первом десятилетии 20 в. психология является актуальной наукой в Болгарии, ее развивают высоко подготовленные профессионалы, а также и специалисты в области педагогики, философии и медицины.

Болгарские студенты и докторанты Вильгельма Вундта, как например Петр Нойков, Крыстю Крыстев, Иван Шишманов, Цватан Радославов, Никола Алексиев, Никола Бобчев, вносят свой большой вклад в развитие академической психологии в Болгарии. Димитр Кацаров является основоположником болгарской тестологии. Сава Велев, Васил Манов и Атанас Димитров, ученики известного немецкого философа Рудольфа Ойкена, разработали методологию педагогической психологии, на основе научных принципов Йенской школы.

Незадолго до Балканской войны, в науку приходит второе поколение психологов, большая часть которых получают свое высшее образование на Родине – в Софийском университете.

Тот огромный научный потенциал, однако, который был создан в предвоенном периоде, к сожалению, был утерян. Болгарский царь Фердинанд не прислушивается к призыву Крыстю Крыстева не мобилизовать ученых и известных творцов. Из–за своего немецкого происхождения и негативного отношения к университету и студентам, он не сделал исключения ни для одного ученого, подлежащего мобилизации.

В результате этой антинациональной научной кадровой политики, в пламени Балканских войн погибли Никола Алексиев, Сава Велев, а в Первой мировой войне Димитр Кацаров был осужден Военным трибуналом и провел долгие годы в заключении за отказ открыть огонь по русским кораблям.

Независимо от того, что во время Первой мировой войны не было условий для развития науки, тогда вышло несколько печатных исследований в области психологии.

В 1915 г. выходит экспериментальное исследование Димитра Кацарова – «Корреляции между способностями детей в школе». В его анализе использован тест на интеллигентность Стенли Хола «Mental Test». К.Кацаров отмечает, что индивидуальные особенности умственного развития проявляются в успеваемости учеников по основным дисциплинам, что развитие этих способностей связано с наклонностями отдельной личности, и что эти наклонности в отношении одного или другого предмета приводят к повышению успеваемости по всем остальным предметам в данной области.

Во времена Балканских войн и Первой мировой войны возникают условия для развития этнопсихологии как прикладной науки.

В этом контексте надо отметить работу 1914 г. Тодора Павлова «Психология болгарского народа», в которой автор, основываясь на

социальных теориях 19 в. и на взглядах Дюрхейма, выделяет 25 основных качеств в национальном характере болгар.

По своей инициативе, на фронте болгарские психологи проводят множество наблюдений над психическими проявлениями солдат. Никола Алексиев, Михаил Димитров и Спиридон Казанджиев ведут личные психологические записки – дневники. На основании собранного им материала, Спиридон Казанджиев издал первую академическую работу «Военная психология», являясь основоположником этой дисциплины в Болгарии.

Балканская война против турков является основным источником наблюдений и обобщений по военной психологии. Психология вызывает интерес не только среди профессиональных психологов, но и среди военных. Почти все генералы Балканских войн, авторы мемуаров, как например Н. Фичев, Н. Иванов, акцентируют свое внимание на психологических аспектах военных действий.

Во времена войн не было каких бы то ни было условий издавать периодику, ориентированную на научную психологию. Это можно объяснить не только тяжелыми экономическими условиями, но и строгой политической цензурой, а также тем, что почти все профессиональные психологи были на фронте. Считалось, что психология не является приоритетной научной дисциплиной, которая могла бы работать для национальной идеи, а на индивидуальную психологию смотрели как на содержащую потенциальную и реальную опасность антивоенных настроений.

Из-за длительного военного периода, третье поколение болгарских психологов получило образование преимущественно заграницей. Болгары остановили свой выбор на нейтральную в Первой мировой войне Швейцарию. В университетах Цюриха и Базеля были защищены 8 докторских диссертаций с психологической тематикой, из них, из-за войны, было только двое мужчин и 6 женщин.

Известно, что до конца 20-ых годов 20 в., в Швейцарии не было высшего образования по специальности «психология». Психологию изучали в рамках философии, социальных наук, литературы, а докторскую степень присваивали по философии.

Тематический анализ диссертаций, защищенных болгарами в Цюрихском и Бернском университетах показывает интерес к морально-этическим и эмоционально – чувственным проблемам психологии. Интерес болгарских диссертантов отличается коренным образом от интересов их коллег, защитивших свои диссертации в довоенном периоде в Швейцарии и в других западных университетах – они интересовались преимущественно изучением памятью и познавательными психическими способностями.

Независимо от больших потерь человеческих ресурсов и от ограничений научной свободы под формой цензуры, болгарская психологическая наука успела сохраниться во времена очень тяжелых войн начала 20 века.

УДК 159.923

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ВЫСОКОЙ И НИЗКОЙ АКТИВНОСТЬЮ

Ангелина Э.А., канд. филос. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
adjon@yandex.ru

Введение. В современном мире личность живет в быстро меняющемся мире. Информационные технологии прочно укоренились во всех сферах жизни человеческого общества. Современный человек ежедневно воспринимает огромное количество информации. Жизнь людей изменилась, все менее заметной становится разница между реальностью и виртуальным миром. С появлением и повсеместным распространением сети Интернет общение человека все больше становится виртуальным, что изменяет качество, характер самого процесса коммуникации. Закономерно с изменением форм общения меняется и сама личность.

Виртуальность для современного человека становится не столько технологией, сколько особым способом бытия; индивидуальное и общественное сознание все больше опосредуется не только языковыми и символическими структурами, но и «возможными» «сконструированными» компьютеризированными мирами. Однако виртуальность как порождение человеческого разума может рассматриваться как «информационный двойник» мира, структурно-динамическая модель субъективной реальности личности [3].

Цель исследования – выявить особенности взаимосвязи индивидуально-личностных характеристик с активностью пользователей социальных сетей.

Основная часть. Ученые с 80-хгг. XX столетия изучали проблемы, связанные с применением личностью сетей коммуникации в Интернет. Можно назвать несколько направлений исследований психологов, касающихся исследования социальных сетей Интернет.

1. Направления, в которых изучаются различия виртуальной деятельности от реальной, индивидуально-психологические состояния, которые возникают в виртуальной среде, особенности протекания психических явлений во время работы за компьютером (Арестова О.Н., Беляева А.В., Войскунский А.Е., Маховская О.И. и др.).

2. Направления, в которых изучаются индивидуально-личностные особенности пользователей социальных сетей (Арестова О.Н., Войскунский А.Е., Кремлева С.О. и др.); изменения личности, которые происходят при межличностном Интернет-взаимодействии (Голдберг И., В.Ю. Нестеров, Дж. Салер, К. Янг и др.).

3. Направления, в которых ведется изучение дополнительных возможностей психологических аспектов общения в виртуальном

пространстве, определение коммуникативных возможностей Интернета в контексте создания новых информационн-образовательных технологий (Романовский Н.В., Чугунов А.В., Якушина Е.В. и др.).

Результаты современных исследований психологии виртуальности (О. Н. Арестова, Ю. Д. Бабаева, А. Е. Войскунский) [1;2] и др. говорят о том, что продолжительная коммуникация в интернет-среде может иметь как положительные, так и отрицательные следствия для человека. Помимо расширения круга общения, повышения активности, свободы выбора существует возможность и неблагоприятных последствий для психофизиологического здоровья пользователей.

Объектом исследования выступили индивидуально-личностные характеристики пользователей сети Интернет. Предметом – индивидуально-личностные различия пользователей сети Интернет с высокой и низкой активностью.

Гипотезой исследования являлось предположение о том, что интенсивность активности личности в социальных сетях взаимосвязана с индивидуально-личностными особенностями, со сферой межличностных ориентаций и особенностями самоотношения.

Исследование проводилось в период с 2019 по 2020 гг. Выборку составили 70 человек в возрасте от 20 до 23 лет (пользователи социальных сетей ВКонтакте, Instagram, Facebook, Telegram, Twitter, WhatsApp и др.). Из них 62 девушки и 8 парней.

Методы исследования включали: анкета «Активность личности в виртуальной социальной сети» (Е.И. Косивченко); 16-факторный опросник личности (форма А) (Р.Б. Кеттелл); тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Д.А. Леонтьев); опросник межличностных отношений (ОМО) (В. Шутц, адаптация А.А. Рукавишников); методика изучения самоотношения (МИС) (С. Р. Пантилеев).

На основании полученных данных в результате анкетирования выборка была разделена на 3 группы: пользователи с высокой активностью в интернет-коммуникации – 48 человек (69 %), пользователи со средней активностью в интернет-коммуникации – 6 человек (8 %), пользователи с низкой активностью в интернет-коммуникации – 16 человек (23 %). Далее, основываясь на содержательных характеристиках ответов испытуемых, мы разделили пользователей социальных сетей по степени активности следующим образом: пользователи с высокой активностью (1 группа) и пользователи с низкой активностью (2 группа) в интернет-коммуникации. Для сравнения выраженности показателей в двух группах мы использовали U-критерий Манна-Уитни.

Заключение. Основываясь на проведенном анализе и интерпретации полученных данных, мы пришли к следующим выводам.

1. Показатели активности пользователей социальных сетей носят разнонаправленный характер.

2. Статистически значимые показатели различий в группах пользователей с высокой и низкой активностью на уровне $p \leq 0{,}01$ и $p \leq 0{,}05$

были получены по всем личностным факторам, кроме фактора M «практичность-мечтательность».

3. Статистически значимые показатели различий в группах пользователей с высокой и низкой активностью на уровне $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$ были получены по шкалам «цели в жизни», «процесс жизни», «результативность жизни».

4. Статистически значимые различия в группах пользователей с высокой и низкой активностью были получены по шкалам Ie (выраженное поведение индивида в области включения) ($p \leq 0,01$), Iw (требуемое поведение в области включения) ($p \leq 0,01$), Ae (выраженное поведение в области аффекта) ($p \leq 0,01$), Aw (требуемое поведение в области аффекта) ($p \leq 0,05$).

5. Статистически значимые различия в группах пользователей с высокой и низкой активностью были получены по шкалам «открытость» ($p \leq 0,01$), «самоуверенность» ($p \leq 0,01$), «зеркальное Я» ($p \leq 0,01$), «самоценность» ($p \leq 0,05$), «самопринятие» ($p \leq 0,01$), «конфликтность» ($p \leq 0,01$), «самообвинение» ($p \leq 0,01$).

Таким образом, показатели активности пользователей социальных сетей носят разнонаправленный характер. Пользователи с высокой активностью в интернет-коммуникации открыты, критичны к себе, относятся к себе как к уверенному, самостоятельному человеку, достойному уважения. Пользователи с низкой активностью проявляют конформность и выраженную мотивацию социального одобрения. Они неудовлетворены своими возможностями, чувствуют сомнения в способности вызывать уважение.

Полученные результаты могут служить основой для разработки эффективных технологий психоконсультирования и психокоррекции в процессе межличностного взаимодействия онлайн.

Список литературы

1. Арестова О.Н. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Вестник МГУ, 1996. – Сер. 14. Вып. 4. – С. 14-20.
2. Бабаева Ю. Д. Интернет: воздействие на личность / Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, О.В. Смыслова // Гуманитарные исследования в Интернете. – М.: Можайск-Терра, 2000. – С.32-40.
3. Королева Н. Н. Влияние коммуникации в сети Интернет на личностные особенности пользователей // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2004. №9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kommunikatsii-v-seti-internet-na-lichnostnye-osobennosti-polzovateley (дата обращения: 05.09.2020).

УДК 159.9

ВНУТРЕННЯЯ ПОЗИЦИЯ ЛИЧНОСТИ – ВЗГЛЯД УЧЕНЫХ НА ХАРАКТЕРИСТИКУ ПОНЯТИЯ

Андреева И.А., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
irianna-andreeva@yandex.ru

Каждый человек проходит определенный путь к формированию себя как личности. Это индивидуальный, сложный и очень разный у нас у всех маршрут. Хотя в психологии, философии, политологии и других науках ученых много раз объясняют кто этот человек, который становится личностью. Так, Л.И. Божович, вслед за С. Л. Рубинштейном, в качестве единицы анализа личности предложила поступок. Развивая теорию личности, сформулированную Л.И. Божович, было бы правомерно предложить в качестве единицы анализа внутреннюю позицию, а поступок рассматривать как внешнее проявление внутренней позиции. Если обобщить мнения ученых, то можно сказать, что личность – это полноценный, состоявшийся человек со своей собственной сформированной годами системой ценностей, оригинальными привычками, особым образом поведения, манерой общения и другими индивидуальными особенностями [6].

Конечно, при этом, обязательно стоит отметить, что процесс развития личности начинается в глубоком детстве, когда ребенок усваивает нормы и ценности общества в целом и своей семьи, в частности. Именно эти знания дают почву для проявления определенных мотивов, взглядов, отношения к миру. Однако в процессе общения, каждый человек демонстрирует свою индивидуальную внутреннюю позицию, свой собственный взгляд на ситуацию или отношение к кому-либо. Безусловно, что часть информации от взрослых, социального окружения принимается, а часть отвергается или видоизменяется под влиянием, например, опыта. Таким образом, у человека формируется своя собственная личностная позиция. Собственная позиция личности формируется через систему личностных смыслов. Личностные смыслы – это индивидуальные ценностные ориентации человека, которые он усваивает и создает с первых лет жизни. Плюс к этому к личностным смыслам можно отнести определенную линию поведения, которую выбирает человек самостоятельно для отстаивания своих ценностей.

Внутренняя позиция личности – это индивидуальные ценности и смыслы человека, его взгляды и отношение к миру, нормы, установки и мотивы. Многие ученые едины в том, что именно внутренняя позиция отражая активность субъекта и формирует его как личность.

В работах В.С. Мухиной мы видим фундаментальную теоретическую разработку понятия «внутренняя позиция» с точки зрения концепции развития и бытия личности. Внутренняя позиция личности определяется Валерией Сергеевной как особое ценностное отношение человека к себе, к

окружающим людям, к собственному жизненному пути и к жизни вообще, определяется телесными самоощущениями, переживанием соединенности тела, психики и духа, а также присущим человеку чувством личности. При этом, формы телесного бытия также должны быть осмыслены человеком в контексте ценностного к себе отношения, каждый образованный человек должен: уметь расслаблять и напрягать свое тело; знать о возможности потери телесных способностей к здоровому расслаблению и напряжению, о возможности астенических состояний, острых хронических напряжений; знать, что он не застрахован от состояний ступора, оглушений и комы [5].

Карабанова О. А. в качестве структурных компонентов внутренней позиции выделяет: нормативный образ социальной позиции личности и ценностно-смысловую установку в межличностных отношениях. Ученая отмечает, что изменение внутренней позиции является следствием возрастных изменений, перемен в социальной сфере, окружении, общественных отношениях. При этом Карабанова О. А. констатирует, что внутренняя позиция проходит следующие этапы в процессе формирования: принятие новой социальной позиции и роли, освоение позиции и роли, а также этап личностного присвоения [3].

Лубовский Д. В. считает внутреннюю позицию личности социально-психологической характеристикой поколения. Однозначным является тот факт, что в структуре внутренней позиции личности сосуществуют три основных компонента: мотивационный, аффективно-смысловой и социально-рефлексивный [4].

В концепции социального взаимодействия Э. Берна мы видим констатацию того, что в каждый данный момент времени индивид существует в одном из трех основных состояний, именуемых состояниями Я. Состояние Я определяет, каким образом человек думает, чувствует и ведет себя в этот момент. Три состояния Я, в которых может находиться любой человек, носят название Родитель, Взрослый, Ребенок. При этом подлинное Я человека может свободно переходить из одного состояния в другое [2].

Адлер А. выделил ведущие ориентиры во внутренней позиции личности: «работа», «дружба» и «любовь» [1].

Основной функцией внутренней позиции является регуляция взаимодействия личности и социального окружения, принятие или отвержение воздействий социума и т.д. Внутренняя позиция – ключевое внутреннее условие, опосредующее внешние воздействия. Она выступает и как основная детерминанта субъектных характеристик ведущей деятельности – например, определяет особенности учения в младшем школьном возрасте.

Если подойти к характеристике этого понятия через содержательное наполнение каждого понятия, то буквально получается, что внутренняя позиция личности – это то, что происходит внутри человека, который является личностью, в переводе с латинского позиция означает внутреннее положение личности. То есть, во внутренней позиции личности, вместе с осознанием желаемого образа бытия, присутствуют актуальные самоощущения и чувство личности. Важной функцией внутренней позиции личности становятся личностно-значимые ориентиры в собственной жизни.

Есть внешние проявления личности, а это внутренняя составляющая личности, то что составляет ее основу. Хочется отметить, что одна трактовка слова «позиция» в толковом словаре натолкнула на философские размышления, что это место для расположения войск в бою. Если расположение будет удачным, то и бой будет выигран. Так может быть внутренняя позиция личности – это в какой-то степени определенная готовность к противостоянию окружающему миру и основание для определенных действий.

Список литературы

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер. – М.: Академический проект, 2007. – 240 с.
2. Берн Э. Игры, в которые грают люди / Э. Берн. – Издательство: Эксмо-Пресс, 2012. – 215с.
3. Карабанова О. А. Учебное пособие / О. А. Карабанова. – М.: Российское педагогическое агентство, 1997. – 191 с.
4. Лубовский Д. В. Сравнительно-исторический подход в психологических исследованиях познавательного и личностного развития детей / Д.В. Лубовский // Scientific Cooperation Center "Interactive plus"1Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)
5. Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) / В. С. Мухина. – Екатеринбург : Ин-телФлай, – 2007. – 1072 с.
6. Шульц Д. П. История современной психологи / Д. П. Шульц, С. Э. Шульц. –СПб. : Изд-во «Евразия», 2002. – 489 с.

УДК 159.9

ОДИНОЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ ЛИЧНОСТИ

Андриенко Е.В., д-р филос. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецку, ДНР
elena_andrienko8@mail.ru

Одиночество может быть определено как экзистенциал, концентрирующий смысложизненную проблематику в едином топосе – в «точке» Я, окруженной личностными границами, содержащий в качестве условия своего проявления дистанцирование личности – свободное (уединение) или вынужденное (изоляция), закрепление и утверждение автономности личности [2, с. 44].

В аспекте феноменологической парадигмы одиночество предполагает возможность широкого спектра интерпретаций – от самоидентификации Я со смысловым центром, до внешнего отождествления Я с неким «пустым местом», топосом негации, в котором Я теряет смысложизненные характеристики, ценностные ориентации.

Одиночество есть способ выявления сущностных характеристик Я, самости. В творческих деяниях одиночество необходимо как этап центробежного движения, как средство самопознания, способ душевной и духовной конденсации сил, этап постоянной самооценки поступков и интенций, непрерывного ценностного поиска, балансирования на грани «перемены участи». Одиночество в границах феноменологической топики выступает как проблема существования-разворачивания Я.

Существует определенная специфика внутренних связей между одиночеством, смертью и страхом. Осмысление смерти может происходить только в одиночестве, и пребывание в одиночестве неизбежно рождает мысли о смерти. Страх выступает конституирующим фактором одиночества, страх смерти лежит в основании постижения собственной человеческой конечности.

Одиночество как субъективное переживание присутствует у всех людей. Уникальность данного феномена заключается в том, что он проявляется у каждого человека с разной силой и отличается эмоциональной окраской. Наименьшее проявление одиночества обычно не замечается, фиксируются только сильные его проявления, исходя из чего бытует мнение, что одиночество либо есть, либо его нет. Наиболее приближенным к привычному пониманию «отсутствия одиночества» является его присутствие у человека в оптимальном для него виде.

Как справедливо отмечает Е.Н. Заворотных, одиночество следует отличать от родственных ему понятий, таких как изоляция, уединение, отчуждение, аномия и депрессия [1, с. 116]. Изоляция и уединение представляют собой временную пространственную невключенность личности в социум (вынужденную либо добровольную); отчуждение, аномия и депрессия относятся к психическим состояниям, имеющим нормальное или патологическое содержание. В то же самое время одиночество – это субъективное переживание, позиционирование личностью себя на шкале «я один – я не один», которое относительно независимо от объема межличностных контактов, состояния психического здоровья, преобладающего эмоционального тона и определяется личностными особенностями человека.

Поскольку страх одиночества активно разрабатывался в экзистенциализме как один из базовых страхов, наряду со страхом смерти, свободы и потери смысла жизни, то логично обратиться более подробно к взглядам экзистенциалистов на данную проблему.

В статье Д. Перлман и Л. Пепло «Теоретические подходы к одиночеству» говорится следующее: «Экзистенциалисты принимают в качестве точки отсчета тот «факт», что люди изначально одиноки. Никто другой не может разделить с нами чувства и мысли, разъединенность есть сущностное состояние наших переживаний. Сторонники данной точки зрения зачастую сосредоточиваются на вопросе о том, как люди могут жить, будучи одинокими» [3, с. 45].

Возможно, Л. Пепло подразумевает экзистенциальные рассуждение типа: «Мы рождаемся одинокими в эту жизнь и поодиночке умираем, никто не

способен родиться или умереть коллективно…», но, во-первых, следует отметить, что речь здесь идет об изолированности человеческого существа, а отнюдь не об одиночестве. Во-вторых, из того, что человек рождается и умирает одиноким, не следует, что он должен оставаться одиноким всю жизнь.

Следует подчеркнуть, что в задачи экзистенциальной психотерапии не входит адаптировать человека к состоянию одиночества и сделать это состояние нормой его жизни, скорее совсем наоборот.

Проблема возникает вследствие смешения понятий «одиночество» и «изолированность» (или «уединенность»). Экзистенциальная психология, как отмечает Л. Пепло и другие авторы, тесно связана с экзистенциальной философией. Первые попытки непосредственно перенести идеи философии экзистенциализма в психологическую и психотерапевтическую практику (Л. Бинсвангер и М. Босс) дали весьма ограниченные результаты. Ряд экзистенциально мыслящих философов (М. Бубер, П. Тиллих, М. Бахтин и другие) оказали на психологов большое и непосредственное влияние, но вершинами экзистенциальной психологии на сегодняшний день являются общепсихологические теории и методологические основы психологической практики, разработанные на основе философии экзистенциализма такими авторами как В. Франкл, Р. Мэй, Д. Бьюдженталь [4, с. 38].

В экзистенциальной психологии выделяют базовый конфликт, обусловленный конфронтацией индивидуума с данностями существования. Под данностями существованиями здесь понимают определенные конечные факторы, являющиеся неотъемлемой, неизбежной составляющей бытия человека в мире. Одиночество относится к таким данностям.

В целом, в отличие от психоанализа и человеко-центрированной терапии, экзистенциалисты, во-первых, не считают чувство одиночества патологическим, и, во-вторых, видят его причины в условиях человеческого бытия.

Действительно, изолированность отдельного индивидуума от общества есть данность, и причины этой изолированности лежат в условиях его бытия. Эта данность не может рассматриваться как патология, ибо только через изолированность можно определять понятие «отдельный» и отчасти понятие «индивид». Не будь «изолированности» не было бы и «отдельных индивидов». Но отсюда не следует, что экзистенциалисты рассматривают чувство одиночество как норму.

Таким образом, страх одиночества является одним из базовых экзистенциальных страхов. Страх можно определить социобиологический феномен, естественным образом присущий человеку, который интенсифицируется вследствие реальной или гипотетической угрозы. Экзистенциальные страхи – это наиболее сложная и глубинная группа страхов, которая, помимо страха одиночества включает страх смерти, свободы и страх потери смысла. Страх одиночества особенно тесно связан со страхом смерти. Осмысление смерти может происходить только в одиночестве, и пребывание в одиночестве интенсифицирует страх смерти. Страх выступает конституирующим фактором одиночества. Страх смерти лежит в основании постижения собственной человеческой конечности.

Одиночество не следует полностью отождествлять с уединением или изолированностью, хотя ситуативно эти понятия могут совпадать.

Список литературы

1. Заворотных Е.Н. Социально-психологические основы одиночества как субъективного переживания: дис… канд. психол. наук: 19.00.05. – СПб., 2009. –254 с.
2. Куртиян С.В. Одиночество как социальное явление: дис … к. социол. наук: 19.00.01. – М., 1995. – 306 с.
3. Перлман Д., Пепло Л. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 14–70.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНАЯ ЗРЕЛОСТЬ. ОНТОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Андрюшкова Н.П.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
andruchkova@rambler.ru

Личностная зрелость считается одной из значимых характеристик человека. Большое количество работ посвящено трактовке и определению данного понятия. Однако, нет ни общепринятого определения личностной зрелости, ни общепринятых возрастных рамок ее становления.

В современных научных психологических справочниках зрелость определяется как достигнутый высокий уровень развития биологических, физиологических, интеллектуальных, волевых, эмоциональных и нравственных параметров человека [2].

В генезе наступает сначала биологическое и физиологическое созревание организма, потом психологическая зрелость как показатель работы сенсорных, мнемических, интеллектуальных функций человека и наконец- нравственная, мировоззренческая и профессиональная зрелость как свидетельство возможностей человека эффективно осуществлять практическую или теоретическую деятельность.

В научной литературе вопрос о возрастных границах формирования личностной зрелости является дискуссионным. Одни ученые, в частности О. Кононенко, отмечают, что личностная зрелость является психологическим новообразованием зрелого периода жизни человека, это как своеобразное психологическое следствие самостоятельно пережитого человеком в зрелом возрасте кризиса идентичности [3]. Согласно такой позиции, исключается формирование личностной зрелости на более ранних периодах жизни человека, ведь это психологическое новообразование зрелого возраста. Следовательно, содержание личностной зрелости является результатом рефлексии предыдущих этапов жизни, анализа ошибок прошлого. Из этого следует, что большую часть своей жизни человек уже прожил, вырастил и воспитал собственных детей,

состоялся в профессиональной сфере, и только в зрелом возрасте получил возможность проживать свою жизнь более осознанно, качественно, полно. Стоит заметить, что кризис идентичности должен быть решен продуктивно, иначе это психологическое новообразование не будет сформировано. Следовательно, человек теряет возможность самоактуализироваться, самореализоваться, наполнить свою жизнь трансцендентным смыслом. Таким образом, можем предположить, что личностная зрелость должна целенаправленно формироваться на более ранних этапах онтогенеза, а не сводиться к новообразования зрелого возраста.

О. Калитеевская и Д. Леонтьев формирование личностной зрелости связывают с успешным решением подросткового кризиса, ведь именно в этот период в личности развивается способность к самодетерминации, т. е. способность действовать, не подвергаясь внешним давлениям, в соответствии с собственными долгосрочными интересами и ценностными ориентациями. Ученые отмечают, что способность к самодетерминации возникает в ходе индивидуального развития на основе интеграции свободы и ответственности. Под свободой авторами понимается высшая форма активности, выражающаяся в способности инициировать, прекратить или изменить направление деятельности в любой момент, а под ответственностью – высшая форма саморегуляции, что выражается в осознании и использовании себя как причины изменений в себе и внешнем мире [4]. Вместе с тем, Л. Выготский утверждал, что фундаментом для новообразований каждого возрастного периода есть достижения предыдущих этапов развития индивида. Следовательно, связывать формирование личностной зрелости лишь с подростковым возрастом не является достаточно обоснованным. Очевидно, достижения детства играют основополагающую роль в процессе формирования личностной зрелости подростка. С другой стороны, ведущим показателем личностной зрелости является способность человека к самотрансценденции (то есть выход за пределы собственного Я), к которому ни ребенок, ни подросток (учитывая возрастные особенности) еще не способны [3].

Исследовательница А. Кошелева отмечает, что отногенетические пределы личностной зрелости достаточно условны и зачастую определяются или же началом периода юности (по критерию психосоциального созревания ведущих психических функций) или же завершением юности и перехода к взрослости (по критериям конструктивного решения личностью разнообразных жизненных проблем на пути к самореализации), или по мере успешного проявления социальной и профессиональной компетентности (по критерию личностной ответственности и способности к выполнению социальных и профессиональных функций) [4].

Нам импонируют мнения Б. Ананьева и О. Бодалева, которые утверждали, что личностная зрелость не является возрастной характеристикой, отождествления взрослости и зрелости является ошибочным [1], ведь не всегда взрослый человек является зрелой личностью. По нашему мнению, справедливым является утверждение ученых о том, что личностная

зрелость формируется в течение жизни человека поэтапно и зависит от условий социальной среды, в которой развивается личность. Следовательно, утверждение А. Кошелевой об условности онтогенетических пределах личностной зрелости, кажется подходящим. Более того, анализ научных работ позволяет прийти к выводу, что феномен личностной зрелости является сложно организованной открытой динамической системой, поэтому невозможно определить четкие возрастные границы начало – завершение его формирования. Поскольку одним из ведущих показателей личностной зрелости является способность к самопознанию, то содержание феномена личностной зрелости можно толковать как степень погружения человека в свою жизнь, попытки достигнуть его глубины – осознать собственную миссию, которую он призван выполнить. Очевидно, что этот процесс продолжается в течение всей сознательной жизни человека.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Б.Г. Ананьев. – Москва: Изд-во «Институт практической психологии»: Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 384с.; Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения / А.А. Бодалев. – Москва: Флинта: Наука, 1998. – 168 с.
2. Дьяченко М.И. Кандыбович Л.А. Психологический словарь-справочник. Серия: Библиотека практической психологии. – М.: АСТ: Астрель, 2001. – 576 с.
3. Кононенко О.І. Психологічні особливості особистості періоду пізньої зрілості / О.І. Кононенко // Вісник ОНУ ім. І.І. Мечникова. –2014. –Т.19. Психологія. – Вип.4 (34). – С.24-28.
4. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Д.А. Леонтьев, Б.С. Братусь // Ученые записки кафедри общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва: Смысл, 2002. – Вып.1. – С.56-65.

УДК 159.99

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮДЕЙ, ПРЕДПОЧИТАЮЩИХ РАБОТУ С ЛИТЕРАТУРОЙ В БИБЛИОТЕКЕ

Артюх А.А., Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк, ДНР
artyukh98@inbox.ru

Введение. Литература представляет собой мощный фактор воздействия на психическую деятельность личности, характер данного воздействия самый разнообразный – от кратковременной оптимизации эмоционального состояния до глубоких личностных переживаний и т. д. К сожалению, последнее время мы регулярно сталкиваемся с проблемой снижения читательской активности, а литература утрачивает свою популярность и востребованность в современном обществе [1].

Актуальность работы заключается в том, что исследование личностных особенностей читающих и не читающих людей может помочь выявить качества личности, способствующие увеличению читательской активности. Опираясь на теоретический анализ литературы, для исследования были взяты такие индивидуально-психологические характеристики, как ценностные ориентации, эмоциональная и мотивационная направленность личности.

Основная часть. Методологической основой исследования являются труды в области изучения воздействия художественной литературы на психическую деятельность личности (Н.В. Рубакин, Д.С. Лихачев, Н.Д. Левидов, Н. А. Логинова и др.)[2].

Исследование проводилось на базе КУ «Централизованная библиотечная система для взрослых г. Донецка». Выборку составили 90 человек. Из них 30 человек (20 женщин и 10 мужчин) регулярно посещающих библиотеку; 30 человек (18 женщин и 12 мужчин) регулярно читающих, но не посещающих библиотеку; 30 человек (8 женщин и 22 мужчины) не читающих литературные произведения. Возраст испытуемых от 20 до 55 лет. С целью выявления личностных особенностей испытуемых были использованы методики: «Ценностный опросник Ш. Шварца» [6], «Определение общей эмоциональной направленности личности» (ОЭН) по Б.И. Додонову [3], «Направленность личности» (ориентационная анкета Б. Басса) в адаптации Смекала-Кучера [5]. Для изучения особенностей и предпочтений читающих людей в рамках исследования была разработана анкета. Статистическая значимость различий проверялась с помощью H-критерия Краскела-Уоллиса.

В ходе анализа читательских предпочтений с помощью анкетирования было выявлено, что люди, регулярно посещающие библиотеку, читают в большей степени для отдыха, преимущественно художественную литературу, а люди, регулярно читающие, но не посещающие библиотеку, читают в основном для образования и самообразования.

Сравнительный анализ трёх групп по методике «Ценностный опросник Шварца» выявил, что для группы испытуемых, которые предпочитают работу с литературой в библиотеке, в большей степени характерны ценности: универсализм (S=77), достижение (S=62) и самостоятельность (S=71). Различия ценностей значимы на 5% уровне.

Для группы испытуемых, которые регулярно читают, но не посещают библиотеку, в большей степени характерны ценности: гедонизм (S=70), власть (S=72), безопасность (S=72). Различия ценностей значимы на 5 % уровне.

Для не читающих литературные произведения испытуемых чаще характерны: гедонизм (S=77), самостоятельность (S=75). Различия ценностей значимы на 5 % уровне.

Сравнительный анализ трёх групп по методике «Определение общей эмоциональной направленности личности» по Додонову показывает различия в эмоциональной направленности испытуемых. Преобладаю-

щими эмоциями у людей, предпочитающих работу с литературой в библиотеке стали: альтруистические (S=6), романтические (S=6), гностические (S=6), эстетические (S=6) и коммуникативные (S=6) эмоции. Выявленные различия значимы на 5 % уровне.

У регулярно читающих, но не посещающих библиотеку людей преобладают: эстетические (S=4), романтические (S=4) и коммуникативные (S=4) эмоции (различия значимы на 5 % уровне), а также праксические (S=5) эмоции (различия значимы на 1 % уровне).

В сравнении двумя другими группами у испытуемых, которые не читают литературные произведения, эмоциональный диапазон меньше, у них наиболее выражены эмоции: гедонистические (S=4), которые согласно сравнительному анализу не являются значимыми. Коммуникативные (S=3) и гностические (S=3) эмоции (различия значимы 5 % уровне).

Сравнительный анализ трёх групп по методике «Направленность личности» (ориентационная анкета Б. Басса) в адаптации Смекала-Кучера, демонстрирует значимые на 5 % уровне различия в мотивационной направленности испытуемых, а именно:

У группы читающих в библиотеке, преобладает направленность личности на задачу (S=50).

У регулярно читающих, но не посещающих библиотеку, преобладает направленность на взаимодействие (S=47).

У не читающих литературные произведения преобладает направленность на себя (S=56).

В результате проведенного исследования и обработки данных были выявлены значимые различия в ценностной ориентации, в эмоциональной и мотивационной направленности читающих и не читающих людей.

Заключение. Таким образом, можно сказать, что предпочтение чтения в целом и чтения в библиотеке в частности связано с личностными особенностями людей, а именно, ценностными ориентациями, эмоциональной и мотивационной направленностью личности.

Практическое значение работы заключается в получении новых данных, говорящих о специфике личностных особенностей людей, регулярно посещающих библиотеку, регулярно читающих, но не посещающих библиотеку и не читающих литературные произведения, что может позволить сформировать рекомендации по развитию читательской активности личности.

Список литературы

1. Благонадежина Л. В. Эмоции и чувства. Психология: Учебник / Л.В. Благонадежина. – М. 1956. – 581 с.
2. Братусь Б. С. К проблеме развития личности в зрелом возрасте / Б.С. Братусь // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1980. – №2. – С. 3–12.
3. Карелин А.А. Большая энциклопедия психологических тестов / А.А. Карелин – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
4. Котова И.Б., Канаркевич О.С., Березина Н.Н., Березин А.Ф. Основы психологии. – Ростов н/Д: Феникс, 2002.– 448 с.

5. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
6. Сборник психологических тестов Часть I: Пособие / Сост. Е.Е.Миронова – Мн.: Женский институт ЭНВИЛА, 2005. – 155 с.

УДК 159.9

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Байдак К.Г., Ярмыш И. А., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
baydak.kristina@mail.ru

Введение. В современном мире большое значение имеет психологическое здоровье личности, которое в свою очередь зависит от психологической безопасности личности. Согласно Н. Е. Водопьяновой, Д. А. Леонтьеву, С. Хобфоллу, Р. Лазарусу, С. Фолкману, именно личностные ресурсы обеспечивают адаптивную реакцию индивида на изменения в окружающем мире. Личностные ресурсы помогают справиться с трудными жизненными ситуациями [11].

Данная работа посвящена анализу исследований зарубежных и отечественных психологов, изучающих толерантность к неопределенности как один из личностных ресурсов, помогающих человеку справиться с трудной жизненной ситуацией.

Основная часть. Термин «трудная жизненная ситуация» в психологии остается дискуссионным. Н. Г. Осухова считает, что основным критерием определения ситуации как трудной, является нарушения адаптации личности к постоянно изменяющимся условиям среды. По ее мнению, ситуация, в которой «в результате внешних воздействий или внутренних изменений происходит нарушение адаптации человека к жизни, в результате чего он не в состоянии удовлетворять свои основные жизненные потребности посредством моделей и способов поведения, выработанных в предыдущие периоды жизни, является трудной» [3, с.14].

Л. И. Анцыферова в своих работах указывает на то, что в трудной жизненной ситуации происходит нарушение привычного образа жизни; рассогласование между потребностями человека, его возможностями и условиями деятельности; возникает необходимость серьезной внутренней работы и внешней поддержки для адаптации в новой жизненной ситуации [1].

Понятие «ресурс» является межотраслевым. В широком смысле под «ресурсом» понимают запас необходимых средств для решения определенных задач [2]. В психологии понятие «ресурс» стало активно использоваться в 80-90 годах XX века. Изучение проблемы ресурсов личности встречается в работах отечественных (В. А. Бодров, Н. Е. Водопьянова, Л. Г. Дикая, Л. А. Китаев-Смык, О. А. Конопкин, Т. Л. Крюкова, А. Б. Леонова, Д. А. Леонтьев, В. А. Либина,

В. И. Моросанова, К. Муздыбаев, А. К. Осницкий, Е. А. Сергиенко, В. А. Толочек) и зарубежных психологов (Р. Баумейстер, П. В. Балтеса, Э. Динер, Р. Лазарус, С. Мадди, С. Фолкман, С. Хобфолл и др.).

Отечественный психолог, Д. А. Леонтьев в своих работах в рамках изучения проблемы личностных ресурсов анализирует понятие «личностный потенциал». Под этим понятием подразумевает «системную организацию индивидуально-психологических особенностей личности, лежащую в основе ее способности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» [5, с. 219]. Личностный потенциал для Д. А. Леонтьева – это «индивидуально-психологические характеристики личности, которые позволяют человеку справляться с разнообразными вызовами, сохраняя внутреннюю цельность и устойчивость» [6, с. 3]. Согласно Д. А. Леонтьеву к личностному потенциалу относятся ресурсы, которые в трудной жизненной ситуации помогают сохранять (поддерживать) психологическое здоровье личности [6; 7].

Именно личностные ресурсы определяют уровень владения интегрированным поведением, которое в свою очередь помогает совладеть со стрессом и повысить уровень адаптированности личности.

Непосредственно такой личностный ресурс как толерантность к неопределенности, введенный Т. Адорно и его коллегами Р. Сэнфорд, Э. Френкель-Брунсвик, Д. Левинсон, рассматривался, как способность справляться со сложностью окружающего мира, с незнакомыми, сложными, трудными жизненными ситуациями [4].

В современной психологии толерантность к неопределенности рассматривается Ст. Баднером, Д. МакЛейной, Т. В. Корниловой, В. И. Моросановой, Г. У. Солдатовой, М. А. Чумаковой, как личностная диспозиция. Часто толерантность к неопределенности рассматривается с двух сторон, дихотомически: первая – как толерантность к неопределенности, вторая – как интолерантность, невозможность переносить неопределенность. Такую трактовку предложили Т. Любарт, К. Муширу, С. Торджман, Ф. Зенасни [9].

В. П. Зинченко утверждает, что неопределенность характерна любому этапу развития личности, в связи с этим толерантность к неопределенности можно считать ресурсом личности, который помогает стравляться с новыми для личности конфликтами [4].

По утверждениям Н. В. Горловой, в незнакомой ситуации человек с высоким уровнем толерантности к неопределенности видит возможность для развития и усовершенствования своих навыков. Если же у личности низкий уровень толерантности к неопределенности трудные жизненные ситуации будет выглядеть для нее угрожающими и опасными.

Психологи Ф. Вернон, Р. Стернберг, Т. Любарти и их коллеги связывают конструкт толерантность к неопределенности с креативностью, и утверждают, что толерантность к неопределенности способствует

развитию креативности [4]. По утверждениям Т. Любарта, К. Муширу, С. Торджман, Ф. Зенасни толерантность к неопределенности позволяет личности успешно принимать решения и добиваться цели при недостатке информации, средств, ресурсов или их отсутствии [8].

В исследованиях А. Фурнамана и Т. Рибчестера показаны связи толерантности к неопределенности с психологическим здоровьем личности и удовлетворенностью выполняемой ею деятельностью. Так же указывается, что личности с низким уровнем толерантности к неопределенности менее стрессоустойчивы, избегают рискованных действий и более чувствительны к негативным отзывам других.

Заключение. Необходимость фундаментального изучения такого личностного ресурса как «толерантность к неопределенности» вызвана высоким темпом изменений происходящих в современном мире: изменением вида коммуникации, экономической и социальной нестабильностью, повышенными требований к активному образу жизни личности.

Список литературы

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова // Психол. журн. – 1994. – Т.15. – № 1. – С.3-19.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка /С. И.Ожегов // Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. – 1200 с.
3. Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях: учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.Г. Осухова. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 288 с.
4. Леонов И.Н. Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта // Вестник Удмурдского университета, 2014. №4. – С.43-52.
5. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал: структура и диагностика / А. Ж. Аверина, Л. А. Александрова, И. А Васильев // под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – 679 с.
6. Леонтьев Д. А. Новое в диагностике личностного потенциала/ Д. А.Леонтьев, Е. И. Рассказова // Психологическая диагностика.– 2010. – № 2. – С. 3-5.
7. Леонтьев Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности /Д. А. Леонтьев // Психологический журнал. –2000. –т. 21. – №1. – С.15-25.
8. Любарт Т. Психология креативности / Т. Любарт, К. Муширу, С. Торджман, Ф. Зенасни. – М.: Когито-Центр, 2009. –216 с.
9. Корнилова Т. В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека / Т. В. Корнилова, М. А. Чумакова, С. А. Корнилов, М. А. Новикова. – М.: Смысл, 2010. – 328 с.
10. Bakker A. B. Towards a model of worken gagement /A. B. Bakker, E. Demerouti // In: Career Development International. –2008. – n. 13. – p. 209-223.

УДК 159.9

САМОДЕТЕРМИНАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Барьяхтар О.Ф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Oksana-neverland@mail.ru

Зрелая личность способна занять определенную позицию по отношению, как к внешним условиям, так и к собственному опыту и осуществить осознанный выбор в пространстве возможностей и рождающихся вероятностей на пересечении этих двух систем (осуществить самодетерминацию). Потребность в самодетерминации включает стремление человека самостоятельно контролировать собственные действия и поведение, а также быть их независимым инициатором [1,2]. Для более глубокого понимания проблемы личностной самодетерминации важно подчеркнуть, что уровень развития личности определяется уровнем ценностно-смысловой детерминации, уровнем существования в мире смыслов и ценностей.

Осознание ценностно-смысловой сферы, выступает механизмом самоопределения личности, следовательно, и самодетерминации. Результатом такого осознания является трансформация личностных смыслов в ценностные ориентации, составляющие наивысший уровень диспозиционной структуры личности [3].

В основе процесса формирования ценностных ориентаций лежит диалектическое взаимодействие внешнего и внутреннего. Личность избирательно относится к внешним воздействиям, руководит своими действиями и поступками, формирует активную жизненную позицию, то есть отражение действительности человеческим сознанием имеет не только форму познания, но и форму оценивания (отражение реальной связи объекта с потребностями, интересами, желаниями, стремлениями, целями, идеалами субъекта). Вследствие чего, осуществляя самоопределение, личность проявляет независимость от внешних обстоятельств, реализует самодетерминацию. Также, являясь единицей определенной социальной группы, которая объединяется едиными социокультурными условиями жизнедеятельности, личность соотносит свои смысложизненные представления, планы на будущее, возможности профессионального выбора с конкретными условиями жизнедеятельности этой социальной группы. Другими словами, личность принимает (или не принимает) социальные нормы, идеалы, требования общества и ставит их в ряд личностных убеждений ценностей и как следствие придерживается соответствующих правил поведения, в том числе и с учетом гендерного фактора [4] .

Исследование процесса саморазвития личности, ее социализации, самоопределения и, в результате данного самоопределения самодетерминации требует тщательного изучения психологических механизмов преобразования социального опыта в личностные ценностные ориентации индивида. Если под ценностными ориентациями понимать относительно

стабильное, избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как предметы, цели и средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности человека, в таком понимании ценностные ориентации аккумулируют весь жизненный опыт, накопленный в индивидуальном развитии человека.

Собственный жизненный опыт личности определяет ее взаимоотношения с другими людьми, а также изменения личности, в первую очередь, по отношению к самой себя. В течение жизни человек формирует собственную картину мира, где ценности общества анализируются и сопоставляются с представлениями о своем «Я». В результате этого образуется индивидуальная система ценностных ориентаций, которая является ядром собственной идентичности. На основе ценностных ориентаций составляется отношение личности к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, это основа мировоззрения и мотивации жизненной активности. Интеграция системы ценностей, функционирующих в обществе и ценностей, которые человек сам способен творить в реальности своего самобытия образуют смысл человеческой жизни, который одновременно является основой развития личности и его результатом. Феномен личностного самоопределения – это процесс внутренней личностной активности, который возможен лишь при условии определенного уровня развития самосознания личности. В структуре личности появляются конфликтные личностные смыслы, которые выстраиваются на основе внутреннего диалога, который в результате, позволяет найти свое место в обществе на основе личностно-выработанных ценностей и смыслов. Самодетерминация – это результат данного процесса, который проявляется в осознании принятия личностью собственного решения или занятия ею определенной позиции.

Ценностные ориентации – не только компонент сознания, но и поведения. Поэтому ценностная ориентация не ограничивается рациональным предпочтением или выбором той или иной ценности, она становится произведением всей жизни индивида, превращаются в его убеждения, мотивы поведения. Человек, идентифицируя себя как личность, развил способность к рефлексии и самопознанию. Впоследствии способность трансформировалась в потребность – сформировался механизм самодетерминации внутреннего мира и свободной самореализации человеческой субъективности.

Процессы социализации и индивидуализации выступают неразрывными составляющими личностного развития, определенный уровень которого порождает самодетерминацию, самоуправление человека, который сознательно организует свою жизнь, а значит и определяет свое собственное развитие.

Одной из главных предпосылок самодетерминации является самопознание и самоотношение. Определенным показателем развития самосознания личности является ее способность познавать себя на основе как самонаблюдения, так и внешних источников – объективных результатов собственных действий, отношения других людей.

Самопознание – это рефлексия своего внутреннего мира, осознание своего потенциала и реальных возможностей. Умение сознательно контролировать результаты своей деятельности и уровень собственного развития, личностные достижения; сформированность таких качеств как креативность, инициативность, настроенность на сотрудничество, сотворчество, уверенность в себе являются результатом рефлексии. Рефлексивный компонент определяет уровень развития самооценки, понимание собственной значимости для других людей, ответственности за результаты своей деятельности, познания себя и самореализации в процессе деятельности.

Постепенно в личности на основе представлений о себе, на основе мысли значимых других формируется устойчивая Я-концепция, придающая ощущение уверенности или неуверенности. Отношение личности к самой себе является формой отражения самого себя как особого объекта познания и формируется на основе активности субъекта в отношении внешнего мира. Отношение к самому себе воспроизводит уровень развития личности в контексте ее самореализации и самодетерминации.

Самоотношение и самопознание неизбежно связаны с самоанализом, который служит средством самоконтроля и разумной организации собственного поведения.

Перспектива дальнейших исследований заключается в эмпирическом подтверждении изложенных положений и определении эффективных технологий психологического содействия самодетерминации развития личности.

Список литературы

1. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. – М.: Смысл, 2006. – 336 с.
2. Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 343 с.
3. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
4. Берн Ш. Гендерная психология. – М.: Прайм-Еврознак, 2004. – 320 с.

УДК: 1/159.9

СКЛОННОСТЬ К РИСКУ КАК ЛИЧНОСТНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Безродный В.И., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
bezrodnuy@rambler.ru

Важной характеристикой предпринимательской деятельности является ее нестандартный характер и требования от человека умения и желания идти на риск [1]. Причем в первую очередь имеется в виду готовность к «прагматическому» в отличие от риска, связанного с надситуативной активностью [2], Учитывается также и готовность к «интеллектуальному» риску, поскольку умение принимать решения и

действовать в условиях неопределенности информации является необходимым условием деятельности предпринимателя [3-5].

Склонность к риску может выступать в качестве цели деятельности, например, тогда, когда человек намеренно рискует только для того, чтобы убедиться или показать другим, что он не боится опасности (физической или не достижения цели). В подобном случае риск становится также и средством самоутверждения или создания о себе желаемой мысли. Риск может выступать и в роли мотива. Это бывает в случаях, когда человек без особой на то нужды намеренно выбирает угрожающие (с той или другой точки зрения) цели или опасные средства их достижения только ради самого риска и связанных с ним острых ощущений [2].

Порой о риске говорят как о неких потребностях, проявляющихся в угрозе, свойственной людям, подверженным риску. Тем не менее, можно предположить, что рисковать и испытать при этом радость в той или иной степени свойственно вообще всем людям [3].

Некоторые авторы рассматривают стремление к опасности как проявление естественной деятельности, которая развивается в процессе агрессивности. В наше время предпринимаются попытки объяснить стремление человека к опасности исходя из физиологических предпосылок. Так, например, бытует мнение, что в организме существует особый физиологический аппарат общей мотивации, который формирует эмоции удовольствия и страдания. Предполагается также, что в этом аппарате действуют две системы, которые порождают положительные эмоции: система повышения положительной мотивации и система снижения негативной мотивации. При возникновении опасных ситуаций действует вторая система, являющаяся источником положительных эмоций. При определенных обстоятельствах и длительном бездействии системы, связанной с негативными эмоциями, в организме может возникнуть стремление к опасности, то есть условия, которые дают выход энергии второй системы за счет чего возникают положительные эмоции [1,4,5].

Объектом исследования выступает склонность к риску.

Предметом исследования является склонность к риску как личностная особенность предпринимателя.

Исходя из выше изложенного цель предстоящего исследования: изучить личностные особенности предпринимателей и проследить их связь с риском.

Основная идея. Риск и рискованное поведение у предпринимателей связаны определенным образом с личностными характеристиками, которые обеспечивают успешность предпринимательской деятельности.

В ходе исследования необходимо было решить ряд **задач:**

1) Провести обзорно-аналитический анализ литературы по теме исследования.

2) Подобрать конкретные методы и методики по проблеме исследования.

3) Определить критерии выбора испытуемых, а также осуществить подбор экспериментальной и контрольной групп.

4) Изучить личностные особенности членов контрольной и экспериментальной групп.

5) С помощью методов математической статистики сравнить полученные результаты, а также выявить связь риска и рискованного поведения с личностными характеристиками предпринимателей.

Для определения зависимости между склонностью к рискованному поведению и личностными особенностями нами была исследована группа предпринимателей, являющихся членами клуба «Экстрем» и группа предпринимателей, торгующих на рынке «Привокзальный».

«Экспериментальная» группа это люди, относящиеся к категории обеспеченных и удовлетворенных собственной трудовой деятельностью, которые предпочитают экстремальные виды развлечений.

В качестве «контрольной» группы выступили представители торговли рынка «Привокзальный».

В работе были использованы методики определения уровня субъективного контроля (УСК), тест для определения акцентуаций характера Леонгарда-Шмишека, тест определения склонности к риску Г. Шуберта, тест определения мотивации на успех, тест определения мотивации избегания неудач Элерса. Для исследований были использованы бланковые формы соответствующих методик.

Для изучения предприимчивости был использован метод опроса. Ввиду социальных сложностей, связанных с данной деятельностью, объективную оценку предпринимательских особенностей получить не представляется возможным. Поэтому критерием успешности деятельности предпринимателей «экспериментальной» и «контрольной» групп выступили субъективная оценка собственной деятельности и среднемесячный доход.

Результаты свидетельствуют о том, что между исследуемыми группами существуют статистически достоверные различия по описанным выше методикам. Можно утверждать, что предпринимателям, деятельность которых считается успешной и имеющих повышенную степень готовности к риску присуще более выраженное проявление таких психологических черт как мотивация к достижению успеха, общая интернальность, интернальность в области семейных отношений, интернальность в производственной сфере и гипертимность. Наряду с этим отмечается меньшая выраженность таких психологически черт как мотивация избегания неудач и эмотивность.

Выводы.

1. В группе предпринимателей, склонных к рискованному поведению (клуб «Экстрем») в сравнении с работниками рынка «Привокзальный» достоверно выше показатель готовности к риску по Г. Шуберту ($P< 0,001$).

2. Уровень мотивации к достижению успеха у предпринимателей, склонных к рискованному поведению выше, чем у работников рынка ($P<0,001$).

3. Уровень мотивации избегания неудач выше у работников рынка ($P<0,01$).

4. В группе предпринимателей, склонных к рискованному поведению, в сравнении с работниками рынка, достоверно выше общая интернальность (P<0,05), интернальность в области семейных отношений и интернальность в производственных отношениях (P<0,01).

5. Среди предпринимателей клуба «Экстрем» уровень гипертимности выше, а уровень эмотивности ниже, чем у работников рынка (P<0,05 – 0,001).

Список литературы

1. Баркалов С.А. Лидерство и управление организацией: учебное пособие / С.А. Баркалов [и др.]. – Воронеж : Научная книга, 2012. – 324 с.
2. Быкова С.В. Склонность к риску как устойчивое свойство личности // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2016. – Т. №1. – С.157–160.
3. Гнездилов Г.В. Психология риска в профессиональной деятельности предпринимателя. Человеческий капитал / Г.В. Гнездилов, Е.А. Густова, А.В. Твердовская, 2020. – № 54 (136). – С.127-136.
4. Забродин Ю.М. Психология личности и управления человеческими ресурсами: Учебное пособие. – М.: Финстатинформ: КноРусь, 2002. – 359 с.
5. Трушков С.А. Управление персоналом в современных реалиях / С.А. Трушков, Н.В. Шарапова // Экономические исследования и разработки. – 2017. – № 2. – С.77-86.

УДК 159.9.07

ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К СЕМЬЕ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Беспалова Т.М., канд. психол. наук, доц., ***Борисов С.Г.***
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань, РФ
s.g.bor.72@gmail.com

Введение. В науке нет единства в определении семьи. Представители разных отраслей знаний, изучающих человека и человеческое общество, дают различные определения. В научной литературе можно найти десятки определений понятия «семья». Различия в понятиях возникают в результате того, что данный институт является разносторонним и, изучая, ту или иную стороны можно сконцентрироваться на одной из особенностей семьи. Определение семьи можно найти в социологии, демографии, философии, юриспруденции и т.д. Кроме того, идейные предпочтения авторов понятий, также оказывают существенное влияние на формулировку. При этом, как ни странно, но в Семейном кодексе Российской Федерации также отсутствует определение термина «семья».

Семья – уникальный и специфический социальный институт, она является связующим звеном между индивидуумом и государством. Если рассматривать функции семьи, то именно данные функции позволяют появляться и адаптироваться новым членам общества. Семья обеспечивает передачу ценностей от поколения к поколению, помогает человеку

справиться со всеми препятствиями и горестями, здесь век набирается психологических и эмоциональных сил [3].

Основная часть. Семья необходима обществу. Наличие семьи помогает не затрачивать государству и обществу больших усилий на воспитание и приобщение к правилам и законам жизни новых членов общества. Несмотря на то, что в состав семьи могут входить десятки человека, её ядром считают супружескую пару.

При этом стоит отличать понятия «семья» и «брак». Брак – это узаконенный устойчивый союз между мужчиной и женщиной.

Брачные отношения, регистрируемые ЗАГСами либо Дворцами бракосочетания, называются гражданскими и имеют государственную силу. Отношения, освещенные религией, называются церковными, при этом формально они не имеют силы. В настоящее время в России церковных брак могут заключить только те люди, которые уже состоят в гражданском браке.

В дореволюционном российском законодательстве основой союза общества и государства выступала семья. То есть именно семье давалась такая серьёзная роль. Родители воспитывали детей, а дети должны были подчиняться своим родителям. Причём слушаться родителей нужно было всегда, даже если детям уже самим по 50 лет. Главой семьи был отец (патриарх), жена должна была слушаться мужа. В случае разногласий голос отца имел решающее значение. Женщина становилась полноправной хозяйкой дома в случае смерти мужа или лишения его прав состояния.

Городская жизнь наложила свой отпечаток на модель семьи. Так как в городе люди не обременены ведением большого хозяйства, то отношения в семье становятся более самостоятельными и независимыми [2].

За последние 10 лет отношение к семейной жизни сильно изменилось, в браки стали вступать не совсем юные мужчины и женщины, а взрослые сформированные личности. Так, средний возраст женщин, вступающих в брак, увеличился на 2 года и составил 25-27 лет, мужчин – на 5 лет и составил соответственно 26-30 лет [5]. На западе возраст вступления в брак ещё выше, чем в России, однако наша страна движется к западной модели. Согласно современным взглядам создавать семью можно только после того как молодые люди решат профессиональные, материальные, жилищные и другие проблемы.

В современных браках всё чаще встречается разновозрастность супругов. Согласно исследованиям оптимальная разница в возрасте супругов составляет 5-7 лет, однако в современных брака всё чаще встречается разница в 15-20 лет [1]. Причём молодым супругом может быть как женщина, так и мужчина. Старший супруг, как правило, берет на себя ответственность за решение экономических, хозяйственно-бытовых и других проблем. Такие браки получили распространение из-за того, что каждая из сторон имеет свои позитивные характеристики, которые и ищет другая сторона в своём партнёре.

Например, молодая красивая девушка хочет найти материально обеспеченного мужчину, поэтому чаще всего она выбирает партнёра,

который старше неё. В то же время обеспеченный мужчина 40-50 лет хочет видеть рядом с собой красивую, юную девушку.

Кроме традиционных браков, основанных на любви, уважении, дружбе, желании родить детей, всё чаще встречаются фиктивные браки. Такие браки получили особое распространение в столице, крупных промышленных и культурных центрах России. Такие браки заключаются для того, чтобы получить какую-либо выгоду (прописку, престижную работу, стажировку за рубеж).

Согласно данным проведенного нами обследования на первом месте молодые люди ставят деньги и деловую карьеру. Ценность семьи же в 21 веке сильно снижена. В результате такой тенденции традиционная форма брака встречается всё реже.

Однако все альтернативные формы брака рассматриваются как «подножка», с которой можно в любой момент соскочить. Особенно часто, из такого брака уходят мужчины в результате появления детей, ведь дети связаны с определёнными трудностями.

При этом с современной Росси также прослеживается и другая противоположная тенденция – растёт число церковных благословенных браков. Венчание на Руси всегда считалось благим делом, ведь тогда молодожёны становятся супругами не только на земле, но и на небе.

В конце XX века появился такой вид контрактов, как брачный контракт (договор), в котором молодые люди регламентируют свои отношения, права на имущество, детей ещё до брака. Брачный контракт является типичным для стран Западной Европы, США [4].

Заключение брачных договоров в России никогда не было столь распространено. Особенно редко брачные контракты можно встретить в провинциях России. Это вызвано тем, что менталитет русского совершенно другой по сравнению с европейцем или американцем.

Одной из распространённых тенденций современных семей является то, что дети уже не представляются обязательной частью семьи. Растёт число бездетных семей. Причиной такого изменения является слабая социальная защищенность, материальные трудности, изменённые ценности. В результате данного процесса рождаемость в России сокращается год от года.

Заключение. В результате исследования нами было обнаружено, что современные семьи совершенно другие по сравнению с традиционными семьями. Эти изменения вызваны как изменением роли мужчины и женщины в общественном производстве, культурной и социальной жизни, так и с изменением ценностей молодёжи. Современная молодёжь на первое место в системе ценностей ставит карьеру и личностный рост, а семья должна способствовать реализации этих потребностей молодых людей, а не препятствовать им.

Список литературы

1. Беспалова Т.М. К вопросу об актуальности исследования ценностных ориентаций в юношеском возрасте / Т.М. Беспалова, Д.В. Акимова // Материалы X

Международной научно-практической конференции «Педагогика и психология как ресурс развития современного общества». – Рязань: Издательство "Концепция", 2018. – С. 219-222.
2. Беспалова Т.М. Жизненный путь личности: учебно-методическое пособие / Т.М. Беспалова, А.С. Верозуб. – Рязань: Издательство "Концепция", 2016. – 84 с.
3. Кострова Ю.Б. Формирование толерантной общественной среды через социальную интеграцию / Ю.Б. Кострова, О.Ю. Шибаршина // Материалы Международной научно-практической конференции «Религия и общество: проблемы взаимодействия». – Казань: ООО «Бук», 2017. – С. 21-23.
4. Наквасина С.Н. Взаимосвязь особенностей межличностных отношений и семейных ценностей современной молодежи / С.Н. Наквасина, С.Ю. Богатова // Форум молодых ученых. 2019. № 1-2 (29). – С. 975-977.
5. Шибаршина О.Ю. Влияние гендерных моделей восточной мифологии на формирование национального гендерного поведения / О.Ю. Шибаршина // Мир образования – образование в мире. – 2015. – № 4 (60). – С. 62-69.

УДК 37.013.79

ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Бойчук С.С., канд. филос. наук
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, ЛНР
overbaring@mail.ru

Введение. Современный мир одержим идентичностью. Эта крайне лаконичная констатация главного диагноза нашего времени не проливает свет на анамнез болезни, но четко фиксирует антропологическую ситуацию нового дивного мира. Все чаще можно услышать как тот или иной успешный спортсмен заявляет, что на протяжении всей жизни его мужское тело находилось в противоречии с глубинно осознаваемой женской идентичностью, поэтому он при всеобщем одобрении и искренней поддержке решается изменить себя при помощи трансгендерной хирургии.

Цель данной работы заключается в попытке реконструировать смысловой горизонт концептов идентичности и профессиональной идентичности в современном образовательном и социальном пространстве, показать фундаментальное значение идентичности в профессиональном образовании и новой педагогической реальности.

Основная часть. Необходимым элементом новой педагогики идентичности выступает радикальное переосмысление миссии и концепции университета вследствие того, что сама идея и принципы деятельности университетов созданы были «белыми мужчинами», и поэтому не соответствуют другим идентичностям, носители которых обречены переживать чуждость и подчиненность репрессивной системе, не

знающей право на разнообразие. Закономерным итогом данной стратегии воспитания индивида через обращение к вечным поискам себя настоящего и отрицание социальной данности становится массовый исход выпускников западноевропейских высших учебных заведений ради обретения новой идентичности на Ближнем Востоке, где уже ради новых ценностей и смыслов некоторые из них взрывают себя.

Именно благодаря таким фундаментальным изменениям идентичность стала универсальной категорией, объясняющей культурные процессы и антропологические вызовы мира текучей современности. Несмотря на значительный интерес к феномену идентичности в структурах современности, понятие идентичности остается понятием с неясным семантическим объемом и банализированным содержанием.

В современном философском дискурсе доминируют три подхода к определению сущности идентичности: коммуникативный признает взаимодействие (коммуникации) в качестве главного фактора формирования идентичности (Ю. Хабермас); нарративный растворяет самотождественность в бесконечно разнообразном конструировании относительных и вариативных «рассказов» о себе (П. Рикер); прагматичный придает особое значение практической манифестации идентичности в структурах повседневности, зависимости ее оформления от деятельности и определенных институализированных систем опыта, «габитусах» (Б. Вальденфельс) или телесности (М. Мерло-Понти).

Вопросы профессиональной идентичности рассмотрены в следующих работах: общетеоретические проблемы существования профессиональной идентичности в контексте фундаментальных оснований философии и педагогики рассмотрены Л. Шнайдером [6] и Н.А. Перинской [4], роль самопознания и формирования образа Я в развитии студентов рассматриваются В.В. Байлуком в цикле публикаций [1].

Актуальные вопросы функционирования образовательного пространства были проанализированы в исследованиях В.И. Блинова и И.С. Сергеева (перспективы развития профессионального образования в условиях трансформаций общества знания) [2], И.Е. Семенко (многоуровневость и конкурентоспособность системы профессионального образования) [5], Ю.Р. Лутфуллин, Ю.Я. Рахматуллин и другие (проблемы применения современных инновационных технологий в профессиональном образовании) [3].

Среди ключевых проблем теории и практики профессионального образования особо следует выделить следующие. Во-первых, рост значения непрерывного дополнительного профессионального образования в контексте парадигмы «от образования на всю жизнь – к образованию через всю жизнь». В условиях текучего модерна и общества риска концепция образования и обретение профессии в качестве призвания и – если не экзистенциальной, то, как минимум, социальной – судьбы претерпела радикальную трансформацию: Lifelong Learning [2] перечеркнуло незыблемость выбранного пути, пределы и горизонты

которого были очерчены университетским дипломом. Теперь человек обречен на вечную смену себя в профессии, если он не защищен привилегированным статусом салариата, а пребывает в пространстве риска, будучи представителем прекариата.

В данных условиях негарантии принадлежности к профессиональному сообществу и сложной системы отождествления с трудовыми/профессиональными ценностями и смыслами приобретает вопрос профессиональной идентичности как ключевой составляющей образа я. Профессиональная идентичность – это «осознанная индивидом его принадлежность к профессиональному сообществу по уровню образования, профессиональным компетенциям и профессиональной культуре, а также по его включенности в профессиональную группу, которая отождествляет данного индивида как «своего». Профессиональная идентичность является результатом профессиональной социализации и контролируемого процесса становления в человеке образа его «Я» как профессионала» [4, с. 209]. При этом принадлежность к профессии необходимо выражается в личностной формуле, в своеобразном экзистенциальном коде и ценностно-смысловом выражении личности в профессиональном пути. В такой ситуации профессиональная идентичность оказывается необходимым элементом личностного самоопределения, выступая закономерным результатом сложного процесса социализации, становления в качестве члена профессиональной корпорации и освоения индивидом определенной профессии.

Однако текучая современность ставит под сомнение данные категории идентификации, тем самым разрушая последние связи с устойчивыми структурами социальности. Равнодушное отношение к профессии как призванию и судьбе, поддержанное распадом смыслов модерна, неминуемо приводит к деградации ценностей профессионализма. Именно вследствие данных опасных тенденций значение профессиональной идентичности в структуре личности и в системе социальных взаимоотношений возрастает. Также в силу названных причин формирование профессиональной идентичности как верности и уважения профессионального долга в рамках системы образования становится первостепенной задачей.

Список литературы

1. Байлук В. В. О креативно-ориентированном профессиональном образовании / В.В. Байлук // Педагогическое образование в России. – 2020. – №2. – С. 51-63.
2. Блинов В.И. Веер возможностей: профессиональное образование 2020-2035 / В.И. Блинов, И.С. Сергеев // Образовательная политика. – 2020. – №1 (81). – С. 76-86.
3. Лутфуллин Ю.Р. Применение инновационных технологий в профессиональном образовании / Ю.Я. Рахматуллин, Р.М. Сибагатуллина, А.Б. Имангулов, Д.В. Редников // Инновации и инвестиции. – 2020. – №4. – С. 18-20.
4. Перинская Н.А. Профессиональная идентичность / Н.А. Перинская // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – №2. – С. 209-211.
5. Семенко И.Е. Многоуровневость и конкурентоспособность системы профессионального образования / И.Е. Семенко // Московский экономический журнал. – 2020. – №2. – С. 376-381.
6. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография / Л.Б. Шнейдер. – М.: МОСУ, 2001 г. – 272 с.

УДК 159.96

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ, СОВЛАДАНИЯ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

Большакова Т.О., Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
taya.amosha@mail.ru

Введение. На сегодняшний день, онкологические заболевания, несмотря на серьезный прогресс в медицине, на новые подходы диагностики и методы лечения злокачественных опухолей, остаются сложной медицинской и психологической проблемой [2].

Психологические ресурсы человека, его неосознанные (психологические защиты) и осознанные (копинг-стратегии) способы справиться с происходящим, становятся важнейшим условием его психологической адаптации, что повышает качество жизни онкологического больного. Неудачная адаптация же может привести человека к различным невротическим расстройствам [3,4].

Важным аспектом, также, является отношение пациента к длительно протекающему хроническому заболеванию и его реакция на болезнь [1].

Основная часть. *Цель данного исследования:* изучение психологических защит и копинговых стратегий как фактора стрессоустойчивости онкологических больных. *Гипотеза исследования:* существует связь уровня стрессоустойчивости онкологических больных с копинг-стратегиями и особенностями защитных механизмов. С целью проведения эмпирического исследования использовались: Методика «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации» Т. Холмса и Р. Раге; Опросник «Способы совладающего поведения» (СПП) Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т.Л. Крюковой; Тест-опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика в соавторстве с Г. Келлерманом и Х.Р. Контом; Методика «Тип отношения к болезни» (ТОБОЛ) Л.И. Вассермана, Б.В. Иовлева, Э.Б. Карпова, А.Я. Вукса. Для статистической проверки полученных данных был использован линейный коэффициент корреляции Пирсона.

Эмпирической базой исследования стало онкохирургическое отделение Республиканского онкологического центра имени профессора Г.В. Бондаря. В исследовании приняло участие 60 онкологических больных женщин с раком молочной железы пребывавших длительное время в условиях стационара. Возраст респондентов 35-60 лет.

Анализ результатов методики «Определение стрессоустойчивости и социальной адаптации» показал, что большая часть обследуемых (80 %) спокойно справляются с действием фактора стресса. У них невысокий уровень эмоциональности, импульсивности, при этом они незначительно проявляют отрицательные эмоции и не тратят много энергии для борьбы со стрессом. Остальные 20 % испытуемых вынуждены преодолевать негативный тип стресса, который может влиять на состояние их здоровья.

При изучении уровня напряженности каждой копинг-стратегии было выявлено, что большая часть испытуемых применяют конфронтацию, дистанцирование, самоконтроль и бегство-избегание, которые помогают им адаптироваться к сильно воздействующим стрессовым факторам.

Результаты диагностики с помощью опросника «Индекс жизненного стиля» показали, что наиболее применяемыми механизмами психологической защиты у онкологических больных является проекция и рационализация. Реже всего используется механизм замещения. Данные механизмы психологических защит способствуют психологической адаптации больных к стрессовым ситуациям.

Анализируя показатели типов отношения к болезни, можно сказать, что у больных в наибольшей степени отмечается преобладание гармоничного, эргопатического, сенситивного и тревожного типов отношения к болезни. Больные адекватно оценивают свое состояние, активно участвуют в лечении заболевания, соблюдают назначенный врачом режим. Но, вместе с этим, у них может проявляться повышенная ранимость, чрезмерно выраженный интерес к методам лечения и к результатам анализов. А также, у них часто происходят колебания настроения, связанные с межличностными контактами. Таким образом, у больных наблюдается совмещение адаптивного поведения с дезадаптивным. Одни испытуемые способны преодолевать трудные ситуации, связанные с болезнью и сохранять активное социальное функционирование, а другие, наоборот, не способны адаптироваться под изменяющиеся условия среды в связи с заболеванием.

При помощи параметрического линейного коэффициента корреляции Пирсона была выявлена связь между показателями стрессоустойчивости и копинг-стратегиями. А именно: дистанцирование и планирование решения проблемы связаны с большей сопротивляемостью стрессу (связь значима на 5 % уровне); конфронтация связана с высокой сопротивляемостью стрессу (связь значима на 1 % уровне); самоконтроль связан с низкой сопротивляемостью стрессу (связь значима на 1 % уровне); поиск социальной поддержки связан с большой степень стрессовой нагрузки (связь значима на 1 % уровне). Но, в некоторых условиях, данная копинг-стратегия, наоборот, может нести пороговую (значимость на 1 % уровне) или низкую (значимость на 5 % уровне) степень стрессовой нагрузки.

Также были вывялены значимые связи между показателями стрессоустойчивости и механизмами психологической защиты. При высокой сопротивляемости стрессу испытуемыми часто используется защитный механизм вытеснения (связь значима на 1 % уровне); регрессия связана с большой (связь значима на 5 % уровне) и пороговой (связь значима на 1 % уровне) степенью стрессоустойчивости; защитный механизм замещения связан с низкой сопротивляемостью стрессу (связь значима на 1 % уровне); при отрицании обстоятельств, вызывающих стресс, испытуемые могут легко или с минимальными усилиями справляться со стрессогенными факторами, или же затрачивать максимум ресурсов для

этого (связь значима на 1 % уровне); гиперкомпенсация связана с большой сопротивляемостью стрессу (связь значима на 5 % уровне).

Заключение. Таким образом, по результатам исследования было выявлено:

1. Группа пациентов с адаптивным рациональным отношением к болезни показала высокую степень стрессоустойчивости, при которой использовались такие способы совладающего поведения, как дистанцирование, конфронтация, планирование решения проблемы, и такие защитные механизмы, как вытеснение, гиперкомпенсация и регрессия.

2. Группа больных с дезадаптивным нерациональным отношением к болезни показала низкую степень стрессоустойчивости. Они чаще используют самоконтроль (копинг-стратегия) и замещение (механизм психологической защиты).

Помимо этого, пациенты больницы применяют поиск социальной поддержки как способ совладающего поведения (попытка разрешения проблемы за счет привлечения социальных ресурсов) и отрицание обстоятельств, вызывающих стресс (как защитный механизм), что свойственно онкологическим больным как с адаптивным отношением к болезни, так и с дезадаптивным. Это предполагает легкие или минимальные усилия для борьбы со стрессогенными факторами, или же максимальное затрачивание ресурсов для этого.

Таким образом, существует связь уровня стрессоустойчивости онкологических больных с копинг-стратегиями и особенностями защитных механизмов. Гипотеза исследования подтвердилась.

Результаты данного исследования могут быть использованы для профилактической, коррекционной и реабилитационной работы с женщинами, имеющими онкологические заболевания, а так же могут стать основой для разработки методов и методик психической саморегуляции людей с онкологическими заболеваниями.

Список литературы

1. Александрова О. В. Болезнь и смерть. Беседы с психологом о стрессе. – СПб.: Типография Михаила Фурсова, 2015. – 152 с.
2. Вагайцева М.В. Психологические исследования в онкологии / М.В. Вагайцева, В.А. Чулкова, Э.Б. Карпова, С.А. Леоненкова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2015. – № 3. – Т. 8. – С. 28-35.
3. Киршбаум Э.И. Психологическая защита. – 3-е изд. – М.: Смысл, 2005. – 181с.
4. Лапкина Е.В. Психологическая защита и совладание: защитная система личности / Ярославский педагогический вестник. – 2011. – №2. – Том II. – С. 232-236.

УДК 37.042.2,612.8,612.821,616.89

ПСИХИЧЕСКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЗОНЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

Бондарев М.А., Бобровицкая А.И., д-р мед. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»,
г. Донецк, ДНР
bondarev.michail@rambler.ru

В условиях психоэмоционального напряжения, связанного с риском для жизни, особое внимание приобретает состояние здоровья и качество жизни молодежи. Согласно данным Всемирной Организации Здравоохранения, лишь около 1/4 страдающих психоэмоцинальными расстройствами получают квалифицированную психотерапевтическую помощь. Это, в некоторой степени, связано с тем, что до настоящего времени остаются недостаточно изученными основные проявления данных состояний, в частности, тревожности, нейротизма и страха, а также отсутствуют надежные критерии ранней диагностики и адекватного лечения [3,4,5,6]. Поведенческие, психические и физиологические проявления этих состояний образуют некоторое единство, и в неординарной ситуации могут проявиться в комплексе [1,2,3]. Однако, ощущение страха и связанные с ним физиологические процессы в организме некоторые авторы рассматривают в качестве независимых друг от друга индикаторов [2, 3].

Военные конфликты, безусловно, оказывают воздействие на психическую сферу организма, что формирует различные адаптивные и дезадаптивные реакции. Среди молодежи студенты наиболее уязвимы к явлениям военного характера, в частности, психологического – у них раньше появляется тревога, страх, что требует своевременной диагностики и профессиональной специфической коррекции.

Поэтому, с учетом вышеизложенного, оценка психического напряжения у студентов, находящихся в зоне военного конфликта на Донбассе приобретает особую актуальность.

Цель нашего исследования – оценить нервно-психическое напряжение у студентов, проживающих в зоне военного конфликта, путем изучения патопсихологических особенностей психоэмоциональной сферы и предложить объем реабилитационных мероприятий по улучшению качества жизни.

Под наблюдением находилось 50 студентов медицинских факультетов V и VI курсов Донецкого национального медицинского университета имени Максима Горького и 50 студентов факультетов Донецкого национального университета, из них девушек – 57,2 %, юношей – 42,8 % в возрасте 21-25 лет.

Для оценки психического напряжения использовался опросник нервно-психического напряжения Т.А. Немчина. Все признаки, в зависимости от степени выраженности нервно-психического напряжения,

были разделены на 3 группы: первая группа отражала наличие физического дискомфорта и неприятных ощущений со стороны внутренних органов; вторая группа – наличие (отсутствие) психического дискомфорта со стороны психической системы; третья группа – общая характеристика, частота, продолжительность, степень выраженности нервно – психического напряжения.

Для изучения качества жизни студентов был проведен опрос с помощью специально созданных психологами Донецкого реабилитационного центра стандартизованных анкет (сокращенная анкета из 10 вопросов), которые касаются показателей психологических аспектов нервной системы и качества жизни. Количество и процент положительных и отрицательных ответов по каждому вопросу вычисляли для всех опрашиваемых студентов учитывая возможную неодинаковую оценку качества своей жизни в зависимости от различных причин (длительность индикаторов страха, проживание в экологически неблагоприятных условиях) отдельно для каждой группы.

Анализ проведенного анкетирования студентов по методике Немчина Т.А. «Оценка нервно-психического напряжения» выявил наличие физического дискомфорта и неприятных ощущений со стороны внутренних органов в виде различных не ярко выраженных болевых ощущений (48,1 %). У 63,6 % студентов-медиков наблюдалась тошнота, тяжесть в эпигастральной области, что свидетельствует о невыраженном дискомфорте со стороны желудочно-кишечного тракта. Неприятные ощущения в области сердца (колющего характера боли), тахикардия, лабильность кровяного давления наблюдались у 71,8 % всех студентов.

Кроме этого, отмечалась некоторая активизация когнитивной деятельности студентов (внимание, память, умственная работоспособность) на фоне некоторого снижения эмоционального состояния (настроения, уверенности в своих силах). Каждый второй студент, проживающий на территории боевых действий более 1 года (апрель 2014 г.-2016 г.), ощущал подавленность, озабоченность, пессимизм, безразличие, апатию, снижение общего психического тонуса. У 2/3 студентов были обнаружены слабо выраженные нарушения сна (трудность засыпания, частые ночные пробуждения, сновидения устрашающего характера), которые особенно развивались, премущественно, при наличии текущих боевых действий.

Следовательно, под воздействием хронического стресса, обусловленного военными действиями на Донбассе, у студентов развивается общее психическое напряжение умеренной степени выраженности (среднее значение баллов составило 45,6±0,7).

Для большинства студентов (65,4 %) характерны адаптивные расстройства в виде вегетативных нарушений, проявляющихся непосредственно после физического и психического напряжения.

При использовании опросника, разработанного психологами Донецкого реабилитационного центра установлено, что значительная часть (71,9 %) студентов жаловались на эмоциональную лабильность, метео-

чувствительность, общую слабость, утомляемость, повышенную потливость, нарушение сна, склонность к пятнистой гиперемии или бледности лица, чувство недостатка воздуха при волнении, учащение сердцебиения, «мраморность» кожных покровов, покраснение кистей рук и стоп, что дает основание заподозрить вегетативную дисфункцию. Вегетативные нарушения в виде тахикардии имели 62,7 % студентов, гипергидроз – 76,2 %, головокружение – 58,1 %, ощущении тяжести в голове – 42,7 %. Психоэмоциональное состояние характеризовалось наличием нейротизма у 68,1 % студентов, тревожности – у 40,9%, страхи – у 61,8 %.

Изучение содружественных изменений психоэмоционального и соматического статуса выявило у 55,4 % студентов синдром «психовегетативного напряжения».

Комплексность анализа структуры и степени выраженности полисиндромальных сомато-психологических проявлений позволили дифференцировать, идентифицировать и разделить их многокомпонентность, определить ведущее значение из них как в количественном, так и в отношении эмоционально-биологической активности на психологическую картину состояния и качества жизни студентов, что имеет важное значение для выбора в последующем реабилитационных мероприятий.

Использование комплекса медико-психологической характеристики позволяет распределить студентов-медиков на три группы: прогностически благополучная – студенты не имеют патологических клинических, вегетативных, психоэмоциональных отклонений и приемлют реабилитацию в амбулаторных условиях; повышенного риска – у студентов определяются в той или иной степени отклонения со стороны клинических показателей и психоэмоционального статуса (наличие синдрома психовегитативного напряжения), для которых приемлема дополнительная реабилитация в условиях региональных центров; динамического наблюдения – студенты с отклонениями указанных показателей, имеющие пограничный характер. Данную группу студентов-медиков следует оценить как группу для санаторно-курортного лечения.

В результате проведенного исследования, выявлено, что:

1.Психическое напряжение, возникающее в тяжелых, непривычных для психики, условиях вызывает перестройку адаптационной системы организма: происходит активация симпатической нервной системы как защитной реакции – с одной стороны; снижение эмоционально-волевых функций, появление физического дискомфорта – с другой стороны.

2.Практическая значимость проведенных исследований определяется тем, что полученные результаты расширяют наши представления о патогенезе психического напряжения и дают прикладные знания об оценке возможности преодоления кризисных состояний у студентов, проживающих в зоне военного конфликта.

3.Комплесный подход к анализу структуры и выраженности полисиндромальных и соматопсихологических проявлений психического напряжения и качества жизни студентов, проживающих в зоне военного

конфликта, позволит осуществлять дифференцировано реабилитационные мероприятия с привлечением психологов.

4.Этапную реабилитацию студентов, проживающих в зоне военного конфликта, осуществлять с учетом их медико-психологической характеристики:

а) в прогностически благополучной группе (студенты не имеют патологических клинических, вегетативных, психоэмоциональных отклонений) реабилитацию осуществлять в амбулаторных условиях с привлечением психолога;

б) в группе повышенного риска необходима дополнительная реабилитация в условиях региональных центров;

в) в группе динамического наблюдения – в условиях специализированного санатория.

Список литературы

1. Rachmann S., Bergold J. Verhaltenstherapie bei Phobien. Munchen: U&S, -1972 – 437c.
2. Rachman S., Hodgson R. Obsessions and compulsion // New York: Prentice-Hall. –1980. – 457 c.
3. Клиническое руководство по психическим расстройствам /под ред. Д. Барлоу. Перевод с английского под ред. профессора Э.Г. Эйдемиллера. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 912 с.
4. Беккер Р.А. Депрессия в офтальмологии – причина и следствие глазных болезней (обзор литературы) / Беккер Р.А., Быков Ю.В. // Психические расстройства в общей медицине. – 2016. – №03.- С.36–42.
5. Смулевич А.Б. Реакции горя и ипохондрия (типология ипохондрических реакций у больных шизофренией и расстройствами шизофренического спектра). / Смулевич А.Б., Германова К.Н., Читлова В.В. // Психические расстройства в общей медицине. – 2016. – №03. – С.4-8.
6. Иванов С.В. Типология нозогенных реакций с явлениями аутоагрессии (феномен откладывания) при злокачественных новообразованиях. / Иванов С.В., Петелин Д.С.//Психические расстройства в общей медицине – 2016. – №03. – С.17–25.

УДК 159.922.6:616-053.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПОСТТРУДОВОЙ ПЕРИОД

Бондаренко Ю.С., канд. пед. наук, ***Анисимова О.С.,*** канд. биол. наук, доц.
ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
anisimova_oksana@mail.ru

Увеличение доли населения в возрасте старше 60 лет наблюдается в настоящее время практически во всех странах мира. Процесс старения населения становится одной из наиболее значимых социальных трансформаций двадцать первого века. Этот процесс необратим и связан в

первую очередь с третьим демографическим переходом, обусловленным снижением детской смертности и рождаемости и увеличением общей продолжительности жизни.

По данным ООН в Молдове в настоящее время доля населения в возрасте 65+ составляет 12,5 %, а к 2050-му году достигнет 25 % [1].

Таким образом, пожилой человек начинает занимать все больше места в структуре современного общества и играть в нем немаловажную роль, что ставит определенные вопросы психологического характера, решение которых может способствовать созданию психологических возможностей для адаптации пожилых людей к новой социальной ситуации и изменению отношения к ним в обществе.

Для благополучного преодоления кризиса в связи с наступлением посттрудового периода жизни необходимая комплексная психологическая работа, которая может осуществляться в виде психологического сопровождения, включающего следующие элементы: профилактику, психологическую диагностику, просвещение и консультирование, коррекционные мероприятия [2]. Такая работа может быть организована как в групповой форме, так и индивидуально [3, 4].

Психологическое сопровождение пожилых людей на стадии смены их социального статуса, как целостная система взаимодействия между психологом и человеком призвана обеспечить поддержку перехода от позиции «я не могу» к позиции «я могу самостоятельно справляться со своими жизненными трудностями», а также способствует повышению психологического благополучия пожилого человека.

Категория психологического благополучия личности тесно связана с представлениями о гармоничном и полноценном бытии, психологической концепцией позитивного функционирования человека [2, 4]. Психологическое благополучие связано с такими личными особенностями, как потребность и способность человека к развитию, самореализации и самоактуализации, адекватная самооценка, позитивный взгляд на жизнь, доброжелательность, общительность, эмоциональная стабильность, в зависимости от степени осуществления которых человек ощущает собственную психологическую целостность и удовлетворенность [5].

Большое влияние на самооценку психологического и социального благополучия пожилого человека оказывает тот факт, продолжает ли пенсионер профессиональную карьеру или полностью свободен от работы. В связи с этим нами было предпринято поисковое исследование оценки психологического благополучия пожилых людей в зависимости от их профессиональной свободы/занятости.

Оценку психологического благополучия проводили по адаптированной Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко методике The scales of psychological well-being, разработанной К. Рифф [2, 6]. Опросник включает 84 пункта, интегральный показатель и 6 шкал: «положительные отношения с другими людьми», «автономия», «управление окружением», «личностный рост», «цель в жизни», «самопринятие». В исследовании приняли участие 56

пенсионеров, с пенсионным стажем от 1 до 14 лет. Все участники были разбиты на 2 группы: пенсионеры, продолжающие профессиональную карьеру (27 чел.) и полностью свободные от работы и не состоящие на бирже труда пенсионеры (29 чел.). Респонденты отличались также по гендеру, составу семьи, финансовой независимости и условиям проживания (наличию приусадебного участка).

Средний по группе интегральный уровень психологического благополучия у работающих пенсионеров соответствовал среднему уровню психологического благополучия и был достоверно выше, чем у неработающих (соответствовал низкому уровню психологического благополучия), но был ниже, чем нормативные показатели для мужчин и женщин в возрасте 35-55 лет.

По шкале «автономия» и «положительные отношения с другими людьми» группы профессионально занятых и незанятых пенсионеров практически не различались, при этом значения в баллах были чуть выше среднего значения, то есть надо полагать, что пожилые люди независимо от профессиональной занятости имеют удовлетворительные отношения с окружающими и способны противостоять попыткам общества заставить их думать и действовать определенным образом.

При анализе ответов по шкале «управление окружением» между группами наблюдались существенные различия, при этом у неработающих пенсионеров балл был намного ниже, но увеличивался с ростом пенсионного стажа, не достигая значений, характерных для профессионально занятых пенсионеров.

Существенными были также различия баллов по шкале «цель в жизни» и «личностный рост». Пожилые люди, продолжающие профессиональную карьеру набирали в среднем более высокие баллы, хотя среди неработающих пенсионеров были респонденты, показывающие даже более высокие баллы, чем работающие, и связано это было по-видимому с разнообразной деятельностью на благо собственной семьи: уходом за внуками и работой на приусадебном участке.

Большие расхождения были выявлены при обработке ответов по шкале «самопринятие», особенно эти различия были явными, если учитывать гендер респондентов: так мужчины в обеих группах показали достоверно более низкие балы чем женщины и неработающие пенсионеры также показали более низкие в среднем баллы, чем работающие. Таким образом, наиболее низкой удовлетворенностью собой отличались неработающие пенсионеры мужского пола.

Подводя итоги этого пилотажного исследования, можно сказать, что люди пожилого возраста не зависимо от их профессиональной занятости находятся в зоне социально-психологической нестабильности, характеризуются уровнем психологического благополучия средним или ниже среднего. При этом работа по психологическому сопровождению должна осуществляться в первую очередь с неработающими и одинокими пенсионерами.

Список литературы

1. https://population.un.org/wpp/Graphs/Probabilistic/PopPerc/65plus/498
2. Ермолаева М. В. Психолого-педагогическое сопровождение пожилого человека: субъектный подход / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. – М., 2010. – 52 с.
3. Гунзунова Б. А., Ревина Е. В. Психологические особенности людей пожилого возраста //Социальное самочувствие населения в социокультурном пространстве. – 2017. – С. 38-42.
4. Психологическое сопровождение пожилых людей в период адаптации к жизни в геронтологическом учреждении: методические рекомендации / под ред. Н.В. Клюевой; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – 80 с.
5. Павлоцкая Я. И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности: монография //Волгоград: Издательство Волгоградского института управления–филиала РАН-ХиГС. – 2016.
6. Дубовик Ю. Б. Психологическое благополучие в пожилом и старческом возрасте. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – М., 2012. – 30 с.

УДК 159.954

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ВООБРАЖЕНИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Бухтиярова М.Л., Ревуцкая И.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
bukhtiyarova91@bk.ru; irina.revutskaja@yandex.ua

Введение. Современное общество становится более динамичным, требует ускорения технологических и социально-экономических преобразований диктуя необходимость формировать креативную, творческую, активную личность, способную трансформировать социум, перейти на существенно новый тип реальности – постинформационное общество. Учитывая это, перед дошкольными учреждениями встает задача развития творческого потенциала подрастающего поколения, что, в свою очередь, требует усовершенствования учебно-воспитательного процесса с учетом психологических закономерностей всей системы познавательных процессов.

Воображение играет важную роль в психической жизни человека, позволяет познавать окружающий мир [4].

Проблемой развития воображения занимались такие выдающиеся ученые как Л.С. Выготский, В.У. Давыдова, О.М. Дьяченко, Т. Рибо, С.Л. Рубинштейн, Дж. Селли, Д.Б. Эльконин и др.

Основная часть. На сегодняшний день психологической науке стали доступны различные методы диагностики и развития воображения у детей. Наиболее эффективным методом, на наш взгляд, является Арт-терапия (О.М. Дьяченко, В. Я. Пропп, Н. С. Карпинская, Дж. Родари и др.). Данный метод направлен на раскрытие творческого потенциала и

высвобождения энергетических резервов, что способствует возможности самовыражения и самореализации в продуктах творчества при активном познании своего «Я» у ребенка. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что данный метод наиболее эффективен в развитии воображения у детей дошкольного возраста.

Цель исследования – изучить и экспериментально обосновать влияние методов Арт-терапии на развитие воображения у детей старшего дошкольного возраста.

Анализ психологической литературы показал, что, часто под воображением понимают все то, что нереально, что не соответствует действительности. На деле же воображение, как основа всякой творческой деятельности, одинаково проявляется решительно во всех сторонах культурной жизни, делая возможным художественное, научное и техническое творчество [2].

Воображение – это психический процесс создания нового в форме образа, представления или идеи на основе прошлого опыта человека, отражение реальной действительности в неожиданных, непривычных сочетаниях и связях.

Выделяют две основные функции воображения:

– познавательно-интеллектуальная: заключается в формировании представлений на основе предыдущего опыта при получении новой информации о неизвестных для субъекта предметах или явлениях;

– аффективно-защитная: заключается в создании воображаемой ситуации с целью условного разрешения конфликтов, которые в данный момент не могут быть разрешены на практике.

Следует отметить, что дошкольное детство – период интенсивного развития воображения. Воображение приобретает произвольный характер, предполагая создание замысла, его планирование и реализацию. Дети старшего дошкольного возраста осваивают приемы и средства создания образов; воображение переходит во внутренний план [3].

Однако следует помнить, что воображение, имеющее исключительно важное значение для осуществления и организации деятельности, само формируется в различных видах деятельности [1].

Именно поэтому так важно с раннего возраста включать ребенка в различные виды деятельности, организовывать этот процесс систематически, целенаправленно и интегрировано. С данной целью была разработана программа «Развитие воображения у детей старшего дошкольного возраста методами Арт-терапии» [5].

В теоретико-методологическую основу программы легли работы Л.С. Выготского, В.С. Мухиной, Т.С. Комаровой, Н.П. Сакулиной и др.

Цель программы: развитие воображения и творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста, умения создавать оригинальные образы, формулировать замыслы в словесной форме.

Структура занятий включает в себя сочетание методов Арт-терапии, которые способствуют развитию воображения и творческих способностей

у детей старшего дошкольного возраста – различные виды игр, изобразительная деятельность, конструирование и мир литературных произведений. Реализация программы рассчитана на 3 месяца (20 занятий – 2 занятия в неделю). Длительность одного занятия составляет 20 минут.

Для определения эффективности разработанного практического инструментария было организовано экспериментальное исследование, в котором принимали участие 34 воспитанника старшей группы МДОУ «Ясли-сад комбинированного типа № 125 города Донецка». Средний возраст детей – 5 лет, 8 месяцев.

На этапе констатирующего эксперимента был разработан пакет психодиагностического инструментария с учетом возрастных особенностей дошкольников, который включил методики: «Дорисуй фигуру» О.М. Дьяченко (определение уровня способности создавать оригинальные образы), методика «Как спасти зайку?» В. Синельникова, В. Кудрявцева **(**изучение способности переноса свойств знакомого предмета в новую ситуацию), методика «Скульптура», Е.И. Рогов, «Настольная книга практического психолога» (изучение проявления фантазии как формы воображения у детей дошкольного возраста).

Опираясь на результаты констатирующего эксперимента, из 34 детей были выявлены 24 ребенка с низкими показателями: способность создавать оригинальные образы (71 % испытуемых), перенос свойства знакомого предмета в новую ситуацию (71 % дошкольников) и проявления фантазии как формы воображения (44 % респондентов). На этапе формирующего эксперимента, с целью реализации программы «Развитие воображения у детей старшего дошкольного возраста методами Арт-терапии» были сформированы две группы: экспериментальная – А (12 человек) и контрольная – Б (12 человек).

Контрольное исследование проводилось с использованием того же комплекса методик, что и на этапе констатирующего эксперимента, а также корреляционного анализа t-критерия Стьюдента.

Результаты корреляционного анализа в группе А до и после развивающего эксперимента, показали вероятность разницы $P_{I\text{-}II} \geq 0{,}01$ что свидетельствует о высоком показателе значимости t-критерия Стьюдента по всем свойствам воображения и подтверждает положительные изменения в развитии способности у детей создавать оригинальные образы, переносить свойства знакомого предмета в новую ситуацию, проявлении фантазии как формы воображения. В группе Б значения по всем свойствам воображения положительной динамики не отмечено.

Заключение. Данные статистических расчетов подтвердили эффективность разработанной программы «Развитие воображения у детей старшего дошкольного возраста методами Арт-терапии».

Список литературы

1. Выготский, Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. – СПб: Союз , 1999. – 305 с.

2. Дудецкий, А.Я. Теоретические основы воображения и творчества. – Смоленск, 2004. – 462 с.
3. Дьяченко, О.М. Об основных направлениях развития воображения у детей // Вопросы психологии. – 2007. – № 16. – С. 52-59.
4. Кудрявцев, В.Т. Воображение ребенка: природа и развитие / В.Т. Кудрявцев // Психологический журнал. – 2001. – № 5. – С.57
5. Бухтиярова М.Л. Методы развития воображения у детей старшего дошкольного возраста [https://infourok.ru/kursovaya-rabota-po-teme-razvitie-voobrazheniya-u-detey-starshego-doshkolnogo-vozrasta-3908349.html].

УДК 615.851

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ РОСТ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вилюжанина Т.А., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vilyuzhanina@mail.ru

Введение. Десятилетиями в психологии теоретики и практики, изучая психотравмирующие события (катастрофа, военные действия, тяжелая болезнь, развод, смерть близкого человека и т.п.), трактовали их последствия однозначно негативно. Посттравматическое расстройство определялось как комплекс долгосрочных деструктивных состояний человека (депрессия, бессонница, панические атаки и т.п.), получившего серьезную психотравму. Однако, начиная с 2000 гг., исследователи все чаще стали обращать внимание не только на негативные последствия пребывания человека в травматической ситуации, но и на то, что тяжелое, травматическое событие вызывает посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) далеко не у всех. Чаще человек, переживший травматический стресс, через какое-то время адаптируется, возвращается к прежней жизни. Однако некоторые люди реагируют на травмирующие события иначе, превращая свой травматичный опыт не в потерю/утрату, а в новые возможности, т.е. травматические события могут стать причиной личностного роста и позитивных изменений. Таким образом, в исследованиях нашла подтверждение теория М.Ш. Магомед-Эминова об амбивалентности экстремальных ситуаций: с одной стороны, они содержат угрозу, опасность, негатив; с другой, ведут «к высшим трансгрессивным переживаниям и духовным устремлениям» [3, с. 226]. Идея о положительных аспектах травмирующих переживаний привела к созданию концепции посттравматического роста.

Основная часть. Посттравматический рост – это переживание позитивных изменений в результате столкновения со сложными жизненными кризисами [1]. Термин *посттравматический личностный рост* (ПТР) был предложен Р. Тедески и Л. Калхоун. Спустя год-два после воздействия на человека стрессора, несущего в себе угрозу жизни, может

возникнуть феномен ПТР – позитивные изменения, объединенные авторами в пять факторов:

1) отношение к другим;
2) новые возможности;
3) сила личности;
4) духовные изменения;
5) повышение ценности жизни [2].

Отметим, что пережитая травма или несчастье не является причиной ПТР, выступая лишь катализатором, трамплином для резкого скачка личностного роста, который может происходить в трех направлениях: 1) мобилизация внутренних ресурсов, активизация личностного потенциала; 2) укрепление значимых отношений, установление новых социальных и межличностных связей; 3) изменения в мировоззрении, трансформация ценностей [2].

Пережитое страдание позволяет увидеть свою жизнь «другими глазами», может помочь человеку начать жить по-новому, двигаться вперёд, открывать новые возможности, осуществлять осознанный выбор собственного пути, т.е. происходят серьезные личностные изменения, по образному выражению П. Лушина, «управляемые метаморфозы», ведущие к развитию и самосовершенствованию личности, «переосмыслению травматического опыта в терминах новых возможностей, открытию новых жизненных перспектив» [4, с. 219].

Важными условиями посттравматического роста личности выступают осмысление и продуктивная рефлексия пережитого (R.G. Tedeschi, L.G. Calhoun; S. Joseph, P.A. Linley). Продуктивность переживания кризисного события – это отсроченный во времени показатель результативности деятельности по переосмыслению и преодолению последствий психотравмирующего воздействия [2].

С. Джозеф выделил стратегии преодоления травмы, приводящие к посттравматическому росту:

1. «Рассказывая истории, человек получает возможность расти. Истории – это путь, которым идёт преодоление» [1, с. 189-190].
2. Обращение к окружающим за поддержкой – важная стратегия преодоления травмы.
3. Религия, вера, дающая людям чувство осмысленности.
4. Активная роль в процессе создания собственной жизни.
5. Ответственность за свою жизнь («за грамотное использование стратегий преодоления трудностей») [1, с.174-176].

Среди современных подходов к понятию посттравматического роста личности отметим модель посттравматического роста личности, основанную на смысловой концепции психической травмы. Фундаментальное значение и новизна подхода состоят в преодолении односторонней негативной трактовки экстремальности, включая психологическую травму [5].

Вызывает интерес и концепция салютогенеза (А. Антоновский), согласно которой ожидаемым итогом процесса переживания кризисного

события выступает не только избавление от страданий, но и посттравматический рост личности. В концепции салютогенеза акцентируется способность людей, обладающих «чувством связности», куда включается постижимость, управляемость и осмысленность стимулов внешней среды, определять стрессы как вызовы, позволяющие проверить свои способности и получить возможность развития личностных черт [6].

В эмпирических исследованиях характера травматического опыта и его связи с посттравматическим ростом выявлено, что люди с недостаточной стрессоустойчивостью, как ни парадоксально, более открыты к посттравматическому росту. Лица с выраженным ПТР более позитивно смотрят на свое будущее, при этом, чем более интенсивно переживалась травма, тем выше уровень ПТР [3].

Таким образом, основные теории посттравматического личностного роста в качестве пускового механизма рассматривают когнитивные процессы и структуры. Вместе с тем важную роль в преодолении травмы и дальнейшем личностном росте играют личностные особенности, осознание своих возможностей и ограничений, позитивный образ будущего.

Дальнейшие исследования по данной проблематике необходимы не только для разработки теоретической модели посттравматического личностного роста, но их результаты будут иметь большое значение в процессе психокоррекции и психотерапии.

Список литературы

1. Джозеф С. Что нас не убивает. Новая психология посттравматического роста / Стивен Джозеф (пер. с англ. И. Ющенко). – М.: Карьера Пресс, 2015. – 352 с.
2. Зелянина А.Н. К проблеме посттравматического личностного роста: современное состояние и перспективы / А.Н. Зелянина, М.А. Падун // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10, № 53. – С. 4. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 05.09.2020)
3. Квасова О.Г. Роль временнóй перспективы в позитивной работе личности с травматическим опытом / О.Г. Квасова // Феномен посттравматического роста личности / Под ред. М.Ш. Магомед-Эминова. – М., 2007. – С. 16-25.
4. Лушин П.В. Личностное изменение как “управляемая метаморфоза” / П.В. Лушин // Мир психологии. – 2000. – № 2. – С. 217-223.
5. Магомед-Эминова О.И. Детерминация посттравматического роста смысловой работой личности. / О.И. Магомед-Эминова, Е.А. Карачева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – №4. – С. 43-45.
6. Магомед-Эминов М.Ш. Анализ современных моделей психологической травмы с точки зрения культурно-деятельностной парадигмы / М.Ш. Магомед-Эминов // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №17. – С. 225-230.

УДК 159.9.072.432

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК РЕСУРС ЛИЧНОСТИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Гнутова А.О., Рогозина М.Ю., канд. пед. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nastya-gnutova@mail.ru

С жизненными трудностями люди встречаются на протяжении всей жизни. В этих непростых условиях стремительно возрастает влияние религиозного фактора на жизнь людей. С одной стороны, религия как социокультурный институт реализует функцию помощи людям в проживании и переживании ими трудных жизненных ситуаций [1]. А с другой стороны, из-за усиления чувства общности, религия демотивирует человека, снижая уровень его персональной ответственности за свою жизнь [2].

Основы религиозной психологии и особенности формирования и развития личности верующего человека рассмотрены в работах многих авторов: Б.С. Братуся, В.Л. Воевикова, Р.М. Змановской, Ю.М. Зенько, О.В. Павенкова, В.Н. Дружинина, Т.А. Казанцевой, Л.Я. Дорфмана, Г.В. Ожигановой, В.В. Семикина, В.Д. Шадрикова и т.д.[3].

Настоящее исследование сфокусировано на проблеме изучения религиозности как ресурса личности в трудной жизненной ситуации.

В качестве выборки были взяты 100 человек в возрасте от 18 до 60 лет (50 мужчин и 50 женщин). Все верующие респонденты исповедовали Православие и относили себя к Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

Задачами эмпирического исследования было выявление взаимосвязи между религиозностью личности и выбором человеком определенных стратегий поведения в трудной жизненной ситуации, а также изучение возрастных и гендерных особенностей использования личностью религиозности в качестве ресурса совладания с трудностями.

Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Люди с высокой религиозностью в трудной жизненной ситуации отличаются тенденцией активно проявлять внешние признаки религиозности, это связано с верой людей в благотворное влияние ритуалов и атрибутики на судьбу человека. Высоко религиозные люди отличаются высоким уровнем социальной активности, в трудной жизненной ситуации значимо больше стремятся найти для себя в религии поддержку и утешение и таким образом стабилизировать свое эмоциональное состояние. Это подтверждается доминированием у религиозных людей копинга «Поиск социальной защиты». Таким образом общение для религиозных людей выступает ресурсом в трудной жизненной ситуации. Для обращенных в религию, важной составляющей переживания

трудностей в жизни, является поддержка группы единомышленников. Таким образом, общение позволяет стабилизировать эмоциональное состояние и выступает для человека ресурсом в трудной жизненной ситуации.

В ситуации, требующей совладания, у верующих людей снижается принятие ответственности, таким образом они не признают своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение. Это может быть связано с тем, что верующие люди переносят ответственность за свою жизнь на высшие силы.

Что касается действия психологических защит, то в трудной ситуации повышается показатель компенсации. При фрустрирующих обстоятельствах, компенсация может проявляться в желании переключить свое внимание на другую, более благоприятную сферу жизнедеятельности (богослужение).

В трудной жизненной ситуации люди с низкой религиозностью показывают противоположные тенденции. Одни склонны уходить в отрицание либо полное игнорирование проблемы. Другие демонстрируют высокие показатели целенаправленного и планомерного разрешения проблемной ситуации, а также принятия на себя ответственности за ее возникновения. Можно предположить, что подобные противоречия объясняются не уровнем религиозности, а другими факторами.

Проведенный корреляционный анализ позволяет говорить о том, что существует взаимосвязь между уровнем религиозности людей, находящихся в трудной жизненной ситуации и используемыми способами совладания с такой ситуацией.

С повышением религиозности, повышается уровень самоконтроля, и поиска социальной поддержки и утешения в трудных ситуациях. Так, религиозные люди, помимо помощи, которую они рассчитывают получить от Всевышнего, также обращаются за поддержкой к другим прихожанам или духовенству.

Копинг «Планирование» отрицательно коррелирует практически со всеми показателями религиозности. Не религиозные люди для решения трудностей склонны рассчитывать только на собственные силы и умения. Это активирует у них нацеленность на решение проблемы, планирование своей деятельности.

У религиозных людей, в трудной ситуации, чаще наблюдается в качестве защитного механизма «проекция» и «гиперкомпенсация».

Религиозный человек приписывает кому-то или чему-то собственные мысли, чувства, мотивы, черты характера и пр. В плане религиозности, механизм гиперкомпенсации может проявляться в том, что человек будет прилагать большие усилия для избавления от своей «греховности». Такие усилия могу проявляться в виде самоограничения (например, употребление только постной пищи), чтении молитв, хождении на службы и т.д.

Анализ результатов исследования гендерных и возрастных особенностей религиозности как ресурса личности в трудной жизненной

ситуации позволяет говорить о том, что у женщин выше нежели у мужчин показатели внешней религиозности, т.е. для женщин большое значение играют внешние атрибуты религии, ношение религиозной символики, чтение молитв. Для них важно ощущать себя частью целого, быть «принятой», поэтому приверженность обрядам и традициям становится своего рода инструментом, помогающим женщинам устанавливать социальные контакты. Мужчины же придают меньшее значение выполнению религиозных обрядов и посещению храмов в трудной жизненной ситуации, реже сообщают окружающим о своих проблемах, хотя так же тяжело и глубоко склонны переживать трудности и невзгоды.

Также проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что с возрастом и у мужчин, и у женщин появляется большее философское осмысление религии, которое усиливается к периоду средней взрослости (от 40 до 60 лет). В целом, для взрослого населения характерны активные проблемно-фокусированные стратегии совладания с жизненными трудностями, а также стратегии эмоционального отстранения, умение «переключаться» от проблем и предотвращать стрессы путем избегания неприятностей.

Стратегия «самоконтроль» чаще используется мужчинами и женщинами в возрасте 22-35 лет. Недостаток опыта в молодом возрасте они успешно компенсируют повышенным контролем над своим поведением, прилагают сознательные усилия по сохранению уверенности и самообладания.

Таким образом, нами была подтверждена гипотеза о взаимосвязи религиозности с выбором определенных стратегий поведения, а также о наличии возрастных и гендерных особенностей использования религиозности как ресурса личности. Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать вывод, что религиозная вера является как адаптирующим, так и дезадаптирующим фактором при совладании с трудностями.

Список литературы

1. Битюцкая Е. В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – №1. – С. 10.
2. Будич Н.Ю. Религиозность как условие личностного самоопределения. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – №3. – С. 44-48.
3. Шмелев И.М. Взаимосвязь образа мира и стратегий совладающего поведения у верующих молодых людей // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2012. – № 13. – С. 341-344.

УДК 159.9.07

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГОВ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гончар С.Н., канд. психол. наук, доц.
ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
г.Тирасполь, ПМР
s-gonchar@mail.ru

Сегодня в эпоху информатизации, модернизации системы образования к профессиональной деятельности педагогов предъявляются особые требования [2]. Как никогда востребована профессиональная активность учителя, его направленность на саморазвитие и актуализацию своего профессионального потенциала, стремление и готовность педагогов к инновационной деятельности [3]. Актуальность темы определяется необходимостью в сфере образования иметь подготовленные педагогические кадры исходя из убеждений готовности к изменениям в целях выполнения инновационной деятельности. Возрастает потребность в таком персонале учебных заведений, который умеет ориентироваться в стремительно изменяющихся ситуациях, способен к саморазвитию, инновациям. Реализация нововведений в сфере образования, информатизация, массовый переход на дистанционные формы просит новых методов решения профессиональных вопросов [1]. Разумеется, что в целях выполнения инновационной деятельности общеобразовательным школам нужно иметь подготовленные к ней педагогические кадры. Одной из составляющих профессиональной грамотности преподавателей сейчас является психологическая готовность к инновационной деятельности в профессиональной сфере современного учителя.

Психологическую готовность И.А. Зимняя рассматривает как целостное качество личности с точки зрения системно-деятельностного подхода. По мнению автора, «любая деятельность начинается с психологической готовности ее начать, обеспечивая эффективность завершения» [4].

Психологическая готовность имеет способность к скоплению во время личных попыток применять новые педагогические технологии с высочайшей вероятностью действенного воплощения всех педагогических действий к содержанию учебного предмета либо определенных задач воспитания и обучения [5].

На основе анализа психолого-педагогической литературы психологическую готовность педагогов к инновационной деятельности мы определили как сложный целостный процесс личности. Он характеризуется уверенностью педагога в своих силах, способностью в условиях инновационной деятельности мобилизовать свои личностно-профессиональные ресурсы, активностью в достижении поставленных целей и задач, а также позитивным настроем.

С целью изучения психологической готовности педагогов к инновационной деятельности нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняло участие 111 человек. В ходе исследования был применен следующий психодиагностический инструментарий: «Методика оценки уровня инновационного потенциала педагогического коллектива» (модификация методики Т.В. Морозовой), «Карта педагогической оценки способностей педагога к инновационной деятельности» (В.А. Сластенин, Л.С. Подымова), «Диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию», «Диагностика уровня саморазвития и профессионально-педагогической деятельности» (Л.Н. Бережнова).

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что в целом, психологическая готовность педагогов к инновационной деятельности развита на хорошем уровне. Однако, этому препятствуют трудности, с которыми педагоги сталкиваются. Так, большинство педагогов отметили, что в учебных заведения должны быть изменены технологии обучения, воспитания и развития. А также то, что при внедрении инноваций они сталкиваются с такими проблемами как: отсутствие времени, которое необходимо для полного углубления в данную проблему; отсутствие должной помощи в вопросе повышения квалификации, переподготовки кадров, обучения их навыками работы с техникой и интернетом. Кроме того, должна быть переориентация учителей на новые теоретические и практические основы, мотивация к использованию образовательных инноваций в измененных условиях современности.

Результаты эмпирического исследования показали, что у современных педагогов психологическая готовность к инновационной деятельности развита хорошо, однако те трудности и проблемы, с которыми учителя сталкиваются при внедрении инноваций, а также неуверенность в себе не дают им возможности раскрыться в полной силе.

Таким образом, внедрение инновационной деятельности в образовательной организации нереально без качественного изменения педагогов, без приобретения ими одной из составляющих компетентности педагога, а именно, психологической готовности к инновационной деятельности, которая имеет способность к накоплению при личных попытках использования новых педагогических технологий.

Полученные результаты позволили разработать программу психологического сопровождения инновационной деятельности педагогов в условиях модернизации системы образования, которая была успешно внедрена в учебно-воспитательный процесс МОУ «Тираспольская средняя школа № 3 им. А.П. Чехова».

Данная программа ориентирована на поддержание оптимального уровня личностных качеств педагогов, важных для разрешения тех проблем и трудностей, с которыми сталкиваются учителя в инновационной образовательной среде.

Список литературы

1. Андреева Е.А. Формирование психологической готовности будущих специалистов социальной сферы к инновационной деятельности: дис. … канд. психол. наук. – М., 2013. – 269 с.

2. Гончар С.Н. Исследование профессиональной направленности личности учителей общеобразовательных школ ПМР в период модернизации системы образования // В сборнике: Профессиональная культура педагога. Сборник научных трудов VI Всероссийской научно-практической интернет-конференции, 2017. – С. 7-12.
3. Гончар С.Н., Клименко И.В. Формирование профессионально-педагогической культуры преподавателей // В сборнике: Современное образование в психолого-педагогических исследованиях. Сборник научных трудов конференции, 2016. – С. 42-48.
4. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма в сфере образования [Электронный ресурс]: – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-kompetentsii-novaya-paradigma-rezultata-obrazovaniya.
5. Чудакова В.П. Формирование психологической готовности персонала образовательных организаций к инновационной деятельности, диссертация – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.twirpx.com/file/2052075/

УДК 615.849

ПОВЫШЕНИЕ ИНТЕРЕСА К МЕЖЛИЧНОСТНОМУ ОБЩЕНИЮ ПОСРЕДСТВОМ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Дегтярева М.В., Терехова Е. В., канд. эконом. наук,
Ягуза И. А., канд. техн. наук
Академия архитектуры и искусств ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
fatty.side@yandex.ru

Введение. Общество сегодняшнего дня невозможно представить без использования постоянно развивающихся цифровых технологий, но вопрос о важности и поиске подходов по повышению взаимодействия людей друг с другом в реальном времени остается открытым.

Цель исследования – выявление особенностей формирования у различных возрастных групп людей мнения о настольных играх; их визуальном и смысловом наполнении, а главное, коммуникативных функциях.

Основная часть. Проблема осуществления реального межличностного общения актуальна и требует внимания. Именно поэтому важно определить основные векторы решения данного вопроса, одним из которых является повышение интереса к общению, посредством игровых технологий.

Еще в 2008 г. социолог Д.И. Фельдштейн отмечал снижение у молодого поколения активности и желания общаться со сверстниками и взрослыми [5]. Это связано, в том числе, с появлением социальных сетей и виртуальной реальности. Несмотря на то, что виртуальное общение во многом похоже на реальное, оно все равно приводит к деформации межличностных отношений, ввиду отсутствия личного контакта и пр. [2].

Повысить интерес к реальному общению можно путем вовлечения участников процесса в игру. Как известно, именно игра выступает одним из главных мотивационных факторов в развитии личности, а информация, преподносимая в игровой форме, легче усваивается и запоминается [1].

С 2014 года игровая индустрия совершила колоссальный скачок в своем развитии, что позволило дизайнерам и разработчикам создавать

невероятные гибриды традиционных настольных игр с передовыми компьютерными технологиями [3], такими как: дополненная реальность, цифровая анимация, проектирование звука и т.д. [4].

В рамках работы над исследованием был составлен бланк специальных вопросов и создана анкета на базе бесплатных форм Google. Данная анкета содержит вопросы, ориентированные на игровую деятельность и определение в ней положительных и отрицательных качеств.

Результаты анкетирования.

В анкетировании приняли участие 160 респондентов, среди которых, по итогам, превалирует возраст 18-25 лет (такое соотношение говорит о большей заинтересованности в играх молодого поколения).

- На вопрос «Вы бы скорее отдали своё предпочтение?» – преобладают ответы: Компьютерным играм (73,6 %); Настольным играм (60,4 %);
- Тех, кто не интересуется играми, оказалось всего 2,5 % из 100 %;
- 50 % опрошенных посчитали самым важным аспектом игр – Возможность играть в компании. (Это определяет значимость межличностной коммуникации);
- Преимуществом настольных игр считают: «возможность играть в большой компании» (71,7 %);
- На вопрос анкеты о настольной игре с применением цифровых технологий (дополненной реальности, анимации) ответами стали: 60,4 % понравилось; 19,5 % не понравилось; 20,1 % испытали трудности с представлением такой игры.

Заключение. Таким образом, по результатам анкетирования, подтверждающего интерес к настольным играм в современном мире и обеспечивающего представление о предпочтениях потребителей, могут быть сформированы общие требования к формированию игровых пространств на примере настольных игр, а также определены критерии их выбора, целевую аудиторию и основные функции игры. А игры с дополненной реальностью многим до сих пор сложно себе вообразить.

Список литературы

1. Белова А. Л. Игровые формы обучения как средства активизации познавательной деятельности обучающихся на уроках географии в специальных коррекционных классах VII вида : методическая разработка. – Ярославль, 2013. – 115 с.
2. Данилова М. А. Интернет-социализация студенческой молодежи: специфика мотивации сетевого поведения: дис. на соиск. учен. степ. канд. соц. наук : 22. 00. 04 / Данилова М. А. .; ГОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет». – Саратов, 2009. – 18 с.
3. Настолки с высокими технологиями [Электронный ресурс]. –МирФантастики. – Режим доступа: https://www.mirf.ru/games/hi-tech-boards
4. Усаков В. Л. Инновационная программа обучения по специальности «Технологии компьютерных игр» / В. Л. Усаков, А. В. Усаков // Образовательные технологии и общество. – 2010. – № 13. – С. 352-353.
5. Фельдштейн Д. И. Функциональная нагрузка академии образования в определении принципов и условий развития растущего человека на исторически новом уровне движения общества / Д. И. Фельдштейн // Проблемы современного образования. – 2013. – С. 254-264.

УДК 159.99

РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О СЕМЬЕ И КАРЬЕРЕ У ДЕВУШЕК И ЮНОШЕЙ

Демяненко А.В., Ангелина Э.А., канд.филос.наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
adjon@yandex.ru

Проблеме изучения ценностных ориентаций личности в наше время уделяется достаточное количество времени, и она приобретает все большую популярность и актуальность. Ценностные ориентации – это одно из основных структурных образований личности, именно в них сходятся различные психологические характеристики человека [2]. Именно в ценностных ориентациях мы можем увидеть различия в представлениях о семье и карьере у студентов.

Актуальность данной работы заключается в необходимости понимания различий в ценностной сфере личности студентов.

Целью нашего исследования является изучение различий в представлениях о семье и карьере в структуре ценностных ориентаций учащихся ВУЗов.

Объектом исследования выступили ценностные ориентации юношей и девушек студентов ВУЗов, а именно шкалы, которые относятся к структуре семьи и карьеры.

Предмет исследования: семья и карьера в структуре ценностных ориентаций юношей и девушек.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что существуют значимые различия в представлениях о семье и карьере у девушек и юношей.

В исследовании использовались такие методики, как тест «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова), Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) (В.Ф, Сопов, Л.В. Карпушина), Тест-карта оценки готовности к семейной жизни (И.Ф. Юнда), методика «Якоря карьеры» (Э.Шейн).

Для реализации исследования были сформированы две выборки, в которые вошли 20 девушек и 20 парней, студенты ДонНУ из различных факультетов и различных специальностей в возрасте 18-24 года.

Одна из частей исследования проводилась в университете после окончания учебного процесса. Процедура проведения методик занимала приблизительно 60 минут.

В ходе проведенного исследования и при анализе его результатов мы пришли к следующим выводам:

1. Для девушек преобладающими ценностными ориентациями являются приятное времяпрепровождение (4,8 баллов) и наслаждение прекрасным (4,25 балла), для парней – признание (4,35 баллов) и приятное времяпрепровождение (4,1 баллов). Показатели по ценности

«времяпрепровождение» в группе девушек статистически значимо выше (p≤0,05), чем в группе парней. В то же время молодые люди в большей степени, чем девушки (p≤0,05), переживают чувство, связанное с социальной активностью.

2. В мотивационно-ценностной структуре личности среди терминальных ценностей у девушек преобладают саморазвитие (7,05 стена) и высокое материальное положение (7 стен); у юношей – самоморазвитие (6,55 стена) и сохранение собственной индивидуальности (6,4 стен). Показатели по ценности «активные социальные контакты» в группе парней статистически значимо выше (p≤0,05), чем в группе девушек. Для девушек более значимым является собственный престиж, так как их показатели по данной ценности статистически значимо выше, чем у парней (p≤0,05). Также для девушек более важной является ценность «Сохранение собственной индивидуальности» (p≤0,05). По шкале «достижение» значение у парней статистически значимо ниже, чем у девушек (p≤0,01). Ценность «высокое материальное положение» более значимой является для девушек. Об этом говорит статистически значимое различие (p≤0,01). В сфере семейной жизни значимых различий не наблюдается.

3. В плане карьерных ориентаций для девушек важна автономия или независимость (6 баллов) и менеджмент (5,95 баллов). Для парней также важна автономия (7,05 балла) и интеграция стилей деятельности (6,6 балла). Статистически значимые различия между девушками и юношами получены по шкале «профессиональная компетентность» (p≤0,05) и по шкале «вызов» (p≤0,01).

4. Девушки в более значительной степени, чем парни готовы к семейной жизни (86,8 баллов у девушек и 72,1 у парней). У парней ниже готовность к семейной жизни, но она также может находиться на достаточном уровне. По готовности к семейной жизни значения девушек статистически значимо выше, чем у парней (p≤0,01).

В результате диагностики структуры ценностных ориентаций значимые различия были выявлены по шкалам «времяпрепровождение», «наслаждение прекрасным» и «социальная активность». Также значимые различия были выявлены по таким жизненным ценностям как: «активные социальные контакты», «собственный престиж», «высокое материальное положение», «достижение», «сохранение собственной индивидуальности». В карьерных ориентациях значимые различия выявлены по шкалам «профессиональная компетентность» и «служение». Оценивая готовность к семейной жизни, мы выявили, что уровень готовности к браку у девушек выше, чем у парней.

На основании результатов исследования мы выявили, что все испытуемые дисгармоничны в своих ориентациях. Некоторые ориентации у них выражены сильно (например, времяпрепровождение, сохранение собственной индивидуальности, саморазвитие) а некоторые – практически отсутствую (социальная активность, креативность, общение). Это связано с тем, что при становлении ценностей те, которые более интересны

студентам выходят на первый план, а те, которые безразличны даже не проявляются в жизни.

В данном возрасте для студентов важными ценностями являются времяпрепровождение, милосердие, признание, саморазвитие и сохранение собственной индивидуальности.

Для девушек семья является более значимой ценностью, чем для юношей. Карьера также является более значимой для девушек, чем для парней.

Практическая значимость нашей работы заключается в том, что полученные данные отражают состояние системы ценностных ориентаций студентов и могут быть использованы в последующих психологических и междисциплинарных исследованиях.

Список литературы

1. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе. Психология подростка. Хрестоматия / сост. Ю.И. Фролов. – М., 1997. – 278 с.
2. Канаева Н. А. Ценности и их влияние на формирование личности // Молодой ученый. – 2010. – №1-2. Т. 2. – С. 200-202.
3. Петрова Л. В. Гендерные особенности ценностных ориентаций и жизнестойкости учащихся // Педагогическое образование в России. №1, 2015. – С.139-141. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://journals.uspu.ru/attachments/article/844/29-01-15.pdf (дата обращения 13.04.2020).

УДК 37.013.78, 316.6

ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дихтяренко Г.И., канд. пед. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
gagodkina13@gmail.com

Социализация – это процесс становления личности на основе усвоения ею элементов культуры и социальных ценностей. Социализация происходит вследствие пребывания в определенной социальной среде и путем сознательного влияния общества на психологию личности.

Группы или отдельные личности, которые имеют преимущественное влияние на формирование норм и ценностей подрастающего человека, называются институтами социализации. К ним относятся, прежде всего, семья, школа, внешкольные детские общественные и религиозные организации, одногодки, средства массовой информации. Родители, начиная с первых дней жизни ребенка, закладывают основные из будущих качеств её личности.

Многочисленные современные исследования подтверждают важность первого отношения к ребенку в зависимости от её пола. Именно в семье закладываются основные группы гендерных стереотипов. К таким стереотипам относят те или иные психологические характеристики или

качества, которые приписываются ребенку в зависимости от биологического пола (например, мужчины – агрессивные, независимые; женщины – эмоциональные, нежные, покорные). Еще одной группой стереотипов есть закрепление семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом (часто для женщин назначаются важные семейные роли, а для мужчин – профессиональные). Необходимо сказать про влияние разницы во времени и формах, в которых выражается внимание к процессу воспитания со стороны отца и матери. Исторически во многих европейских культурах (в том числе и в отечественной) считалось, что мать должна уделять максимальное внимание ребенку в первые годы его жизни, в то время как отец больше отвечает за социализацию более взрослых детей. Пример родителей, их формы экономических и эмоциональных взаимоотношений друг с другом, распределение домашних обязанностей также влияет на процесс идентификации, способствует формированию сложной, а нередко и противоречивой картины представлений про «свой» и «не свой» гендер. И именно в семье заложены большие возможности для формирования более благополучной и сбалансированной в гендерном отношении личности. Например, есть данные о том, что уже на протяжении двух первых лет жизни у мальчиков развивается стойкая привязанность к отцу, если отец проявляет заботу о сыне. Увеличение разнообразия игрушек у девочки, замена части кукол развивающими конструкторами и играми способствует улучшению логического мышления девочки, а соответственно, и повышению её уверенности в себе, увеличению возможности профессионального роста.

Школа является той государственной организацией, основным заданием которой есть воспитание гражданской сознательности и морали. Хоть у нас и существует школьная система с едиными общими требованиями к знаниям и поведению мальчиков и девочек, можно заметить отличия в поведении, а также в конкретном отношении педагогов к представителям обоих полов. Ярская-Смирнова Е.Р. на основе проведенного исследования определила, что у большинства педагогов существует неосознанное отношение к девочкам, которым присущи «внимательность», «стремление к зубрёжке», «усидчивость» в противовес мальчикам, которым присущи такие качества как «небрежность», «сообразительность», «склонность к построению логических цепочек». Последствием этого есть меньшие требования к дисциплине мальчиков[3]. Большое значение имеет организация учебного процесса в школе. Если проанализировать учебники для начальных классов, то «…на 66 % иллюстраций изображены только мальчики и мужчины, тогда как девочки и женщины присутствуют на 13,6 % изображений [1]. В большинстве иллюстраций, рассказов, упражнений женские персонажи наделены стереотипными характеристиками – их спасают, защищают, поучают». Известно, что в подростковом возрасте, когда авторитет родителей начинает меркнуть наиболее важным объектом для подражания и определения «норм» жизни становятся одногодки. Ребенок стремится быть

в кругу одногодок. Много мальчиков мечтают стать «крутыми», утверждают себя в этой роли употреблением спиртного, курением. Итак, в результате социализации индивид приобретает определенный набор гендерных ролей и стереотипов. Но социализация человека на этом не заканчивается, а продолжается на протяжении всей жизни.

В педагогике традиционный подход к решению проблем гендера заключается в том, что система образования (детский сад, школа, ВУЗ) должна помочь адаптации человека к существующим социальным отношениям. В рамках этого подхода, школы рассматриваются как средство рационального распределения индивидов в обществе. В середине XX века в западной академии под влиянием различных факторов выделилось направление, которое получило название «феминистская педагогика». Для феминисток основным объектов внимания стали не классовые, а гендерные отношения. Они пришли к выводу, что существующая система школьного образования воспроизводит и закрепляет не только классовые, но и гендерные роли. Так, представитель этого направления М. Макдональд писала, что «школьное образование переносит определенный гендерный код, с помощью которого гендерная идентичность и гендерная роль индивида конструируется в рамках школьной системы классификации». Понятие «гендерный код» используется здесь по аналогии с «генетическим кодом». «В традиционных школах, – подчеркивает Макдональд, – поведение ребенка будет оцениваться согласно критериев, которые применяются к его полу (например:«..маленькие девочки так себя не ведут…»). Согласно традиционному представлению о гендерных ролях, мужчину необходимо готовить к активной деятельности за пределами семейного круга. Женщина предназначена главным образом для заботы о семье и муже, а в некоторых случаях – для самопожертвования во имя семьи. Образование, таким образом, не является нейтральным и школьные структуры, по мнению феминисток, ориентированы на мальчиков и враждебны для девочек. Школьные уроки профессиональной направленности направлены на закрепление традиционных половых ролях. Женские сферы деятельности, конечно, связаны с межличностными отношениями (секретарь, библиотекарь, продавец, учитель, воспитатель). Мужские профессии связаны или с техникой (шофер, механик, инженер), или с организацией работы на каком-либо участке (прораб, менеджер, военный). Женские профессии меньше оплачиваемые, но имеют гибкий график. Мужские связаны с длительным пребыванием вне дома, полный рабочий день, но дают возможность профессионального роста и большего заработка. Существуют «женские» науки: литература, филология, биология. К «мужским» относятся – алгебра, геометрия, физика, политология, химия, архитектура [1,3]. Однако, школьные успехи девочек во всех развитых странах на порядок выше успехов мальчиков. Параллельно с процессом природного отставания мальчиков с 10-11 лет, учителя, исходя из собственных интересов, склонны одобрять в учениках

обоих полов скорее женские, чем мужские качества: от них требуют, чтоб сидели тихо, не бегали по коридору, выполняли указания, отвечали, когда спросят. Общество это поведение оценивает как типично «женское». Таким образом, чтобы быть «хорошим учеником», мальчик должен вести себя «как девочка». Такие мальчики в кругу одногодок оцениваются очень низко. К тому же, не смотря на главенствующее положение девочек в классе, учителя требуют от мальчиков «рыцарского» отношения к девочкам. Желая доказать свою мужественность мальчики могут иногда пойти на осуществление «специфических девиантных форм поведения защитного самоутверждающего типа».

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что необходимо использовать специальные подходы, чтобы помочь детям чувствовать себя в школе комфортно и справляться с проблемами социализации, важной составляющей частью которой есть самоидентификация ребенка, як мальчика, так и девочки. Совокупность этих подходов и можно назвать гендерной педагогикой. Основной целью которой есть, если не преодоление, то смягчение гендерных стереотипов, чтоб поведение ребенка зависело и от его личных особенностей.

Список литературы

1. Смирнова А.В. Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников / Смирнова А.В. – Москва: ЗАО «Олита», 2005. – 25 с.
2. Ионова О. Б., Нечаев В. Я. Социокультурные функции образования // Социально-политический журнал. – 1994. – №11-12. – С. 167.
3. Ярская-Смирнова Е.Р. Гендерное неравенство в образовании: понятие скрытого учебного плана // Гендерные исследования. – 2000. – № 5 – С. 295–301.
4. Бондарева Г.И. Социально-педагогические предпосылки формирования социальной устойчивости старшеклассника / Бондарева Г.И. // Наукові праці Донецького національного технічного університету. – Серія : Педагогіка, психологія, соціологія. – Донецьк, 2010. – Вип. 7 (167). – С.208 -213.

УДК 159.9.316.6

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПГУ ИМ. Т.Г. ШЕВЧЕНКО

Дроздова И.С., Горина А.В.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
г. Тирасполь, ПМР
opsipr.pgu@yandex.ru

Качество решения задач, поставленных перед высшей школой, во многом зависит от умения правильно организовать работу с первокурсниками. Не случайно проблема адаптации студентов к условиям обучения в высшей школе представляют собой одну из важных общетеоретических проблем, исследуемых в настоящее время на психофизиологическом [1], индивидуально-психологическом [2], социально-психологическом уровнях [3].

В связи с модернизацией системы высшего профессионального образования, актуальным становится совершенствование адаптационного периода первокурсников [4]. Важной задачей является сокращение временного периода адаптации первокурсников, учитывая индивидуально-психологические особенности личности, а также посредством учета психологических условий, влияющих на успешность данного процесса.

А.Н. Макарова выделяет факторы, влияющие на процесс адаптации первокурсников: внешние, а именно, особенности вуза, его условия, цели, средства и технологии подготовки специалистов. К внутренним факторам относят личностные качества студентов, их способность адаптироваться к среде вуза, направленность и активность при получении профессиональных знаний и осваивании будущей специальности.

Психологами Отдела психологического просвещения и профориентационной работы (далее ОПСиПР) ежегодно реализуется «Программа психолого-педагогической помощи студентам первокурсникам в адаптации к условиям обучения в вузе», которая включает несколько направлений: диагностическое, просветительское, коррекционно-развивающее, консультативное. Так, в реализации программы в I семестре 2019-20 уч.г. приняли участие 988 первокурсника Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (далее ПГУ). Анализируя результаты диагностики, было выявлено небольшое снижение показателя удовлетворенности организацией учебного процесса в вузе. Первые впечатления от учебного процесса у студентов 1 курса следующие:

– все организовано хорошо, расписание занятий сбалансировано по степени трудности изучаемых предметов – 48 % респондентов;

– расписание занятий не сбалансировано по степени трудности изучаемых предметов, неравномерная учебная нагрузка в разные дни недели – 24,3 % респондентов;

– ежедневно получают слишком большой объем нового и трудного учебного материала 11,8% от опрошенных студентов;

– не хватает времени для самостоятельной работы 5,7 % респондентов;

– отмечают, что с трудом приспосабливаются к новым формам обучения первокурсников 10,3 %.

Сильное воздействие воспитательного, социального и другого характера на личность студента оказывает и среда студентов, особенно студенческая группа, в которой он обучается. Именно в этой группе происходят динамические процессы структурирования, формирования и изменения межличностных взаимоотношений, распределение групповых ролей и т.п. Все это оказывает сильное влияние, как на личность студента, так и на успешность его учебной деятельности и профессионального становления.

Так, анализируя результаты диагностики студентов вуза по годам, можно сделать вывод, что у большинства ребят складываются доброжелательные отношения с сокурсниками и преподавателями (89,6 % в 2014-15 уч.г., 93,45 % в 2015-16 уч.г., 92 % в 2016-17 уч.г., 92,15 в 2017-18 уч.г., 87 % в 2018-19 уч.г., 90 % в 2019-20 уч.г.).

Преподаватель играет огромную роль в процессе адаптации студентов, особенно этому способствует куратор, он организует консультации, помогает разрешать конфликты с преподавателями, способствует выстраиванию быта студентов, информирует о методах работы с учебным материалом, оказывает помощь в разрешении межличностных трудностей студентов разных курсов и т.д. Мы наблюдаем увеличение числа первокурсников, обратившихся бы, за помощью к куратору, что свидетельствует об эффективной организации и работе «Школе кураторов» вуза (36,2 % в 2015-16 уч.г., 37 % в 2016-17уч.г., 38,6 % в 2017-18 уч.г., 42,6 % в 2018-19 уч.г., 43 % в 2019-20уч.г.)

По мнению студентов, со стороны кураторов, необходима помощь, а именно, советы по организации учебной деятельности (33 % из опрошенных респондентов), эмоциональная поддержка (16,8 % из опрошенных респондентов), консультации по форме и содержанию обучения (21,4 % респондентов).

Психологическое сопровождение процесса адаптации студентов к условиям обучения способствует наиболее оптимальному их включению в новые условия обучения и воспитания, и предполагает постановку и решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, обеспечение устойчивой положительной мотивации систематического овладения знаниями, общественной активности, формированию готовности к активному настойчивому преодолению возникающих трудностей; во-вторых, вооружение их умениями и навыками самостоятельной систематической деятельности.

Так, рассматривая отношения к первой сессии и ожидания первокурсников, мы получили следующие результаты: 31,3 % из опрошенных респондентов уверенны в своих силах и успешной сдаче экзаменов, 15 % из опрошенных студентов отметили, что «не нуждаются в помощи» – самостоятельно справятся с трудностями, возникающими в период сдачи зачетов и экзаменов.

Анализируя полученные данные в ходе исследования, можно сделать вывод, что успешная реализация процесса «вхождения» первокурсников в систему вузовской жизни становится оптимально действенной, если представляет собой развивающуюся, динамично функционирующую целостную систему, которая учитывает все структурные компоненты данного процесса.

В рамках программы «Адаптация к условиям обучения в вузе» психологами также проводятся занятия с использованием тренинговых упражнений. Это способствует становлению личности и развитию индивида как субъекта психологической активности, также формирует способность брать на себя ответственность, самостоятельно ставить перед собой цели и находить пути их достижения, адаптироваться к жизни в сложных современных условиях.

Таким образом, участие психологов совместно с кураторами в социально-психологической адаптации студентов имеет большое значение,

помогая студенту интегрироваться в новую систему взаимоотношений, приобретать новые паттерны поведения, трансформировать свои взгляды, интересы, убеждения. Сокращение сроков адаптационного периода первокурсников к новому для них образу жизни и деятельности, а также выявление психолого-педагогических условий оптимизации данного процесса – чрезвычайно важные задачи, которые ставит перед собой Отдел психологического сопровождения ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

Список литературы

1. Белоус В.В. Психологические симптомокомплексы и инварианты темперамента: Автореф. докт. дис. М., 1982. – 41 с.
2. Сластенин В.А. Интегративные тенденции в системе психолого-педагогической подготовки учителя // Приобщение к педагогической профессии: Практика, концепции, новые структуры. Воронеж, 1992. – С. 6.
3. Андреева Д.А. О понятии адаптация. Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе //Человек и общество: Уч. записки XIII. – Л.: ЛГУ, 1973. – С. 62-69.
4. Бабанский Ю.К. Оптимизация учебно-познавательного процесса: Метод. основы. – М.: Просвещение, 1982. – 192 с.

УДК 159.922.8

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СПОРТСМЕНОВ-ЭКСТРЕМАЛОВ (НА ПРИМЕРЕ МОТОКРОССА)

Иванова Е.М., Устинов Д.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

katyusha.katy.ivanova@mail.ru

Введение. Современный мир ставит перед индивидом все более сложные вопросы относительно того, как жить в мире технических новшеств и доступа к любой информации, за которыми не успевает человеческий разум и сохранять человеческие отношения, которые разъединяет пространство, болезни и социальные противоречия. То есть современная личность находится в состоянии систематического информационного и эмоционального напряжения, которое увеличивается с каждым годом [2]. Естественно, что каждой личности приходится вырабатывать и совершенствовать все больше способов снятия напряжения или подготовки себя к новым стрессам. По мнению современных ученых, одним из видов деятельности, способствующих снятию напряжения, являются экстремальные виды спорта. Ранее в обществе и научной среде считалось, что спортсмен-экстремал, это скорее социальный изгой, которые не нашел себе достойное занятие. В настоящее время мнение специалистов изменилось [1]. По современным оценкам влияние экстремальных видов спорта на психику человека положительно и

многообразно: растет самооценка личности, усиливается волевой компонент, улучшается концентрация и внимание, преодолеваются комплексы и страхи, снижается тревожность и общее физическое напряжение, переосмысливаются ценности и улучшаются моральные нормы, как следствие улучшаются отношения с окружающими [3].

Основная часть. Естественно, такие личностные изменения необходимо осмысливать и оценивать адекватными научными методами и методиками. Решению этой задачи посвящено проводимое нами исследование личностных особенностей и мотивации участников экстремальных видов спорта на примере мотокросса. Объектом исследования являются личностные особенности и мотивационная сфера личности. Предметом – личностные особенности и мотивация участников экстремальных видов спорта. Для реализации целей исследования использовались следующие диагностические методики: 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (далее – методика Кеттелла) для определения личностных особенностей участников исследования; методика «Потребность в достижении» Ю.М. Орлова для измерения потребности в достижении цели, успеха, и в целом достижений как спортсменов, так и людей, не занимающихся спортивной деятельностью; методика «Мотивы занятия спортом» А.В. Шаболтаса (далее – методика Шаболтаса); методика «Мотивация занятий спортом» В.И. Тропникова (далее – методика Тропникова). С целью статистической проверки полученных данных использовались методы описательной статистики, r-коэффициент линейной корреляции Пирсона. Выборка испытуемых составила 62 человека, 54 мужчины и 8 женщин спортсменов, которые регулярно занимаются таким экстремальным видом спорта как мотокросс.

У группы спортсменов наибольшие и наименьшие показатели по методике Кеттелла были выявлены по следующим факторам: высокие значения были выявлены по фактору Q1 (среднее значение 6,4), что в поведении может проявляться в стремлении к новаторству, эксперименту и может являться основной отличительной чертой данной выборки; высокие значения по фактору L (среднее значение 6,1) могут говорить о том, что занятие экстремальным видом спорта является индивидуальным и новаторским увлечением, когда человек пробует что-то совершенно новое для себя и готов этими впечатлениями делиться с другими.

По результатам диагностики с помощью методики «Потребность в достижении» Ю.М. Орлова было выявлено, что у 40% спортсменов исследуемой выборки преобладает низкий уровень потребности в достижениях. Это может означать, что данные испытуемые занимаются этим видом спорта ради повседневных и несоревновательных эмоций. Они увлекаются экстремальными видами спорта не из-за того, что в них можно достичь высоких результатов и получить первые места на соревновании, а из-за ощущения напряжения и опасности, которые с этим спортом связаны. То есть, они получают удовольствие о самого спорта, а не от оценки их достижений в нем.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие значимые, прямые и обратные на 1% уровне связи. Прямая связь между Фактором Q1 «Признание принятых норм и правил – Стремление к новаторству, эксперименту» по методике Кеттелла и шкалой «Материальное благо» методики Тропникова (r=0,684; p<0,01). Прямая связь между Фактором L «Доверчивость, уживчивость – Предпочтение своего мнения, подозрительность» по методике Кеттелла – со шкалой «Улучшение здоровья и самочувствия» методики Тропникова (r=0,522; p<0,01). Прямая связь между Фактором A «Сдержанность, обособленность – Обращенность вовне, легкость в общении» (r=0,526; p<0,01) и Фактором E «Мягкость, скромность, уступчивость – Доминирование, упрямство, напористость» (r=0,537; p<0,01) по методике Кеттелла и шкалой «Эстетическое удовольствие и острота ощущений» методики Тропникова. Прямая связь между Фактором M «Практицизм, нет случайных склонностей – Богатство воображения, богемность» по методике Кеттелла – со шкалой «Повышение престижа желание славы» методики Тропникова (r=0,551; p<0,01). Прямая связь между Фактором B «Мышление более конкретное – Мышление более абстрактное» по методике Кеттелла и шкалой социального самоутверждения методики Шаболтаса (r=0,574; p<0,01). Обратная связь между шкалой «Потребность в одобрении» методики «Мотивация занятий спортом» В.И. Тропникова и шкалой социального самоутверждения методики Шаболтаса (r=-0,619; p<0,01).

Приведенные результаты позволяют составить общую картину личностной и мотивационной сферы спортсменов-экстремалов. Для данной выборки, характерны следующие особенности. Стремление спортсменов к экспериментам может быть мотивировано потенциальным доходом. Кроме того, чем более подозрительны спортсмены, тем лучше их здоровье. Возможно, это помогает им уменьшать риски в их сложном и опасном спорте. Чем более острые ощущения приносит спортсменам спорт, тем активнее они общаются и становятся более упрямыми в достижении своих целей. Их мотив прославиться может быть связан со склонностью вести более яркую и нестандартную жизнь, выделяться эксцентричным стилем жизни. Следует отметить, что приобретение мотоцикла для соревнований и подготовка к состязаниям характеризуются большими расходами, поэтому именно этот вид спорта можно считать эксцентричным и «богемным» выбором. Чем более конкретное мышление имеет спортсмен, тем выше у него стремление социально утвердиться.

Заключение. Таким образом, исследование позволило сформировать картину личностных характеристик и мотивационной сферой у людей, занимающихся экстремальными видами спорта. Результаты исследования могут использоваться тренерами, спортивными психологами с целью подготовки спортсменов-экстремалов к тренировкам или участию в соревнованиях.

Список литературы

1. Браймер Э., Швейцер Р. Опасные виды спорта полезны для здоровья: феноменологическое осмысление страха и тревоги в контексте спортивного экстрима. Brymer E., Schweitzer R. extreme sports are good for your health: a phenomenological understanding of fear and anxiety in extreme sports // J. of health psychology. – L., 2013. – Vol. 18, n 4. – p. 477-487 [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2014. №4. // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/2014-04-004-braymer-e-shveytser-r-opasnye-vidy-sporta-polezny-dlya-zdorovya-fenomenologicheskoe-osmyslenie-straha-i-trevogi-v-kontekste.
2. Гайворонский В.Г. Основы парашютного спорта / В.Г. Гайворонский, В.А. Пономаренко, С.А. Попов. – Ростов-на-Дону: ИПК ЮФУ, 2013. – 98 с.
3. Трофимец Ю.И. Мотокросс: подготовка гонщиков. / Ю.И. Трофимец. – М.: Патриот, 1990. – 141 с.

УДК159.99

МОДЕЛЬ ПОВЫШЕНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ

Иванова И.В.
ГУ «Донецкий республиканский учебно-методический центр психологической службы системы образования», г. Донецк, ДНР
drumc.ps@mail.ru

Педагогическая деятельность ставит перед учителем высокие требования. Исторический опыт свидетельствует, что продуктивность решения проблем, связанных с обучением и воспитанием ребенка, зависит, прежде всего, от педагогов, их мастерства, психологической и педагогической грамотности, их готовности и умения создавать благоприятные условия для гармоничного развития, творческого самосовершенствования ребенка и формирования здоровьесберегающей среды. Определяя необходимость подготовки современного педагога, способного формировать жизненно компетентную личность, остановимся на формировании его профессиональной компетентности.

Понятие профессиональной компетентности учителя можно определить как «владение учителем необходимой суммы знаний, умений и навыков, которые определяют сформированность его педагогической деятельности, педагогического общения и личности учителя как носителя ценностей, идеалов и педагогического осведомления» [1].

До вершин мастерства можно идти только одним путем: «снизу вверх», от малого к большому, от знаний к мастерству. Уровни профессиональной компетентности – мастерства можно представить следующим образом (рис.1).

Особая роль принадлежит психологической компетентности педагога, которая является необходимым условием эффективности взаимо-

действия всех участников образовательного процесса, профессиональной самореализации педагога, одним из условий достижения поставленных образовательных и воспитательных задач.

По мнению И.С. Якиманской, психологическая компетентность – это совокупность знаний, умений и навыков по психологии; чёткость позиции в отношении роли психологии в профессиональной деятельности педагога; умение использовать психологические знания в работе; умение видеть за поведением ребёнка его состояние, уровень развития познавательных процессов, эмоционально-волевой сферы, черт характера, способность ориентироваться, оценивать психологическую ситуацию в отношениях с ребёнком и коллективом детей и избирать рациональный способ общения [3].

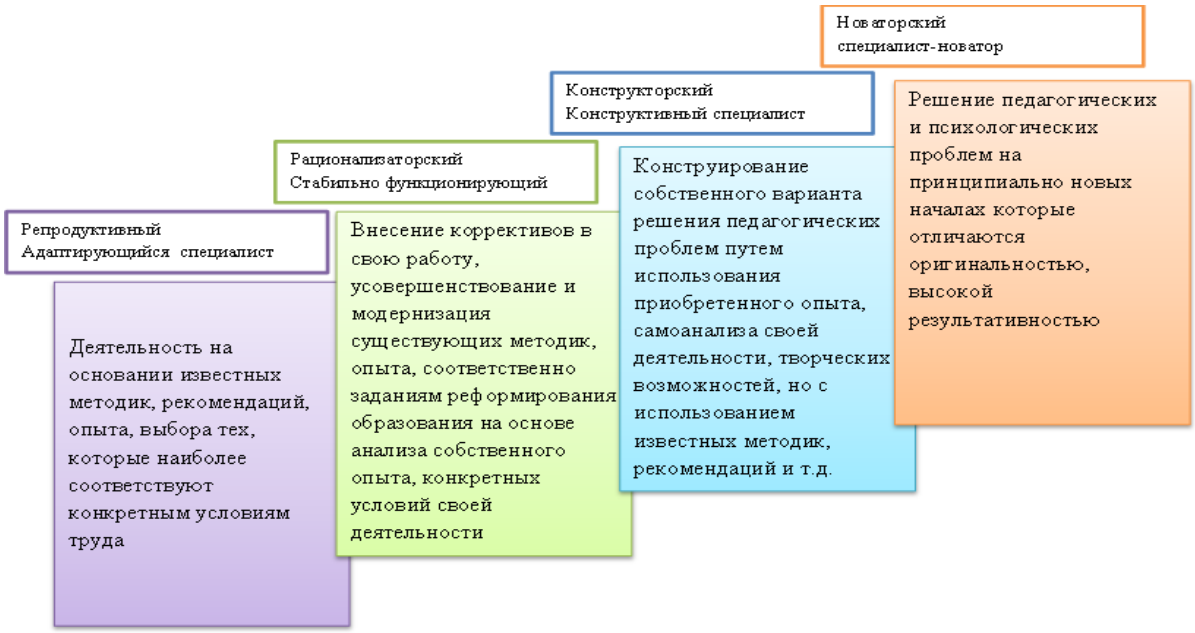

Рис 1. Уровни профессиональной компетентности

Модель повышения психолого-педагогической компетентности педагога можно представить следующим образом:

I этап. **Информационно-аналитический.** Основной целью данного этапа является изучение, анализ уровня развития психолого-педагогической компетентности педагогов и определения проблемного круга.

II этап. **Конструктивный.** Предполагает повышение психолого-педагогической компетентности педагогов через организацию системного комплексного организационно-методического сопровождения, разнообразные формы организации методической работы (рис 2).

III этап. **Аналитико-исследовательский.** Предполагает систематизацию и обобщение работы в направлении повышения психолого-педагогической компетентности педагогов. На этом этапе осуществляется: мониторинг уровня психолого-педагогической компетентности педагогов, подбор методического обеспечения и научно-теоретических материалов по обозначенной проблематике, теоретического и практического материала для педагогов по регулированию своего эмоционального состояния.

IV этап. **Творческий.** Основная цель этого этапа выход на более качественный и производительный уровень взаимодействия между всеми участниками образовательного и воспитательного процесса.

На сегодняшний день в нашем государстве значительное внимание уделяется психологизации образования. Существенным и необходимым компонентом полноценной педагогической деятельности является умение каждого педагога сочетать как педагогическое, так и психологическое мастерство. Поэтому в образовательных учреждениях, в первую очередь, нужно обращать внимание на становление психологической культуры и навыков самого педагога, его самообразование и самовоспитание.

Все задачи организационно-методической работы с точки зрения динамики развития специалиста к высотам мастерства могут быть разделены на задачи преодоления пробелов в подготовке педагога (компенсаторные задачи), задачи приспособления к условиям, которые изменяются (адаптационные задачи), и задачи качественного творческого роста (задачи развития).

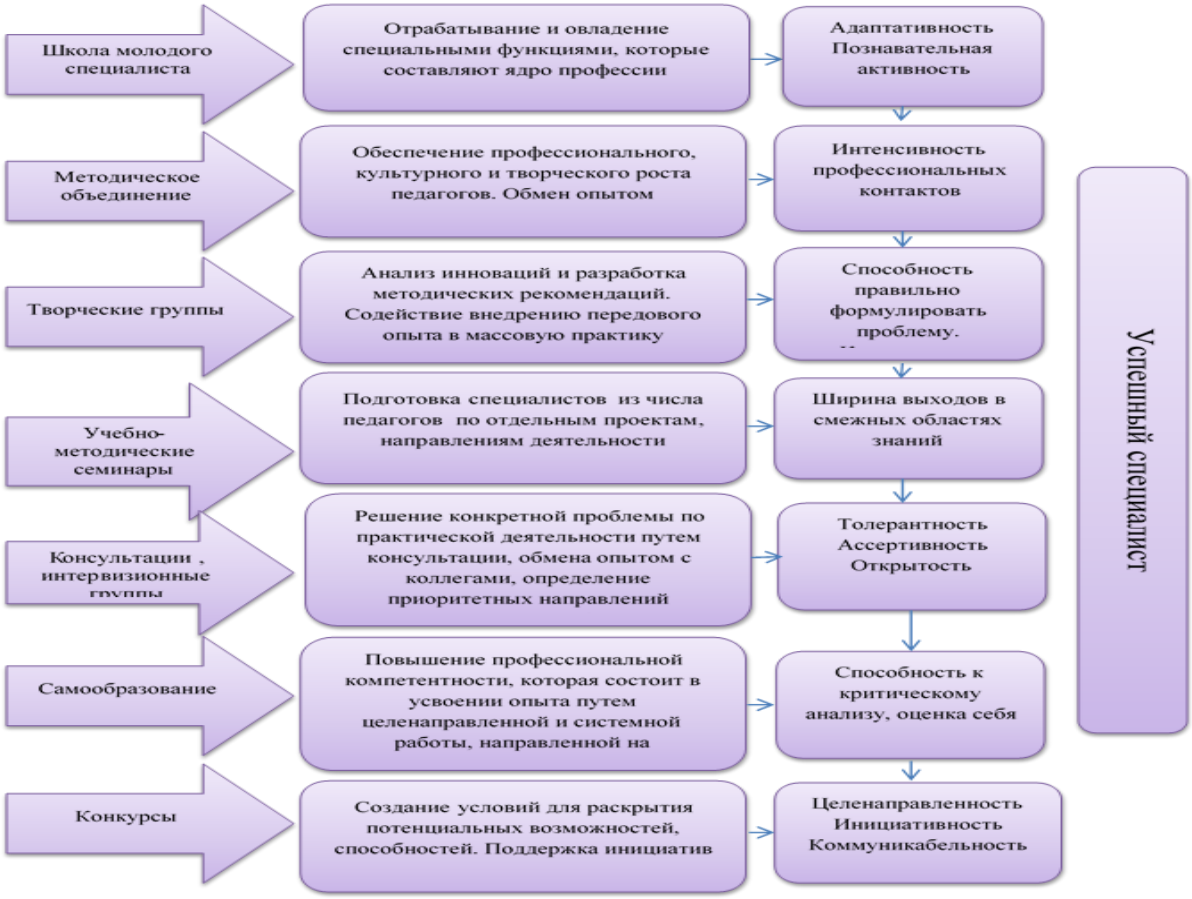

Рис 2. Формы организации методической работы по повышению профессиональной компетентности педагогов

Таким образом, можно сделать вывод, что без развитой психолого-педагогической компетентности невозможным является становление педагога как профессионала своего дела, а, следовательно, снижается в целом и эффективность образовательного процесса.

Психологическая компетентность учителя выступает необходимым условием взаимодействия всех участников образовательного и воспитательного процесса, профессиональной самореализации педагога и достижения образовательных и воспитательных целей и задач, направленных на развитие личности обучающегося. Эта задача может быть успешно решена как в процессе подготовки студентов в системе непрерывного профессионального образования, так и в рамках психологического сопровождения процесса личностно-профессионального развития педагогов.

По словам Ричарда Генри Данн «Тот, кто обучает, должен всегда продолжать учиться сам». В росте профессионального мастерства последней ступени не существует…

Список литературы

1. Коджаспирова Г.М. Педагогический словарь / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 62 с.
2. Дружилов С.А. Профессиональная компетентность и профессионализм педагога / С.А.Дружилов. – Новокузнецк. – 2005 (вып. 8). – С. 26-29.
3. Лазаренко Л.А. Психологическая компетентность педагога как фактор профессионализации / Л.А. Лазаренко // Современные наукоемкие технологии. – 2008. – № 1. – С. 67-68.

УДК 159.922.8

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ УВАЖЕНИЯ К РОДИТЕЛЯМ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Кабдина А.А., Устинов Д.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kabdina10@mail.ru

Введение. Гармоничные отношения в семье складываются из многих показателей. С древних времен залогом крепких семейных уз, сохранения традиций, благополучной психологической обстановки между родственниками было уважительное отношение младших к старшим [1]. И если в детском и взрослом возрасте сын или дочь не имеют возрастных предпосылок, чтобы не почитать своих родителей, то подростки, возрастными особенностями которых является отрицание старших, могут не проявлять даже минимального уважения к родителям. Особенно сильно отрицание старших может проявляться в переломные исторические моменты, когда родители сами переживают кризис, теряют свои моральные ориентиры, материальное благополучие и психическую стабильность [2]. Именно такие характеристики свойственны нынешнему времени.

Закономерно, что изучение феномена уважения к родителям в подростковом и юношеском возрасте является актуальным для современного общества. Причем актуальным является как сформированное у юношей уважение к родителям, так и несформировавшееся уважение подростков

[3]. В юношеском возрасте у личности уже есть все признаки взрослого человека, которые могут позволить общаться на равных с родителями и старшими. Такое состояние приобретается в связи с тем, что юноша уже имеет представлении об основных социальных ролях взрослого (работник, родитель, супруг и т.д.), а также имеет значимую готовность в них реализовываться. В отличие от юноши, подросток только начинает исследовать, как он может реализоваться в будущем профессионально, выясняет и пробует различные социальные и профессиональные роли. При этом, он иногда по-детски равняется на ближайших взрослых, иногда оказывается к ним в оппозиции, в зависимости о того, какой пример успеха в социуме они показывают. При этом у подростка отношения со сверстниками лучше, чем со взрослыми, и последние являются менее значимыми для него.

Естественно, в зависимости от того, какие отношения были у подростка и родителя, будет формироваться уважительное отношение к ним в юношеском возрасте. Можно даже предположить, что дальнейшее построение отношений этого индивида со своими детьми также находится под влиянием отношения к родителям и уважения к ним на этапе подросткового возраста и юношества.

Основная часть. В связи со всем вышеизложенным было проведено исследование, целью которого является выявление психологических особенностей уважения подростков и юношей к родителям. Объектом исследования является отношение детей к родителям. Предмет исследования – это психологические особенности уважения подростков и юношей к родителям.

Для реализации целей исследования использовались следующие психологические методики:

1. Методика ADOR – «Подростки о родителях» в адаптации Л.И. Вассермана для изучения установок, поведения и методов воспитания родителей так, как видят их дети.
2. Тест «Отношения с родителями» (Н.С.Ефимова) для выявления основных стратегий отношения родителей к ребёнку.
3. Методика «Незавершенные предложения» Сакса-Леви в модификации В. Михала для диагностики отношения и уважения подростка или юноши к родителям, семье, своим способностям и другим аспектам жизни.
4. Опросник «Уважение к родителям» А.М. Коноваловой для диагностики содержания уважения подростков и юношей к родителям и выявления отличий такого отношения к матери и к отцу.

С целью статистической проверки полученных данных использовались методы описательной статистики, U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента.

Выборка испытуемых составила 65 человек: 35 подростков, из которых 20 мальчиков и 15 девочек, а также 30 испытуемых юношеского возраста, из которых 12 юношей и 18 девушек. В результате проведенного исследования были получены следующие результаты:

- были выявлены значимые различия между подростками и юношами по шкале «Принятие – отвержение» методики «Отношения с родителями» ($t=2,235$; $p\leq0,05$). Подростки (средний показатель по шкале 17,9), в отличие от юношей (среднее 12,9), считают, что родители низко оценивают их способности, не верят в их будущее, испытывают отрицательные чувства (раздражение, злость, досаду) по отношению к ним. В свою очередь юноши считают, что родители более положительно к ним относятся. Можно сказать, что подросткам свойственно нежелание думать о будущем и протестное поведение, направленное на родителей, что, конечно, ведет к отрицательному отношению родителей к детям. Юноши менее конфликтны, а также в основном более четко представляют свое будущее. Поэтому оценивают отношение родителей к себе как положительное и спокойное.

- значимые различия были выявлены по результатам методики ADOR. У подростков по шкале автономности отцов средние показатели существенно отличаются от средних показателей у юношей ($t=2,937$, $p\leq0,05$), что свидетельствует о существенном изменении отношений с родителем мужского пола при переходе от пубертата к юношеству. Подростки считают своих отцов более авторитарными, командующими и отчужденными эмоционально, а юноши уже иначе оценивают, возможно, точно такое же поведение. Можно предположить, что юноши больше, чем подростки, могут признать отцовское лидерство и менее критично относиться к мужской скупой эмоциональности.

- наблюдаются существенные различия средних показателей по шкале «Отношение к неудачам ребенка» теста «Отношения с родителями» ($t=2,309$, $p\leq0,05$). Можно сказать, что у юношей в большей степени сформирована уверенность в своем мнении, и они менее зависимы от мнения родителей о себе. Подростки, в свою очередь, все еще полагаются на похвалу родителей относительно их успехов и более болезненно воспринимают недовольство или критику родителей своих неудач.

Заключение. Приведенные результаты исследования показывают, что подростки, по сравнению с юношами, являются более зависимыми от мнения родителей о себе. В том числе, можно говорить о том, что они не имеют еще устоявшейся самооценки и очень восприимчивы к похвале или критике со стороны родителей. Кроме того, результаты показывают, что вне зависимости от отношения родителя, подростки приписывают им негативную оценку своих способностей и считают, что родители испытывают к ним негативные чувства. Юноши, наоборот, менее зависимы от похвалы или критики родителей, а также склонны оценивать отношение родителей к себе как более спокойное и положительное.

Представленные результаты могут быть использованы при проведении воспитательных мероприятий при работе с подростками и юношами в системе общеобразовательного и профессионального образования, а также в индивидуальных и семейных консультациях.

Список литературы

1. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.

2. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимова М.М. Специфика межпоколенного взаимодействия в контексте исследования социальной эксклюзии: экспертные оценки [Электронный ресурс] // Вестник АГАУ. – 2017. – № 1 (147). // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-mezhpokolennogo-vzaimodeystviya-v-kontekste-issledovaniya-sotsialnoy-eksklyuzii-ekspertnye-otsenki .
3. Коновалова А.М., Захарова Е.И. Особенности родительского воспитания как условия становления уважения к родителям в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 1 (25) // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-roditelskogo-vospitaniya-kak-usloviya-stanovleniya-uvazheniya-k-roditelyam-v-podrostkovom-vozraste.

УДК 159.9

ПРИЧИНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ПУТИ ЕГО ПРОФИЛАКТИКИ

Картавая Е.С., канд. психол. наук, ***Картавый С.Н.,*** канд. ист. наук
ФГКВОУ ВО «Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны»,
г. Ярославль, РФ
kartavayakat@yandex.ru

Введение. Профессиональная деятельность это неотъемлемая часть жизни человека. Основными задачами в этот период являются сохранение психического и физического здоровья, продуктивности и эффективности деятельности, совершенствование своего мастерства, развитие профессионально важных качеств. Однако в ряде случаев могут наблюдаться деструктивные феномены развития. Одним из таких феноменов является профессиональное выгорание. Его опасность заключается в низкой осознаваемости на начальных этапах, стремительном развитии, серьезных последствиях, отражающихся на здоровье и способах выполнения профессиональной деятельности. Этот синдром имеет необратимый характер.

Цель работы – проанализировать внешние факторы, провоцирующие появление синдрома психического выгорания у военнослужащих и выявить возможные пути его предотвращения.

Основная часть. Не смотря на большое количество работ и исследований по данной теме, нет единой точки зрения на природу появления и развития этого феномена. Некоторые ученые считают, что выгорание это защитная реакция на постоянно действующий на человека профессиональный стресс. С нашей точки зрения, наиболее интересна концепция В.Е. Орла, который предположил, что выгорание является «антисистемой», которая постепенно встраивается в структуру личности профессионала. Эта «антисистема» имеет несколько подуровней, на которых происходят изменения и которые соответствуют проявляющимся симптомам.

1. микроуровень (индивидуально-психологический – преобладают эмоциональные симптомы);

2. мезоуровень – (межличностные симптомы – доминируют мотивационные нарушения);

3. макроуровень – (организационный уровень – вершину образуют когнитивные симптомы) [3].

Анализ современных подходов к выгоранию позволяет сделать вывод о том, что одной из групп факторов, провоцирующих появление синдрома выгорания, являются факторы, связанные с содержанием и спецификой труда. С этой точки зрения можно выделить ряд особенностей профессии военнослужащих, находясь под воздействием которых они попадают в группу повышенного риска [2].

Во-первых, особенность структуры армии. Психологической особенностью армии является то, что это одна из разновидностей государственной службы. Но профессиональные обязанности военнослужащими значительно отличаются от обязанностей представителей гражданских профессий. С одной стороны военнослужащие имеют право на ношение и применение оружия. С другой стороны, сама суть этой службы предполагает, что по приказу они должны выполнить свой профессиональный и воинский долг, связанный с защитой родины. Таким образом, военнослужащие постоянно подвержены систематическому стрессу, связанному с угрозой их жизни.

Во-вторых, это интенсивность самой деятельности, наличие большого количества разнообразных задач, ненормированный режим работы [1].

В-третьих, интенсивность межличностного ежедневного взаимодействия и ответственность за подчиненных.

Таким образом, сама профессиональная деятельность военнослужащих может способствовать возникновению синдрома выгорания. Что в конечном итоге может негативно сказаться на самом военнослужащем, на возможности выполнять им своих профессиональные обязанностей, а в конечном итоге стать угрозой жизни других людей, безопасности страны.

Для предотвращения негативных последствий воздействия синдрома необходимо проводить мероприятия, позволяющие максимально снизить деструктивное влияние профессии на личность профессионала.

1. Необходим тщательный профессиональный отбор. Ряд личностных особенностей может способствовать более быстрому развитию синдрома. Именно поэтому уже на начальных этапах необходимо исключить людей, которые не смогут выдержать ответственность и напряжение, объективно характеризующие данную деятельность [1].

2. Нормализация режима труда и отдыха. Не смотря на простоту рекомендации, нормализация режима сна является одним из базовых мероприятий поддержания работоспособности и сохранения психического и физического здоровья. Качественный сон это необходимое условие для поддержания жизнедеятельности человека. Неполноценный сон приводит к тому, что в мозге накапливаются продукты его жизнедеятельности, этот процесс имеет необратимые последствия.

3. Равномерное распределение напряженности труда, качество и время работы. Это позволит снизить количество задач, выполняемых на пределе возможностей, а значит снизить общую нагрузку на организм.

Кроме того, распределение напряженности позволит повысить ценность повседневной деятельности. Правильное распределение обязанностей и использование принципа коллегиальности так же позволит снизить напряженности труда.

4. Необходимо по возможности соблюдать санитарные нормы труда. Использование так называемых «тайм аутов» в течение дня. Соблюдение требований, предъявляемые к рабочим местам, их эргономическим характеристикам. Чередование разных видов нагрузки позволяет восстанавливать уровень продуктивности и работоспособности на протяжении рабочего дня [4].

5. Отсутствие вредных привычек, так же является эффективным мероприятием в борьбе снижения нагрузки на организм специалистов.

6. Полноценное питание, поддержание водного баланса в целом и клеток мозга особенно, позволит снизить переутомление и повысит возможность на более быстрое восстановление ресурсов организма.

7. Оптимальные физические нагрузки, поддержание хорошей физической формы способствует поддержанию общего физического здоровья, сопротивляемость и устойчивость организма.

8. Мероприятия, связанные с социально-психологическими факторами: повышение сплоченности коллектива, установление доверительных отношений, поддержка и помощь в адаптации новых членов коллектива [2].

Заключение. Синдром психического выгорания – это комплексный феномен, который появляется благодаря влиянию большого количества факторов. Профессиональное выгорание носит необратимый характер и может привести к серьезным последствиям. Поэтому поиск возможностей предупреждения данного синдрома позволяет сохранить психическое и физическое здоровье, высокий уровень продуктивности и эффективности военнослужащих.

Список литературы

1. Майсак Н.В. Психологические особенности деформации личности кадровых офицеров / Н.В. Майсак, С.В. Михеев // Общество и право. – 2011. – №1.– С. 242-248.
2. Мачульская И.А. Феномен эмоционального выгорания военнослужащих в процессе их профессиональной деятельности / И.А. Мачульская, Р.В. Беляев, В.Н. Машин // Территория науки. – 2015. – №5. – С. 72–77.
3. Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности / В.Е. Орел. – Москва : Институт психологии РАН, 2005. – 330с.
4. Удовик С.В. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности / С.В. Удовик, А. В. Молокоедов, И.М. Слободчиков. – Екатеринбург : Левъ. – 2018 – 252 с.

УДК 159.9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ КАК ИНТЕГРАЛЬНОГО РЕСУРСА ЛИЧНОСТИ

Картузова Н.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kri-dae@mail.ru

В современной науке и практике проблема устойчивости человека перед лицом жизненных трудностей выступает на первый план из-за стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, социально-общественных потрясений, которые отражаясь на психологическом здоровье человека, могут спровоцировать различные негативные состояния. Поэтому все больше интереса среди исследователей вызывают вопросы изучения жизнестойкости как ресурса личности, объединяющего различные личностные конструкты и позволяющего человеку в трудных жизненных ситуациях оптимально реализовать свои психологические возможности, приобрести «психологическую живучесть» и «расширенную эффективность» [5]. Разнообразные факторы внешней среды, внутренней психологической жизни, индивидуальные особенности психики, специфика ситуаций взаимодействия человека с миром могут способствовать развитию и проявлению жизнестойкости, как интегрального ресурса личности, что позволяет обратить внимание на взаимосвязь рассматриваемого явления с другими психологическими особенностями личности. К таким компонентам личности могут относиться: базовые личностные установки, навыки преодоления (копинг-стратегии), когнитивные установки, смысловая и поведенческая саморегуляция, мотивационная направленность, диспозиционный оптимизм [3; 4].

В зарубежной психологической науке модель жизнестойкости как ресурса личности разрабатывалась такими исследователями как С. Кобейс, Д. Кошаба, С. Мадди. Определением и операционализацией жизнестойкости как ресурса личности в отечественной психологии занимались Л.А. Александрова, С.В. Книжник, Д.А. Леонтьев, Е.Н. Митрофанова, Т.В. Наливайко.

Анализ работ зарубежных исследователей таких как С. Мадди, С. Кобейс, Д. Кошаба позволяет определить модель жизнестойкости, которая имеет определенную структуру и механизмы функционирования. В структуре жизнестойкости выделяются три установки, которые позволяют личности признать реальность стрессовой ситуации и проявить стремление для превращения этой ситуации в преимущество для себя. Первой установкой выступает вовлеченность как предрасположенность быть связанным с людьми, вещами и ситуациями взаимодействия, вместо отстраненности, изолированности или отчужденности; как тенденция вовлекать себя в жизненные дела и проявлять искренний интерес и

любопытство к окружающему миру (действиям, вещам, другим людям). Следующая установка – это контроль, определяемая как борьба за влияние на результаты, происходящие вокруг человека, вместо погружения в пассивное состояние и бессилие; как склонность верить и действовать так, как будто можно влиять на события, происходящие вокруг своими собственными усилиями. Третья установка – это принятие риска как желание постоянно учиться на своем опыте, будь то положительный или отрицательный, а не избегать неопределенностей и потенциальных угроз. Принятие риска скорее предполагает мотивирующие возможности для личностного роста, а не фактор, угрожающий психологической безопасности личности. С. Мадди включает в модель жизнестойкости пять основных механизмов (рис.1):

1. Жизнестойкие убеждения, позволяющие оценить жизненные изменения как менее стрессовые.

2. Трансформационное совладание, подразумевающее открытость изменениям и готовность человека проявить активность в стрессовой ситуации, посредством жизнестойких копинг-стратегий.

3. Усиление иммунной реакции, благодаря психической и физической мобилизации.

4. Жизнестойкие практики здоровья, позволяющие усилить ответственность и заботу о собственном здоровье.

5. Развитие навыков общения через поиск эффективной социальной поддержки, способствующей трансформационному совладению [5].

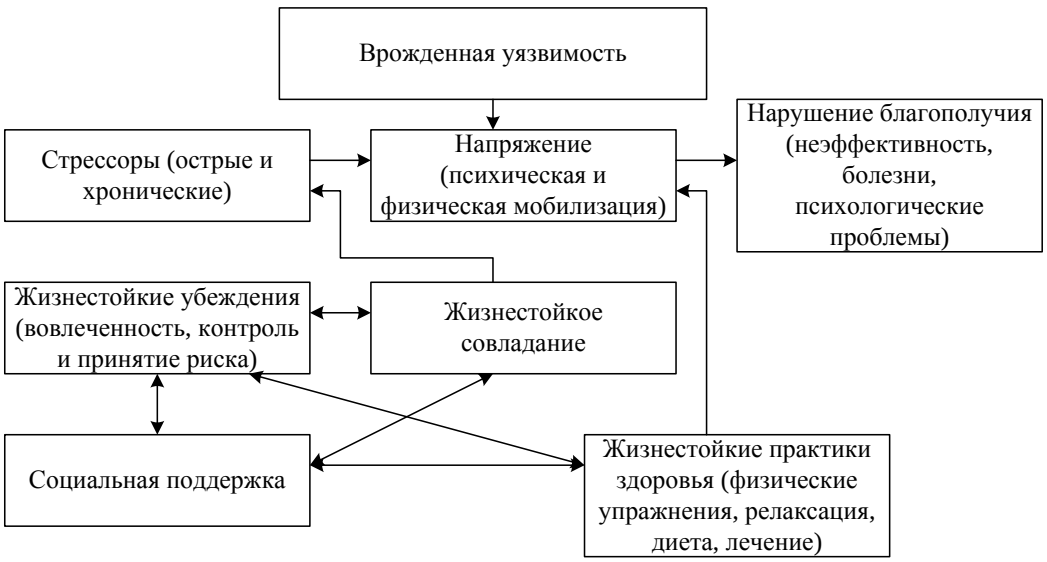

Рис. 1. Модель жизнестойкости

С точки зрения С. Мадди и С. Кобейс данная модель позволяет рассмотреть жизнестойкость не просто как психологический феномен, а как важный ресурс личности, объединяющий в себе различные личностные конструкты и позволяющий поддерживать физическое, психическое и социальное здоровье.

В работах отечественных исследователей, таких как Д.А. Леонтьев, Л.А. Александрова, С.В. Книжник, Т.В. Наливайко, Е.А. Митрофанова зарубежная модель жизнестойкости расширяется как стержневой, интегральный ресурс личности, функционирующий на трех уровнях: поведенческом, когнитивном и смысловом [1; 2; 3]. На поведенческом уровне жизнестойкость включает в себя эффективные модели поведения, востребованные ситуацией, которые определяют успешную поведенческую саморегуляцию. Когнитивный уровень жизнестойкости предполагает использование эффективных стилей мышления, включающих установки активного взаимодействия с жизненными ситуациями. На смысловом уровне жизнестойкость включает в себя компоненты социально-психологической адаптации, основой которых выступает динамика смысловой саморегуляции, включающая позитивное самовосприятие и мироощущение, высокий уровень осознанности и активности по отношению к жизни. Жизнестойкий человек вовлечен в систему отношений окружающих его субъектов, открыт новому, имеет навыки преодоления различных типов ситуаций и проблем, оптимальную смысловую и поведенческую саморегуляцию, развитые коммуникативные способности и умения, ориентирован на активность, самостоятельность и рефлексию.

Таким образом, жизнестойкость выступает интегральным ресурсом личности, включающим в себя различные психологические конструкты, которые функционируют на основе определённых механизмов и реализуются на нескольких психологических уровнях. Жизнестойкость как интегральный ресурс личности определяет систему поведенческих, когнитивных и смысловых установок и убеждений, которые ориентирует личность на вовлеченное активное поведение, открытость новому опыту, готовность к деятельности на основе сформированной эффективной жизненной позиции.

Список литературы

1. Леонтьев Д.А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 178–209.
2. Митрофанова Е. Н. Структура жизнестойкости: теоретическая модель и диагностика // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2017. – №1. – С. 26-33.
3. Никитина Е.В. Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования // Academy. – 2017. – №4. – С. 100-103.
4. Овчарова Р.В. Методология исследования жизнестойкости личности // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – №2 (53). – С. 59-65.
5. Maddi S. R. Relevance of Hardiness Assessment and Training to the Military Context // Military Psychology. – 2007. – vol. 19 (1). – P. 61–70.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: СВЯЗЬ СО СПОСОБНОСТЬЮ К САМОРЕГУЛЯЦИИ

Кацеро А.А., канд. психол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
katsero@list.ru

Введение. Среди важнейших факторов, способствующих интеграции молодых людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), следует назвать овладение профессией, в частности, в высших учебных заведениях. Образовательная среда создает предпосылки для успешной социализации, позитивного психологического функционирования студента с ОВЗ, способствует изменению самосознания, самовосприятия, развитию саморегуляции. Одним из приоритетных направлений работы в области социально-педагогического сопровождения студентов-инвалидов в период получения высшего образования становится создание условий для раскрытия личностного потенциала в различных сферах деятельности, что, в свою очередь, находит отражение в переживании психологического (социально-психологического) благополучия.

Основная часть. Понятие «благополучие» («well-being») является многофакторным конструктом (Н. Брадбурн, Б. Братусь, Э. Дейси, Л. Куликов, Р. Райян К. Рифф, и др). У него имеются физические, экономические, социальные, психологические стороны. Не менее сложен в понимании и феномен психологического благополучия [3]. Наверно поэтому в современной науке не существует единой трактовки «психологического благополучия» как предмета исследования психологической теории и практики. Однако существующие отечественные и зарубежные взгляды в рамках двух подходов (эвдемонистического и гедонистического) позволяют говорить о психологическом благополучии личности как о базовом субъективном конструкте, в котором нашли отражение самовосприятие и самооценка собственного функционирования, исходя из реализации потенциальных возможностей, в том числе и возможностей саморегуляции как одного из значимых составляющих потенциала личности. Внимание к проблеме психологического благополучия студентов с ОВЗ проявляется в понимании того как и почему они оценивают свою жизнь в вузе, какие в связи с этим существуют уровни благополучия.

Базовыми методом исследования психологического благополучия является самоотчет, наряду с которым широко применяются анкетирование, метод экспертных оценок. Их применение позволяет оценить «компонентный состав» (К. Рифф) психологического благополучия в аспекте успешности реализации ресурсов личности студентов с

ограниченными возможностями здоровья: положительные отношения с другими, автономия, управление окружением, личностный рост, цель в жизни, самопринятие.

Сделанный нами анализ исследований психологического благополучия студентов с ОВЗ показал, что все перечисленные компоненты за исключением «личностного роста» по степени своего проявления близки к нижнему уровню [1,4,5]. Это интерпретируется как недостаточность сформированности перспективы намерений и целей; неудовлетворенность отношениями с другими из-за неосуществления ожиданий позитивных реакций с их стороны; незначительное расширение границ «Я» за счет формирования чувства самоэффективности, самоконтроля, внутренней мотивации деятельности и поведения. Отмечается недостаточная способность улаживать текущие дела, не теряя при этом ориентацию на основные намерения. Проблемной областью является недостаточный уровень самодетерминации, независимости, автономии, слабая опора на внутренние ценности, констатируется некоторая разбалансированность Я-концепции. Следовательно, психологическое благополучие студентов с ограниченными возможностями здоровья коррелирует с реализацией таких ресурсов как самоприятие, функциональная целостность, гармоничность Я-концепции, способность к использованию возможностей саморазвития, к саморегуляции в процессе управления средой [2]. Отметим, что под саморегуляцией учебно-профессиональной деятельности студента с ОВЗ следует понимать осознанную регуляцию, учитывающую особые образовательные потребности и возможности молодого человека, направленную на построение действий, поступков, поведения, которые соответствуют задачам обучения, воспитания, личностного формирования, профессионального и субъектного становления в вузе. Данная саморегуляция подразумевает: сознательное подчинение действий этическим и профессиональным требованиям; надлежащее владение собой, своими чувствами, эмоциями, стремлениями; задержку и устранение неприятных проявлений настроения и психических состояний в данных ситуациях, в данном вузе и обществе; понимание собственных побуждений и, в целом, адекватное самопознание, обеспечивающее адекватную самооценку показателя собственных ЗУНов, способностей, достижений в личностном развитии, субъектном и профессиональном становлении; осуществление задач профессионального, личностного и субъектного самосовершенствования на основе самопознания.

Заключение. Таким образом, проведённый анализ показал, что достижение и поддержание личностью определенного уровня психологического благополучия – это динамический процесс ее интеграции с окружающим миром. Компоненты психологического благополучия студентов с ОВЗ могут по-разному сочетаться и иметь различный вес в зависимости от уникальных, индивидуальных факторов и детерминант, обеспечивающих ощущение переживания счастья и внутреннего комфорта. Широта понятия благополучия, интеграция

успешности в различных видах деятельности в вузе ведет к необходимости формирования адаптивного поведения, способствующего раскрытию потенциала личности студента с ОВЗ, одним из весомых элементов которого является способность к саморегуляции.

Список литературы

1. Гуляева О.В. К проблеме психологического благополучия у студентов с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс] / О.В. Гуляева // Материалы Норвежско-Украинской конференции, (Харьков, 10–11 окт. 2019 г.) – Х.: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2019.
2. Кацеро А.А. Я-концепция лиц с ограниченными возможностями здоровья в период студенчества: актуальность и перспективы исследования / Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности.– 2019. – С. 277–280.
3. Некрасов В.В. Основные подходы к изучению субъективного благополучия в отечественной и зарубежной литературе / В.В. Некрасов, С.В. Сушков // Вестник университета. – 2014. – № 5. – С. 231-237.
4. Осьмук Л.А., Мельникова М.С. Психосоциальное благополучие студентов с ограниченными возможностями здоровья в системе высшей школы [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. – 2019. – Том 11, № 3. – С. 84–94. doi:10.17759/psyedu.2019110307
5. Проботюк Л.О. Результаты мониторинга социально-психологического благополучия обучающихся с инвалидностью в волгоградской области, республиках Адыгея и Крым / Л.О. Проботюк // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2019. № 2 (46). С. 68-75.

УДК 159.923.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ К БУДУЩЕМУ ТРУДОУСТРОЙСТВУ

Киселёва И.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

i.kiseleva@donnu.ru

Введение. Четвёртый год обучение бакалавранто в становится для студентов наиболее значимым и тревожным одновременно. С одной стороны, им необходимо завершить учебный процесс, сдав государственный экзамен и защитив выпускную квалификационную работу. С другой – определиться с будущим направлением и местом работы. И вот здесь, в этом моменте выбора, многие будущие выпускники испытывают негативные эмоции, волнуются и тревожатся, у них актуализируются страхи и неосознаваемые прежде установки. Как показывают беседы со студентами, они редко обсуждают свои опасения и страхи друг с другом, чаще – в кругу семьи или друзей. Поэтому мы полагаем, что будущим выпускникам в последний год их обучения необходимо психологическое сопровождение их выбора и помощь в решении сопутствующих психологических проблем.

Основная часть. Опираясь на теоретические данные по проблеме отношения студентов к будущему трудоустройству [1,[], [3], нами были разработаны первичные вопросы для обсуждения данной проблемы в одной из академических групп студентов-психологов четвертого года обучения в восьмом завершающем семестре подготовки бакалавров. Методом опроса и обсуждения было выбрано фокус-интервью. Исследование проводилось в феврале 2020 года в рамках практических занятий по теме «Методы политической психологии» дисциплины «Политическая психология».

В ходе фокус-интервью модератором были заданы вопросы, касающиеся планов по трудоустройству или последующему продолжению обучения будущих выпускников, их опасений и страхов относительно процесса получения первой работы, адаптации и отношения к новичкам в трудовых коллективах. Также были выявлены установки и стереотипы студентов относительно устройства на работу. Вопросами затрагивались также ожидания выпускников по поводу характера работы, оплаты труда и перспектив карьерного роста. Обсуждалась мотивация труда в различных сферах деятельности психолога.

Полученный в результате фокус-интервью протокол был обработан методом контент-анализа с выделением категорий в виде словосочетаний, отражающих проблемные ситуации, страхи и стереотипы будущих выпускников. Наиболее типичными из них оказались следующие категории:

1. «Опыт работы». Студенты убеждены, что в современном мире руководители требуют опыт от претендентов на вакантную должность. К организациям, берущим молодых специалистов, относятся скептически.

2. «Заработная плата». Будущие выпускники имеют выраженную мотивацию иметь высокий доход. Они огорчены тем, что начинающим специалистам предлагают небольшую заработную плату или работу на половину ставки. Возможность низкооплачиваемой работы ради получения опыта и квалификации признают, но неохотно.

3. «Рабочие места». Студенты выпускного курса считают, что существует ограниченное количество рабочих мест для молодых специалистов. Среди них поддерживается стереотип: «Многие места занимают люди с опытом работы, и найти хорошее рабочее место можно лишь используя личные связи».

4. «Возрастные рамки». Также был выявлен стереотип, полученный, по словам студентов, от работающих родителей и знакомых, о том, что руководители не хотят допускать в коллектив молодых специалистов из-за того, что он уже сформирован, и таким работникам необходимо наставничество и обучение.

5. «Карьерный рост». Будущие выпускники преимущественно ориентированы на карьерный рост. Среди них был выявлен страх, что в той области психологии, в которой студент хочет работать, не будет возможности карьерного роста. Студенты слабо ориентируются в перспективах карьерного роста специалистов в своей области.

6. «Развитие отрасли». Бакалавранты имеют убеждение, что психология, как сфера деятельности, стремительно развивается. После выпуска возникнет необходимость много сил потратить на дополнительно образование по интересующим направлениям и методам практической психологической работы.

Заключение. Таким образом, в результате нашего исследования были выявлены проблемные ситуации, страхи и стереотипы будущих выпускников. Среди них преобладали установки по поводу опыта работы, недостатка рабочих мест для молодых специалистов, возрастных рамок приема на работу. Были выявлены страхи по поводу отсутствия возможностей карьерного роста и недостаточной квалификации, а также мотивационная направленность на высокий заработок после окончания университета, продвижение по служебной лестнице и продолжение образования по выбранным практическим направлениям. Формат фокус-интервью также позволил нам не только получить информацию, но и создать ситуацию группового взаимодействия, которая будет иметь положительный эффект по данной проблеме у будущих выпускников. Проведенная работа показывает необходимость психологической и просветительской работы среди студентов выпускных курсов о будущем трудоустройстве в рамках выбранной специальности.

Список литературы

1. Багирова И. Х. Мотивационные предпочтения выпускников вузов в процессе трудоустройства / И. Х. Багирова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – №3. – С. 23.
2. Ильиных С. А. Трудоустройство выпускников вуза в условиях нестабильной экономической ситуации / С. А. Ильиных, Н. Г. Сухорукова, С. В. Ровбель // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – №10. – С. 26-31.
3. Прокопов Н. И. Практики и тенденции успешного трудоустройства молодёжи / Н.И. Прокопов, С.Н. Антонюк, С.Ю. Иванов, Д.В. Иванова // Высшее образование в России. – 2017. – №6. – С. 88-95.

УДК 159.9.07

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Клюшникова М.А., Гордеева А.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
klyushnikovam@mail.ua

Возрастающая популярность социальных сетей, которые стали дополнительной площадкой для общения в современном мире, делает актуальной проблему изучения новой грани феномена самопрезентации личности – самопрезентации интернет-пользователей, ведь ни одно

социальное взаимодействие не обходится без презентации себя, своих личностных, профессиональных или других качеств.

Если перейти к определению виртуальной самопрезентации, то И.С. Шевченко понимает ее как сознательное и несознательное предъявление личностью себя при помощи вербальных и невербальных средств коммуникации с целью формирования определенного впечатления у собеседника по интернет-общению и построения дальнейшего взаимодействия с ним [3].

Основная часть теоретических разработок изучения самопрезентации принадлежит таким зарубежным ученым: И. Гофман (самопрезентация как средство организации взаимодействия с другими людьми для достижения своих целей), Т. Питтман (как проявление стремления к власти в межличностных отношениях), М. Снайдер (как личностная черта) и др.

Из отечественных ученых вклад в изучение данного феномена внесли А.А. Бодалев (самопрезентация как воздействие на отношение окружающих), Ю.М. Жуков (создание определенного впечатления и регуляция собственного поведения), Л.Б. Филонов (представление своих личностных качеств в связи с потребностью в доверительных отношениях) и др.

Исследователи настоящего времени, внесшие вклад в изучение данной проблематики: И.С. Михайлова (теория, исследования и тренинг самопрезентации), О.А. Пикулева (классифицировала основные подходы к исследованию самопрезентации личности как многомерного, многоаспектного социально-психологического феномена, выявила цели, средства, внутренние и внешние факторы, определяющие выбор стратегий и тактик самопрезентации) [1,2], Е.М. Шевченко (исследовала вариативность самопрезентации личности в Интернет-общении), И.П. Шкуратова (исследовала самопредъявление личности в общении) [3] и др.

Целью нашего исследования явилось изучение гендерных особенностей самопрезентации пользователей социальных сетей.

Выборку составили молодые люди в возрасте от 19 до 25 лет. Объем выборки – 90 человек (из них 45 юношей и 45 девушек).

Был использован следующий пакет психодиагностических методик: анкета «Самопрезентация в социальных сетях в оценках молодежи», методика «Кто Я в интернет-среде?» (модификация методики «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда), методика «Я в Интернет-общении» И.С. Шевченко, методика «Шкала измерения тактик самопрезентации» С. Ли и Б. Куигли.

Анализируя полученные нами анкетные данные, можно говорить о том, что юноши (60 %) и девушки (56 %) понимают самопрезентацию, как способ показать свою натуру, свои способности. Большинство согласны с тем, что в современном мире молодежь презентует себя через общение (56 % – девушки, 40 % – юноши). Так как интернет и социальные сети сегодня заменяют реальную жизнь, узнать, что ты собой представляешь, можно именно там (так считают 29 % девушек, 40 % юношей). Главной целью самопрезентации выступает способ выражения своей творческой

натуры (64 % – девушки, 67 % – юноши). 15 % юношей и 13 % девушек зарегистрированы в социальной сети Вконтакте и Instagram.

Девушки склонны к более частому обновлению информации на страничке в социальных сетях, нежели юноши. Социальные сети Вконтакте и Instagram являются самыми популярными не только по количеству регистрации, но также и по количеству посещений, так как молодые люди заходят туда каждый день.

Сравнение результатов диагностики по методике «Кто Я в интернет-среде?», выполненное с помощью U-критерия Манна-Уитни, дало значимые различия на 1 % уровне по шкалам объективная идентичность ($U_{эмп.} = 413$; $p \leq 0,01$) и субъективная идентичность ($U_{эмп.} = 413$; $p \leq 0,01$). Для девушек характерна субъективная (личностная) идентичность, они видят и презентуют себя с точки зрения физических, интеллектуальных и нравственных черт, а для юношей в большей степени характерна объективная (социальная идентичность), то есть презентация себя в интернет-среде с позиции отнесения себя к определенной социальной группе.

На основе данных, полученных в результате применения методики «Я в Интернет-общении» и применения U-критерия Манна-Уитни, получено, что на 1 % уровне значимости находятся различия таких шкал как статусная вариативность ($U_{эмп..} = 640$; $p \leq 0,01$) и нравственная вариативность ($U_{эмп.} = 720$; $p \leq 0,01$), на 5% уровне значимости – шкала потенциальной вариативности ($U_{эмп.} = 789$; $p \leq 0,05$). Инвариативность своего образа больше выражены у девушек, а также актуальная и нравственная вариативность: они стремятся к отстаиванию определенного стиля самопрезентации, экспериментируют со своей идентичностью в социальной сети, склонны к изменению нравственной, этической компонентов общения. У юношей же более выражена потенциальная и статусная вариативность самопрезентации: они могут экспериментировать со своим стилем самопрезентации, однако это не является актуальным для них, они также склонны к разнообразию предъявляемой собеседнику информации, имеющей отношение к описанию социального статуса и т.д.

По результатам, полученным по методике «Шкала измерения тактик самопрезентации» С. Ли и Б. Куигли, и при выявлении различий по факторам с помощью U-критерия Манна-Уитни следует, что тактика самопрезентации «Извинение» находится на 1 % уровне значимости ($U_{эмп.} = 704$; $p \leq 0,01$), а такие тактики как «Желание/старание понравиться», «Просьба/мольба» и «Преувеличение своих достижений» – на 5 % уровне значимости ($U_{эмп.} = 757$; $p \leq 0,05$). Таким образом, девушки более склонны на выражение своей вины, совершать действия и поступки таким образом, чтобы вызвать симпатию у окружающих, а также преувеличивают свои собственные достижения и стремятся показать себя слабым полом, который нуждается в помощи другого, более сильного.

Итак, на основе проведенного анализа и интерпретации полученных результатов, можно сказать, что существуют гендерные различия в предпочитаемых способах и тактиках самопрезентации в интернете. Для

девушек характерна субъективная идентичность, а для юношей – объективная. Инвариативность своего образа больше выражены у девушек, также как актуальная и нравственная вариативность. У юношей же более выражена потенциальная и статусная вариативность самопрезентации. Для девушек в большей степени, нежели юношам, характерны следующие тактики самопрезентации: «Извинение», «Желание/старание понравиться», «Просьба/мольба» и «Преувеличение своих достижений».

Список литературы

1. Пикулева О.А. Психология самопрезентации личности: гендерные и возрастные аспекты / О.А. Пикулева // Психологическая наука и образование, 2013. – №4. – С. 37-44.
2. Пикулева О.А. Тактики самопрезентации. Психология менеджмента / О.А. Пикулева, В.А. Чикер; под ред. Г.С. Никифорова. – СПб., 2010. – С. 305-317.
3. Шевченко И.С. Вариативность самопрезентации личности в Интернет-общении: дис. канд. психологич. наук: 19.00.01 / И.С. Шевченко. – Казань, 2002. – 170 с.
4. Шкуратова И.П. Самопрезентация / И.П. Шкуратова // Психология общения. Энциклопедический словарь под общей ред. А.А. Бодалева. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011. – С. 138-139.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЦ, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ СЛОЖНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ УСЛОВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Ковалева А.В., канд. пед. наук, доц., ***Марусенко Е.А.,*** канд. мед. наук, доц.
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР
tosikkov@yandex.ru

Рассматриваемая сфера является весьма сложной и многогранной, различные аспекты ценностно-смысловой сферы личности изучались и изучаются, как отечественными, так и зарубежными исследователями на протяжении долгого времени. Практически все авторы [1–4] рассматривают ценности и смыслы как взаимообусловленные личностные динамические образования, психологическая природа которых связана с содержанием целевых ориентиров личности, определяющих внутриличностную согласованность, вариабельность и стабильность личностного функционирования [6].

Эмпирическое исследование проводилось в 2015-2019 г. В исследовании принимало участие 80 человек, 50 человек – это лица, непосредственно находившиеся на территории Луганской Народной республики в 2014-2016 г. во время военного и гуманитарного кризиса, согласившиеся с тем, что находятся в сложной жизненной ситуации; из них 25 человек – психологи-магистранты 1 и 2-го курса и обучающиеся 4

курса направления подготовки «Психология» ГОУ ВПО «Луганский Государственный Педагогический Университет», ещё 25 – лица, обратившиеся за помощью в отдел по работе с семьями и лицами, оказавшимися в сложных жизненных ситуациях ГУ «Луганский городской центр социальных служб для семьи, детей и молодежи».

Обе подгруппы характеризует то, что представители данной выборки находились на территории Луганской Народной Республики в период прохождения острой фазы вооруженного конфликта летом 2014 года (жизнь в условиях постоянных обстрелов, состояние неопределенности «что ждать в будущем?» и невозможности контролировать ситуацию) и продолжали жить на указанной территории в 2014–2019 г. В задачи нашего эмпирического исследования входило – определить общую структуру личностных ценностей и смысложизненных ориентаций лиц, переживающих сложные жизненные условия. В качестве независимой переменной в данном эмпирическом исследовании рассматриваются условия сложных жизненных ситуаций, в которых оказался индивид. Зависимые переменные – ценности и смысложизненные ориентации индивида. Эмпирические данные были получены с применением следующих методик: – Методика изучения личностных ценностей Ш. Шварца [4]; – Методика «Система жизненных смыслов» В.Ю. Котлякова [5].

Помимо психодиагностических методик, источником информации о ценностях и смысложизненных ориентациях лиц, переживающих сложные жизненные условия стали вербальные данные, полученные из интервьюирования принявших участие в исследовании перед процедурой психодиагностики [6].

Приведена структура ценностно-смысловой сферы по общей выборке испытуемых.

По методике Ш. Шварца для общей выборки лиц, переживающих сложные жизненные условия, данные статистики ценностей – нормативных идеалов таковы: Ценности – нормативные идеалы (среднее значение). Доброжелательность 4,984; Безопасность 4,864; Самостоятельность 4,795; Достижения 4,435; Универсализм 4,1994; Традиции 3,348; Власть 3,32; Гедонизм 3,1566; Стимуляция 2,7378.

Проведенное нами исследование показало, что в структуре ценностных ориентаций по методике Ш. Шварца у данной группы лиц преобладают ценности мотивационного типа *Безопасность* – стабильность общества, национальная безопасность (защищенность своей нации от врагов), безопасность своей семьи и близких, сохранение здоровья; и *Доброжелательность* – тип ценностей, основанный на потребности в позитивном взаимодействии с окружением, в стремлении к установлению дружеских контактов и аффилиации. Третий по рангу тип ценностей *Самостоятельность* – стремление к активности и изменениям, свободе мыслей и действий.

Стоит отметить противоречивые тенденции в ценностной структуре лиц, переживающих сложные жизненные условия, связанные с высокой потребностью в безопасности с одной стороны и значимостью самостоятельности с другой.

Наименее значимыми для данной выборки лиц, оказались ценности мотивационного типа *Стимуляция* – стремление к новизне, смелость и изменчивая жизнь; *Гедонизм* – наслаждение жизнью, получение удовольствий; *Власть* – контроль над другими, доминантность, сохранение своего лица, богатство; и *Традиции* – сохранение признанных традиций, обычаев, скромность.

Исследование системы жизненных смыслов с помощью методики «Система жизненных смыслов» В.Ю. Котлякова показало, что для лиц, переживающих сложные жизненные условия, наиболее значимыми оказались смыслы категории – *экзистенциальные.* Эти смыслы основаны на потребности человека придавать ценность самому проживанию жизни, иметь свободу выбора, испытывать любовь во всех ее проявлениях. Также данной группой лиц были выделены, как имеющие значимость, *смыслы самореализации* и *коммуникативные смыслы.* Наименее значимыми оказались категории жизненных смыслов – *гедонистические* и *статусные,* основанные на потребности получать наслаждение от жизни и обретение положения в обществе.

Таким образом, результаты исследования показали, что ведущую роль в системе ценностей и смысложизненных ориентаций лиц, переживающих сложные жизненные условия, занимают ценностные образования, которые позволяют выжить и эффективно взаимодействовать с другими людьми, т.е. ценности категории *Безопасность* и *Доброжелательность* (по Ш.Шварцу), *коммуникативные смыслы* (по В.Ю. Котлякову). Также в ценностный круг вошли ценности типа *Самостоятельность,* что говорит о мобилизации внутренних резервов, активности и стремлении решать возникшие трудности.

Особое значение в ситуации сложных жизненных условий обрели смысложизненные ориентации *экзистенциальной наполненности* – смысл жизни в том, чтобы *просто жить, любить, быть свободным в своих проявлениях.*

Список литературы

1. Амирова Б.А. Взаимосвязь преодоления трудных жизненных ситуаций с осмысленностью жизни личности / Б.А. Амирова, Е.А. Плеханова // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия История. Философия. – 2012. – №3 (67). – С. 59-66.
2. Баева И.А. Психология безопасности как основа анализа экстремальной ситуации / И.А. Баева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2012. – №145. – С. 75-81.
3. Братусь Б.С. Смысловая сфера личности / Б.С. Братусь // Хрестоматия по психологии личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2001. – 273 с.
4. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.
5. Котляков В. Ю. Методика «Система жизненных смыслов» / Вестник КемГУ №2 (542), 2013. – С. 148.
6. Новейший психологический словарь / Сост. и общ. ред. В.Б. Шапарь. – М.: Феникс, 2009. – 816 с.

УДК 159.9

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА НА ЧЕЛОВЕКА

Ковалевская А.П.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
Allo4ka-Z@mail.ru

Война – это сложные и печальные события, которые побуждают людей разных возрастных категорий постоянно думать, как сохранить не только свою жизнь, но и жизнь близких людей. Под действием постоянных негативных переживаний, эмоциональных потрясений, которые люди испытывают, оказавшись в такой сложной, экстремальной ситуации, у многих людей изменяются взгляды на жизнь, убеждения, ценности и в целом картина мира.

Стоит заметить, что на сегодняшний день мало внимания уделяется изучению вопроса, что на самом деле происходит с психологическим здоровьем человека, который пролонгированное время находится в сложной экстремальной ситуации, способна ли его психика выдерживать высокий уровень постоянного напряжения.

Проблема влияния войн на человека рассматривается в научных трудах З. Фрейда, Э. Фромма, К. Хорни, А. Митчерлиха, К. Лоренца, Ж. Франка, Э. Тоффлера, Х. Тоффлера и др. Учёными обозначается, что человек под действием разрушительных сил войны претерпевает глубокие личностные изменения. Попадая в экстремальную ситуацию военных действий, каждый человек по-разному проявляет свои индивидуально-психологические реакции. Кто-то впадет в ступор, а кто-то наоборот поддаётся паническому состоянию. В. С. Гуревич обозначает, что реакция детей на экстремальное событие существенно отличается от взрослой, несмотря на то, что ребенок без затруднения может переключать своё внимание, его психика всё же в большей мере подвержена разрушительным последствиям [1, с. 41, 161].

В психологии под понятием «ситуация» (от франц. situation – положение, обстановка) понимают взаимодействие и взаимообусловленность субъектно-объектных обстоятельств конкретного человека, характерных для его жизнедеятельности в определенный момент жизни. Это система внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность [3, с. 364].

Говоря о ситуации, как о конкретном событии в жизни человека, можно выделить критерии, по которым определяется её тип:

1.Содержание ситуации для человека (положительное, отрицательное, нейтральное).

2. Время существования ситуации.

3. Цель деятельности человека.

4. Результаты деятельности человека.

5. Сохранность человека в ситуации.

Экстремальная ситуация военного конфликта (от лат. militum – военный) – это умышленные, преднамеренно создаваемые, опасные, критические условия для жизни человека и его существования [4, с. 27].

Для того, чтобы проанализировать характер воздействия военного конфликта на людей, мы обратимся к классификации ситуаций по степени их экстремальности влияния на человека, предложенную А.М. Столяренко:

1 тип нормальный – ситуация не являются тревожной, человек проявляет обычную активность, такая ситуация завершается хорошо.

2 тип параэкстремальный – ситуация приближена к экстремальной, человек испытывает достаточно сильное эмоциональное напряжение.

3 тип экстремальный – в данной ситуации человек переживает крайнюю степень эмоционального напряжения, которое влечёт за собой срыв деятельности.

4 тип гиперэкстремальный – внутренняя нагрузка на организм человека превышает возможности человека, что приводит к разрушению обычного поведения и действий человека. Находясь в экстремальной ситуации, человек непрерывно использует физиологические и психологические адаптивные механизмы своего организма. Следует заметить, что экстремальное состояние, в котором находится человек, может как содействовать привлечению ресурсов человека, так и приводить к ухудшению здоровья и психической устойчивости [4, с. 27].

То какой способ реагирования человек использует в неожиданной, экстремальной ситуации, определяет дальнейшее его поведение. Выделяют два вида реакции на экстремальные ситуации:

а) адекватная форма проявления;

б) неадекватная форма проявления.

При адекватной форме психика реагирует таким образом, что происходит целенаправленное преодоление влияния экстремальных факторов, а также у человека вырабатывается определенный план действий. Столяренко А. М. указывает, что до 25–30 % людей, которые находятся в самых сложных ситуациях, сохраняют самообладание, адекватно оценивают, правильно действуют в соответствии с ситуацией. Следует сказать, что во многом реагирование человека на ситуацию, которая является экстремальной, зависит как от внешних причин (особенности действующего фактора), так и от внутренних причин (психические особенности человека: организованность психических познавательных процессов; психическая устойчивость – неустойчивость; состояние адаптационных механизмов организма).

Среди основных характеристик, способствующих правильному реагированию в экстремальной ситуации являются:

1. Адекватность восприятия ситуации. Человек воспроизводит правильную оценку, принимает адекватное решение в данной ситуации.

2. Поведенческая приемлемость. Человек поступает в соответствии с принятыми нормами и ценностями.

3. Действенная успешность. Человек способен в сложной ситуации выбрать для себя такие способы и действия, которые обеспечат решение задачи.

4. Экстремальная надежность. Человек проявляет устойчивость ко всем видам негативных влияний факторов ситуации, а также обеспечивается личная безопасность [4, с. 80-81].

Мы полагаем, что помимо переживания людьми, живущими в ситуации военного конфликта эмоционального стресса, они так же испытывают одну из форм общей стрессовой реакции, а именно травматический стресс. Травматический стресс – это форма стрессовой реакции, при которой человек демонстрирует нормальную реакцию на ненормальные обстоятельства. Экстремальная ситуация выступает выходящим за рамки обычного человеческого опыта событием, которое вызывает у человека данное состояние.

И.Г. Малкина-Пых выделяет четыре характеристики психологической травмы, которые способны вызывать травматический стресс:

1. Событие осознаётся человеком, он понимает, что с ним произошло и из-за чего у него ухудшилось психологическое состояние.

2. Обусловленность травматического стресса внешними причинами.

3. Переживания, связанные с травматическим событием, разрушают привычный образ жизни.

4. Прошлое событие вызывает упадок сил, чувство беспомощности [2, с. 81].

Таким образом, мы можем говорить, что негативное воздействие экстремальной ситуации военного конфликта очевидно. Непрерывное использование ресурсов приводит к внутреннему перенапряжению организма, вслед за которым, происходит ухудшение самочувствия как на физиологическом, так и на психологическом уровнях.

Список литературы

1. Гуревич П. С. Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие для студентов вузов / П. С. Гуревич. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 495 с.
2. Малкина-Пых И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях / И.Г. Малкина-Пых. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 960 с.
3. Психологический словарь / [под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др.]. – М.: Педагогика, 1983. – 448с.
4. Рогачева Т. В. Психология экстремальных ситуаций и состояний : учеб.пособие. / Т.В. Рогачева, Г. В. Залевский, Т. Е. Левицкая. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2015. – 276 с.

УДК 159.9 316.6 32.019.5

МАНИПУЛЯЦИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ КАК ОРУЖИЕ ТЕРРОРИСТОВ

Ковалёнок С.С.
Русский культурно-образовательный центр ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет им. Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР
russian.center.lg@mail.ru

Терроризм (от слова «террор», что значит «ужас») – политика и практика террора, вид насильственной преступности, осуществляемый с целью нарушить общественную безопасность, устрашить население, или оказать воздействие на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворить их неправомерные имущественные или иные интересы [1]. Его главный объект – не те люди, которые стали жертвой, а те, которые остались живы. Его цель – не убийство, а устрашение и деморализация живых. Жертвы инструмент, убийство – метод. Этим терроризм и отличается от действий диверсионного характера, цель которых – разрушить объект (мост, электростанцию) или ликвидировать противника. Иногда цели совпадают (например, в покушениях на политических деятелей), но речь идет о терроризме, направленном против населения.

Как для России, так и для Донбасса в целом, сегодня стал актуальным давно разработанный на Западе страх террористической деятельности, как эффективное средство манипуляции массовым сознанием.

Тема манипуляции общественным сознанием обладает некоторыми особенностями, но серьезных научных исследований по этой теме на сегодняшний день крайне мало. Отдельные манипулятивные приемы чаще рассматриваются специалистами в контексте информационной войны – пресловутого «черного PR» или «войны компроматов». Готовых учебников и монографий по теме найти практически невозможно.

Сегодня в литературе можно почерпнуть много информации о конкретных приемах психологической войны и манипуляции общественным сознанием. Работами, представляющими в данном вопросе интерес, являются труды В. Лисичкина и Л. Шелепина «Третья мировая (информационно-психологическая) война», «Информационная война против России» О. Гриневецкого, С. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием», «Психологическая война» А.М. Морозовой и «Почему Россия не Америка» А.П. Паршева. Однако в перечисленных работах, чрезвычайно мало внимания уделяется технологическому инструментарию.

В контексте нашего исследования мы рассмотрим, как на современном этапе, страх терроризма становится средством и способом манипуляции массовым сознанием.

Терроризм набирал мощи вместе со СМИ и связан с ними неразрывно. Современный терроризм – родственник телевидения. Он не

имел бы смысла, если бы его результаты не доносились в каждый дом по средствам телевидения. Уже в прошлом веке газеты не играли такую важную роль для террористов, ведь многое уже транслировали с экранов телевизоров. По данным некоторых историков (Гейфман А., Будницкий О.В.) за время революционного терроризма, с 1894 г. до 1917 г. террористы в России убили около 17 тыс. человек (наверное, преувеличивают, но в любом случае счет шел на тысячи). Эффект был, но намного меньше, чем сегодня от сотен жертв. Ведь как гласит мудрость: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». XXI век – это рай для террористов и их группировок, ведь существует такой ресурс, как интернет, а, следовательно, огромные возможности для распространения своей идеологии и запугивания людей по всему миру.

В современном обществе актуальность проблемы терроризма вряд ли у кого-нибудь может вызвать сомнения. Анализируя суицидальный терроризм, нужно отметить то, что в последние годы резко возросло количество терактов. Статистика по терроризму за 10 лет в России, Ближнем Востоке, США и Западной Европе насчитывает более 6 тыс. крупных терактов. Количество пострадавших – более 15 тыс. На основе статистики и исследований авторов (Кара-Мурза, 2001; Шкуратов 2002; Grimland, Apter, Kerkhof, 2006) отмечают, что средства массовой информации, широко освещающие о проблеме терроризма, заставляют население постоянно осознавать существование террористической угрозы [4]. М. Гримланд с соавторами (Grimland, Apter, Kerkhof, 2006) утверждает, что сенсационные репортажи в СМИ о совершенных терактах дают стимул к «подражательному» поведению [4]. Это особенно применимо к суицидальному терроризму, попытки к которому влекут к максимально возможному числу жертв и необыкновенно широко освещаются в СМИ, тем самым способствуя террористам в использовании их оружия – манипуляции массовым сознанием.

Во время становления Исламского государства террористами велась активная пропаганда в Facebook, как в наиболее популярной социальной сети в англоязычном мире. После признания организации террористической большинство профилей и материалов экстремистов были удалены или заблокированы, но скрытая вербовка продолжается и по сей день. Куда более либеральный «Твиттер», наоборот, предоставляет исламистам возможность транслировать свои сообщения практически без ограничений. Удаление аккаунтов членов ИГ и других террористических организаций происходит только после долгой процедуры официальных запросов со стороны правоохранительных органов. При этом в «Твиттере» существует целый ряд аккаунтов на арабском языке, за которыми не наблюдают и не проводят мониторинг выкладываемой информации, призывающей, по большей части, к терроризму. Англоязычные пропагандисты обычно мимикрируют под новостные порталы, но транслируют исключительно происламистскую риторику [6].

С подачи Twitter и Facebook 30 тыс. солдат иракских сил безопасности без боя оставили город Мосул джихадистам, бросив оружие, сняв с себя военную форму. За две недели до падения этого города ИГИЛ выпустила в сеть одно из наиболее популярных на сегодняшний день видео под названием «Звон мечей». Это яркая демонстрация того, что «Исламское государство», несомненно, умеет создавать изощренные, точно воздействующие на аудиторию пропагандистские видео и фильмы с использованием, как раз того контента, который, должен был бы потушить общественный интерес к этой группировке. «Звон мечей» несколько раз размещали на YouTube (и столько же раз его оттуда удаляли) и на файлообменных сайтах, таких как archive.org и justpaste.it, а боевики и «фанаты» ИГ продвигали его в сетях Twitter и на Facebook [6].

Также известно, что одним из наименее исследованных социальных медиа, используемых Исламским государством, стало Zello – кодированное приложение для смартфонов и компьютеров, которое позволяет пользователям создавать каналы обмена аудиосообщениями. По существу, это приложение превращает мобильный телефон в портативную рацию, посредством которой любой интересующийся ИГ или ищущий способы вступить в нее может круглосуточно слушать проповеди ее священнослужителей. Будучи невероятно удобным для пользователя, Zello обрело популярность и среди юношеской аудитории ИГ [7].

В современном мире мы не можем жить без газет, телевидения и интернета, но эти средства могут быть пособниками террористов в создании неадекватного страха, а могут быть «антитеррористами». В СССР терроризма не было – во многом потому, что цели такого вида преступности были недостижимы. Советские СМИ, например, не брали интервью у убийц и не транслировали информацию о криминале и насилии. А сегодня телевидение – соучастник террористов, оно вдумчиво и творчески делает именно то, что требуется террористам – рассказывает о них и показывает результаты их деятельности.

Однажды Уинстон Черчилль сказал, что тот, кто владеет информацией, тот владеет миром. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что тот, кто контролирует СМИ, способен активно влиять на воззрения людей, их поведение и в целом на массовое сознание в обществе [8].

Таким образом, мы можем сделать выводы, что террористы сегодня, умело используя особенности манипуляции массового сознания через СМИ и Интернет, программируют мнение, настроения и даже психическое состояние людей, с целью обеспечить такое их поведение, которое необходимо тем, кто владеет средствами манипуляции. Относясь к людям не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам, что требует значительного мастерства и знаний. И только если человек под воздействием полученных сигналов не перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели и не начинает действовать по новой программе – – манипуляция не состоится.

Список литературы

1. Бахтеева А.Р. Политический терроризм как социальное явление современности: дис. ...канд. социолог. наук / А.Р. Бахтеева. – М., 2010. – 16 с.
2. Большой юридический словарь / Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова**. —** М.: Инфра-М, 2001**. –** 790 с.
3. Верхоглазенко В.Н. «Аналитический обзор по теме: «Современные технологии манипуляции общественным сознанием»» [Электронный ресурс] / В.Н. Верхоглазенко. — Режим доступа : http://acmegroup.ru/node/131
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Изд-во: Эксмо, 2005. – 832 с.
5. Марат Ж. П. Избранные произведения : В 3-х т. / Жан-Поль Марат. – М. : Академия наук СССР, 1956. – Т. 1. – С.127.
6. Топалов А. Пропаганда ИГИЛ достигла вершин по качеству и эффективности [Электронный ресурс] / Александр Топалов // Взгляд. Деловая газета. – Режим доступа : https://vz.ru/society/2015/11/12/777497.html
7. Хасан Х. «Смертельный like: как ИГ вербует сторонников в социальных сетях» [Электронный ресурс] / Хасан Хасан, Майкл Вайс // Центр изучения региональных проблем «Континент – А». – Режим доступа : http://www.e-center.asia/ru/news/view?id=7194
8. Черчилль У. Мировой кризис. 1918-1925 / Уинстон Черчилль. – М. : Либроком, 2017. – 334 с. (Серия: Из наследия мировой политологии).

УДК 159.99

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Ковальчук Н.Н.
ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
natali_kov.g@mail.ru

Введение. Понятие «коммуникативная компетентность», являясь междисциплинарным феноменом, изучается рядом отечественных и зарубежных авторов в области педагогики, психологии, акмеологии, социологии, лингвистики, и может рассматриваться с одной стороны сквозь призму компетентностного подхода, являясь, по мнению ряда исследователей, базовой, ключевой компетенцией; с другой стороны, коммуникативная компетентность неразрывно связана с категорией общения.

Ю.М.Жуков отмечает, что коммуникативная компетентность – это метакомпетентность или ядерная компетентность. Она входит в социальную, профессиональную, межличностную компетентности и является связующей этих образований [2].

Е.М. Кузьмина в своем исследовании определяет коммуникативную компетентность как важную составляющую профессиональной компетентности выпускника вуза, позволяющую осуществлять эффективное общение и способы реализации толерантности, личностной реализации и единств в целом в сфере профессиональной деятельности [3].

Анализируя различные исследования коммуникативной компетентности, можно встретить следующие точки зрения на понимание сущности данного феномена:

- способность прислушиваться к точке зрения других людей, конструктивно защищать свою точку зрения, выступать на публике, устанавливать новые и поддерживать имеющиеся контакты, эффективно разрешать конфликты, вести переговоры, способность к сотрудничеству (Суханова, 2003);
- способность вступать в коммуникацию, общаться непринужденно (Селевко, 2004);
- компетенции о общении (письменном, устном, диалогическом, монологическом, кросс-культурном, иноязычном, деловом (Зимняя, 2004);
- умение достигать поставленных целей и результатов в общении, при этом избегать нежелательных эффектов (Головко, 2004).

Таким образом, под коммуникативной компетентностью будем понимать сложное социально-психологическое образование, выражающееся в способности человека адекватно определять личностные особенности и эмоциональные состояния партнеров по общению; прогнозировать межличностные события; выбирать и осуществлять адекватные способы общения в процессе социального взаимодействия.

При всем многообразии исследований коммуникативной компетентности, не выработано единой точки зрения на ее компонентный состав. В структуру коммуникативной компетентности имманентно входят знания, умения и навыки в построении и передаче информации и способность применять их в практике межличностного взаимодействия; тактики поведения и формы общения; социально-психологические характеристики; эмпатия, коммуникативные ценности, мотивация; самоконтроль в общении и др.

В структуре коммуникативной компетентности выделяют мотивационно-ценностный, когнитивный, эмоциональный, организующий (поведенческий) компоненты. При этом следует отметить, что предполагается взаимовлияние, взаимопроникновение компонентов, содержание каждого из них раскрывается через взаимодействие с другими [4].

Основная часть. Исследователи указывают на особую необходимость развития коммуникативной компетентности студентов – будущих специалистов сферы «человек-человек» – педагогов, психологов, медицинских работников, профессиональная деятельность которых непосредственно связана с ежедневным межличностным общением и взаимодействием.

Нами было проведено исследование, направленное на изучение компонентов коммуникативной компетентности студентов – будущих педагогов. Остановимся на обсуждении результатов диагностики эмоционального компонента.

Результаты методики «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» (В.В.Бойко) показали, что большинство приднестровских студентов – 42 % – характеризуются тем, что эмоции

явно мешают им устанавливать контакты с людьми, возможно, они подвержены каким-либо дезорганизующим реакциям или состояниям. Значительное число студентов – 36 % – характеризуются тем, что эмоции в некоторой степени осложняют им взаимодействие с партнерами.

Изучение уровня коммуникативной толерантности с помощью методики В.В. Бойко «Диагностика коммуникативной толерантности» позволяет сделать следующий вывод: большинство респондентов характеризуются средним уровнем развития коммуникативной толерантности (61 %); остальные 34 % испытуемых характеризуются высоким уровнем коммуникативной толерантности. Эти испытуемые понимают и принимают индивидуальные особенности других людей, гибко оценивают поступки и личностные качества других, в случае столкновения с некоммуникабельными качествами партнеров по общению скрывают неприятные чувства, не стремятся переделать, изменить по своему желанию партнера по общению, умеют прощать ошибки других, непреднамеренно причиненные неприятности, терпимо относятся к физическому или психическому дискомфортному состоянию собеседников.

Завершающим стало проведение методики «Диагностика уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко. Автор определяет эмпатию как «форму рационально-эмоционально-интуитивного отражения другого человека, которая позволяет преодолеть его психологическую защиту и постичь причины и следствия самопроявлений – свойств, состояний, реакций – в целях прогнозирования и адекватного воздействия на его поведение». Эмпатия является «утонченным средством «вхождения» в психоэнергетическое пространство другого человека» [1]. Большинство будущих педагогов (60 %) характеризуются заниженным уровнем эмпатических способностей, около четверти (26 %) – средним уровнем.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование эмоционального компонента коммуникативной компетентности позволяет говорить о недостаточном уровне развития некоторых ключевых качеств личности будущего педагога, таких как высокая подверженность эмоциональным барьерам в межличностном взаимодействии, а также заниженный уровень эмпатических способностей.

Для более целостного изучения коммуникативной компетентности будущих педагогов предполагается исследовать уровень развития ее мотивационно-ценностного и организующего (поведенческого) компонентов. Но уже сейчас очевидной становится необходимость целенаправленной работы, направленной на развитие ключевых качеств, входящих в ее структуру.

Список литературы

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других – М.: Информационно-издательский дом «Филигрань», 1996. – 472с. – С. 74.
2. Жуков Ю.М. Коммуникативный тренинг. – М.: Гардарики, 2003. – 223 с.
3. Кузьмина Е.М. Формирование коммуникативной компетентности студентов вуза: автореф. дис. …канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с.

4. Шкиль И.Е. Коммуникативная компетентность студентов технических вузов и ее развитие средствами социально-психологической арт-технологии: дис. … канд психол. наук. – Самара, 2014.

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Коломиец О.В.
ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г.Шевченко»
г. Тирасполь, ПМР
kovalcuk_78@mail.ru

Введение. Тенденции развития общества в будущем во многом будут зависеть не только от успешного хода социально-экономических преобразований в настоящем, но и от того, насколько подготовленными и целеустремленными будут студенты для активного участия в них. Данные о социальном самочувствии студентов позволяют строить обоснованные долгосрочные прогнозы изменений социального самочувствия общества в целом, дают возможность разработать комплексную систему мер по стабилизации или повышению его уровня, формировать адекватное восприятие социальных изменений и конструктивно влиять на социальные процессы.

Основная часть. В отечественной психологии проблемы социального самочувствия соотносились с исследованием социального настроения (Г.Е. Зборовский, Б.Д. Парыгин, Ж.Т. Тощенко, С. Харченко и др.), удовлетворенности трудом (А.А. Киссель, Н.Ф. Наумова, М.А. Слюсарянский, В.А. Ядов и др.). Работы, посвященные методологическим проблемам социального самочувствия отражены в работах Е.И. Головаха, Л.Е. Душацкий, Я.Н. Крупец, Н.В. Панина, Д. Рогозин, Н.Н. Седова и др. Теоретические аспекты социального самочувствия, его компоненты и структура рассмотрены А.А. Барской, О.Л. Русалиновой, Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко, Л.И. Щербаковой и др.

В соответствии с теорией самосохранительного поведения исследования социального самочувствия (В.Я. Шклярук, А.А. Возьмитель, Г.И. Осадчая и др.) показывают, что увеличение социальных рисков в современном мире ставит под угрозу и социальное самочувствие студентов.

«Социальное самочувствие у личности может описываться через специфику конкретного восприятия человеком своей жизни и своих ожиданий – это субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, в контексте прошлого и ожидаемого будущего» [1, с. 212]. Акцентируется внимание на том, что данное восприятие определяется отношением студентов к своему социальному положению и уровнем удовлетворения своих потребностей, интересов, оно включает в себя «сложную аналитическую оценку, которую студенты дают

себе, взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами», государственными и территориальными общностями и обществом в целом.

Социальное самочувствие студентов формируется под влиянием различных факторов, одним из которых является образование, особое место в этом процессе принадлежит вузам. Вузы представляют собой социальные институты, дающие учащимся возможность расширить и углубить знания о своей личности, о профессии, посредством не только обучения, но и самообразования и саморазвития. Социальное самочувствие студентов – это показатель осознания себя и своего места в обществе, которое выражается посредством позитивных или негативных переживаний [2,с.16].

Для выявления уровня социального самочувствия был применен Опросник «Социальное самочувствие» Н.Е. Симонович (в адаптации О.В. Коломиец). Опросник дает возможность выявить выраженность позитивной или негативной направленности социального самочувствия студентов на основании оценки когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов.

В исследовании участвовали студенты Приднестровского государственного университета факультета педагогики и психологии, естественно-географического факультета, факультета общественных наук, общей численностью 120 человек.

По результатам анализа результатов исследования самочувствия студентов, выявили, что у 63,3 % опрошенных позитивное социальное самочувствие у 36,6 % студентов было выявлено негативное социальное самочувствие.

Анализ результатов оценки студентами своего социального самочувствия во временном континууме показал, что среди респондентов 71,6 % оценили позитивно свое социальное самочувствие в настоящем, по сравнению с прошлым, 11,6 % ограничились нейтральной оценкой и только 16,3 % студентов оценили негативно свое социальное самочувствие в настоящем по сравнению с прошлым. Проспективная оценка социального самочувствия студентами показала, что позитивно оценили свое социальное самочувствие в будущем по сравнению с настоящим 80% студентов, 5 % студентов оценили свое социальное самочувствие в будущем негативно, 15 % студентов оценили свое социальное самочувствие нейтрально, т.е. ответили на вопрос уклончиво [3].

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что более половины опрошенных студентов в целом оценили свое социальное самочувствие как позитивное, т.е., в целом, они удовлетворены своим местом в системе социальных взаимоотношений. Однако треть опрошенных студентов, указали на преобладание негативных переживаний по поводу своей жизни и своих ожиданий. Анализируя результаты оценки студентами своего социального самочувствия во временном континууме можно отметить, что выявлены высокие показатели ретро и проспективной оценки. Однако, качественный анализ ответов респондентов показал, что

представления студентов о социальном самочувствии в будущем четко неопределенны, но оптимистичны по своему характеру – это объясняется недостаточно глубокой оценкой студентами происходящих изменений в собственной жизни, в системе взаимоотношений с окружающими, изменений, происходящих в целом в обществе, а также может объясняться неоднозначностью положения, которое занимает студенческая молодежь, т. к. молодые люди, заканчивая вуз, находятся перед выбором траектории дальнейшего жизненного пути, поэтому многим студентам свойственно состояние неопределенности.

Список литературы

1. Лапин Н.И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти / Н.И. Лапин; отв. ред. Е.Г. Ясин. – М. : Высшая школа экономики. – 2007. – С. 212.
2. Барская О.Л. Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.09 / Барская Ольга Львовна. – М., 1989. – 23 с.
3. Коломиец О.В. Социальное самочувствие в условиях цифровизации обучения в вузе / О.В. Коломиец // Человеческий капитал. – 2019. – №12 (132), часть 2. – С.118–126.

УДК 316.37

ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Кононенко И.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

inna.kononenko.1996@mail.ru

Виртуальная среда – это особый элемент информационного пространства, в рамках которого осуществляются специфические формы человеческого поведения, оказывая влияние на развитие личности. Общение в интернете – это общение без наличия живого человека, но с человеком, представленном в виде определенных символов и знаков, изображения и даже номера. Процесс беседы людей, посредством интернета, представляет собой сложный многоуровневый и многоплановый процесс, который динамично трансформируется и приобретает новые возможности, которые в свою очередь будет влиять на личность [2, 3]. Основная функция интернета, связанная с получением информации, сегодня перестает быть ведущей, такую роль берет на себя функция коммуникации. Возникает потребность рассмотрения и анализа проблем, связанных с новыми формами и способами общения, в частности в виртуальном мире [1].

В пилотажном исследовании особенностей виртуального общения участие приняло 36 респондентов юношеского возраста. В работе использована авторская анкета «Специфика виртуального общения» и опрос с помощью свободных ассоциаций. По данным анкеты определены

следующие результаты: опыт виртуального общения современной молодежи (18-20 лет) в среднем составляет 8 лет, ежедневное время прибывания в киберпространстве с целью коммуникации варьируется в пределах 5-6 часов. Основные интернет-платформы, которые используют молодые люди, от общего количества опрошенных представлено в процентных соотношениях: «ВКонтакте» – 100 %, «Instagram» – 78 %, «Telegram» – 47 %, «Viber» – 36 %, «TikTok» – 14 %, «Skype» и «WhatsApp» – 11 %, «Steam» и ««Одноклассники» – 6 %, «Discord» – 3 %. Один и тот же пользователь может быть включен в несколько виртуальных приложений в зависимости от форм общения и потребностей.

Испытуемые в данном исследовании отметили, что чаще всего используют текстовую форму общения (печатный набор) – 72 %, также коммуникативное удобство создают голосовые смс – 64 % респондентов, в меньшей степени предпочитают видеосвязь без визуального сопровождения – 22 % и видеосвязь с визуальным сопровождением – 14 %. Такие результаты могут свидетельствовать о том, что людям стало комфортнее взаимодействовать опосредованно через текст. Во-первых, такая форма общения носит асинхронный характер, а значит, у человека есть время обдумать и сформулировать мысль, при этом есть возможность скрыть свои чувства, эмоции. Во-вторых, у собеседника всегда есть вариант абстрагироваться от общения путем игнорирования сообщений – некая свобода выхода из общения, которое тебе неприятно или некомфортно.

Виртуальное общение также имеет свои блоки по сферам взаимодействия – это чаты и беседы. Современная молодежь в большей степени включена в беседы, связанные с учебой – 88 % или общением с друзьями – 83 %, в меньшей степени включены в беседы развлекательного характера (игры, музыка, фильмы) – 22 %. Ответы на вопрос анкеты «В какие темы бесед/чатов/каналов вы включены?» могут быть связаны с особенностями юношеского возраста: с поиском своего места в жизни, получением определенной специализации, формированием тесных дружеских связей. Но при этом быть включенным в чаты не означает проявлять там активность, многие занимают пассивную позицию наблюдателя – 19 % респондентов прямо указали данную позицию. В общении с друзьями прослеживается наиболее высокая степень обратной связи – 69 %, в беседе, связанной с учебой – 31 %, работа – 10 %, интересы и развлечения – 3 %. То есть, это может свидетельствовать о том, что современный человек больше потребитель представляемой информации, чем инициатор. Возможно, это связано с тем, что поколение Z стремится к созиданию внешнего и включению его в свой внутренний мир.

Достоинствами киберкоммуникации респонденты считают: возможность общаться с людьми, которые далеко, – 55,5 %, легкость опосредованного общения отметили – 36 %, скорость общения и доступность – 25 %, поиск единомышленников – 14 %, возможность самовыразиться – 14%, чувство присутствия другого – 11 %. Недостатками виртуального общения испытуемые отметили: отсутствие невербального компонента –

50 %, при этом хочется отметить такой парадокс, что технически проблема с невербаликой решена (видео, аудио сообщения), но люди не используют эти формы. Причины такого парадокса требуют специального исследования. На психологическом уровне молодежь анализирует, что общение в виртуальном мире превалирует и становится приоритетным и, в связи с этим, здраво оценивают риски виртуального взаимодействия.

В психологической литературе можно найти ряд различных исследований по образу Я в интернете и собственно этот образ отчасти создается активным взаимодействием с другими пользователями, в частности, посредством общения. На вопрос о том насколько образ самого респондента (его стиль, манера общения) совпадает в виртуальном и реальном пространстве испытуемые распределились следующим образом: полностью совпадает – 58 %, не совпадает – 30 %, частично совпадает – 13 %. Большая часть испытуемых отмечает, что представляет себя в сети такими, какими они являются на самом деле. При этом не менее значимая часть анализирует и фиксирует свои различия. На вопрос о сходстве образа восприятия своего собеседника в виртуальном и реальном пространстве были получены такие результаты: образ собеседника частично совпадает – 61 %, полностью совпадает – 28 %, не совпадает – 11 %. Можно отметить еще один психологический парадокс – испытуемые склонны отмечать расхождения образов собеседников в виртуальном пространстве, при этом себя относят к категории тех, у кого образ в реальном и киберпространстве не отличается. Возможно, здесь присутствует включение психологических защит отрицания, переноса, поэтому в сознании респондента, его образ сохраняется вне зависимости от контекста своего проявления.

По результатам ассоциаций высказывания «Виртуальное общение – это…» 36 респондентов указали 261 ассоциацию. Посредством контент-анализа по частоте встречаемости данные ассоциации мы определили в 14 категорий, которые характерны для данной выборки: коммуникация (частота f =73), информация (f =56), положительные эмоции (f =46), чувства (f =40), замена реальности или другой мир (f =29), самореализация (f =24), дистанцирование (f =19), доверие (f =18), негативные эмоции (f =17), зависимость (f =16), защитный механизм (f =13), конфиденциальность (f =9), свобода (f =8), образы реального мира (f =6). Исходя из имеющегося частотного распределения, можно сделать вывод, что для молодого человека причастность к цифровому миру и коммуникация в его рамках является своеобразной гарантией того, что он способен успешно занять свое место в обществе, самоутвердиться. Виртуальное общение способно предельно расширить то пространство, в котором происходит коммуникация. Информационный ресурс, как характерная черта виртуального общения, имеет характер потенциальности. Например, в непосредственном виртуальном контакте индивид находится с очень узким кругом людей, однако потенциально ему доступен любой и каждый. Молодые люди больше нуждаются в эмоциональной поддержке, чем представители старших поколений, и

виртуальное общение предоставляет для этого необходимый коммуникативный инструментарий.

С помощью интернет-технологий пользователь получает возможность самостоятельно конструировать новую виртуальную реальность, что значительно расширяет познавательные возможности молодого человека, духовный горизонт и обеспечивает, в некоторой степени, самореализацию. На последующих этапах данного исследования, перспективным представляется рассмотреть и проанализировать отдельные структуры виртуального общения.

Список литературы

1. Арестова О.Н. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология.– 1996. – №4. – С.14-20.
2. Войскунский А.Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке / А.Е. Войскунский // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. – М.: Смысл, 2002. – Вып. 1. – С. 82-101.
3. Чудова Н.В. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета / Н.В. Чудова, М.А. Евлампиева, Н.А. Рахимова [электронный режим]. – Режим доступа : [http://evartist.narod.ru/text7/47.htm]

УДК 159.9

ОСОЗНАННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Король Н.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lizaanna@mail.ru

Введение. Окружающий нас мир постоянно меняется, каждый раз выдвигая перед человеком все новые и новые требования. Любые перемены неизменно влекут за собой появление самого разного рода неопределенных ситуаций. И в зависимости от того, как быстро человек сможет сориентироваться в подобных условиях, сделать правильный выбор, переключиться с одного способа поведения на другой будет зависеть его успешная адаптация к окружающему миру. А это все невозможно осуществить без хорошо развитых умений регуляции. Ведь человек – это система, и любое воздействие со стороны окружающего мира, позитивное или негативное, может нарушить ее целостность. Поэтому для сохранения себя, своего внутреннего состояния, своей активности необходима саморегуляция. Основной смысл которой, и состоит в достижении человеком информационной определенности, необходимой для дальнейшей целенаправленной деятельности. Именно саморегуляция является средством, активизирующим индивидуальные особенности и возможности человека для постановки целей активности и

организации их достижения. Учитывая все вышесказанное, возникает острая необходимость изучения данного явления.

Основная часть. Существуют различные подходы к определению саморегуляции. Во-первых, стоит отметить, что существуют два вида этого явления: произвольная и непроизвольная саморегуляция. Непроизвольная или неосознанная саморегуляция связана с жизнедеятельностью организма. Поддержание гомеостаза, регуляция не только на уровне клетки, но и сохранение целостности человека как биологической системы, которое осуществляется двумя способами непроизвольной саморегуляции: гуморальной и нервной

Произвольная или осознанная саморегуляция имеет место, когда есть постановка цели и реализация этой цели в деятельности, когда для этого необходим самоконтроль, самоуправление и соответственно регуляция. Иногда саморегуляцию отождествляют с самоконтролем и самоорганизацией психических, личностных возможностей и способностей для достижения того или иного успешного результата деятельности. В этом случае выделяются следующие ее виды: регуляция психических процессов, регуляция действий с помощью этих психических процессов, регуляция обстоятельств жизни с помощью этих действий, регуляция себя в процессе изменения этих обстоятельств [4].

Во-вторых, говоря об осознанной регуляции как ее высшей форме, речь всегда идет об активности субъекта: человек сам выдвигает цели, сам разрабатывает программу достижения этих целей, осуществляет контроль, и в случае необходимости, корректирует весь процесс. В связи с этим, разные авторы выделяют во многом подобные друг другу структурные компоненты или звенья саморегуляции. Например, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов рассматривали саморегуляцию как многоуровневую систему, включающую следующие ее компоненты: мотив, цель, план деятельности, действия, а так же процессы принятия решений, проверки результатов и коррекции действия. Огромное внимание уделяется ими цели деятельности. Ее достижение во многом зависит от регулятивных процессов, входящих в структуру деятельности и организующих внешние и внутренние ресурсы человека для ее осуществления [2].

О.А. Конопкин определял саморегуляцию как относительно самостоятельную совокупность регуляторных процессов целостной психологической структуры деятельности, состоящей из цели, условий, принятия программы деятельности, критериев успешности достижения цели, оценки результатов деятельности. Отмечал, что успешность в деятельности будет зависеть от сформированности целостной системы саморегуляции, а нарушение одного из функциональных компонентов будет вести к уменьшению ее эффективности [1].

По мнению В.И. Моросановой, сам процесс саморегуляции представляет собой целостную, замкнутую по структуре, открытую информационную систему, реализуемую через взаимодействие функциональных звеньев, представляющие собой регуляторные функции, имеющие место в

общем процессе регуляции (планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов и корректирование) [3]. В отличие от О.А. Конопкина, она считает, что дефект в одном из структурных звеньев компенсируется развитием другого компонента, что будет представлять собой индивидуальный стиль саморегуляции.

Все вышеперечисленные структурные компоненты активно задействуются для преодоления неопределенности, когда человек не может контролировать ситуацию, принимать решение, сохранять свою активность. В подобных условиях человек с хорошо развитой саморегуляцией выдвигает цели и обдумывает средства их достижения, благодаря чему ситуация преобразуется и разрешается. То есть, когда цель принимается, неопределенность снимается. Однако стоит учесть, что цель не всегда может обладать определенностью, тогда модель цели находит уточнение в достижении, т.е. в критериях получения результата. Таким образом, любое регуляторное звено является процессом получения, оценки, отбора субъектом информации, объем которой был бы достаточным для преодоления неопределенности. Основными источниками подобной информации будут либо внешние условия, либо те психические средства, которыми обладает человек и рассматривает как регуляторно значимые. Это весь когнитивный, эмоциональный и волевой опыт человека, его личностные, ценностные предпочтения, которые находятся либо в прошлом, либо в моделируемом будущем [1].

Заключение. Принимая во внимание все вышесказанное, можно заключить, что саморегуляция – это всегда сознательная активность человека по управлению своим поведением, деятельностью, которая благодаря снятию неопределенности внешними и внутренними ресурсами, позволяет адаптировать внутреннее состояние человека к достижению желаемых целей в меняющихся и сложных обстоятельствах, тем самым сохраняя его целостность и индивидуальность.

Список литературы

1. Конопкин О.А. Структурно-функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции // Психология. – 2005. – Том 2. – № 1. – С. 27-42.
2. Ломов, Б.Ф. К проблеме деятельности в психологии / Б.Ф. Ломов // Психологический журнал. – 1981. – Т. 2. – №5.
3. Моросанова, В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека: 2-е изд./ В.И. Моросанова, Ин-т психологии РАН. – М.: Наука, 2012. – 519 с.
4. Панкратова Т.М. Саморегуляция в социальном поведении: учебное пособие/ Т.М. Панкратова; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ., 2011. – 112 с.

УДК 159.96

ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА С ДИЗОНТОГЕНЕЗОМ В СЕМЬЕ

Корнилова В.В.
МДОУ «Ясли-сад комбинированного типа № 1 города Донецка», г. Донецк, ДНР
kornilova.v@list.ru

Введение. Согласно концепции дизонтогенеза, разработанной на кафедре поликлинической педиатрии РМАПО профессором З.С. Макаровой, нарушения в раннем развитии на различных его стадиях – дизонтогенез – обусловливают морфофункциональную незрелость, дезинтеграцию основных функциональных систем в процессе постнатального онтогенеза, особенно выраженные в критические периоды [4].

В результате генетическая программа ребенка реализуется не полностью, нарушается нормальный физиологический ход его развития и формируются отклонения в состоянии здоровья сначала пограничного характера, которые можно обозначить как дизонтогении, а затем и хронические формы патологии. Воспитание ребенка с дизонтогенезом в семье имеет свои сложности и недостатки. И потому оказание помощи с целью сохранения ответственности родителей за его будущее лучше начать с изучения семьи: материальные условия, внутрисемейные отношения, общекультурный уровень, педагогические способности, наследственность.

Основная часть. Дизонтогенез – нарушение раннего онтогенеза на различных его стадиях. **Дизонтогенетические факторы** – факторы риска, связанные с нарушениями в раннем онтогенезе ребенка (дизонтогенезом). **Донозологические отклонения** – отклонения, предшествующие развитию болезни (нозологических форм) [1].

В прежние годы господствовала система отчуждения ребенка с дизонтогенезом от семьи – большую часть времени они проводили в закрытых специальных учреждениях, появляясь дома всего несколько раз в году. Программы абилитации и обучения детей с недостатками в развитии требуют максимального взаимодействия и участия многих сторон. В зависимости от дефекта могут потребоваться знания и опыт врачей общего профиля, специалистов по неврологии, физиотерапии, психологии, педагогов, логопедов, социальных работников и др. Но только сам ребенок и его родители придают смысл этому процессу, составляя его ядро. Я могу заметить, что родители, подготовленные должным образом и оптимистично настроенные, оказывают самое эффективное воздействие на воспитание, состояние и адаптацию своего ребенка. В конечном итоге их влияние оказывается гораздо более долговременные и продуктивным, нежели влияние врачей, сиделок, учителей, психологов, т.е. всех, кто помогает больному на его жизненном пути. Крайне важно, чтобы родители и специалисты стремились к взаимовыгодному сотрудничеству в интересах психического, физического и социального развития ребенка. Для этого **необходимо:** 1. Помощь родителям в осознании истоков своей

эмоциональной и интеллектуальной реакции по отношению к дефекту развития. 2. Подведение родителей к полному пониманию программы его обучения и реабилитации. 3. Привлечение родителей к активному участию в обучении ребенка и предоставление в их распоряжение способов оценки эффективности этого процесса на каждой его стадии [5]. На мой взгляд родители должны быть не только ознакомлены с содержанием программы обучения и реабилитации, но и активно участвовать в ее осуществлении, внося по мере необходимости свои коррективы и дополнения на каждом этапе. Таким образом, первый шаг в коррекционной работе – это помощь родителям побороть в себе негативные эмоции, чувство безысходности, взглянуть фактам в лицо и стать активными участниками обучения, воспитания и развития собственного ребенка. «Не тот пропал, кто в беду попал, а тот пропал, кто духом пал».

Соглашаясь с мнением Л.И. Аксеновой [3, с.12] считаю, что в зависимости от типа внутрисемейных отношений и стиля воспитания, возможно выделить **четыре группы семей**, имеющих детей со значительными отклонениями в развитии.

1. Родители с выраженным расширением сферы родительских чувств. Характерный для них стиль воспитания – гиперопека, когда ребенок становится центром всей жизнедеятельности семьи, по этой причине коммуникативные связи с окружением деформированы.

2. Для второй группы характерен стиль холодного общения – гипопротекция, снижение эмоциональных контактов родителей с ребенком, проекция на него со стороны обоих родителей или одного из них собственных нежелательных качеств.

3. Конструктивная и гибкая форма взаимодействия родителей и ребенка в совместной деятельности. Родители из этой группы семей отмечают, что рождение такого сына или дочери не стал фактором, ухудшающим отношения между супругами, «беда сплотила», объединила в экстремальной ситуации.

4. Репрессивный стиль семейного общения, который характеризуется родительской установкой на авторитарную лидирующую позицию (чаще отцовскую). В этих семьях от ребенка требуют неукоснительного выполнения всех заданий, упражнений, распоряжений, не учитывая при этом его двигательных, психических и интеллектуальных возможностей. Нередко прибегают к физическим наказаниям. При таком стиле воспитания у детей отмечается аффективно-агрессивное поведение, плаксивость, раздражительность, повышенная возбудимость, что еще больше осложняет их физическое и психическое состояние.

В семьях, имеющих детей-инвалидов, очень высок процент разводов. Как правило, мать вынуждена одна нести тяготы ежедневных забот о ребенке и обеспечивать все необходимые мероприятия по его лечению, обучению и воспитанию [6, с. 52]. Родителям необходимо сообщать факты, ибо они развязывают инициативу, дают понимание и ясность, а вместе с ними и практические знания, необходимые для воспитания ребенка. Факты

расширяют возможности реалистического видения и понимания родителями своего малыша, делают их более компетентными и полезными в коррекционном процессе [2]. Важно помнить, сколько бы подготовленных специалистов не работало с ребенком, никто на протяжении всей его жизни не будет находиться с ним в более тесном контакте, чем мать и отец, никто не окажет более сильного и глубокого влияния, чем они. Опыт показывает, что дети осведомленных и активных родителей гораздо лучше подготовлены к жизненным трудностям.

Заключение. Подводя итог, можно отметить, что достаточное общение со взрослыми, богатая стимулами среда, возможность осуществления двигательной активности, эмоциональное благополучие – вот главные факторы полноценного и здорового формирования личности ребёнка. Большое значение в практике становления семейного воспитания детей с особенностями психофизического развития играют объединения родителей, в основе деятельности которых лежит идея самопомощи.

Список литературы

1. Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л.И. Акатов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2013. – 368 с.
2. Гилева Н.С. Создание предметно-развивающей среды для детей с ограниченными возможностями здоровья. // Молодой ученый. – 2015. – № 10. – С. 1128-1139. – URL https://moluch.ru/archive/90/18872/ (дата обращения: 03.12.2018).
3. Кашлев С.С. Современные технологии педагогического процесса: пособие для педагогов / С.С. Кашлев. – Мн.: Высшая школа, 2012. – 95 с.
4. Киприянова Е.А. Формирование навыков конструктивного общения в семье, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № S1. – С. 156–160. [Электронный ресурс]. – URL: http://e-koncept.ru/2015/75032.htm. (дата обращения: 03. 05. 2019).
5. Малышева И.В. Среда как фактор развития ребенка. / И. В. Малышева. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 4 (апрель). – С. 106–110.
6. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. Курс лекций / Л.Б. Шнейдер. – М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2012. – 512 с. (Серия «Кафедра психологи»).

УДК 159.96

САМООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ С НЕПСИХОТИЧЕСКИМИ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ ПРИ ОЖОГОВОЙ БОЛЕЗНИ

Косенко К.А., Вильдгрубе С.А., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kado4kaa@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru

Самоотношение играет важнейшую роль в становлении личности, в формировании представлений о самом себе, направленности жизненных позиций, особенностей самореализации, самовыражения и самоактуа-

лизации индивида [1, 2]. На самоотношение и самосознание личности безусловную роль оказывают различные соматические болезни. Человек зачастую не только переживает ощущения и неприятные чувства, которые обусловлены болезненными изменениями, но и его сознание подвергается изменениям под влиянием настроений, аффектов, состояния помрачения [3, 4]. В рамках данной работы нами были выбраны ожоговые болезни, возникающие в результате местного действия высокой температуры, а также химических веществ, электрического тока или ионизирующего излучения [4].

Целью данного исследования является изучение самоотношения личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни. *Психодиагностические методы исследования:* методика «Шкала депрессии Бека»; методика «Исследование самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС)»; методика «Диагностика самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан»; методика «Оценка личностной и ситуативной тревожности Ч.Д. Спилберга – Ю.Л. Ханина»; опросник «Выраженность психопатологической симптоматики SCL-90-R». *Эмпирической базой* исследования стало отделение термических поражений и пластической хирургии Института неотложной и восстановительной хирургии им. В.К. Гусака. Возраст респондентов 25-42 года. Все испытуемые находились на стационарном лечении с диагнозом ожоговые термические поражения разной степени тяжести, комбинированные травмы (ожоги в сочетании с электротравмой, ожоги в сочетании с переломами).

На основе высоких показателей по шкалам «Тревожность», «Депрессия» опросника SCL-90-R, высокого уровня депрессии (38,82) по методике А.Т. Бэка и высокого уровня ситуативной тревожности (61,32) по методике Ч.Д. Спилберга-Ю.Л. Ханина из 37 пациентов нами были выделены 28 человек, которые имеют непсихотические психические расстройства.

Полученные данные свидетельствуют о том, что пациенты имеют пониженный фон настроения, испытывают проблемы со сном, аппетитом, часто испытывают физическое и психическое переутомление, их внимание часто занимают мысли о своем физическом состоянии, с которых им трудно переключаться. Пациенты испытывают повышенное беспокойство, ощущают себя расстроенными, напряженными, уставшими, они не испытывают заинтересованности по отношению к окружающей действительности, имеют подавленное настроение, у них отмечается недостаток мотивации, чувства безнадежности, незащищенности и одиночества, что соответствует наличию непсихотических психических расстройств.

Для оценки компонентов самоотношения нами были выбраны следующие методики: методика «Исследование самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС)»; методика «Диагностика самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан». Результаты по шкалам методики исследования самоотношения С.Р. Пантилеева позволили оценить особенности таких компонентов самоотношения как:

Эмоционально-оценочный компонент самоотношения: показатели по шкалам «Самоуверенность» (2,89), «Отраженное самоотношение» (4,96),

«Самообвинение» (8,96) свидетельствуют о том, что пациенты с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни считают, что положительное отношение к ним может быть обусловлено только некоторыми их качествами или определенными действиями, в то время как в основном они вызывают у других непринятие. Акцентируя внимание на своих недостатках, они обвиняют себя во всех промахах и неудачах.

Эмоционально- ценностный компонент самоотношения: показатели по шкалам «Самоценность» (6,36), «Самоприятние» (2,18), «Самопривязанность» (5,36) свидетельствуют о том, что пациенты воспринимают себя чрезмерно критично, отмечают, что с одной стороны им хочется изменить в себе некоторые черты, однако с другой стороны они понимают, что у них есть достойные и положительные качества, которые им бы хотелось сохранить. Для них характерен общий негативный фон восприятия себя.

Эмоционально-регуляторный компонент самоотношения: показатели по шкалам «Замкнутость» (9,04), «Саморуководство» (2,71), «Внутренняя конфликтность» (13,07) свидетельствуют о том, что пациенты с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни имеют проблемы с саморегуляцией и волевым контролем, что мешает преодолевать препятствия, снижает сопротивляемость внешним факторам, способствует появлению стремления соответствовать общепринятым социальным нормам, однако у них отсутствует стремление к взаимодействую с самими собой, они не хотят осознанно раскрывать себя, признавать, что испытывают проблемы с саморегуляцией, что в свою очередь приводит к внутреннему конфликту и дискомфорту.

Методика «Диагностика самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан» позволила дополнить эмоционально-ценностный компонент самоотношения (самооценка) у пациентов с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни.

У пациентов с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни преобладает низкая «Самооценка» (33,22), (эмоционально-ценностный компонент самоотношения), что свидетельствует о том, что для них характерно недооценивать себя, свои возможности, а также они испытывают неуверенность в себе и критично расценивают свои поступки и действия.

Для выявления взаимосвязи между непсихотическими психическими расстройствами и компонентами самоотношения у пациентов с ожоговой болезнью нами был проведен корреляционный анализ. Высокий уровень депрессии и психического дистресса у таких пациентов сопровождается проблемами с самоконтролем и волевой регуляций, происходящее с ними они воспринимают как влияние внешних факторов ($r = -0,37$, $p \leq 0,05$). Также высокий уровень ситуативной тревожности ($r = -0,47$, $p \leq 0,05$) и чувство неполноценности при сравнении себя с другими ($r = -0,41$, $p \leq 0,05$), сопровождаются тем, что пациенты низко оценивают состояние собственного здоровья и им сложнее ставить перед собой реальные цели по поводу

улучшения своего психического и физического состояния, им тяжелее адекватно оценивать свои силы и возможности. Помимо прочего, чем в большей мере у пациентов с ожоговыми болезнями выражены проявления нарушения, возникающего из ощущения соматических дисфункций, тем в большей мере у них проявляется негативное отношение к себе, самокритичность, что в свою очередь вызывает большее количество внутренних конфликтов и нарастание внутреннего напряжения ($r = 0,37$, $p \leq 0,05$).

Таким образом, компоненты самоотношения личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни имеют негативную направленность. Результаты данного исследования могут помочь психологам и психотерапевтам разрабатывать дифференцированные индивидуальные программы психологической помощи людям с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни и реализовывать их на психологобразовательном, психокоррекционном, психотерапетвическом и психореабилитационном этапах психологической помощи.

Список литературы

1. Болотова А.К. Развитие самосознания личности: временной аспект // Вопросы психологии. – 2006. – № 2. – С. 116-125.
2. Вильдгрубе С.А., Фирсова Г.М. «Особенности оказания психотерапевтической помощи больным с непсихотическими психическими нарушениями при термических поражениях» // Вестник неотложной и восстановительной хирургии. – Том 2, № 2-3. –Донецк, 2017. – С. 186-196.
3. Мустафинова Ж.Н. Психологические особенности людей с хроническими соматическими заболеваниями / Ж.Н. Мустафинова, А.И. Заикина, А.Ю. Красникова // Молодой ученый. – 2019. – №11. – С. 220-226.
4. Хватова М.В. Самоотношение в структуре психологически здоровой личности – М.: Наука, 2015. – 183 с.

УДК 159.923

ЧУВСТВО ВИНЫ КАК ИНДИКАТОР НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Куликовская Е.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kulikovskaya1979mail@rambler.ru

Введение. Проблема нравственности и нравственного становления личности на разных этапах развития общества представляет большой интерес на пути становления личности. К личностным качествам человека относятся отношение, мотивация, интеллект, эмоции и сила воли. Они косвенно влияют на развитие личности. Индивидуальное развитие человека менее интенсивно, чем личное.

Основная часть. Современные исследования показывают, что воспитание через чувства оказывает огромное положительное влияние на

нравственное развитие. Значение и роль нравственного чувства в моральном развитии личности признается многими исследователями, однако, проблема функций и их роль в современной психологии остается не до конца изученной.

С.Л. Рубинштейн пишет: «…личностное развитие может быть понято как реализация индивидом своей потенциальной универсальности, бесконечности, как становление человека в индивиде» [цит. по С.Л. Рубинштейн, 1970]. Это еще раз подчеркивает первостепенную важность в развитии личности ее ценностного смыслового пространства. Поэтому противоречия в смысловом пространстве личности наиболее значительны.

Теоретиками психоанализа была закреплена отрицательная оценка за чувством вины. Многие годы считалось, что чувство вины вызывает неврозы, некоторые виды психозов и депрессию. Переживание вины чаще всего формируется в близких отношениях, наряду с сочувствием, указывает на тревогу как на источник, поскольку опыт – это особое состояние, в котором понимание сливается с эмоциональными отношениями.

Исследования в области когнитивной психологии изменили наш взгляд на природу и процессы чувства вины. Там же описаны положительные аспекты чувства вины. Например, студенты склонные испытывать чувство вины, как правило, добиваются большего успеха в обучении; юноши и девушки, склонные переживать чувство вины, реже меняют сексуальных партнеров, их сексуальная жизнь более упорядочена и т.д. [2, с. 271]. В рамках когнитивной теории были представлены доказательства более раннего возникновения чувства вины.

Британский психоаналитик, стоявший у истоков детского психоанализа, игровой психоаналитической терапии и теории объектных отношений М. Кляйн было установлено, что поведенческие реакции, характерные для проявления переживания чувства вины (попытки устранение причиненного ущерба, объяснение причин поступка, извинения), уже появляются на втором году жизни [1, с.125].

В своих исследованиях Б.С. Братусь говорил, что личностные ценности представляют собой осознанные смысловые образования, «…являющиеся основными конституирующими (формирующими) единицами сознания личности», которые определяют основные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам жизни [3, с. 54].

Российский ученый К. Муздыбаев считает, что вина выполняет функцию предвосхищения. Возникая в процессе действия (или бездействия), переживание чувства вины «предсказывает» субъекту, что одним из возможных последствий может быть его исключение из значимой группы. Таким образом, вина – это эффективная форма контроля, не требующая физического или какого-либо другого вмешательства.

В отличие от других личностных характеристик, нормы общества являются одним из важнейших источников формирования ценностей и во многом определяются представлениями индивида о стремлении к социальным рамочным условиям. Поэтому личные ценности следует

рассматривать только в контексте ценностных предпочтений социокультурной среды. Тогда как чувство вины имеет две формы: ситуативное и хроническое переживание. Возможно, также выделить два принципиально различных вида переживания чувства вины. Первый вид адаптивен и мотивирует к социальному поведению, второй не адаптивен и чаще связан с психическими или психосоматическими расстройствами. Чувство вины тесно связано с моральным развитием личности и с формированием Я-концепции [5, с.740]. Одно и то же событие для двух людей может иметь противоположную модальность.

Заключение. Чувство вины играет разную роль в развитии и становлении личности. Оно тесно связано с моральным развитием личности и с формированием Я-концепции. Можно констатировать, что индивидное и личностное развитие человека в жизни тесно взаимосвязано друг с другом, что порождает широкий спектр жизненных сценариев. Модальность событий определяется способами эмоционального реагирования на изменение обстоятельств в жизни и трудностях, выступающих проявлением ее нравственного самосознания.

Список литературы

1. Белик И.А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: автореф. дис. … канд. психол. наук.: 19-00-01 /И.А. Белик. – СПб., 2006. – 215 с. – [Электронный ресурс]: – Режим доступу: http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-chuvstvo-viny-v-svyazi-s-osobennostyami-razvitiya-lichnosti
2. Божович Л.И. Условия развития гармонической личности /Л.И. Божович. – СПб.: ПИТЕР, 2011. – 367 с.
3. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности: Новое в жизни, науке, технике. Этика / Б.С. Братусь – М.: Книга по Требованию, 2012. – 64 с.
4. Горянина В.А. Психологические предпосылки непродуктивности стиля межличностного взаимодействия В.А. Горянина // Психологический журнал. – 2007. – т.18. – № 6.- С. 73–83.
5. Куликовская Е.А. «Рефлексивный уровень самосознания: феномен «чувство вины»» / Е.А. Куликовская // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – С.736-742.

УДК 331.015.1:623

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ОПЕРАТОРА В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

***Логвинов С.И.*[1]**, д-р техн. наук, проф., ***Логвинов С.С.*[2]**, д-р техн. наук

[1]ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» г. Тула, РФ

[2]ПАО «Центральное конструкторское бюро аппаратостроения», г. Тула, РФ

info@tsput.ru

Введение. На современном этапе развития производства возникают задачи оценки возможностей операторов в условиях, характеризующихся

воздействием рабочей среды, индивидуальных особенностей операторов, выполняющих заданные рабочие операции. Рассматривая операции, выполняемые операторами, необходимо учитывать их сложность, условия в которых они выполняются, а также возможности операторов для своевременного и безошибочного их выполнения. Как правило, условия работы характеризуются достаточно высокой темповой напряженностью, воздействием неблагоприятных условий внешней среды (температура, влажность, загазованность). В этих условиях надежность выполнения операций может существенно отличаться в связи с индивидуальными различиями операторов [1].

Основная часть. Для анализа таких условий и возможностей количественной оценки их влияния на успешность выполнения поставленной задачи, проведен эксперимент. В качестве набора операций рассмотрен алгоритм установки заданных значений на двух механизмах, с контролем точности установки с помощью двух шкальных приборов. Причем время выполнения алгоритма задавалось исходя их общего такта работы. К работе были допущены операторы, прошедшие предварительное обучение, которое проводилось с установкой на безошибочность выполнения алгоритма. Следующим этапом была оценка качества работы в условиях темповой напряженности. Общее время выполнения алгоритма (без перерыва) составляло 60 минут. В качестве требований к качеству выполнения операций были также определены безошибочность установки заданных значений на приборах при своевременном выполнении алгоритма. Причем работа проводилась в условиях изменяемого температурно-влажностного режима и в условиях различной загазованности (по CO).

Как показали результаты испытаний, операторы имели существенные различия по вероятности своевременного выполнения заданных операций при достаточной надежности выполнения установки заданных значений на приборах, показанных на рис.1.

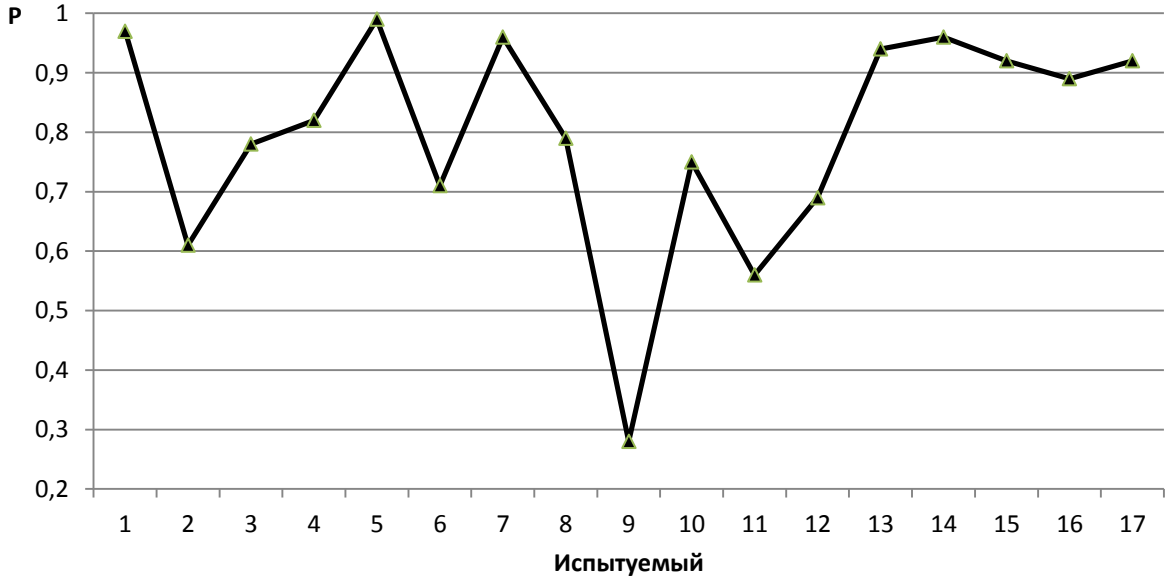

Рис. 1. Своевременность выполнения операций заданного алгоритма операторами за 60 минут работы

Системный подход при прогнозировании эффективности подобной эргатической системы требует учета всех факторов системы «Человек – машина – рабочая среда». В связи с этим были оценены их индивидуальные различия по ряду характеристик. К ним были отнесены: *типологические характеристики*: сила нервной системы со стороны возбуждения (X_{15}) сила нервной системы со стороны торможения (X_{16}), уравновешенность нервных процессов (X_7), эмоциональная устойчивость (X_8), подвижность нервных процессов (X_9), уровень тревожности (X_{14}), *психомоторика:* общее время прохождение лабиринта (X_5), количество касаний стенок лабиринта (X_{18}), время касания стенок лабиринта (X_{20}). *Волевые свойства* (по силовой компоненте) (X_6), *обученность* (X_{19}), *помехоустойчивость* – (X_{13}), *память:* переключаемость (черно-красная таблица) – (X_{22}), *физиологические свойства* – резерв выносливости сердечно-сосудистой системы (X_{10}), *антропометрия:* рост сидя (X_4), длина руки (X_{11}), *рабочая среда:* загазованность (по окиси углерода) (X_1), температура рабочей среды (X_2), влажность (X_3), барометрическое давление (X_{12}), *условия функционирования эргатической системы:* коэффициент загруженности (X_{17}), время непрерывного выполнения рабочих операций (X21).

Для оценки и выбора наиболее существенных переменных использовались искусственные нейронные сети (ИНС) [2,3]. В частности были определены параметры многослойного персептрона (архитектура ИНС – МП 21:21-11-1:1) имеющего производительность обучения – 0,078, контрольную и тестовую производительность – 0,00, ошибку обучения – 0,018, контрольную и тестовую ошибку – 0,00. Результаты моделирования и эксперимента показаны на рис.2.

Рис. 2. Сравнительные результаты эксперимента и моделирования

Статистические характеристики полученной ИНС показывают успешность моделирования: среднее абсолютной ошибки – 0,010440, отношение стандартного отклонение – 0,077710, корреляция – 0,996976.

Заключение. Учет особенностей каждого элемента эргатической системы и особенностей их взаимодействия позволяет с системного подхода определить эффективность системы в целом. На основе полученной ИНС были определены наиболее существенные факторы, влияющие на результативность работы оператора, характер их влияния, разработаны рекомендации по профотбору операторов для данного вида деятельности.

Список литературы

1. Логвинов С.И., Логвинов С.С. Проблемы оценки эффективности рабочих систем с учетом эргатического элемента. // Научная конференция научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов ТГПУ им. Л.Н. Толстого «Университет XXI века: научное измерение». 2018 г. – С. 288-291.
2. Логвинов С.И., Логвинов С.С., Которов С.В. Применение искусственных нейронных сетей для оценки адаптивности операторов при работе на тренажерах противотанковых ракетных комплексов/ // Стратегическая стабильность. 2019. № 2 (87). – С. 15-19.
3. Логвинов С.И., Логвинов С.С. Обобщенные прогнозные модели формирования навыков у военных специалистов на основе искусственного интеллекта. // Сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции. 22–23 ноября 2018 г. филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва (г. Пенза) 2018.- С. 203-208.

УДК 159.9.072

ВАЛИДИЗАЦИЯ ПРОЕКТИВНОЙ АССОЦИАТИВНОЙ МЕТОДИКИ «7 ПРЕДМЕТОВ»

Лох К.В., канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
klokh@rambler.ru

Введение. Актуальность разработки новых проективных методик не нуждается в специальном обосновании. Напомним только, что их конструирование, адаптация, апробирование и применение является наиболее сложными по сравнению с опросниками в силу их малоформализуемости.

Представляемая здесь методика «7 предметов» является авторской разработкой на основе методики Збигнева Старовича [3]. Первая публикация о ней была сделана в 2004 году [1].

Основная часть. Процедура тестирования заключается в предложении испытуемому называть свои ассоциации с определёнными стимулами – «предметами» (неодушевлённый предмет, здание, растение, животное, музыкальный инструмент, сказочный персонаж, амплуа артиста цирка) по трём «образам»: «Симпатичный человек», «Несимпатичный человек» и «Я». Затем выявляется субъективное содержание этих

ассоциаций: испытуемому предлагается описать каждую из ассоциаций с помощью прилагательных («характеристик»). Это основное отличие от оригинальной методики, использовавшейся в судебной экспертизе.

Теоретически интерпретация основывается на концепции Юнга и теории личностных конструктов Дж. Келли. Если коротко, то она измеряет спроецированное на внешние объекты содержание Я-концепции.

Каждый предмет ассоциаций определяет одну из сфер жизнедеятельности. Например, неодушевлённый предмет – обобщённый образ мира, здание – образ его «обустроенной» субъектом части, растение – способ роста, животное – способ питания, музыкальный инструмент – образ способа самовыражения, сказочный персонаж – образ наиболее свойственной испытуемому социальной роли, амплуа артиста цирка – образ социальной роли в условиях социального же внимания. Как можно заметить, от «неодушевлённого предмета» до «амплуа артиста цирка» возрастает степень конкретизации. Другими словами, максимальное количество вариантов в «неодушевлённом предмете», минимальное – в «амплуа». Это облегчает для испытуемого процедуру тестирования.

При обработке выделялись неоднократно встречающиеся характеристики – прямо совпадающие или синонимичные.

В представляемом здесь исследовании результаты по методике «7 предметов» сопоставлялись с результатами 16PF, ДМО и других тестов. Выборку адаптации составили 83 испытуемых. Мужчин – 37 %, женщин 63 %. По возрасту 67 %, до 25 лет, 14 % от 26 до 35 лет, 10 % от 36 до 45 лет, 9 % старше 45 лет – 9 %.

В представляемой части исследования прилагательные (характеристики) категоризировались по факторам Сила, Оценка и Активность, выделенным Ч. Осгудом. Ниже представлены эталоны, по которым велась обработка более 2000 прилагательных. Каждое из них сопоставлялись с этим эталоном, и если совпадало или было синонимично, то категоризировалось как О+ или О- (соответственно С+ и С-, А+ и А-). Это делалось отдельно по каждому образу.

		О Ц Е Н К А		
О	+	Обаятельный	Непривлекательный	-
О	+	Добросовестный	Безответственный	-
О	+	Добрый	Эгоистичный	-
О	+	Отзывчивый	Черствый	-
О	+	Справедливый	Несправедливый	-
О	+	Дружелюбный	Враждебный	-
О	+	Честный	Неискренний	-
		необычный	обычный	
		правдивый	ложный	
		хороший	плохой	

		С И Л А		
С	+	Сильный	Слабый	-
С	+	Упрямый	Уступчивый	-
С	+	Независимый	Зависимый	-
С	+	Решительный	Нерешительный	-

C	+	Напряженный	Расслабленный	-
C	+	Уверенный	Неуверенный	-
C	+	Самостоятельный	Несамостоятельный	-
		сильный	слабый	
		мужской	женский	
		Злой, агрессивный	Добрый, мягкий	

		А К Т И В Н О С Т Ь		
A	+	Разговорчивый	Молчаливый	-
A	+	Открытый	Замкнутый	-
A	+	Деятельный	Пассивный	-
A	+	Энергичный	Вялый	-
A	+	Суетливый	Спокойный	-
A	+	Общительный	Нелюдимый	-
A	+	Раздражительный	Невозмутимый	-
		активный	пассивный	
		быстрый	медленный	
		разнообразный	однообразный	

Заключение. Учитывая ограничения объёма этих тезисов, коротко сформулируем выводы из корреляционного анализа между количественными параметрами методики «7 предметов» и уже апробированными 16PF и ДМО, а также из структурного анализа внутри параметров методики «7 предметов».

Выводы:

1. Методика «7 предметов» действительно измеряет характеристики личности – это подтверждает уже само наличие достоверных корреляционных связей.

2. Описания, полученные с помощью всех трёх методик, не противоречат друг другу, и обнаруженные связи имеют закономерное объяснение в рамках теоретической концепции теста «7 предметов».

3. Наиболее перспективное направление дальнейшей валидизации методики «7 предметов» – анализ семантики значений.

Список литературы

1. Лох К.В. Словесная ассоциативная техника «7 предметов» / К.Лох // Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Т.1. Ярославль, 2004. – С.62-64.
2. Проективная психология / пер. с англ. – М.: Апрель Пресс, изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 528 с.
3. Старович З. Судебная сексология / Збигнев Старович // пер. с польск. – М.: Юридическая литература, 1991. – 336 с.
4. Франселла Ф. Новый метод исследования личности / Ф. Франселла, Д. Баннистер // пер. с англ. – М.: прогресс, 1987. – 236 с.

УДК 159.9

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Мазина Н.Е., канд. полит. наук, доц., ***Аникушина В.А.***
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
donbassla@mail.ru

Войны, политические и социальные изменения, экономические кризисы, террористические акты, отображаясь в феноменах повседневности и порождая экзистенциальные ситуации, оказывают влияние на глубинные психические процессы личности и жизненные стратегии. При этом, наделенная отражающей функцией социальная среда, фиксирует и отображает человеческое поведение, в свою очередь претерпевая изменения.

На сегодняшний день существует множество научных публикаций, посвященных определение понятия «страх», экзистенциальным страхам, как отдельной категории страха и особенностям жизни человека в данном эмоциональном состоянии. Результаты исследований посвященных рассмотрению проблемы страха, представлены в работах В.А. Агаркова, В.К. Бакшутова, Е.М. Боровой, Л.Ф. Бурлачука, М.К. Горшкова, В.И. Долговой, Г.В. Залевского, Е.И. Ивлевой, Б.Д. Карвасарского, Д.А. Леонтьева, Т.Е. Левицкой, В.Л. Леви, К.В. Карпинского, Н.Г. Кормушиной, Р.С. Немова, М.М. Решетникова, Т.В. Рогачевой, Ю.В. Щербатых и ряда других известных отечественных ученных. В частности, в работах доктора психологических наук, профессора Д.А. Леонтьева рассматриваются две группы жизненных ситуаций, которые можно отнести к экзистенциальным: первая группа ситуаций – ситуации кризиса, связанная с разрушением ранее сложившейся структуры социального взаимодействия и жизненного мира человека, при отсутствии четких стратегий и ориентиров жизни в изменившихся условиях, вторая группа – это отсутствие удовлетворенности в ситуации абсолютного благополучия и успеха, стремление к непонятным для окружающих целям [1]. Также, Д. А. Леонтьев рассматривает экзистенциальную тревогу, которая по мнению ученного, какая присуща только человеку и связана с осознанием личностью своей неотвратимой смерти.

В рамках I-этапа разведывательного социально-психологического исследования проблем и стрессовых состояний жителей Донбасса, проведенного в ноябре – декабре 2019 г. кафедрой юридической психологии и педагогики Донбасской юридической академии совместно с Санкт-Петербургским Государственным университетом, была предпринята попытка изучения экзистенциальных страхов населения в условиях социальной неопределенности. Заметим, что экзистенциальные страхи рассматриваются нами как страхи, связанные с интеллектом, размышлениями о собственной жизни, о человеческом существовании в целом, о времени и смерти [2]. Выборочная совокупность составила 176 человек в возрасте от 18 до 73 лет.

Полный анализ результатов исследования в рамках данной публикации не приводится. Мы остановимся на отдельных аспектах исследуемой проблематики.

В ходе исследования респондентам было предложено закончить предложение «больше всего я боюсь……». Распределение вариантов ответов показало, что среди опрошенных преобладает страх потерять своих близких (38,3%) (Табл.1). По данным различных источников такой вариант ответа находится на границе социального и экзистенциального страхов. Напомним, что социальными являются страхи, связанные с опасением изменения своего социального статуса [3].

Таблица 1

Варианты завершения предложения «Больше всего я боюсь…» (в% от n=176)

Больше всего я боюсь	Процент опрошенных		
	Всего	Мужчин	Женщин
Потерять своих близких	38,3%	15,2%	23,1%
Войны	18,4%	5,3%	13,1%
Стать инвалидом	9%	4,5%	4,5%
Не успеть попробовать что-либо	1,2%	1,2%	0%

Вторую позицию занимает страх войны (18,4%). Можно предположить, что здесь преобладает экзистенциальный страх, который непосредственно связан со страхом смерти, будь то смерть близкого человека или же собственная. Иначе говоря, у человека возникает боязнь того, что он в какой-то момент перестанет жить, и изменить данную ситуацию он не способен, невзирая на социальный статус, личные достижения и степень его персональной вовлеченности в боевые действия [4]. 9% опрошенных бояться стать инвалидом. Часто подобные страхи формируются после смерти близкого человека. Причины появления такого страха могут быть различны: боязнь внешних изменений, боязнь остаться одному, стать никому не нужным, боязнь перемен, боязнь изменения социального статуса. Боязнь стать «обузой» в сознании человека часто приобретает конкретные формы, например: «буду обездвижен», «буду ходить под себя, а ухаживать некому», «меня станут ненавидеть близкие», «с инвалидностью это не жизнь» и т.д.

Далее рассмотрим отдельные ответы. Это были следующие варианты завершения предложения «больше всего я боюсь…»: «бога», «смерти», «нищеты», «предательства», «уйти с пути, перестать быть человеком», «опустить руки, ничего не делать», «потерять веру, смысл жизни», «вернуться в Украину». На наш взгляд указанные категории являются экзистенциалами, т.е. глубинными, иррациональными, метафизическими страхами [5].

В частности, страх перед богом ассоциируется в сознании человека с грехом, который с одной стороны может рассматриваться как грешное поведение, а с другой как грешное состояние души. Возможно для респондента это боязнь выбора между добром и злом в своих поступках и мыслях.

Отношение человека к смерти это отношение к собственной уязвимости. Осознание страха смерти может оказать существенное влияние на всю его жизнь, с одной стороны остро становиться вопрос конечности бытия, с другой стороны человек может пересмотреть жизненные стратегии и свое отношение к реальным проблемам и трудностям, сделав свое существование более осмысленным и принимая всю полноту ответственности на себя.

В заключении следует отметить, что продолжающийся вооруженный конфликт, проблемы в экономике, затянувшая социальная и политическая неопределенность являются благодатной почвой для формирования у жителей Донбасса особой группы страхов – экзистенциальных, которые связанны не с отдельными событиями в жизни индивида, а с возможностью существования (экзистенции) каждого конкретного человека. Экзистенциальные страхи формируются в глубине подсознания, не осознаются человеком в полной мере, а значит не могут быть преодолены полностью. Невозможность преодоления экзистенциальных страхов в ряде случаев приводит к тому, что страх принимает форму тревожного расстройства или фобии. Считаем необходимым в дальнейшем исследовать возрастные и гендерные аспекты данной проблематики, а также возможности применения психокоррекционного воздействия для снижения степени остроты экзистенциальных страхов.

Список литературы

1. Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться / Д.А. Леонтьев // Консультативная психология и психотерапия. – 2003. – Том 11. – № 2. – С. 107–119.
2. Карпинский К.В. Экзистенциальные аспекты переживания военной угрозы / К.В. Карпинский // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие. В 2 т. – Т.1 : Материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 26-28 сентября 2019 г. – Кострома : КГУ, 2019. – С. 494-497.
3. Рогачева Т.В. Психология экстремальных ситуаций и состояний: учебное пособие / Т.В. Рогачева, Г.В. Залевский, Т.Е. Левицкая. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2015. – 276 с.
4. Александровский Ю.А. Психогении в экстремальных условиях / Ю.А. Александровский. – М.: Медицина, 1991. – 96 с.
5. Симаченко И.П. Экзистенциальные страхи в период ранней юности: исторические этапы и современный взгляд на проблему / И.П. Симаченко // Северо-Кавказский психологический вестник.– 2011. – №4. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-strahi-v-period-ranney-yunosti-istoricheskie-etapy-i-sovremennyy-vzglyad-na-problemu, свободный. – Загл. с экрана.

УДК 371.8.061

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Макеенко Е.П.
ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования», г. Донецк, ДНР
Makeenko.elena15@gmail.com

Введение. Современный ребёнок, с первых дней своего рождения, оказывается в уникальном, неповторимом и несравнимом с существовавшими в прежние десятилетия социуме. Это не только другое жизненное пространство, но и новое восприятие ребёнком этого пространства. Открытая благодаря интернету и телевидению среда, возможность ощущать одновременно себя в разных временных, исторических, этнокультурных и других пространствах, а также постоянное давление на ребёнка огромного объёма недифференцированной информации становятся причинами стресса, а возрастающая потребность в получении готовой информации приводит к нарушениям в личностном развитии детей. Важной причиной, по которой современные исследователи [2,3,4,5] всё чаще обращаются к проблеме формирования и особенностям детской субкультуры в современном социуме, является наблюдаемое в обществе детское неблагополучие: распад сюжетно-ролевой игры, обеднение детской субкультуры, детская жестокость и агрессивность, эмоциональная неуравновешенность детей и т.д. Поэтому особенно *актуальной* становится проблема изучения реального влияния современного социума на формирование детской субкультуры.

Основная часть. В Концепции развития непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Донецкой Народной Республики указывается, что современное общество формирует для системы образования новый социальный заказ: ему необходимы не только высокообразованные, но и духовно богатые, инициативные граждане. Один из основных принципов, заложенных в основу Государственного образовательного стандарта дошкольного образования (далее – ГОС ДО) – это принцип сохранения детской субкультуры. ГОС ДО направляет работу педагогов на объединение обучения и воспитания в единый образовательный процесс на основе духовно-нравственных, социокультурных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения [1]. Таким образом, задача сохранения и развития детской субкультуры является приоритетной в стратегии деятельности дошкольных образовательных учреждений Донецкой Народной Республики.

Вопрос влияния социума на формирование детской субкультуры всегда волновал педагогов-практиков и родителей. Данная проблема нашла свое отражение в трудах многих известных психологов, учёных и исследователей. В рамках культурно-исторической концепции

Л.С. Выготского средой развития и воспитания ребенка признается культура. Осваивая основные черты и содержание культуры своего общества, менталитет, культурные образцы и стереотипы в поведении и мышлении, ребенок не только усваивает все основные идеи культуры и связи между ними, но и перенимает методику реагирования на весь спектр возможных ситуаций, в том числе и непредвиденных. Среди способов инкультурации выделяется детская субкультура.

В. В. Абраменкова, исследователь детской субкультуры, рассматривает ее в широком (все, что создано человеческим сообществом для детей) и более узком (смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития) значениях. Детская субкультура включает: игры, фольклор, детский правовой кодекс, юмор, магию и мифотворчество, религиозные представления, философствование, словотворчество, эстетические представления детей. Дети являются носителями, хранителями и творцами собственной субкультуры, которая отличается наличием собственной картины мира. Это своего рода культура в культуре, живущая по специфическим и самобытным законам детства, хотя и встроенная в общее культурное целое [2]. В настоящее время наблюдается всё более увеличивающийся разрыв между культурой для детей, создаваемой взрослыми, и детской субкультурой. Социумом насаждается так называемое «раннее развитие» дошкольника, что является, по мнению психолога Е.О.Смирновой «коммерческим продуктом в чистом виде» [5]. Мы можем также наблюдать и перенасыщение детского сообщества элементами культуры взрослых. Изменения, происходящие под влиянием новой социальной ситуации, влекут за собой: изменения механизмов формирования личности ребенка; изменения в способах деятельности; появление новых форм развития взаимоотношений с окружающими людьми, в том числе и негативного агрессивного поведения. Мы знаем, что первичная социализация и формирование нравственных ценностей личности происходят, прежде всего, в семье, а затем в неформальных сообществах, в сфере массовой информации, искусства, отдыха и т.д. Но наиболее системно, последовательно и глубоко воспитание личности и духовно-нравственное развитие происходит в сфере образования.

В связи с этим, с целью совершенствования профессиональной компетентности педагогических работников дошкольных образовательных организаций по вопросу формирования целостного представления о детской субкультуре и её влиянии на социальное воспитание личности нами разработаны и включены в дополнительные профессиональные программы повышения квалификации для педагогов дошкольного образования рабочие программы модулей: «Детская субкультура и социокультурный мир ребенка», «Возрастные и индивидуальные особенности развития личности. Создание благоприятных условий развития детей» и др. В ходе прохождения педагогами на базе ГОУ ДПО «ДОНРИДПО» данных модулей (в очном и дистанционном формате) исследовался вопрос

владения педагогами знаниями по данной проблеме. Из методов исследования были применены методы анкетирования, опроса и открытая групповая дискуссия. В дистанционном формате 127 слушателей приняли активное участие в дискуссии, посвящённой проблеме формирования детской субкультуры (воспитатели из 5 групп; время прохождения курсов 2019-2020 гг.). Анализ высказываний слушателей курсов выявил, что:

- 98 % педагогов, из числа принявших участие в дискуссии, придерживаются мнения, что значительно увеличилось влияние массовой культуры на детскую субкультуру;
- 65 % педагогов отметили, что в поведении детей значительно чаще стали проявляться образцы поведения антигероев, которым дети подражают. Это отражается в сюжетно-ролевых играх, поведении, речи;
- признавая наличие проблем в детской субкультуре, часть слушателей (34 %) испытывает затруднения при описании форм работы, способствующих присваиванию дошкольниками духовно-нравственных ценностей окружающего социального мира. Лишь 25 % слушателей курсов смогли поделиться личным опытом работы по данному направлению.

Заключение. Таким образом, в современной социокультурной ситуации, педагогам в своей воспитательной работе необходимо сохранить баланс: не выпускать из поля зрения социальные процессы, которые изменяются постоянно, и не забывать о фундаментальных основах, на которых держится формирование личности. В центре внимания педагога должен быть ребёнок как ценность – активный субъект жизнедеятельности, компетентная личность, способная реализовать свои потенциальные способности. Важно помнить, что содержание дошкольного образования направлено на сохранение детской субкультуры и ориентировано на ценности и интересы ребёнка.

Список литературы

1. Государственный образовательный стандарт дошкольного образования Донецкой Народной Республики: утвержден Приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 04 апреля 2018 г № 287. – URL: // https://gisnpa-dnr.ru/npa/0018-287-20180404/
2. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре / В.В.Абраменкова. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 416 с.
3. Веракса, Н.Е. Социальная психология дошкольника: Учебное пособие / Н.Е. Веракса, А.Н. Веракса, Т.А. Репина – М.: МОЗАИКА-СИНТЕЗ, 2016. – 352с.
4. Иванова, Н.В. Особенности и значение детской субкультуры / Н.В. Иванова // Педагогика. – 2005. – № 5. – С. 31-36.
5. Смирнова Е.О., Рябкова И.А. Состояние игровой деятельности современных дошкольников // Вопросы психологии. – 2013. – N 2. – С. 15-23.

УДК 159.964.21:615.851

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ НАРУШЕННОГО ЧУВСТВА ЗАВИСИМОСТИ

Максименко Е.Г., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
emaksimenko@donnu.ru

Введение. Проблема зависимого и созависимого поведения в научном сообществе обсуждается достаточно длительное время и можно констатировать, что в нашей культуре зависимое поведение априори оценивается как отрицательное (учитывая сопряженные с ним явления девиантного, аддиктивного характера), а независимое является некоторым образцом социального статуса и свободных отношений. Тенденция независимости активно продвигается в социальных, политических движениях, молодежных субкультурах, а также поддерживается родительскими практиками становясь некой стилевой характеристикой современных коммуникаций. Обсуждение данного вопроса вызвано желанием уточнить дефиницию зависимого поведения, действительно ли зависимое поведение является психологической причиной саморазрушающих тенденций, некой «формой рабства», ограничивающей возможности человека к саморазвитию или зависимое поведение, равно как и демонстративно независимое есть следствием глубинных психических процессов, вытесненных переживаний. Понимание природы зависимого поведения, его действительных источников и механизмов обусловило выбор темы научной работы.

Основная часть. В словаре психоанализа [5, с. 44] понятие «зависимость» рассматривается в двух вариантах. Во-первых, зависимость инфантильная: а) имеющая отношение к психической беспомощности индивида во младенчестве, сопровождающейся естественной зависимостью от родителей; б) связанная с невротическим переживанием психической беспомощности взрослого индивида в связи с фиксацией на ранних травмирующих переживаниях, связанных с неудовлетворением оральных потребностей. Во-вторых, зависимость взрослая, связанная с ощущением зависимости индивида в объектах, удовлетворяющих взрослые потребности. В словаре отмечается существование некоторой путаницы между пониманием состояний зависимости и независимости, в практике использования данных терминов для различения «беспомощности незрелого» от «самостоятельности зрелого» человека.

«Беспомощность» как доминирующая характеристика зависимого человека отмечается многими учеными (Додс Л.М., Кристал Г., Меерс Д.Р., Сэбшин Э. и др.). Лэнс М. Додс подчеркивает, что «Люди стремятся к аддиктивному поведению, потому что оно позволяет достичь чувства внутреннего эмоционального контроля над психической беспомощностью» [4, с.151]. Л. М. Додс отмечает наличие «цепи событий», первое звено которой уже приводит к изменению аффекта, например, заказ или покупка

алкоголя, акт получения наркотика. Начиная цепь событий, человек чувствует способность регулировать свое аффективное состояние, т.е. проявлять свободу воли, не быть беспомощным. Как известно, поддержание чувства контроля над своим эмоциональным состоянием является необходимым механизмом саморегуляции. В акте зависимого поведения человек «восстанавливает» чувство могущества. Поэтому коррекция зависимого поведения чрезвычайно сложна, ведь по сути терапии подвергается не восстановление чувства всемогущества, как личностного потенциала, а его ликвидация.

Тенденция независимого поведения демонстрирует противоположные зависимому акты внешнего поведения, однако, детерминирующие его внутренние механизмы идентичны – стремление к всемогуществу. По сути, чувство независимости есть таким же аддиктом, как химические вещества или физические факторы. Иллюзия могущества свободы, власти, денег способна облегчить эмоциональные страдания человека, но и разрушить эмоциональные связи с близкими, партнерами, коллегами, родиной и др. В начале цепи событий стремления к независимости будут фантазии бунтарского поведения. К сожалению, деструктивный аспект тенденции независимости обнаруживает себя только в крайне асоциальном поведении, когда человек уже совершил акт разрушения, преступления. Буллинг в школах не рассматривается как аддикт, а ведь это «первые звоночки» террористического поведения, в основе которого тенденция независимости.

Необходимо отметить, что блокирование или «ломание» независимых тенденций, как и блокирование зависимых не приведет к желаемым педагогическим результатам, но способно, через противостояние аддиктивной личности, увеличить их силу. Поиск оптимальных психолого-педагогических путей коррекции деструктивных поведенческих проявлений направил наше исследование в сторону изучения глубинных предпосылок зависимого/независимого поведения.

В теории объектных отношений (Д. Винникотт, М. Кляйн, М. Малер и др.) описывается один из важнейших и ранних конфликтов развития, связанного с переживанием младенцем чувства зависимости, с ощущением собственной беспомощности в возможности влияния на объектный мир. Невротическая зависимость у ребенка возникает всякий раз, когда мать дистанцируется в период потребности ребенка в индивидуации и/или излишне контролирует в период сепарации (М. Малер). В результате, нарушается связь между желанием и привязанностью, внутрь которой встраивается страх (остаться одному), контроль и дистанцирование (как стремление удовлетворить потребность в независимости, самоконтроле). В дальнейшем, человек рискует все время переживать деструкции диадных объектных отношений, вращаясь в «порочном круге» противоречия «зависимость-независимость», ощущая страх одиночества на фоне стремления к самостоятельности. Истинная, зрелая привязанность к другим людям формируется под влиянием чувства удовольствия и благодарности либидному объекту (матери), способному принимать

(контейнировать) страхи сепарации, поддерживать эмоциональным, визуальным и тактильным контактом в тенденции сближения, что в будущем является основой для развития эмпатии, сострадания и заботы.

В философии буддизма, например, акцентируется, что понимание или знание того, что субъект происходит от «зависимого начала», создает основу для внутренней гармонии и покоя, «свободы от негативных эмоций» [2, с. 55]. Логично продолжить, что стремление быть независимым на глубинном уровне связано с неудовлетворенной потребностью в зависимом начале. Индивид в ранних объектных отношениях не получил достаточного симбиотического опыта, не было адекватной поддержки нарциссического освоения пространства и влияния на него. Переход из состояния зависимости (симбиоз) в сторону независимости (психического рождения) был либо слишком резким, либо под руководством сверхзаботливой матери. В обоих случаях Эго испытывает сильнейший страх беспомощности. Задача кризиса не выполнена, психическая автономия не сформирована, либо сформирована с дефектом. В дальнейшем субъекту все время будет необходим некий переходный объект (аддикт) в ситуациях, которые связаны с освоением нового пространства и проявлением силы Эго.

Заключение. Мы полагаем, что неразрешенный внутрипсихический конфликт, связанный с затруднениями перехода из состояния зависимости в сторону независимости (Д. Винникотт) может определяться как нарушенное чувство зависимости. Нарушенное чувство зависимости становится стилевой составляющей вторичных, третичных объектных отношений. Поиск поддержки и опоры, значимости для либидного объекта (родительской фигуры), ожидание похвалы, сочувствия, наряду с потребностью в восторге и одновременно, страх при переживании ответственности за результаты деятельности, интимных отношений, родительских обязанностей приводит субъекта с нарушенным чувством зависимости в состояние высокой тревожности, озабоченности и беспомощности. Психокоррекционный процесс должен учитывать особенности психической организации нарушенного чувства зависимости и опираться на главную цель аддиктивной личности – восстановление ощущения внутренней силы и значимости для объектного мира.

Список литературы

1. Винникотт Д. В. Маленькие дети и их матери / Д. В. Винникотт ; пер. с англ. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Далай-Лама. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия / Далай-Лама, П. Экман. – СПб. : Питер, 2012. – 2012. – 304 с.
3. Малер М. С. Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация / М. С. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман ; пер. с англ. – М. : Когито-Центр, 2011. – 413 с. – (Библиотека психоанализа).
4. Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даулинга. – М.: Независимая фирма «Класс», 2007. – 232 с.
5. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа / Ч. Райкрофт ; пер. с англ. – СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 1995. – 250 с.

УДК 159.953

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАРУШЕНИЙ ПАМЯТИ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Маслова М.Н., Фархутдинова Ю.Н., канд. псих. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
julia82.06@mail.ru

Введение. На современном этапе всё более актуальным становится применение нейропсихологического подхода к рассмотрению вопросов, связанных с исследованием высших психических функций в детском возрасте.

В дошкольном возрасте память становится ведущей психической функцией и ее развитие у дошкольников характеризуется постепенным переходом от непроизвольного и непосредственного к произвольному и опосредствованному запоминанию и припоминанию. К концу дошкольного возраста процесс произвольного запоминания можно считать сформированным, ребенок способен для запоминания использовать логические связи [1].

При поступлении ребенка в школу заметно увеличивается объем информации, которую необходимо усваивать каждый день. Исходя из этого, главной задачей становится необходимость формирования у старших дошкольников рациональных приемов запоминания информации, которые способствуют развитию мнемических процессов на более старших этапах развития.

Однако можно наблюдать трудности, которые возникают при усвоении и запоминании информации. В связи с этим актуальным является рассмотрение нейропсихологических исследований, связанных с нарушениями в развитии мнемических процессов.

Основная часть. Проблема исследования и развития памяти в нейропсихологии рассматривалась в работах А.Ю. Абрамовой, Л.С. Выготского, Ж.М. Глозман, А.Р. Лурия, А.В. Семенович, Л.С. Цветковой и др.

Становление памяти, как психической функции в дошкольном возрасте, ее тесная связь с другими психическими функциями на разных этапах онтогенеза рассматривается как сложная форма психической деятельности, опирающаяся на иерархическую систему саморегулирующихся актов, включающих в себя как нейрофизиологические, так и психические процессы [2].

Отмечается, что свойственный более ранним фазам развития генерализованный тип работы крупных отделов мозга, его усиление, со временем меняется на регионально-специфический. Так, мозговые системы, восполняющие функциональную систему памяти, достигают к 6-7 годам определенную степень зрелости и берут на себя ведущую роль в обеспечении когнитивных функций.

Как известно, А.Р. Лурия разработал структурно-функциональную модель работы мозга как субстрата психической деятельности. Согласно этой модели, весь мозг подразделен на три основные блока: энергетический блок; блок приема, переработки, и хранение экстерорецептивной информации; блок программирования, регуляции и контроля за протеканием психической деятельности. Согласно работе функциональных блоков мозга по А.Р. Лурия, работа памяти тесно связана с работой второго блока, т.к. все анализаторные системы проходят через него. Однако при этом исследователь акцентирует внимание, что за память отвечают все три блока. В зависимости от того какой блок поврежден, нарушается и соответствующие виды памяти [3].

Исследовано, что на развитие памяти влияет общая несформированность нейродинамических показателей, которые связаны со скоростью запоминания, работой кратковременной памяти (ребенок «ничего не слышит и не помнит»).

Немаловажным является вопрос, связанный с несформированностью межполушарного взаимодействия. При нейродиагностике отмечаются так называемые «краевые» эффекты при исследовании памяти: в первую очередь воспроизводятся первый и последний эталоны. В частности, несформированность правого полушария ведет к нарушению слухоречевых и зрительных эталонов; несформированность левого полушария ведет к дефицитарности слухоречевой памяти (тенденция к размытости границы слова и появлению словесных новообразований) [4].

На развитие памяти влияет и уровень развития речи. В частности, нарушения импрессивной речи связаны с трудностями удержания в памяти элементов фразы, с недостатками слухоречевой памяти.

На работу мнестических процессов влияет и незрелость лобных долей (1 блок мозга). Среди основных нарушений выделяют: трудности произвольного и опосредованного запоминания, снижение объема запоминания, конфабуляции.

Нейропсихологический подход дает возможность точного определения причин трудностей, связанных с развитием памяти ребенка. В работе с детьми дошкольного возраста нейропсихологи рекомендуют использовать различные коррекционные игры и упражнения для развития памяти. В разных исследованиях представлены методы замещающего онтогенеза как базовые нейропсихологические методы коррекции и конкретные психотехники, составляющие основу нейропсихологического сопровождения детей, а также дидактические материалы – поурочные психолого-педагогические программы, разработанные на основе нейропсихологического подхода к коррекции, и профилактике процессов развития памяти. Для активизации нижних отделов ствола головного мозга и отдельных полушарий применяют упражнения, которые выполняются после определения доминантного полушария с помощью стандартных тестов, принятых в нейропсихологии (доминантный глаз, доминантная рука) – это гомолатеральные (односторонние) шаги. Для вовлечения

верхних отделов ствола, интегрирования мозга и активизации межполушарных связей используют гетеролатеральные движения, дыхательные упражнения, массаж и самомассаж, глазодвигательные упражнения, телесные упражнения [5].

Заключение. Таким образом, в нейропсихологических исследованиях отмечается, что изучение структурно-функциональной организации мнестической деятельности связано с анализом роли отдельных мозговых структур в обеспечении процессов памяти и определением физиологических условий и механизмов, которые характерны для работы этих структур, а также с анализом психологического содержания процессов, обеспечивающих эти функции.

Список литературы

1. Кураев Г.А. Возрастная психология: Курс лекций / Г.А. Кураев, Е.Н. Пожарская. – Ростов-на-Дону: УНИИ валеологии РГУ, 2002. – 146 с.
2. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2006. – 320 с.
3. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 384 с.
4. Будыка Е.В. Лекции по нейропсихологии. Учебное пособие. – М: МГМСУ, 2014. – 58 с.
5. Кудрявцева Г.Ю. Гимнастика для мозга: учебно-методические рекомендации / Г.Ю. Кудрявцева, О.В. Кузнецова. – Новокузнецк, 2002. – 18 с.

УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕЧТЫ У ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ

Мельник Е.В., Могилевская В.Ю.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
г. Тирасполь, ПМР
elenka.elena.99@mail.ru

На сегодняшний день проблема исследования психологического содержания мечты является одной из важнейших с точки зрения подходов рационального ее формирования и реализации.

Мечта – одно из наиболее ярких событий нашей внутренней жизни. Образы, мечты создают в нашем воображении целый мир желаемого [1].

Целью нашей эмпирической работы явилось исследование психологического содержания мечты у подростков и юношей.

На основе обобщения данных в научной литературе нами была разработана модель мечты, в основу которой были положены работы Б.И. Додонова, А.С. Огнева, М.М. Зониса, Ф.А. Казина, А.Л. Мальчуковой [2]. Согласно ей, мечта понимается нами как комплексный феномен, образ воображения, направленный в будущее, оказывающий влияние на различные стороны психики, носящий активный сознательный характер и представлен такими компонентами как: перспективно-временной (частота об-

ращения к мечте, ее обращенность в прошлое, настоящее или будущее), мотивационно-целевой (причины обращения к мечте, целевая соотнесенность мечты), когнитивно-содержательный (образность, детализация, содержание мечты), эмоционально-чувственный компонент (эмоции, чувства, возникающие в процессе мечтания или актуализации мечты).

В сравнительном исследовании приняли участие представители двух возрастных групп: подростки (20 человек) и юноши (48 человек). В группе подростков 10 девочек и 10 мальчиков, в группе юношей 26 девушек и 22 молодых человека. Исследование проводилось в марте и апреле 2020 года. Нами применялась разработанная анкета, в основу критериев подбора вопросов для которой, легла предложенная нами модель. Достоверность полученных выводов проверялась с помощью математико-статистического критерия Краскела-Уолиса (подсчет различий для несвязанных выборок).

Обобщенные результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты подсчета математико-статистических различий психологического содержания мечты у подростков и юношей групп при помощи критерия Краскела-Уолисса

Перспективно-временной компонент (частота обращения к мечте, обращенность в прошлое, настоящее или будущее)			
Варианты ответов	**Т эмп**	**Уровень значимости**	**Результат**
Много раз в день	0.7	0.6	Различия незначимы
Несколько раз в день	1.3	0.5	Различия незначимы
Примерно раз в день	0.01	0.9	Различия незначимы
Раз в неделю	1.3	0.5	Различия незначимы
Редко	0.9	0.6	Различия незначимы
Настоящее время	16.5	0.1	**Различия значимы**
Будущее время	46.2	0.1	**Различия значимы**
Прошедшее время	38.4	0.1	**Различия значимы**
Мотивационно-целевой компонент мечты			
Варианты ответов	**Т эмп**	**Уровень значимости**	**Результат**
Грустно	20.2	0.1	**Различия значимы**
Творчество/Хобби	21.1	0.1	**Различия значимы**
Перед сном	16.3	0.1	**Различия значимы**
Скучно	44.1	0.1	**Различия значимы**

Продолжение таблицы 1

В одиночестве	12.03	0.1	**Различия значимы**
В компании	61.2	0.1	**Различия значимы**
Отдыхаю	12.9	0.01	**Различия значимы**
Смотрю фото	11.4	0.1	**Различия значимы**
Хорошее настроение	11.9	0.1	**Различия значимы**
Когнитивно-содержательный компонент мечты			
Варианты ответов	Т эмп	**Уровень значимости**	**Результат**
Работа и деньги	57.0	0.1	**Различия значимы**

Продолжение таблицы 1

Карьера	59.5	0.1	**Различия значимы**
Путешествия	22.9	0.1	**Различия значимы**
Семья	43.2	0.1	**Различия значимы**
Эмоционально-чувственный компонент мечты			
Варианты ответов	Т эмп	**Уровень значимости**	**Результат**
Радость	42.7	0.1	**Различия значимы**
Стыд	22.5	0.1	**Различия значимы**
Грусть	28.8	0.1	**Различия значимы**
Прилив сил	36.6	0.1	**Различия значимы**

Анализируя результаты исследования различий перспективно-временного критерия (частота обращения к мечте, ее обращенность в прошлое, настоящее или будущее), можно сделать вывод, что подростки мечтают несколько раз в день и их мечты направлены на настоящее, юноши обращаются к мечте несколько раз в день и их мечты направлены в будущее. Отметим, что по данным показателям нами не было получено статистических различий. Это говорит о том, что частота обращения к мечте у подростков и юношей сходны. Однако подростков метают о настоящем, в то время как мечты юношей обращены в будущее.

Результаты исследования различий мотивационно-целевого компонента (причины обращения к мечте, целевая соотнесенность мечты) показывают, что подростки мечтают, когда занимаются творчеством и хобби, юноши обращаются к мечте, когда им скучно, в одиночестве и перед сном.

По результатам исследования различий когнитивно-содержательного компонента (образность, детализация, содержание мечты) можно сделать вывод о том, что у подростков мечты детализированы, реалистичны и связаны с карьерой и деньгами, юноши чаще мечтают о будущем, карьере и путешествиях. Отметим, что по данному критерию нами так же получены различия, что говорит о своеобразии содержания мечты у подростков и юношей.

Анализ различий эмоционально-чувственного компонента (эмоции, чувства, возникающие в процессе мечтания или актуализации мечты) свидетельствует о том, что подросткам процесс мечтания приносит радость и прилив сил, а юноши чаще грусть и стыд.

Результаты проведенного нами исследования убедительно показывают наличие различий психологического содержания мечты у подростков и юношей и могут быть интересны психологам службы образования, практическим и семейным психологам, занимающимися вопросами сопровождения личностного развития и построения жизненной перспективы молодого поколения.

Список литературы

1. Егорова П.А., Мечта как предмет психологического исследования / П.А. Егорова // Психологическая наука и образование, 2014. – №1. – С. 19-27.
2. Жизненная навигация: технологии саморазвития личности студента в процессе обучения в вузе / М.М. Зонис, Ф.А. Казин, А.Л.Мальчукова и др. – СПб, 2016. – 109 с.

УДК 159.99:378

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Могилевская В.Ю.
ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
victoriyal4025@mail.ru

В последние годы все большее значение придается этапу профессиональной подготовки педагогов на этапе обучения в вузе. В Приднестровье государственной площадкой научно-методической и практической подготовки студентов педагогических направлений является Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, где традиционно большое внимание уделяется формированию и развитию учебной мотивации будущих педагогов. Это связано с пониманием особого психологического значения учебных мотивов и мотивации на пути становления профессионализма и готовности к реализации эффективной педагогической деятельности в будущем.

Проблемами исследования и формирования учебной мотивации занимались такие отечественные ученые как Е.П. Ильин, А.К. Маркова, Т.И. Ильина, Т.К. Крикунова, А.В. Петровский, М.В. Воробьева, Л.И. Митина, В.А. Вербицкий и др. [1]. В работах данных исследователей мотивация обучения рассматривается в качестве важнейшего аспекта мотивационного компонента профессиональной готовности к педагогической деятельности. Особое значение в структуре учебной мотивации традиционно придается положительному отношению к профессии, выраженность профессиональных и познавательных мотивов, стремление к построению карьеры (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Л.М. Митина, Л.С. Подымова, Ю.И. Щербаков, Е.А. Леванова, А.С. Огнев, И.Г. Прокопенко) [2].

Целью нашего исследования было изучение особенностей учебной мотивации будущих педагогов. Выборку исследования составили 64 студента педагогического направления подготовки. Нами были использованы диагностика мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной и методика диагностики уровня учебной мотивации Т.К. Крикуновой.

Результаты исследования представлены в таблице 1 и рисунке 1.

Из таблицы 1 видно, что у будущих педагогов преобладает средний уровень учебной мотивации, что говорит о среднем стремлении к выполнению учебной деятельности. Так же выражена доля студентов, для которых характерен высокий уровень учебной мотивации, а значит, они достаточно сильно стремятся к выполнению учебной деятельности.

Помимо этого, обследованная группа студентов в большей степени характеризуется среднем уровнем выраженности познавательной потребности, что характеризует ее как в средней степени испытывающую нужду в получении новых знаний и поиске нового опыта. Однако, в

отличие от показателя уровня учебной мотивации, доля респондентов с низким уровнем познавательной потребности в существенной мере превышает долю студентов с ее высоким уровнем.

Таблица 1

Выраженность учебной мотивации будущих педагогов, в %

Показатель	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Уровень учебной мотивации	29	63	8
Уровень познавательной потребности	13	70	17

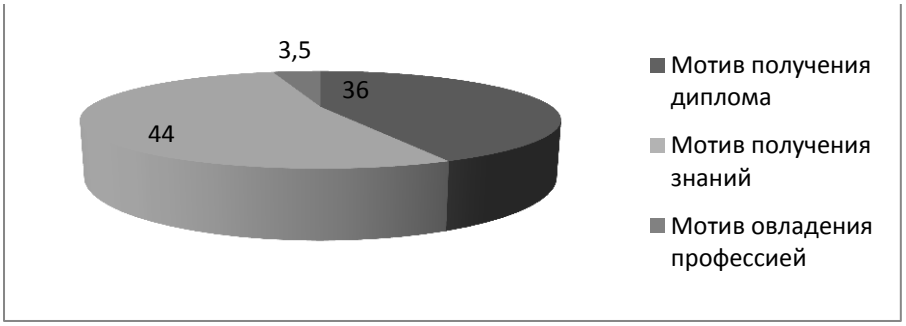

Рис. 1. Выраженность мотивов обучения в вузе у будущих педагогов, в%

Анализ рис. 1 показывает, что преобладающими мотивами обучения в вузе у будущих педагогов являются получение диплома и мотив получения знаний, что свидетельствует о преобладании стремления получить высшее образование независимо от содержания профессии и стремлении к приобретению новых знаний во время обучения в вузе. В наименьшей степени у обследованных респондентов выражен мотив овладения профессией, характеризующийся устойчивыми профессиональными интересами и стремлением к труду по выбранной профессии.

Обобщение полученные данных позволило охарактеризовать особенности учебной мотивации будущих педагогов. Для них характерен средний уровень учебной мотивации и познавательной потребности, а так же преобладание мотивов получения знаний и получения диплома. Это характеризует респондентов как в средней степени стремящихся к выполнению учебной деятельности и в средней степени испытывающих нужду в поиске нового опыта. Ведущими мотивами обучения в вузе у будущих педагогов являются стремление к получению новых знаний и впечатлений и желание получить высшее образование независимо от содержания профессии.

С целью уточнения полученных данных нами был проведен корреляционный анализ при помощи критерия Спирмена между показателями выраженности познавательной потребности и уровнем учебной мотивации. Полученное значение составило $r_s = 0.659$, которое при уровне достоверности 0,01 входит в зону значимости, что свидетельствует о наличии математико-статистической связи между этими феноменами. Нами так же была изучена корреляция между значениями

уровня ученой мотивации и предпочитаемыми мотивами обучения в вузе у будущих дефектологов. Полученные значение связи между показателями уровня ученой мотивации и доминирующими мотивами обучения (получение диплома и получение знаний) в вузе составили 0,016 и 0,308 и не вошли в зону значимости.

Полученные результаты исследования были использованы нами как основа разработки развивающей программы «Путь к учительству». Она включает 12 занятий, последовательно формирующих более высокий уровень познавательной потребности студентов посредством решения нестандартных профессиональных задач и применения тренинговых упражнений направленных на повышение осознанности выбора профессии педагога. Программа реализуется на кураторских часах с периодичностью одной встречи в неделю. В настоящее время в связи с условиями пандемии и введением карантинных мероприятий по противодействию распространению короновирусной инфекции, ее реализация перешла в дистанционный формат. В связи с чем, необходимо внести коррективы, исключающие методы непосредственного контакта студентов друг с другом, а проверка ее эффективности требует дополнительного обсуждения. В дальнейшем нами планируется создание и опубликование рабочей тетради на основе предложенной программы и ее использование в процессе обучения будущих педагогов.

Список литературы

1. Могилевская В.Ю. Особенности учебной мотивации будущих дефектологов / В.Ю. Могилевская, А.М. Чобан-Пилецкая // Инклюзивное образование: теория и практика. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / под ред. О.С Мишиной и др. – 2019. – С. 160-164.
2. Чибисова М.Ю. Мотивы обучения в вузе студентов в условиях социальной неопределенности / М.Ю. Чибисова, В.Ю. Могилевская // Студенческая наука Подмосковью Материалы Международной научной конференции молодых ученых. – 2019. – С. 170-173.

УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Мороз А.С., Сидорова О.Г.
ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г.Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
opsipr.pgu@yandex.ru

Для современной системы образования обеспечение психологической комфортности и безопасности образовательной среды является актуальной практической задачей.

Это обусловлено тем, что в современном мире возросла вероятность столкновения молодых людей с различными стрессовыми событиями, что

может привести к разрушению базовой потребности в безопасности, потере веры в себя и свои перспективы, к дезадаптации молодого человека в обществе, невротизации, депрессивным состояниям. Эти факты не оставляют сомнений в необходимости изучения проблемы психологической безопасности личности в образовательном процессе, рассмотрении вопросов создания системы психолого-педагогической помощи в затруднительных ситуациях, и осуществления в образовательном процессе профилактической деятельности по обеспечению психологического здоровья.

С целью изучения психологической безопасности личности в образовательной среде вуза нами было проведено эмпирическое исследование студентов Приднестровского государственного университета им Т.Г. Шевченко (далее ПГУ). В нем приняли участие 215 студентов. Для тестирования использовался модифицированный к условиям нашего исследования вариант психодиагностической методики «Психологическая безопасность образовательной среды», разработанной И. А. Баевой [1; с. 105-118].

В ходе, проведенного нами, исследования рассматривались аспекты психологической безопасности образовательной среды: референтная значимость окружения (отношение к образовательной среде вуза), удовлетворенность в личностно-доверительном общении, т. е. удовлетворенность характеристиками образовательной среды вуза, защищенность от психологического насилия (от публичного унижения, оскорбления, высмеивания, угроз, вымогательств).

Анализируя отношение к образовательной среде вуза, необходимо отметить, что большинство опрошенных (60 % респондентов) имеет позитивное отношение к образовательной среде, нейтральное отношение – 26 % респондентов. Выраженное негативное отношение выявлено у 14 % испытуемых, принявших участие в тестировании. Отсюда следует, что большинство студентов имеют позитивное отношение к образовательной среде своего вуза, рассматривая ее как значимую в качестве носителя норм, устанавливающих и усиливающих стандарты поведения личности.

Также категория «отношение к образовательной среде вуза» может рассматриваться в единстве трех компонентов: когнитивного (рационального), эмоционального и поведенческого (волевого).

Рассматривая когнитивный компонент, были получены следующие данные: 78,5 % от опрошенных студентов отмечают положительное отношение, т. е. обучение в вузе требует постоянного самосовершенствования своих способностей, возможностей, и помогает им в развитии профессиональных качеств. Нейтральное отношение выявлено у 14,2 % респондентов и негативное у 7,3 % от опрошенных студентов.

Изучая эмоциональный компонент, было выявлено, что у 61,3 % респондентов положительное эмоциональное отношение к обучению в вузе. У студентов преобладает позитивное настроение, обучение считают интересным. 29,5 % выразили нейтральное отношение и у 9,2 % респондентов негативное эмоциональное отношение.

Исследуя, поведенческий компонент были получены следующие данные: 43,3 % от опрошенных студентов отмечают положительное

отношение к обучению. У 36 % респондентов нейтральное отношение, а у 20,7 % испытуемых негативное отношение к обучению в вузе.

При изучении отношения студентов к образовательной среде следует, что в ПГУ им. Т. Г. Шевченко преобладает позитивное отношение к обучению в вузе. Наиболее высокие результаты получены по когнитивному компоненту, это говорит о том, что студенты положительно относятся к выбранной профессии и стремятся к самосовершенствованию. Большинство студентов испытывают позитивные эмоции в процессе обучения и взаимодействия в вузе. Данные по поведенческому компоненту ниже, что может являться отражением социальных проблем в обществе.

Для определения значимых характеристик были отобраны наиболее используемые в образовательной среде вуза. Студенты оценивали данные показатели по 5-балльной системе удовлетворенности данными аспектами. Среднее значение удовлетворенности характеристиками образовательной среды вуза составило 3,98 балла, что соответствует высокому уровню. 64% респондентов обладают высоким уровнем удовлетворенности и у 36% – очень высокий уровень.

Исходя из результатов исследования значимых характеристик образовательной среды вуза видно, что преобладает высокий уровень удовлетворенности различными аспектами образовательной среды. Это касается как взаимоотношений с сокурсниками, так и с преподавателями. Они отмечают положительный эмоциональный комфорт в вузе, возможность высказывать свою точку зрения на занятиях, уважительное отношение к себе со стороны преподавателя.

Изучая защищенность от психологического насилия во взаимодействии, было выявлено, что 83,4 % испытуемых определяют степень своей психологической защищенности на высоком уровне и 16,6 % – на среднем уровне. В целом уровень защищенности от психологического насилия во взаимодействии в вузе – высокий, среднее значение которого составил 3,33 балла (при максимальном значении 4).

Считается, что психологически безопасной образовательной средой можно считать такую, у большинства участников которой сформировано положительное отношение к образовательной среде, отмечается высокий уровень удовлетворенности характеристиками образовательной среды и защищенность от психологического насилия в межличностном взаимодействии [2].

Отсюда следует вывод, что на основании проведенного нами исследования в ПГУ им. Т. Г. Шевченко, можно констатировать наличие психологически комфортной и безопасной образовательной среды. Поэтому одной из важных задач в работе психолога является формирование психологической готовности личности к распознаванию ситуаций психологической опасности, принимать соответствующие решения для избегания выявленной опасности или защиты от нее, а так же обучение способам и методам формирования устойчивости личности к стрессовым ситуациям.

Список литературы

1. Баева И. А., Бурмистрова Е. В., Лактионова Е. Б., Рассоха Н. Г. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практ. руководство. СПб.: Речь, 2006. 288 с.
2. Корытова Г. С., Закотнова Е. Ю. Психологическая безопасность и защищенность образовательной среды: факторы риска, угрозы и условия // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 9 (162). С. 96-102.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОКРУЖАЮЩЕЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАРТИНЫ МИРА ЛИЧНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Набатова С.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
sofya.nabatova@yandex.ru

В психологической науке различные направления, школы использовали разные термины для обозначения совокупности представлений человека о себе, о других людях и взаимодействии с ними, об окружающем мире и своём месте в нём («картина сознания» Ж. Пиаже, «модель мира» Дж. Брунер, «система личностных конструктов» Дж. Келли, «структура субъективного опыта» Е. Ю. Артемьевой и т.д.) [2].

Одно из наиболее полных описаний данной категории можно обнаружить в работах отечественных учёных А. Н. Леонтьева и В. П. Зинченко. Так, картина мира – это многослойная конструкция, хранящая в себе все знания об устройстве окружающего мира в виде представлений и/или образов, «уложенных» в соответствии с определённой «архитектурой» [1].

До сих пор является мало изученным вопрос формирования картины мира личности в подростковом (11-17 лет) и юношеском возрасте (16-23 года) [3]. Современные подростки, юноши и девушки Донбасса имеют опыт переживания экстремальных ситуаций и/или ситуаций неопределённости и нестабильности. Подобные условия личностного формирования оказывают сильное влияние на их представления об окружающем мире. Данные представления, в свою очередь, влияют на адаптацию подростков и юношей в обществе, на характер их взаимодействия с окружающей реальностью [4].

Таким образом, целью данного исследования является анализ представлений подростков и юношей об окружающем мире как компонента картины мира личности.

Выборку исследования составили 113 человек старшего подросткового (9 класс), раннего юношеского (11 класс) и юношеского (1-2 курс университета) возраста, проживающие в Донецкой Народной Республике (г. Горловка, г. Донецк). Использование проективной методики

Е. С. Романовой «Картина мира» позволило получить данные о знаниях, отношении и представлении испытуемых об окружающем мире, что, в свою очередь, является элементом картины мира личности в целом [5]. Так, исходя из классификации Е.С. Романовой, рисунки большинства респондентов относятся к «пейзажному» (34 %) и «метафорическому» (28 %) видам. К «схематическому» виду относится 21 % рисунков испытуемых, к виду «непосредственное окружение» – 10 %, к «планетарному» – 7 %.

С целью дополнения и детализации интерпретации проективной методики «Картина мира» был проведён контент-анализ рисунков испытуемых. Так, было выделено 13 основных тематических категорий рисунков (рис. 1). Наиболее количественно представленными категориями являются «Хорошие погодные условия» (18 % всех рисунков) и «Путь» (15 % всех рисунков). Изображение солнца, белых облаков, ясного неба и т.д. может быть отнесено к стереотипному рисованию пейзажей. На многих рисунках испытуемых изображены дороги, тропинки, реки, которые символизируют путь. Также в данную категорию были включены рисунки облаков мыслей с вопросами, дорожных карт с множественными вариантами путей, что является отображением проблемы выбора. Представления о мире как о «пути» наиболее характерны для испытуемых подросткового возраста, что в некоторой степени может свидетельствовать об актуализации самоопределения, проблемы жизненного выбора в данном возрастном периоде. Помимо категории «Путь» (12 % подростковых рисунков) специфичными для подростков являются сюжеты, относящиеся к категориям «Война» (14 %), «общество» (10 %) и «двойственность мира» (9 %). Тема войны не раскрыта в рисунках респондентов раннего юношеского и собственно юношеского возраста, а негативные по эмоциональной окраске рисунки картины мира подростков содержали сцены обстрелов и бомбёжек, оружия, разрушенных домов и плачущих людей. Это может свидетельствовать о том, что на формирование негативной картины мира современных подростков Донбасса оказывает влияние пережитый за 6 лет вооружённого конфликта страх за свою жизнь и жизнь близких. Однако данное утверждение требует дальнейшей проверки. Тема «общества» представлена иллюстрациями общественного строя, социальных явлений (конкуренции, противостояния между людьми и государствами). Категорию «двойственность мира» составляют изображения хорошей, светлой стороны жизни и тёмной, плохой на одном листе через проведённую границу. У испытуемых раннего юношеского возраста специфической темой можно назвать «смайл» (16 %). Это может быть связано со значительной ролью социальных сетей в проявлении чувств молодыми людьми. Только у респондентов собственно юношеского возраста появляются такие темы, как «отдых» (24 %). Также для испытуемых данной возрастной категории характерно частое упоминание родных и близких людей (18 %) и более частое появление отметки «Я» на рисунках, что демонстрирует процесс поиска своего места в жизни.

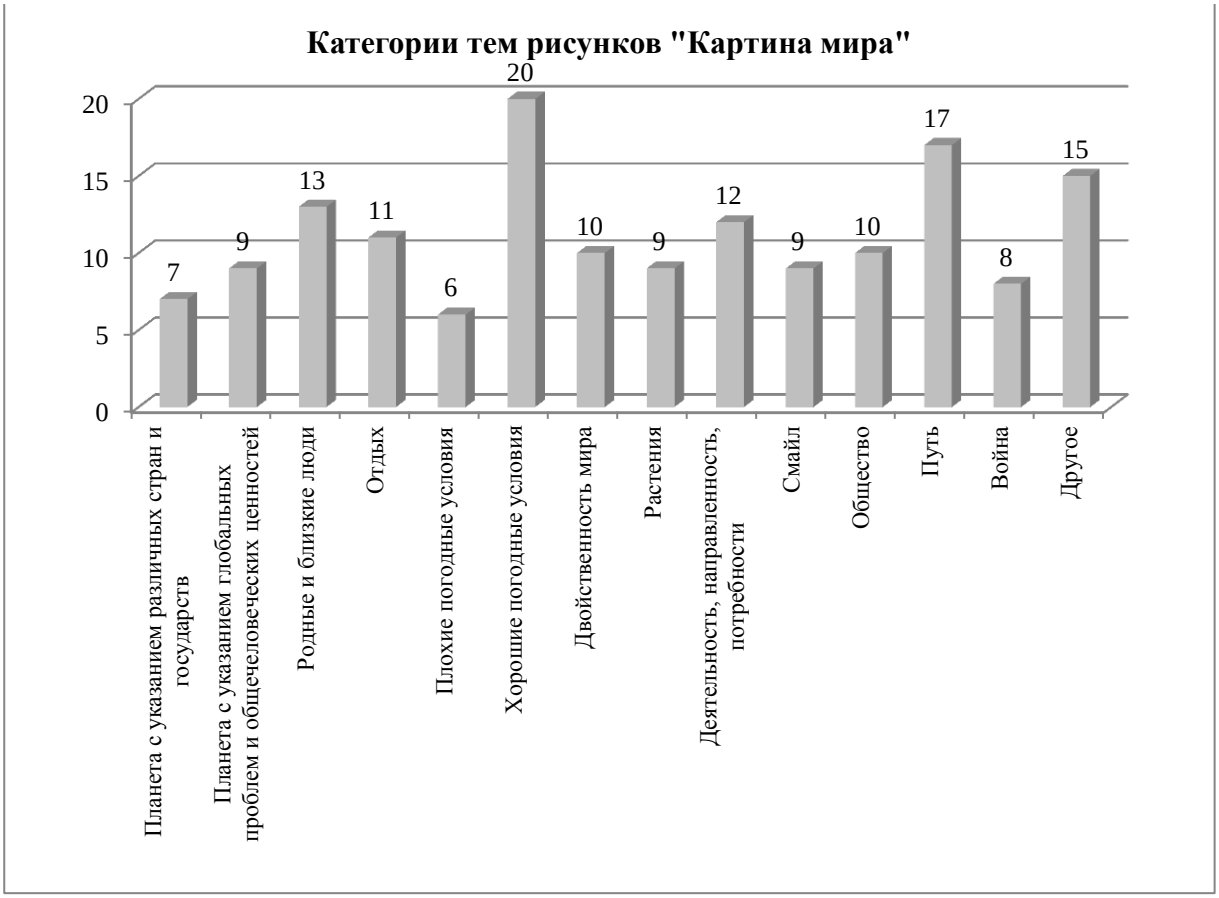

Рис. 1. Категории тем рисунков испытуемых, выделенные с помощью контент-анализа

В заключение можно сделать вывод, что цели данного исследования были достигнуты, данные об особенностях представлений и отношения к окружающей реальности подростков, юношей и девушек Донбасса были получены. В указанные возрастные периоды картина мира личности включает в себя как конкретные, внешние и объективно наблюдаемые признаки окружающей реальности (объекты природы и культуры), так и признаки, выражаемые через абстрактные понятия (времени, выбора, пространства и т.д.).

Список литературы

1. Большой психологический словарь / Под общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.
2. Леонтьев А. Н. Образ мира: в 2 т. // Избранные психологические произведения. – М.: Изд-во «Педагогика», 1983. – С. 251-261.
3. Обухова Л. Ф. Возрастная психология: учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2013. – 460 с.
4. Реан А.А. Психология адаптации личности: Учебно-научное издание / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПБ.: Медицинская пресса, 2002. – 352 с.
5. Романова Е.С. Графические методы в психологической диагностике / Е.С. Романова, О.Ф. Потемкина. – М.: Дидакт, 1992. – 256 с.

УДК 153.32 + 154.9 + 155.458

ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК КОНСТРУКТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Некрасова И.Н., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
inn1769@mail.ru

Введение. Обеспечивая междисциплинарный диалог в исследовательской практике, синергетический подход позволяет разрабатывать конструкты, отражающие нелинейную природу понимания человека как психобиосоциальной метасистемы [9;10]. В русле синергетической методологии личность характеризуется сложной структурной организацией, подчиняющейся принципам метасистемной самодетерминации [9;11]. В этой связи, в современной исследовательской практике ощущается спрос на использование конструктов, интегрально представляющих личность как метасистему [10;12], что и определяет *актуальност*ь данной статьи.

В данном случае речь идет не столько о психологических конструктах, раскрывающих метаиндивидный аспект личностной саморепрезентации (Я-концепция, рефлексия, жизненный путь и т.п.), сколько о тех исследовательских характеристиках, которые позволят понять закономерности метасистемной организации личности как функциональной единицы социума. Понимая личность как открытую нелинейно детерминированную ценностно-смысловую метасистему, представленную для себя самой одновременно и как объект, и как субъект социокультурных отношений [11], для исследователя остаются непонятными психологические закономерности функционирования личности как системного социокультурного оператора. Восполняя дефицит методологической разработки подобных исследовательских задач, рассмотрим эвристический потенциал использования образа жизни как метасистемного конструкта социально-психологических исследований, что и составляет *цель* данной статьи.

Постановка проблемы. Запрос на разработку новых конструктов возникает в науке тогда, когда меняется спрос на предмет научного познания [1-3]. Системно-динамический и деятельностный подходы в последней четверти XX столетия претерпели серьезную методологическую модернизацию, позволившую выполнять дескриптивные исследования в русле неопозитивизма и даже использовать качественные модели научного поиска [3;4]. Тем не менее, для современного исследователя важна не столько развернутая дескрипция личности как самодетерминированной ценностно-смысловой системы, сколько возможность ее *системного прогностического анализа*, что может быть реализовано только в русле *синергетической* методологии [8;9]. Для этого необходимо понять закономерности взаимных переходов в системе «значение»↔«смысл», осуществляемые при участии конкретной личности как единицы социума.

Личность следует рассматривать и как формат отражения, и как способ трансляции значений и смыслов, и как оператор трансформации различных сфер жизни (политика, культура, мода и пр.). Кроме того, прогностический вектор исследований дает возможность понять механизмы и динамику трансформации духовных форматов жизни общества, позволяет прогнозировать последствия социальных кризисов на основе понимания психологических закономерностей преобразования индивидуального опыта в социально значимый [8].

Отметим, что главной методологической сложностью подобных исследовательских задач является то, что используемые категории системного анализа личности (ценность, мотив, смысловая установка, стиль жизни, жизненный путь, Я-концепция и т.п.), сами по себе, еще не раскрывают содержание и сквозную динамику изменения структурно-функциональных характеристик субъектности в контексте (онто)филогенеза. Не обеспечивается интегральная репрезентация личности в качестве оператора преобразования интрапсихического и окружающего социально-культурного пространства в рамках всего жизненного цикла (ретроспектива↔настоящее↔будущее). Это методологически и содержательно редуцирует научный поиск, так как на основе классических исследований невозможно анализировать жизненное прошлое и будущее субъекта как отражение специфики настоящего. Тем не менее, данные сложности можно успешно преодолеть, если в исследовательской практике использовать концепт образа жизни.

Основная часть. Образ жизни не является новым понятием в психологии [6;7]. Однако, в отечественных исследованиях данное понятие практически не используется, так как разнородный характер раскрывающих данное понятий феноменов свидетельствует о слабости его теоретико-методологической проработки [5-7].

В этой связи, представляется целесообразным рассматривать образ жизни как субъективную модель отношения и взаимодействия человека с жизнью (система субъективных жизненных выборов), которая обусловлена интегральными (базовыми) ценностно-смысловыми ориентирами личности. Образ жизни это воплощение ментального формата жизни индивида, представленное как некий алгоритм преобразования конкретной логической ситуации в форме субъективно мотивированного выбора материальных и духовных условий окружающей жизни. Именно в дихотомии «материальное↔духовное» и раскрывается эвристический потенциал образа жизни, так как в большинстве случаев исследователи ограничиваются скринингом психологических или овеществленных внешних характеристик человеческой жизни, практически не затрагиваются вопросы внутреннего субъективного источника организации жизнедеятельности, механизмов блокировки возникающих экзистенциальных кризисов как последствий ошибочного жизненного выбора личности [5;7].

Также к инновационной функциональности конструкта «образ жизни» может быть отнесено и то, что в контексте положения о единстве

гомеостаза и становления личности [2] данный конструкт может системно представить не только модус личностной репрезентации «здесь и теперь», но и позволяет исследовать модусы репрезентации «прошедшее» как заданное и прогнозировать «будущее» как возможное. Вследствие этого, образ жизни может рассматриваться как зона интеграции генетического и функционального подходов к пониманию связей в системе «психика↔деятельность↔личность», понимаясь как свернутая во времени транспективная функционально-генетическая модель жизни личности.

При этом, к *функциональным* характеристикам такой модели, интегрально представляющим личность в контексте ее транспективы, будут относиться: апперцептивный опыт, глубинные (ментальные) ценностно-смысловые структуры психики, образ мира, самосознание, социальная и личностная идентичность, стереотипы. Данные характеристики составляют набор *содержательно-смысловых* референтов, репрезентирующих образ жизни как исследовательский конструкт.

К *генетическим* характеристикам можно отнести: копинг-стратегии, установки и автоматизмы поведения, стили деятельности, когнитивные стили, эмоциональные характеристики поведения, рефлексивные процессы, динамический стереотип, что и составляет набор *эмоционально-динамических* референтов конструкта «образ жизни».

Заключение. Образ жизни не претендует на то, чтобы заменить собой или включить в себя традиционные концепты копинга, ценностей, смысловых установок, образа мира, стиля деятельности, стиля жизни и т.п. Образ жизни – отдельное понятие для системного прогностического анализа, это субъективно моделируемый способ воспроизводства ценностей и смыслов, репрезентирующий личность в контексте регуляции жизненного цикла (ретроспектива↔настоящее↔будущее).

Содержательными дескрипторами образа жизни как психологического конструкта являются субъективное отношение человека к себе и к своим возможностям влиять на мир, а также отношение к другим, к миру предметных вещей и социальных явлений. В рамках диагностической индикации образ жизни обслуживается соответствующим набором эмоционально-динамических и содержательно-смысловых референтов. Рекомендуется использовать комплексные модели исследований с применением методик разного уровня формализации.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна / К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский. – М.: Наука, 1989. – 248 с.
2. Анцыферова Л.И. Принцип связи психики и деятельности и методология психологии / Л.И. Анцыферова // Методологические и теоретические проблемы психологи. – М.: Наука, 1969. – С. 57-76.
3. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / А.Г. Асмолов. – М.: Ин-т практической психол.; Воронеж: МОДЭК, 1996. – 768 с.
4. Ганзен В.А. Системные описания в психологии / В.А. Ганзен. – М.: Прогресс, 1990. – С.25-78, 100-115.

5. Донченко Е.А., Титаренко Т.М. Личность: конфликт, гармония. – Киев, 1987.
6. Зараковский Г.М. Психологические факторы качества жизни людей / Г.М. Зараковский. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
7. Классов Б.А. Психологический механизм формирования образа жизни: Автореф. дис. на соискание научн. степени канд. психол. наук / Б.А. Классов. – Новосибирск, 1996. – 20 с.
8. Каган М.С. Человеческая деятельность / Опыт системного анализа. – М.: Прогресс, 1974. – С. 34-57.
9. Князева Е.Н. Синергетика: начала нелинейного мышления / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Общественные науки и современность, 1993, №2. – С. 67.
10. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов – М.: Наука, 1984 . – 443 с.
11. Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции / В.Ф. Турчин. – М.: Прогресс, 2000. – С.20-32, 42-57.
12. Юревич А.В., Функциональный кризис науки / А.В. Юревич, И.П. Цапенко // Вопр. филос., 1998. – № 1. – С. 65-79.

УДК 159.9(043.2)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЮДЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ДЛИТЕЛЬНОЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СОЦИОГЕННОЙ СИТУАЦИИ

Никулина А.А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
sidelnikova27@yandex.ru

В современном мире человек подвержен риску столкновения с экстремальными ситуациями: природные или техногенные катастрофы, стихийные бедствия, военные конфликты, террористические акты и др. При этом данная ситуация оказывает существенное влияние на личность, на её психологическое состояния.

Итак, «экстремальная ситуация (от лат. extremus – крайний, критический) – внезапно возникшая ситуация, угрожающая или субъективно воспринимающаяся человеком как угрожающая жизни, здоровью, личностной целостности, благополучию [6, с. 15].

Экстремальные ситуации возникают внезапно и различаются по временной продолжительности.

В работах таких исследователей как Александров Д.А., Андросюк В.Г., Казмиренко Л.И. [1] мы встречаем следующую классификацию видов экстремальных ситуаций:

1. Быстротечная – ситуация, предполагающая быстрое реагирование в условиях сильной нехватки времени, в очень быстром темпе. От человека требуется максимальная организованность и умение действовать в условиях высокой психологической нагрузки.

2. Длительная – ситуация, которая отличается пребыванием человека в психологическом напряжении на протяжении длительного времени.

3. Ситуация, вызвана «неопределенностью», требует принятие ответственных решений, а также характеризируется присутствием в ней альтернативных, субъективно одинаковых значимых вариантов поведения.

4. Ситуация, требующая постоянной готовности к действиям – ситуация, требующая от человека статичности в отношении монотонных, малоизменяемых условиях в ожидании экстремальных изменений.

5. Ситуация, основанная на вероятности недостоверной информации – вынуждает человека принимать решения и совершать действия, без уверенности в точности имеющейся информации.

6. Порожденная субъективными обстоятельствами – ситуация, порождённая самим человеком [4].

Экстремальность воздействия подобных ситуаций на личность заключается в масштабности их разрушений, в нанесении ущерба (как физического, так и психологического), а также существует и угроза жизни человека. Так, мы видим, сильному влиянию подвержена психика человека, а это может привести к различным патологиям в её дальнейшем развитии. Как мы уже говорили, существует несколько вариантов реакции на экстремальную ситуацию: первый вариант – мобилизация всех личностных свойств и проявление активности (положительный вариант развития), второй – дезорганизация, пассивность и паника (негативный вариант развития). Под влиянием экстремальных ситуаций наиболее выражены такие феномены психики как тревожность, стресс, фрустрация, кризис, плач, агрессивные реакции, гнев [3].

Так, рассмотрим два варианта поведения человека в экстремальной ситуации и его личностные характеристики. Согласно исследованиям Бабосова Е. М., известного социолога, стиль поведения в экстремальной ситуации зависит от типа саморегуляции. Например, личность с доминированием эмоционального типа саморегуляции будет отличаться наличием повышенной степени личностной и ситуативной тревожности, а также низкими адаптивными возможностями, неустойчивости к действию экстремальных факторов. В свою очередь, люди с высоко развитой волевой регуляцией, успешно снижают уровень эмоциональной напряженности. Такие люди максимально активны и ведут продуктивную деятельность. Такая личность способна хорошо адаптироваться к экстремальной ситуации, что вызвано способностью к осуществлению саморегуляции своих действий и умением заранее осуществлять произвольную саморегуляцию своих поступков, умением мысленно «проигрывать» картины возможных опасностей и планировать в связи с этим свои возможные действия при наличии опасной ситуации. Тем не менее, отрицательной стороной является то, что такие люди быстро растрачивают свои ресурсы, что в дальнейшем снижает их продуктивность, возможности и надёжность.

Далее рассмотрим особенности поведения в экстремальной ситуации среди лиц с наиболее высоким уровнем устойчивости к воздействию экстремальных факторов. Так, человек с хорошо развитой волевой

саморегуляцией и сформированными приемами произвольной саморегуляции имеют наивысшие показатели уровня устойчивости к проживанию в экстремальной социогенной ситуации. У таких людей реакция на экстремальную ситуацию проявляется в увеличении степени интенсивности эмоциональных реакций, вследствие чрезмерного увеличения отрицательных эмоций. Среди таких людей часто встречаются экстраверты, которые могут быть довольного эгоцентричными и сосредоточенными на защите своего «я» [2].

Таким образом, можно говорить о том, что основными факторами, которые влияют на психологические особенности людей, проживающих в длительной экстремальной социогенной ситуации являются:

- длительное проживание в условиях экстремальной ситуации;
- тревога в обществе, общий настрой и перспективы населения;
- условий адаптации людей в условиях экстремальной ситуации;
- поиск выхода из сложившейся ситуации;
- психологические свойства личности (уровень волевой устойчивости, тип саморегуляции, адаптивные возможности) [4].

Для улучшения психологического комфорта людей, проживающих в условиях экстремальной ситуации необходимо:

- привлекать человека к физической работе (желательно, к групповой) для его скорейшего восстановления и адаптации;
- вырабатывать схему поведения людей в условиях экстремальной ситуации;
- формировать психическую устойчивость, воспитывать волю [5].

Подводя итог, хотелось бы отметить актуальность и необходимость работы специалистов в отношении людей, сталкивающихся единожды или длительной проживающих в условиях экстремальной социогенной ситуации, ведь в современном мире это является гарантом благоприятного выхода из подобной ситуации.

Список литературы

1. Андросюк В.Г. Юридична психологія : Підруч. для студ. / В.Г. Андросюк, Л.І. Казміренко, Я.Ю. Кондратьєв, М.В. Костицький, С.А. Тарарухін, Г.О. Юхновець. – К. : Ін Юре, 2000. – 351 с.
2. Бабосов Е.М. Катастрофы: социологический анализ / Е. М. Бабосов. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – 472 с.
3. Гефеле О.Ф. Личность в ситуации риска: Социально-философский анализ: автореф. дис. канд. филос. наук / О.Ф. Гефеле. – Москва, 2004. – 27 с.
4. Исмаил Аль Масри Адаптация личности к экстремальной социогенной ситуации у сирийских подростков : 19.00.11 «Психология личности» : дис. … канд. психол. наук / Исмаил Аль Масри. – М., 2016. – 206 с.
5. Николаева А.Н. Психологические особенности поведения населения при чрезвычайных ситуациях / А.Н. Николаева, Ю.Г. Хлоповских // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2016. – №1 (7). – С. 285-290.
6. Шойгу Ю.С., Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Ю.С. Шойгу. – М. : Смысл, 2007. – С. 15.

УДК 37.013.83

ТЕОРИИ ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ НА ПРАКТИКЕ

Нилова А.В., Елькина И.Ю.
ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте», г. Москва, РФ
nilova_galya@mail.ru

Введение. За последнее столетие ряд теорий обучения взрослых получили известность, возросла актуальность вопроса относительно учебной мотивации взрослых учащихся. Единой теории, объясняющей, как и почему взрослые учатся, не существует, однако, каждая из существующих сегодня концепций проливает свет на определенный аспект обучения взрослых.

Целью статьи является анализ теорий обучения взрослых и рассмотрение возможности их применения на практике. Одной из важных задач современного общества является повышение интереса к обучению, самообразованию, позволяющему реализовывать свой потенциал на любом этапе жизни.

Основная часть. Рассмотрим некоторые теории и принципы образования взрослых. В 1968 году Малькольмом Ноулзом была разработана теория андрагогики, являющаяся, по замыслу автора, искусством и наукой, помогающей взрослым людям учиться. Принципы андрагогики обусловлены как психофизиологическими, социальными, профессиональными особенностями взрослых обучающихся, так и спецификой условий их обучения: взрослые обучающиеся стремятся к самостоятельности, самоуправлению; они обладают жизненным опытом, который может быть использован в качестве важного источника обучения; они обучаются для решения важных жизненных проблем; они рассчитывают на безотлагательное применение полученных умений, навыков, знаний и личностных качеств; их учебная деятельность ограничивается временными, пространственными, бытовыми, профессиональными, социальными факторами; им принадлежит ведущая роль в процессе обучения; процесс обучения организован в виде совместной деятельности обучающихся и обучающих на всех его этапах [1]. Главные принципы андрагогического подхода заключаются в следующем:

1. Взрослые лучше учатся на собственном опыте (даже если они совершают ошибки).
2. Взрослые предпочитают прагматический подход и должны уметь применять обучение для решения конкретной проблемы.
3. Взрослые больше всего заинтересованы в изучении вещей, имеющих непосредственное отношение к делу.
4. Взрослые должны быть вовлечены в планирование и оценку их обучения.

Интерес представляет также теория трансформационного обучения, разработанная Джеком Мезировым в 1978 году. Данная теория основана на

утверждении, что все люди используют различные предположения, ожидания и убеждения, чтобы осмыслить окружающий мир. Трансформационное обучение помогает учащимся изменить или трансформировать их системы отсчета посредством процесса решения учебных задач и саморефлексии. Личностные, когнитивные и другие изменения в процессе обучения происходят в том случае, если учащиеся сталкиваются с «дезориентирующей дилеммой», бросающей вызов их убеждениям и способствующей переосмыслению прошлых установок и ценностей. Столкновение с иным пониманием уже знакомых процессов способствует формированию дивергентного, исследовательского типа мышления учащихся, которое позволяет каждому из них быть не просто потребителем знаний, но и активным соучастником их добывания [1].

Теория экспериментального обучения была разработана Дэвидом Колбом в 1970-х годах. Автор, опираясь на работы Д.Дьюи, К.Левина и Ж.Пиаже, предполагает, что эмпирическое обучение требует практического подхода, который ставит ученика в центр процесса обучения. Активное участие является ключевым, обучение происходит, когда индивид размышляет о том, что он делает. Автором выделены четыре основных элемента эмпирического обучения: активное вовлечение, рефлексия над практикой, концептуализация опыта и использование знаний, полученных из опыта. Именно поэтому большинство программ обучения сотрудников в различных организациях включают в себя мероприятия, направленные на тренировку навыков, усвоение знаний, освоение рабочих процессов, вопросов соответствия требованиям и другой специфической для организации информации. Именно эмпирический подход к организации учебной деятельности, с позиции теории экспериментального обучения, позволяет учащимся применять свои знания и навыки на практике.

Теория самостоятельного обучения берет свое начало в теории обучения взрослых Малкольма Ноулза. В 1997 году Д.Р. Гаррисон добавил в эту концепцию элементы самоуправления. Самостоятельное обучение рассматривается исследователем как процесс, в котором люди берут на себя инициативу по определению собственной потребности в обучении, формированию целей обучения, определению имеющихся ресурсов, реализации плана обучения и оценке собственных результатов. Важными в рамках данной теории являются два положения:

1. Ученик выбирает соответствующее его потребностям обучение и получает к нему доступ.

2. Ученик осуществляет контроль над всеми учебными решениями.

Разработанная Джоном Дьюи в 1897 году, теория обучения на основе проектов утверждает, что учащиеся приобретают более глубокие знания через активное исследование реальных проблем. Д.Дьюи назвал этот принцип «обучением через действие». Ещё большую силу данный вид обучения приобретает при организации сообщества практиков, обменивающихся накопленным опытом. Автор подчеркивает тот факт, что, во-первых,

проектное обучение должно предусматривать получение от учащихся обратной связи, позволяющей постоянно осмыслять результаты учебной деятельности. Во-вторых, процесс обучения должен предоставлять возможности для тренировки разнообразных навыков, исследовательских действий, критического мышления, сотрудничества и учебной коммуникации.

В 1982 году Рэгом Ревансом была создана концепция обучения действиям, предполагающая разделение учебного материала на части, что позволяет фокусироваться на одной идее или одном аспекте более крупной темы. Так называемое «микрообучение» обеспечивает короткое, но эффективное включение конкретной учебной информации, и, в идеале, в момент необходимости и обеспечивает учебные действия, генерирующие опыт обучения всего за несколько минут. Важными для данной теории являются следующие утверждения:

1. Целью обучения действию является улучшение процессов решения проблем и упрощение получаемых решений.

2. Данный подход предполагает формулировку специальных вопросов, позволяющих прояснить ситуацию, определить возможные варианты решения проблемы и затем принять необходимые меры.

3. Вопросы должны предусматривать групповой диалог, развивающий системное и инновационное мышление учащихся и повышающий эффективность обучения.

Заключение. Глобальные изменения в образовании вносят изменения в подходы к формулированию принципов андрагогики. Новая философия образования, меняющиеся концепции обучения и преподавания, разработка новых технологий приводят к радикальным изменениям в подходе к традиционным категориям в области методологии, принципов обучения, дидактики образования взрослых. Изменения имеют не просто количественную природу. Возникают новые запросы, появляются новые существенные возможности для обучения, различные инновационные методы, наблюдается рост вовлеченности в учебный процесс групп взрослых [2]. Понимание теории и принципов обучения взрослых позволяет находить продуктивные решения, адаптированные к потребностям учащихся, поэтому для выбора наиболее подходящих подходов к организации учебного процесса следует учитывать принципы теории обучения взрослых.

Список литературы

1. Елькина И.Ю. Диалогическое взаимодействие в образовательном пространстве вуза / Педагогические чтения: ежегодник. – Вып. 1. – Волгоград: НИЦ «Абсолют», 2019. – С. 72-74.
2. Мухлаева Т.В. Андрагогика: проблемы идентичности и сопряженность с педагогикой / Мухлаева Т.В., Соколов В.И., Заборщикова М.М. // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 4.
3. Knowles M. The adult learner: The definitive classic in adult education and human resource development / Knowles M. Holton E.F., Swanson R.A. // MA:Elsevier. – 2005. – 390 p.

УДК 159.922

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Папакица Е.К., канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
papakitsa-elena@rambler.ru

Введение. Дистанционная форма обучения сегодня является предметом многочисленных теоретических и практических исследований в смежных областях науки – психологии, педагогики, информационно-компьютерных технологий.

Вместе с тем, в современной психологической науке накоплен достаточно большой теоретический и практический материал, в том числе [1; 2; 3; 4; 5]:

– психолого-педагогические аспекты компьютеризации,

– взаимоотношения между участниками учебного процесса в сети интернет,

– особенности диалога «человек-машина»,

– особенности восприятия учебного материала в электронной форме,

– мотивационная сфера образовательной деятельности,

– влияние дистанционного обучения на когнитивное и личностное развитие и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что дистанционная форма обучения находится на этапе становления и требует крупномасштабного исследования, в частности, в таком аспекте как психолого-педагогические особенности дистанционной формы обучения.

Основная часть. Специфика дистанционной формы обучения такова, что условия взаимодействия участников образовательного процесса ограничены. В связи с этим предъявляются высокие требования к уровню развития личностных качеств, как преподавателя, так и студента.

Известно, что результативность образовательного процесса существенно зависит и от личности самого преподавателя, а именно: от того, какие цели и ценности принимает он для себя, как строит образовательное пространство, как организует взаимодействие студентов в нем.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что современная школа предъявляет, прежде всего, новые требования к уровню подготовки самого преподавателя, которые должны включать:

– знания, умения и навыки в области информационно-компьютерных технологий (на уровне продвинутого пользователя);

– общепсихологическую подготовку для организации и взаимодействия с различными группами участников дистанционного обучения;

– умение создавать образовательный контент для электронного обучения;

– умения адаптировать методы и способы образовательного процесса к использованию в информационно-образовательных средах;

– умения мотивировать студентов к электронному образованию и приобщать их к этому процессу;

– умения общаться с использованием информационно-компьютерных технологий;

– развитие способности преподавателя к саморефлексии – осознание удач и затруднений осуществляемой деятельности в дистанционном формате, своего эмоционального состояния при использовании новых информационных технологий.

Выполнение приведенных задач возможно лишь при условии решения всеми организационными структурами учебного заведения, а не изолированной группой преподавателей-предметников.

Дистанционная форма обучения является, по сути, интегральной формой и предполагает создание специальной среды на базе информационных технологий, где, с одной стороны, проходит процесс передачи студентам информации по изучаемому предмету, а с другой – студент трансформирует эту информацию в личностные знания.

Объем знания зависит, в том числе от уровня развития информационной готовности и проявления творческой индивидуальности самого участника дистанционного образования.

В связи с этим, резко возросли требования к информационной готовности личности как одного из важного компонента системы дистанционной формы обучения.

Информационная готовность личности, согласно проведенного автором исследования [6] – это комплекс знаний, умений и навыков, личностных особенностей и мотивов, которые обеспечивают стремление выполнять информационно-поисковую деятельность для решения своих образовательных и профессиональных задач.

В структуре информационной готовности выделены информационно-технологический (знания, умения, и навыки работать с различными источниками информации, находить и выбирать необходимый материал) и личностный (относиться к информации как к абсолютной ценности, критически ее оценивать, понимать возможности и ограничения применения информационных технологий) компоненты.

Так, для формирования и развития уровня информационной готовности была разработана и апробирована психологическая программа [7]. Разработанная программа направлена на активизацию психологических механизмов, которые позволяют обеспечить стремление личности осуществлять информационно-поисковую деятельность для решения образовательных задач, в том числе и в дистанционной форме.

Психологическая программа развития информационной готовности состоит из трех тематических модулей, которые лишь в целостности

обеспечивают достижение в целом поставленной цели программы. При этом каждый модуль может рассматриваться как относительно завершенный фрагмент содержания программы, но, при необходимости, их можно комбинировать между собой.

Хотя каждый модуль имеет четкую тематическую направленность, но вместе с тем его наполненность материалом, упражнениями и приемами работы позволяет обеспечить развитие всех составляющих компонентов информационной готовности. Модули выполнены в едином стиле, которые обеспечивают их концептуальную целостность.

Заключение. Результаты проведенного исследования свидетельствуют об объективной потребности внедрения в учебный процесс образовательного учреждения психологической программы развития информационной готовности участников, в том числе и для дистанционной формы обучения.

Вместе с тем представляется чрезвычайно перспективным изучение психолого-педагогических особенностей участников дистанционной формы образования.

Список литературы

1. Балашова Ю.В. Когнитивные и личностные особенности студентов очного и дистанционного обучения: автореф. дис. канд. психол. наук / Ю. В. Балашов / Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова. – М., 2011. – 26 с.
2. Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты / Е. П. Белинская, А. Е. Жичкина // Образование и информационная культура. – М., 2000.
3. Васильева И. Н. Психологические аспекты применения информационных технологий / И. Н. Васильева, Е. М. Осипова, Н. Н. Петрова // Вопросы психологии. – 2002. – № 3.
4. Войскунский А. Е. Психологическая характеристика потенциально негативных последствий применения компьютерных технологий / А. Е. Войскунский // Молодежь в компьютерно-игровых и интернет-центрах. Сборник методических материалов (по итогам работы круглого стола). – М. : АРК Центр, 2004. – С. 33-37.
5. Гуманитарные исследования в Интернете / Отв. ред. А. Е. Войскунский. – Можайск, 2000 – 342 с.
6. Папакиця О.К. Психологічні особливості розвитку інформаційної готовності майбутніх інженерів до професійної діяльності: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.07. НПУ імені М. П. Драгоманова – К., 2014. – 23 с.
7. Папакиця О.К. Програма формування інформаційної готовності майбутніх інженерів до професійної діяльності / О.К. Папакиця //Вісник Чернігівського НУ ім. Т.Г.Шевченко / за ред. М. О. Носко. – Вип. 105, Т. 2. – Чернігів : ЧНПУ, 2012. – С. 61–65. – (Серія: Психологічні науки).

УДК 159.9

ХАРАКТЕРИСТИКА САМОПРИНЯТИЯ КАК ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Передера А.О.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
peredera.lina@mail.ru

Введение. Проблема самопринятия в среднем возрасте – одна из актуальных проблем современной психологии. Ценность и значение самопринятия отмечается во многих психологических концепциях. При этом подчеркивается, что только самопринятие человека дает ему чувство независимости от социальной среды, гармонии и автономии, целостности и последовательности. Самопринятие действует как механизм личного развития и в то же время является актом самопознания.

Безусловно, на современном этапе развития отечественной психологии термин «самопринятие» все чаще использоваться в научных исследованиях. При этом, ученые рассматривают его и как компонент психологического благополучия, и как одну из характеристик самоактуализирующейся личности, и как неотъемлемую часть отношения к себе.

Основная часть. В нашем понимании самопринятие – это признание всех аспектов существования собственной личности и личности в целом, независимо от того, какие эмоциональные переживания они вызывают. К самоприятию можно отнести еще одно понятие – уверенность в себе. Одна из главных черт человеческого отношения – уверенность в себе и взаимодействие с другими типами человеческих отношения, особенно с другими людьми и миром.

Средний возраст человека охватывает отрезок жизни с 25-30 до 45-50 лет [5, с. 287]. В этом контексте можно сказать, что в среднем возрасте взрослые люди стремятся к успеху и богатству в самых разных сферах жизни. Вместе со своими взрослеющими детьми они проходят новые стадии развития, меняются их формы взаимодействия и статус по отношению к членам семьи и стареющим родителям. Кроме того, происходят изменения в профессиональной деятельности и социальном статусе. Все эти изменения связаны с самооценкой личности.

Также следует отметить, что в среднем возрасте вторая половина жизни начинается с характерных для него процессов соматического увядания, которые способствуют депрессивному состоянию человека, возникают эмоциональные разногласия в настроении, депрессивные реакции встречаются чаще, чем в первой половине жизни. По мнению многих психологов, на этом этапе развитие останавливается и заменяется простым изменением индивидуальных особенностей [1, с. 20].

В психологии развития мы находим следующую характеристику среднего возраста. В среднем возрасте организм начинает адаптироваться к новым условиям жизни, и биологическая активность структур тела

возрастает различными способами. В науке это рассматривается как комплекс мер, направленных на приведение его резервных возможностей в активную позицию [4, с. 139]. Можно отметить, что в среднем возрасте в организме человека наблюдается снижение физических возможностей. Это, в свою очередь, выражается в психофизиологических функциях, влияет на сенсомоторные процессы, а также на деятельность органов и внутренней системы [3, с. 67].

Вот почему для нас особенно важно полностью принять себя в среднем возрасте. Обращаем внимание на то, что самопринятие рассматривается отечественными исследователями также в контексте с самооценкой (В.В. Столин, С.Р. Пантилеев, Д.А. Леонтьев, Е.В. Селезнева, Н.К. Радина и др.), где самопринятие понимается как положительное значения «Я», то есть прямое сострадание к себе.

В концепции В.В. Столина [2], самоотношение понимается как осмысление различных сторон самого себя и отношения к себе. Причина этого в том, что одна и та же черта человека в одних случаях затрудняет достижение субъектом своей цели или мотива, приобретая личный отрицательный смысл, а в других это состояние, которое способствует достижению его собственной цели или мотива и приобретает благоприятное личное значение.

Заключение. Следовательно, самопринятие чрезвычайно важно для психологического здоровья и благополучия в среднем возрасте. Самопринятие – довольно сложное явление, целью которого является рассмотрение и анализ самого себя и собственной деятельности, осознания, терпимости, способности воспринимать мир без суждений и оставаться доступным для опыта, независимо от его положительной или отрицательной эмоциональной структуры.

Все эти качества формируются у человека в процессе становления его субъектности, что увеличивает степень принятия человеком самого себя. Однако возможность полного принятия, сопряженного с полным осознанием смысловой наполненности отдельных своих свойств и качеств, является существенно затрудненным действием бессознательных защитных механизмов. При таком понимании самопринятие предполагает высокую субъектную активность, направленную на самоосознание и саморазвитие.

Список литературы

1. Киреева Е. Д. Возрастная психология: учебное пособие для вузов / Е. Д. Киреева. – М. : Совр. Гуман. ун-т, 1999. – 20 с.
2. Столин В.В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М.: Издательство Московского Университета, 1983. – 284 с.
3. Умнова О. П. Конспект лекций по возрастной психологии: учебное пособие для вузов / О. П. Умнова – Рост.н./ Дону : Феникс, 2005. – 67 с.
4. Фролькис В. В. Экспериментальные пути продления жизни / В.В. Фролькис, Х.К. Мурадян. – Л. : Наука, 1988. – 139 с.
5. Шаповаленко И. В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология) / И. В. Шаповаленко. – М.: Гардарики, 2005. – 287с.

УДК 159.95

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА НА ПРИМЕРЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Покотилов Е.Г., Рогозина М.Ю., кан. пед. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.pokotilov@donnu.ru

Введение. В современных психологических исследованиях проблема гендерного восприятия образа основывается на факте прочно укоренившихся стереотипов восприятия художественного образа мужчинами и женщинами. Это обуславливает актуальность изучения данных различий в контексте восприятия мужчинами и женщинами объектов художественного искусства, а также в выявлении факторов, обусловливающих дифференциацию в восприятии образа, в том числе, связи данных стереотипов с индивидуальным опытом и социальным полом (гендером) самого реципиента [1]. Чаще всего в современном обществе поднимается вопрос о приемлемости использования весьма стереотипных приёмов в кинематографе и рекламе, отображающих детальное, несколько утрированное поведение «женщины» и «мужчины». Это приводит к актуализации целого ряда проблемных вопросов: насколько различается образ восприятия произведений художественного искусства у женщин и мужчин; отражаются ли гендерные особенности свойств внимания на когнитивной стороне анализа произведения, а также, какое место занимает эмоциональность в оценке произведения художественного искусства; насколько прочна суггестивная особенность стереотипов в контексте взаимоотношений реципиента и художественного образа восприятия, а также, какое значение в создании художественного образа играют внешние и внутренние побудительные мотивы, задачи и цели воспринимающего [3].

Целью исследования являлось изучение особенностей восприятия художественного образа мужчинами и женщинами на примере произведений изобразительного искусства: выявление особенностей «женского» и «мужского» восприятия, анализ когнитивных установок и сущностных признаков взаимодействия зрителя с произведением художественного искусства. В настоящем исследовании приняло участие 52 испытуемых, 22 мужчины и 30 женщин. Возраст испытуемых от 16 до 60 лет.

Основная часть. Ограничивая спектр изучаемыхгендерных особенностей восприятия художественного образа до эмоционального и когнитивного компонентов перцептивного процесса, мы получили статистически значимые различия в результатах испытуемых. Основным методом в нашей работе стал метод семантического дифференциала, который позволил исследовать категориальную структуру восприятия произведения художественного искусства.

При рассмотрении эмоционального компонента восприятия произведений изобразительного искусства были выявлены следующие гендерные

особенности: женщины в большей степени оказались склонны ссылаться на свои эмоции, более чутко воспринимать настроение художественного образа ($p \leq 0,05$). При описании произведения женщины чаще используют свой художественный опыт и эмоциональнее реагируют на события, изображенные на картине. Также, для женщин имеет значение эмоциональная наполненность произведения; исходя из этого, при описании произведения искусства они чаще обращаются к использованию терминов и понятий, связанных с чувствами, общим настроением и непосредственно с эмоциями, мужчины же при описании своего отношения к произведению реже используют эмоционально окрашенные выражения.

Для женщин более характерно воспринимать произведения, как что-то успокаивающее: произведение воспринимается частью практики медитации, картины являются элементом погружения в своё эмоциональное состояние, в свой внутренний мир. Для мужчин восприятие образа, схоже с событием активного изучения и когнитивной деятельностью. Соответственно, восприятие произведений воспринимается мужчиной как что-то живое и возбуждающее.

При восприятии произведения художественного искусства женщины настроены оценивать картины как более привлекательные, наделяя их культурной и исторической ценностью; в свою очередь, мужчины, склонны к некоторому обесцениванию произведений, не уделяя особого внимания последним ($p \leq 0,05$). Это отражается в оценке когнитивной и эмоциональной сложности произведений, ведь оценивая произведение, наделенное определенным смыслом, реципиент пытается его понять. А то, насколько успешен этот процесс, зависит непосредственно от уровня культурного развития личности [2].

Женщины склонны оценивать произведения как более сложные, детализируя элементы произведений, уделяя особое внимание цветам, характеру и настроению живописи. Мужчины, в свою очередь, оценивают произведения как простые, главным образом, акцентируя своё внимание на отдельных, обязательно ярких и эмоционально насыщенных сценах.

Одной из характерных особенностей когнитивного компонента восприятия художественного образа мужчинами является проявление креативности и авторский подход к описанию своего отношения к изображенному. Женщины чаще использовали при оценке образа аналитический тип описания, более свойственный мужскому когнитивному стилю ($p \leq 0,05$). Многие женщины, описывая особенности художественного произведения, ссылались на его конкретные черты, описывали не только своё отношение, но и проводилиопределенную аналитическую работу. Исходя из этого, можно отметить, что в процессе перцепции произведений художественного искусства, человек как бы связан со смыслом напрямую; в этот момент происходит более личное, даже несколько интимное общение реципиента и объекта произведения искусства. Что говорит о большем значении личного опыта восприятия, чем о давлении гендерных стереотипов.

Проводя анализ гендерных особенностей восприятия художественного произведения, можно также отметить определенное

сходство в характеристике образа: и женщины, и мужчины оценивают произведения, как уникальные и технически сложные. Это может говорить о том, что в момент восприятия образа задействован не только оценочный компонент, но и более сложные структуры мотивационных и когнитивных сфер. Для мужчин и женщин характерно восприятие произведения, как некоторого полного пространства, в котором главную роль играет наличие основного объекта и образности произведения. Главной особенностью, объединяющей мужчин и женщин в процессе восприятия произведений художественного искусства, является опора на свой персональный опыт перцепции. Личность, имея эмоциональные и когнитивные установки, оказывает влияние на восприятие образа

Обобщая полученные результаты, можно говорить о том, что большинство различий в восприятии мужчинами и женщинами художественного образа связаны главным образом с перцептивным опытом человека, а некоторая (меньшая) их часть действительно обусловлена существующими гендерными установками и стереотипами.

Список литературы

1. Леонтьев А.Н. К психологии образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1986. – № 3. – С.76.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М., 1996. – 170 с.
3. Оганов А.А. Теория культуры / А.А. Оганов, И.Г. Хангельдиева. – М.: И-Т Д. «ГРАНД», 2003. – 403 с.
4. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. – М., 1985. – С.10.

УДК 159.942.5

МЕТОДЫ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПОДРОСТКОВ

Ревуцкая И.В., Хвасько Н.С., Фарсян К.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

irina.revutskaja@yandex.ua, khvasko.natali@ya.ru, farsankarina@gmail.com

Введение. Напряженная, неустойчивая социальная, политическая, экономическая, экологическая, а также эпидемиологическая обстановка, сложившаяся в современном обществе, обуславливает рост негативных эмоциональных переживаний, оставляющих отпечаток в личностном развитии и поведении людей, не зависимо от возраста. Среди них особую тревогу вызывают подростки, именно в этом возрасте прогрессирует отчужденность, повышенная тревожность, духовная опустошенность, цинизм, жестокость, агрессивность [1], недаром этот возраст называют трудным, что подчёркивает актуальность выбранной темы.

Проблеме психологического развития в подростковом возрасте посвящены труды Л.С. Выготского, И.В. Дубровиной, В.С. Мухиной, О.В. Хухлаевой, Ф. Райс, и др.

Основная часть. О.В. Хухлаева [7] считает, что эмоциональный фон подростков задает всю будущую перспективу развития личности в целом.

В системе психолого-педагогического сопровождения учащихся в образовательном учреждении центральное место занимает проблема своевременного выявления и профилактики возможных проблем у учащихся, особенно у подростков. Одной из задач школьного психолога является снятие напряжения, связанного с большой нагрузкой на обучающихся. При стабилизации эмоционального состояния, в работе с подростками необходимо учитывать:

— возможность невербального общения, что важно для детей, потому что они затрудняются в словесном описании своих переживаний;

— возможность свободного самовыражения и самопознания;

— мобилизация творческого потенциала, внутренних механизмов саморегуляции;

— повышение адаптационных способностей, снижение утомления и напряжения;

— создание положительного эмоционального настроя.

Всё это является достоинством метода арт-терапии.

Арт-терапия – одна из форм психотерапии, основанная на творчестве и самовыражении. Подход используется как средство для снятия стресса, повышения самооценки и осознанности, а также для посттравматического восстановления [5].

Целью арт-терапевтических методов – помочь ребёнку, используя творческие средства, справляться с информационными перегрузками, стрессами, связанными с переживаниями в процессе обучения, дать выход творческой энергии, развить креативность мышления, а также через творчество позволяет обнаружить личностные смыслы.

В работе с подростками достаточно эффективны такие методы арт-терапии как: музыкотерапия, танцевально-двигательная терапия, библиотерапия, изо-терапия.

Музыкотерапия улучшает физическое и психическое состояние. Отечественными и зарубежными учёными (Л.С. Брусиловский, А. Копленд, В. Леви, А.М. Родина) и др. доказано, что музыкотерапия является как сопровождающим, так и основным психокоррекционным средством в решении личных и коммуникативных проблем, снятии нервного напряжения, стабилизации эмоционального состояния [2].

Задачи, которые ставит перед собой музыкотерапия:

1. Эмоциональное активирование в ходе вербальной психотерапии.
2. Регулирующее влияние на психовегетативные процессы.
3. Развитие навыков межличностного общения.
4. Повышение эстетических потребностей [6].

Танцевально-двигательная терапия – это уникальный вид психотерапии, который берет свое начало в танцевальном искусстве.

Основателями разных видов танцевальной терапии являются: Фридрих Людвиг Ян – ритмодвигательная терапия; Мерион Чейз – танцевальная психотерапия; Стив Пекстон – контактная импровизация.

В основе данного метода лежит связь между психикой и телом. Во время танца можно распознать, пережить и выразить разные чувства и эмоции. Танец регулирует в организме уровень серотонина и дофамина. В свою очередь, уровень концентрации этих гормонов связан с усталостью, стрессом, бессонницей и другими факторами. Танец способствует когнитивным процессам, уровню концентрации, творчеству, спонтанности и налаживает контакт со своими внутренними ресурсами [3].

Библиотерапия нашла свое применение в самых разных областях: психологии, педагогике, работе с детьми, трудными подростками и пожилыми людьми. Главный плюс библиотерапии – отсутствие навязчивых указаний, есть только общий смысл, и каждый читатель берет именно то, что ему нужно [6].

В работе с подростками данный метод применяют с целью:

1. Научить подростка позитивному мышлению, удалить из сознания негативизм и пессимизм.

2. Научить честно и свободно признавать свои чувства и проблемы, при этом не испытывая страха, вины и стыда.

3. Помочь подростку найти альтернативные пути решения проблем и выхода из тупиковых состояний.

4. Стимулировать воображение и положительные эмоции.

Исследователи библиотерапии А.Е. Алексейчик, А.М. Миллер разработали классификацию литературы, применяемой в психологии:

- классические произведения;
- юмористическая и сатирическая литература;
- фольклор (в том числе сказки);
- научно-фантастическая литература;
- детективная и приключенческая литература;
- драматургия;
- научная литература;
- философская литература.

Изо-терапия – это направление арт-терапии, применяющее в своей работе изобразительное искусство (лепка и рисование). Основоположниками методики считают психиатра М. Симона и судебного медика А. Ардье.

По утверждениям психологов Р. Мэй, К. Роджерса, А. Маслоу каждый человек обладает множеством непроявленных способностей, которые можно и нужно освободить для облегчения самореализации [4].

Заключение. Таким образом, арт-терапевтические методы имеют в своём арсенале различные техники, направленные на стабилизацию эмоционального состояния в работе с подростками.

Список литературы

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб.: Прайм-Еврознак, Нева; М.: Олма-Пресс, 2002. – 510 с.
2. Волженцева И.В. Теория и практика оптимизации психических состояний студентов в учебной деятельности средствами музыкального воздействия:

монография / И.В. Волженцева; Макеевский экономико-гуманитарный институт. – Макеевка: МЭГИ, Донецк: Донбасс, 2011. – 227 с.
3. Готсдинер А.Л. Музыкальная психология / А.Л. Готсдинер – М.: Магистр, 1997. – 352 с.
4. Донская Т.К. Арт-педагогика в современной образовательной парадигме / Т.К. Донская // Наука. Искусство, культура. – 2013. – №2. – С. 144-152.
5. Киселева Т.Ю. Арт-терапия как психолого-педагогическая технология / Т.Ю. Киселева, С.В. Беловолова // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – №11. – С. 218-225.
6. Мамайчук И. И. Психокоррекционные технологии для детей с проблемами в развитии / И.И. Мамайчук – СПб.: Речь, 2006. – 400 с.
7. Хухлаева О.В. Психология подростка: учеб. пособие для вузов / О.В. Хухлаева. – 3-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 160 с.

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЫБОРЕ БРАЧНОГО ПАРТНЕРА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Репещук К.Ю.
ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
fylata_92@mail.ru

Проблема выбора брачного партнера среди юношей и девушек рассматривается в работах исследователей разных областей науки (Гребенников И.В., Голод С.И., Ковалев С.В., Харчев А.Г., Мацковский М.С. и др.). Многие известные исследователи изучали мотивы выбора брачного партнера, опрашивая людей с различным семейным стажем, разного возраста, различных профессий, в том числе и студентов [1].

Первые сложности при формировании молодой семьи начинаются с проблем выбора будущего супруга, поскольку отсутствие четких представлений об образе будущего партнера ведет к разочарованию и разрыву семьи. Согласно психологическим исследованиям, наиболее распространенной причиной рассогласования отношений между молодыми супругами является именно их несоответствие внутренним ожиданиям, так как в период добрачного общения он не смог получить возможно более полную информацию о будущем спутнике жизни. Поэтому очень важно исследовать особенности представлений об образе будущего супруга и определить, чем руководствуются молодые люди при выборе брачного партнера [2].

Именно период юношества является завершением формирования ролевых гендерных позиций мужчин и женщин. У девушек растет резкий интерес к собственной внешности и возникает переоценка всех ценностей, сопряжённая с общим ростом самооценки, потребности нравиться противоположному полу, обострением оценки своих и чужих успехов. У юношей же напротив, важное значение приобретает сила, мужественность,

что сопровождается постоянными экспериментами с целью найти и обозначить себя в обществе, сформировать собственный образ взрослости.

Формирование полового самосознания юношей, эталонов женственности и мужественности начинает формироваться с детского возраста. Однако наибольшее проявление происходит в подростковом и юношеском возрасте в момент, когда усвоенное на предшествующих стадиях начинает проверяться и уточняться в ходе интенсивного общения с лицами противоположного пола.

Студенческая молодежь представляет собой основную социальную группу, участники которой в значительной степени заинтересованы в поиске потенциального партнера и вступают в официальный брак. Это можно объяснить следующими причинами: в первую очередь, на момент студенчества приходится тот возраст, когда большинство людей находят своего будущего брачного партнера и происходит оценка брачного выбора и формирование семейных установок. Вместе с этим, студенческая молодежь более образованная, постоянно развивающаяся категория, знающая чего она хочет от жизни. Студенты больше расположены к заключению официального брака, нежели не учащаяся молодежь. Таким образом, для изучения особенностей брачного выбора наилучшим образом подходят студенты как особая социальная группа. В условиях смены полоролевой самоиндентификации, популярностью движения childfree среди женщин, особенно важно выявить представления о выборе брачного партнера именно среди девушек [4].

При анализе предбрачных представлений у девушек-студенток было выявлено несоответствие между качествами предпочитаемого партнера по общению и характеристиками будущего (желаемого) супруга. К примеру, если на начальном этапе отношений больше всего ценится внешность либо особенности телосложения партнера, а также чувство юмора, острота ума, то среди качеств, которые предпочтительны для успешного создания семьи, оказываются важными отношение к супруге, ответственность, практичность в бытовых вопросах [6]. Привлекательная внешность и отменное чувство юмора теряют свои позиции, а коммуникативные качества из срединных рангов перемещаются к последним. Зато половина опрошенных девушек ждет от своего будущего избранника способности обеспечить семью, а одна четвертая часть – защиты.

У половины опрощенных девушек был выявлен практически полный набор требований к юношам из всех возможных, который достиг 20 качеств. Здесь оказываются ум, красота, чуткость, лидерские качества («сильнее меня»), обеспеченность, помощь по дому, честность, образованность, коммуникабельность, чувство юмора. Если при этом требования будут ригидны, вероятность построения успешных отношений снижается до минимума (Ковалев С. В., 1989) [2].

Представления о брачном партнере в юношеском возрасте являют собой сложное психологическое образование, в содержательном плане включающее характеристики лиц противоположного пола, наиболее

востребованные на личностном уровне в образе брачного партнера. Данные представления структурируются по трем основным смысловым линиям: качества брачного партнера, отражающие его отношение к супруге, деловые качества брачного партнера и его внешние данные.

Чтобы выяснить качественные характеристики психологических, социальных, личностных свойств образа будущего мужа студенток попросили написать сочинение на тему: «Каким я вижу будущего супруга». Среди предложенных для анализа работ, были выявлены следующие группы ценностей: личностные и социальные характеристики, умения и навыки, материальное положение, внешняя привлекательность, семейные ценности и вредные привычки [5].

Среди всех опрошенных, 46 % студенток не выделяют личностные качества и социальные характеристики при описании будущего брачного партнера, 24 % выделяют по одной черте (такой как доброжелательность, наличие большого числа друзей или верность и искренность), 19 % – по 2, 7 % – три характеристики (как правило: стремление к саморазвитию, независимость суждений, честность), и по 2 % респондентов выделяют 4 и более личностных, и социальных качества.

При анализе умений и навыков, 56 % испытуемых не считают необходимой чертой будущего супруга специальные умения и навыки, 10% выделяют по одной характеристике, 30 % – по 2, и всего 3 % считают, что будущий муж должен обладать как минимум 3 умениями или навыками (к ним относят умение готовить, воспитывать детей, бытовые навыки).

35 % испытуемых не считают важным материальное положение супруга, в их ответах четко обозначено: необходимо добиться «всего» вместе. 24 % считают, что будущий муж должен иметь свое дело или престижную работу. 41 % респондентов считают, что будущий муж не только должен иметь высокооплачиваемую работу, но и собственное жилье.

Для 50 % девушек внешность будущего мужа не важна. Как правило, они выделяют больше личностных и социальных качеств. 14 % испытуемых хотят, чтобы будущий муж был аккуратным. 30 % студенток мечтают о красивом ухоженном муже, который умел бы не только стильно одеваться, но и ухаживать за собой.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у студенток педагогических специальностей в представлении о брачном партнере и его семейными функциями имеется рассогласованность в ожиданиях и модели будущего супруга. Несмотря на стойкость, мужественность и непреклонность характера, мужчина должен быть кротким и мягким дома с семьей и детьми, общность интересов перекликается у него с умением зарабатывать достаточно денег для безбедного существования семьи. Мужчина должен «удивлять жену, дарить подарки, приносить завтрак в постель», а также проявлять жесткость и решительность с окружающими.

Список литературы

1. Айзенк Г. Язык счастья. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 320 с.

2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – СПб.: Питер, 2001. – 260 с.
3. Андреева Т. В. Семейная психология: Учеб. пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 244 с.
4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
5. Силяева Е. Г. Психология семейных отношений. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 192 с.
6. Черняк Е.М. Социология семьи: Учебное пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. / Е.М. Черняк. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006. – 238 с.

УДК 159.92+37.03

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ: ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Руденко С.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Rudenko_SV@mail.ru

Постановка проблемы. О важности чтения сказано немало, однако данная проблематика сохраняет свою актуальность. Чтение, несмотря на постоянно меняющиеся его характеристики, занимает по-прежнему значительное место в развитии психики ребенка. В данной статье представлены основные результаты эмпирического изучения роли и психологических особенностей детского чтения.

Основная часть. Чтение рассматривается как целенаправленная деятельность, которая может изменять взгляды, углублять понимание, воссоздавать опыт, стимулировать интеллектуальный и эмоциональный рост, изменять поведение и через все это способствовать развитию богатой и устойчивой личности [4]. Чтение стимулирует развитие когнитивной сферы ребенка, способствует становлению его эмоциональной сферы, развитию мотивации, формированию иерархии ценностных ориентаций, открытию личностных смыслов [2]. Как считает Е.А. Колосова, социализация ребенка посредством чтения охватывает все процессы приобщения к культуре, коммуникации и образованию, во многом определяет развитие личности и последующее участие в общественной жизни. А.А. Леонтьев подчеркивает, что социально-психологические функции чтения, непосредственно связанные с потребностями, мотивами, целями, увлечениями ребенка, обусловливают круг его предпочтений и интересов, влияющих на процесс формирования личности в целом [3, 4].

С целью выявления психологических особенностей детского чтения нами был использован проективный метод. Была применена рисуночная процедура «Нарисуй, как читают дети», в основу которой легла рисуночная анкета С.Н. Щегловой с некоторыми уточнениями. По инструкции детям предлагалось нарисовать, как рисуют дети, а также ответить на ряд вопросов. Полученные результаты обрабатывались с помощью метода контент-анализа.

В обследовании приняли участие 346 детей, в возрасте преимущественно 7-9 лет.

Остановимся на основных результатах обследования. Более чем на трети (36 %) рисунков были представлены дома, квартиры или комнаты обследуемых, показано место для чтения, что позволяет говорить о том, что эти дети склонны читать дома. Часть обследуемых предпочитает в качестве места для чтения библиотеку (20,9 %). Возможно, в значительной мере это обусловлено условиями проведения обследования, а также спецификой знакомства с книгами в младших классах. Читать на прогулке, на природе – в парке или во дворе, на море, – склонны 23,3 % детей. Полученная картина результатов вполне естественна и объяснима, типичные места для чтения, а также возрастные особенности детей.

Перейдем к изображенным на рисунках персонажам. Большая часть обследуемых (63,7 %) нарисовали себя. Это вполне согласуется с особенностями данного возраста (в том числе некоторым эгоцентризмом), а также подчеркивает роль чтения в своей повседневной жизни. Поскольку в этот период дети интенсивно овладевают навыком чтения, оно прочно входит в их жизнь, полученные рисунки могут отражать реальную картину их жизнедеятельности. Примерно поровну – 12,6 % и 12,3 % соответственно – разделилось число детей, предпочитающих читать в кругу своих друзей или одноклассников или с членами своей семьи (братья, сестры, мамы, папы, бабушки). Примечателен ряд рисунков (6,38 %), не содержащих людей, но вместо них – животных, сказочных персонажей, иногда – только саму книгу. На наш взгляд, подобные рисунки могут свидетельствовать: о не совсем точном понимании инструкции; о желании ребенка несколько абстрагироваться, отдалиться от чтения или же «поиграть» с исследователем; возможно, напротив, является признаком погружения в мир сказочных героев.

Сюжеты большинства рисунков предполагают отдых (59 %), будь то отдых дома, на природе/на море, на прогулке в парке и т.п. В части случаев (32 %) дети рисовали дом (собственно дом, квартиру, свою комнату). Исходя из этого, можно отметить, что чаще всего чтение у детей ассоциируется с разнообразными ситуациями отдыха. Примечательно, что в небольшом количестве рисунков (3,8 %) изображения книги или ее заменителя нет, как нет и изображения самой ситуации чтения. Это может свидетельствовать как о неточном понимании инструкции детьми, так и о косвенном негативном отношении к чтению и вызываемых чтением негативных эмоций и ассоциаций.

Отношение к чтению по невербальным характеристикам предполагало учет ряда параметров: соотнесенность цветов, размера, детализированность, качество/небрежность проработки и т.п. Полученные результаты показывают преимущественно положительное отношение детей к чтению (51,9 %). Отмечается тщательность и детальность проработки рисунков книг, соотнесенность цветов книги с предпочитаемыми цветами главных персонажей, соотнесенность их поз, поворота головы и направления взгляда с книгой в руках, общее доброжелательное выражение лица.

Основной эмоциональный фон или атмосфера чтения в большинстве случаев (65,5 %) являлись позитивными. Это подчеркивали выбранные цвета, качество штриховки и характер нажима карандаша при рисовании, выражения лиц персонажей, тщательность проработки деталей, сюжет рисунка и т.п. В целом чтение для детей в большинстве случаев сопряжено с позитивными эмоциями. Однако примечательны факты позитивного изображения в целом, доброжелательной атмосферы на рисунке в сочетании с негативным отношением к чтению (4,7 %).

Размер изображений у подавляющего большинства детей (56 %) был средним, в 34 % случаев рисунки были большими и лишь в 10,1 % – маленькими. Полученные данные свидетельствуют, с одной стороны, о значимости, о роли чтения в жизни детей (соответственно, для трети обследуемых чтение весьма значимо); с другой же, могут характеризовать развитость навыков рисования как такового: умение размещать рисунок на листе, выстраивать композицию и пр. Эта категория рассматривается не изолированно, но – в системе других категорий. Однако примечательно, что достаточно часто большему размеру рисунка соответствовал более позитивный эмоциональный фон и отношение к чтению.

Проработанность изображения отмечена примерно в 77 % случаев. Это также свидетельствует как об отношении к чтению, так и об отношении к заданию и навыках рисования как таковых. Особый интерес представляли рисунки, которые в целом вполне качественно проработаны, детализированы, чего не скажешь об изображении на них книги. Таковых было отмечено 14,4 %. Это, безусловно, может быть признаком того, что ребенок просто устал или не очень хорошо рисует именно книги. Однако в сочетании с качественной проработкой иных фрагментов изображения может свидетельствовать и об определенном (часто – амбивалентном или неясном, но, в ряде случаев, и негативном) отношении ребенка к чтению.

Заключение. Завершая анализ детских рисунков, отметим, что чтение играло и продолжает играть существенную роль в жизни детей. Современная жизнь неминуемо вносит свои коррективы. И задача как взрослых, окружающих ребенка, так и учреждений основного и дополнительного образования в целом – продолжать заинтересовывать, отыскивать новые способы мотивирования детей к чтению, способствовать созданию максимально благоприятной атмосферы для чтения. Ведь именно чтение является одним из существенных факторов социализации ребенка и развития гармоничной личности в целом.

Список литературы

1. Колосова Е.А. Практики детского чтения: результаты комплексного исследования. – М.: РГДБ, 2011. – 118 с.
2. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 456 с.
3. Руденко С.В. Особенности детского чтения: психологические аспекты и рекомендации // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2019. – № 2. – С. 93-100

4. Цветкова Л.С. Нейропсихология счета, письма и чтения: нарушение и восстановление. – М.: «Юристъ», 1997. – 256 с.

УДК 519.22

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА – ПРЕДМЕТ, ЗНАНИЯ КОТОРОГО НЕОБХОДИМЫ КАЖДОМУ ПСИХОЛОГУ

Рядинская Е.Н., канд. психол. наук, доц.,
Бондарь Л.С., д-р мед. наук, проф., ***Богрова К.Б.,*** канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донбасская агарная академия», г. Донецк, ДНР
muchalola@mail.ru

Введение. Проведение экспериментального психологического исследования требует комплексного подхода, включающего как качественные, так и количественные (математико-статистические) методы.

Основная часть. Качественные (неэкспериментальные) методы направлены на широкое изучение всех возможных проявлений объекта исследования, позволяющих исследователю максимально раскрыть, понять и объяснить суть психологических явлений. К качественным психологическим методам относят наблюдение, беседу, в том числе клиническую беседу, интервью, проективный, архивный и биографический методы, контент-анализ, анализ продуктов деятельности и т.д.. Однако, качественные методы не позволяют статистически обосновать полученные результаты, так как существуют сомнения в их валидности. В этой связи с качественным анализом результатов психологического исследования проводится количественный анализ с использованием различных математико-статистических методов. Без статистического анализа выводы исследователя являются интуитивными (что соответствует качественному анализу).

В психологии рассматриваются следующие разделы статистики: описательный – позволяет описать, подводить итоги, воспроизводить через схемы, таблицы, графики данные любого распределения, как определенные значения выборки испытуемых, вычислить среднее арифметическое значение для данного распределения, его размах, дисперсию; индуктивный – дает возможность распространить результаты, полученные на одной выборке испытуемых на всю популяцию (генеральную совокупность), из которой взята эта выборка. Исходя их данных, полученных только при изучении одной выборки, индуктивная статистика позволяет сделать общие выводы и обобщения; корреляционный анализ устанавливает наличие или отсутствие связи между двумя переменными (признаками).

В статистике анализу подлежат данные, полученные в ходе экспериментального психологического исследования. К этим данным (основные элементы, подлежащие анализу) могут быть отнесены количественные результаты, психологические свойства, характеризующие данную выборку испытуемых и т.д., то есть любая информация, которую исследователь

может использовать для статистического анализа. Данные, используемые для статистического анализа, представлены тремя типами: количественными, порядковыми и качественными. Количественные данные, полученные исследователем при измерениях (например, данные о весе, размерах, скорости, уровне интеллекта, температуре, времени, результатах тестирования), распределяются на интервальной шкале, шкале равных отношений. Порядковые данные, соответствующие определенной последовательности элементов (показателей) выборки от «самого малого значения» к «самому большому значению» (например, оценка школьника по какому-то предмету или место, занятое спортсменом на соревнованиях), располагаются на порядковой шкале (или рангов). Качественные данные определяют разные свойства или признаки, которые отличаются друг от друга, но их нельзя количественно измерить. Они распределяются на номинативной шкале, где единицей измерения является частота встречаемости наименований или значений признаков (например, участников международной конференции можно разделить на секции по языку общения).

При статистическом анализе распределения значений психологических данных могут быть использованы как параметрические, так и непараметрические методы (критерии). Методы математической обработки выбираются в зависимости от задач и условий психологического исследования. Параметрические методы – это методы, в формулу расчета которых входят оценка дисперсии (среднее квадратическое отклонение), а ее составляющей является среднее арифметическое значение (например, t-критерий Стьюдента, метод характеристических интервалов). Значения психологических данных должны быть измерены по интервальной шкале и распределение признака является нормальным. Непараметрические методы – это методы, когда распределение значений данных не предполагает вычисления параметров: средних значений, средней арифметической величины, меры рассеяния (вариации, разброс) и т.д. Значения психологических данных могут быть представлены в любой шкале (например, наименований, порядковой или рангов).

Методы математической обработки психологических данных с использованием параметрических и непараметрических критериев используются для оценки достоверности различий по уровню статистической значимости выбранного критерия: низший уровень статистической значимости критерия – 5 % уровень ($p \leq 0,05$), достаточный – 1 % уровень ($p \leq 0,01$), высший уровень – 0,1 % уровень ($p \leq 0,001$). Поэтому в таблицах критических значений приводятся значения критериев, соответствующих уровням статистической значимости: $p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$ и иногда $p \leq 0,001$. До тех пор, пока уровень статистической значимости критерия не достигнет $p=0,05$, говорить о достоверности различий исследуемых психологических данных не представляется возможным. Таким образом, оценка достоверности различий исследуемых психологических данных осуществляется по уровню статистической значимости критерия выбранного математического метода в зависимости

от задач и условий экспериментального психологического исследования ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$; $p < 0,001$).

Для выявления уровня статистической значимости критерия выбранного математического метода необходимо: провести подсчет выбранного критерия по предлагаемому алгоритму с целью определения его эмпирического значения и сопоставить его с критическим (табличным) значением; по результатам сравнения эмпирического и критического значения о статистической значимости (достоверности) различий исследуемого психологического признака подтвердить или опровергнуть принятие выдвигаемой гипотезы (H_1 или H_0); графическое представление критерия – построить «ось значимости».

Заключение. Таким образом, знание основных направлений математической статистики помогут психологу оценить достоверность различий психологических данных по уровню статистической значимости критерия выбранного математического метода в зависимости от задач и условий экспериментального психологического исследования и подтвердить или опровергнуть принятие выдвигаемых им гипотез (H_1 или H_0).

Список литературы

1. Волженцева И.В. Математическая статистика в психологии: некоторые параметрические и непараметрические методы: учебное пособие / И.В. Волженцева, Е.В. Балко, Л.С. Бондарь. – Макеевский экономико-гуманитарный институт. – Макеевка: МЭГИ, Донецк: ООО «Східний видавничий дім», 2015. – 158 с.
2. Кожевников В.М. Экспериментальное психологическое исследование: теория, методология, практика: учебник / В.М. Кожевников, И.И. Кожевникова, В.Е. Лунев. – Макеевка: МЭГИ, Донецк: «Східний видавничий дім», 2015. – 472 с.

УДК 159 922

РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЕГО ЖИЗНИ

Самотаева Э.А., канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк, ДНР
samella2012@mail.ru

Введение. Повышения качества жизни населения – одна из самых важных и злободневных задач Донецкой Народной Республики.

Само понятие «качество жизни» вошло в активный обиход на постсоветском пространстве лишь в начале XXI века, что было обусловлено обострением социальных проблем: бедности, безработицы, социального сиротства, и необходимости решения данных проблем для развития общества, его поступательного движения.

Однако, как в начале XXI века, так и в настоящее время, когда речь заходит о повышении качества жизни населения, чаще всего имеется в

виду лишь одна из его составляющих – объективное благополучие (экономическое, социальное). Вместе с тем, чтобы говорить о подлинном качестве жизни, мы должны рассматривать человека во всей его полноте, принимая во внимание, прежде всего, то, что является системообразующим компонентом его личности – его субъектность.

Основная часть. Корни такого понимание качества жизни заложены еще классиками психологии – Б.Г. Ананьевым, А.Г. Асмоловым, К.А. Абульхановой-Славской, которые понятие «качества жизни» связывали с идеями стратегии жизни и построением человеком своего жизненного пути, в основе которых лежит активность самой личности. То есть субъектность личности рассматривалась, главным образом, как ее способность к жизнетворчеству [1-3].

Современному человеку, особенно человеку юному, для того, чтобы сохранить себя в нестабильном, противоречивом, небезопасном мире и противостоять вызовам современности, необходимо иметь способность к жизнетворчеству. Способность к жизнетворчеству дает возможность «…выходить за рамки и границы любой культуры, любой идеологии, любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится во времени с обществом, культурой, идеологией или социальным движением» [4, с. 114].

Следовательно, чтобы дать возможность молодому и подрастающему поколению не только выжить в этом мире, но и трансформировать его к лучшему, способность к жизнетворчеству необходимо целенаправленно формировать [5].

Внутренней силой, определяющей качество жизни человека, является его потенциал – интегративное качество, отражающее степень соответствия личности определенной задаче и позволяющее ей действовать конструктивно в изменяющихся условиях.

Жизнетворчество, собственно, и заключается в постепенном развертывании, реализации и развитии личностного потенциала человека. «Счастье – радость, которую мы ощущаем, когда стремимся раскрыть свой потенциал» [6, с. 35].

Рассматривая развитие внутреннего личностного потенциала как стержневую составляющую категории «качества жизни» в ракурсе жизни каждого отдельно взятого человека, необходимо думать и о человеческом потенциале в ракурсе общества в целом. В частности, необходимо, чтобы в обществе была выработана такая система образования и воспитания, которая с первых лет жизни способствовала бы психологическому, ментальному, моральному и духовному развитию обучающихся, побуждала человека к активности, саморазвитию и самосовершенствованию. Поскольку юный человек, заботясь в настоящее время о том, как стать лучше, в будущем это лучше сможет отдавать.

Заключение. Таким образом, создание условий для реализации и развития внутреннего потенциала личности не только дает человеку ощущение удовлетворенности жизнью, но и делает его менее зависимым

от внешних обстоятельств, повышает его способность продуктивного самостоятельного и осознанного решения задач и проблем, возникающих в жизни, и более широко, задач собственного бытия.

Вложения в человеческий потенциал через проявленную субъектность, может преобразоваться в важнейший фактор социокультурного развития общества, тем самым способствуя его стабильности и благополучию.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа: учебник для вузов / А. Г. Асмолов. – М.: Смысл; Академия, 2002. – 416 с.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с. – (Серия «Мастера психологии»).
4. Мамардашвили. М.К. Необходимость себя. Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки / Сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Лабиринт, 1996. – 432 с.
5. Сухоруков А.С. Жизнетворчество и формы движения смысловой системы личности [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/cu.htm.
6. Хайнц М. Позитивный тайм-менеджмент: Как успевать быть счастливым / М. Хайнц. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 128 с.

УДК 612.821-057.87

ДИАГНОСТИКА УМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ

Ситникова Н.Е., канд. псих. наук,
ГОО ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева», г. Донецк, ДНР
hum.dgma@gmail.com

Жизнь требует переориентации учебного процесса на выработку у студентов умений на основе полученных знаний, умений и навыков анализировать процессы, события, происходящие в общественной жизни, и на основе анализа, действовать творчески. В связи с этим, учебный процесс должен характеризоваться личностно ориентированным подходом, который обеспечивает основные психологические условия для развития личности учащихся: правом дидактического выбора учебного материала, способов выполнения учебных задач, в том числе индивидуальных программ обучения; использование дискуссионных, интерактивных технологий, поощрение студентов к поиску собственных способов действий и их рефлексии; взаимообмен между преподавателем и студентами ролевыми функциями (совместное определение целей учебной деятельности, взаимооценка работы); направленность работы преподавателя на учебные возможности каждого, осведомленность относительно уровней их умственного развития.

Первым шагом в реализации такого подхода является изучение особенностей умственного развития студентов, что предполагает основательные психолого-педагогические исследования: предоставление информации об уровне умственного развития студента и его динамики; выявление интересов, склонностей, способностей с целью дальнейшей профориентационной работы; выявление групповых особенностей развития учащихся для осуществления индивидуального подхода и помощи в выработке индивидуального стиля познавательной деятельности, организации диалога и полилога.

Основным в психодиагностике является тестовый метод как инструмент, средство «измерения» психического (интеллектуального и личностного) развития индивида. Для диагностики мыслительной сферы студентов предлагается батарея тестов интеллекта (табл. 1), которая имеет преимущества перед другими и такие признаки:

Таблица 1

Батарея тестов интеллекта, использованных в системе психолого-педагогической диагностики умственного развития личности студентов

№ п/п	Название теста	Критерии	Количество тестовых задач	Время использования (мин.)	Аббревиатура
1.	Тест общих способностей (100 задач)	Восприятие форм, перемещения, перестановка, симметрия, анализ, синтез, абстрагирование, визуально-моторная интеграция	100	50	100 задач
2.	Матрицы Равена	Способность глубоко мыслить; комбинаторные способности, единство восприятия, способность к анализу и синтезу, визуальная интуиция	60	60	МР
3.	Тест абстрактного мышления	Абстрактное мышление, способность выявлять зависимости и способы разрешения проблем	50	25	ТАМ
4.	Тест понимания словесных связей	Вербальное мышление, сознательное оперирование понятиями, способность осмысливать сущность явлений	50	25	ТРСЗ
5.	Исключение лишних понятий	Способность находить общее и отличное	20	10	ВЗП

батарея тестов достаточно объемная относительно количества и разнообразия применительно к инвариантности тестовых задач, а потому характеризуется достаточной валидностью и надежностью, полностью охватывает поле социально-психологического проявления такой психической реальности, как умственное развитие; использованы наиболее распространенные в мировой диагностической практике фундаментальные

тесты общих способностей, которые созданы на основе иерархических или структурных моделей интеллекта и дают возможность определить общую интеллектуальность; равноценно представлены фундаментальные тестовые методики, что полностью диагностируют вербальный и невербальный интеллект в их взаимодополнении.

Студенты имеют различную способность к обучению и индивидуальные показатели реального использования умственных способностей в учебном процессе. Поэтому оперативное применение психодиагностических средств будет способствовать изучению познавательных процессов, умственных способностей, профиля умственного развития личности и в дальнейшем позволяет преподавателю выбирать оптимальные технологии, формы и методы развивающего психолого-педагогического взаимодействия.

Список литературы

1. Анастази А. Психологическое тестирование /А. Анастаси.– М., 1982. – Кн. 1 – 320 с.
2. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – К., 1989. – 200 с.
3. Дружинин В.Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин.- Издательство: Питер Серия: Мастера психологии: 1999. – 2-е издание.
4. Левитов Н.Д. Детская и педагогическая психология / Н.Д. Левитов.– М., 1960.
5. Общая психодиагностика (под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина) / А.А. Бодалев., В.В. Столин. – М., 1987. – С. 149-154.
6. Joy Danl Guilford. Cognitive styles: What are they? Educational and Psychological Measurement, 40. –P. 715-735.

УДК 17.035.3 (477. 52/6)

ДОНБАССКИЙ ХАРАКТЕР КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К УСЛОВИЯМ ЛОКАЛЬНОГО ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

***Ситнова И.В.*[1],** канд. социол. наук, доц., ***Панина Е.А.*[2]**

[1]ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище» г. Донецк, ДНР

[2]ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики» г. Донецк, ДНР

i.sitnova2016@yandex.ru, elposte2020@mail.ru

Донбасс с 2014-2020 находится в ситуации локального военного конфликта и подвергается стрессогенному воздействию вооружённого нападения. Ценой этому является истребление человеческих жизней и ресурсов края. При всей тяжести положения, в котором оказались жители Донбасса, они проявляют психологическую устойчивость к трудностям и позитивное отношение друг к другу. Целью данной работы является исследование феномена устойчивости (резистивности), базовых характеристик психики людей, живущих в изменившемся обществе на востоке Украины.

В научной литературе существует несколько подходов к описанию феномена коллективного характера: *во-первых*, (Г. М. Андреева) как элемента психического склада общества, фиксации типических черт, которые проявляются в случаях, когда выступают не отдельные люди, а группы [1]; *во-вторых*, (Э. Фромм) как общего для большинства представителей одной и той же культуры, образующего относительно стабильную систему ориентаций, установок, необходимых для функционирования этой культуры в данный исторический момент [2]. Пока объективные условия общества и культуры остаются неизменными, социальный характер играет стабилизирующую роль. Если же внешние условия меняются и перестают соответствовать традиционному социальному характеру, возникает «смещение фаз», которое изменяет функцию социального характера, делая его не стабилизирующим, а дезинтегрирующим элементом, не социальным «цементом», а динамитом.

Донбасс в силу исторических условий стал регионом взаимодействия представителей многих этносов – носителей различных культур, традиций, религий. Основой Донбасского характера является многонациональный и многоконфессиональный состав населения (русские (38 %), украинцы (56 %), греки (2 %), белорусы (0.92 %), татары (0.4 %), армяне (0.33 %), евреи (0.18 %), грузины (0.15 %), молдаване (0.15 %)) [3]. В территориальном разрезе доля украинцев выше в северных сельских и северо-западных районах. Русские же наоборот концентрированно проживали в центральных районах, прилегающих к Донецку и являющихся наиболее урбанизированными.

Человек может жить почти в любых условиях, но если он живёт в условиях невыносимых его природе, препятствующих требованиям его развития и духовного здоровья, он не может не реагировать и вынужден либо деградировать и погибнуть, либо бороться и создать условия, согласующиеся с его потребностями [4], что и происходит сегодня на Донбассе. Здесь можно наблюдать феномен способности оказывать сопротивление негативным факторам, препятствующим личностному росту и ограничивающим автономное функционирование личности[1]. В ходе конфликта, жители Донбасса разделились, хотя и не принципиально. На украинской территории 37 % винят Россию (то есть меньшинство населения), 10 % – Украину, 30 % объясняют конфликт вмешательством Запада, а 23 % видят в нем местную реакцию на действия украинских властей. На контролируемых ополченцами территориях результаты таковы: 50 % считают войну результатом западного вмешательства, 30 % – реакцией местных жителей на действия Киева, 11 % винят украинские власти и лишь 9 % – Россию [3]. Необходимость трудиться, быть точным и приверженным порядку и таким образом выжить в течение всего периода формирования региона Донбасса была превращена во внутренне стремление людей, живущих здесь, к такому поведению. Тяжелая

[1]Этот феномен в медицинской психологии называется гемблинг-резистентность

промышленность Донбасса, созданная в советское время, является гордостью жителей региона. «Донбасс всегда был экономическим двигателем страны. Алчевский меткомбинат, Лисичанский НПЗ, Лисичанский стеклозавод, шахты. Донбасс – значимая часть страны, где сосредоточен главный экономический потенциал» [3]. Сами жители Донбасса видят характерные черты своего региона, прежде всего, в его экономическом потенциале [3]. Тяжелая промышленность Донбасса, созданная в советское время, является гордостью жителей региона. Именно экономическая мощь должна стать основой влияния Донбасса во всеукраинском масштабе, считает местное население.

Устойчивость жителей Донбасса определяется такой триадой личностных качеств, как: «притязания-самооценка», «антиципация-рефлексия», «экстра-интра-направленность личности»[1] [4]. На вопрос: как события 2013–2016 годов повлияли на идентичность жителей Донбасса, четверть респондентов в ДНР и ЛНР ответили, что теперь чувствуют себя «в большей степени русскими», а одна пятая жителей контролируемых Киевом территорий – что теперь считают себя «в большей степени украинцами». Но, что интересно, 14 % на «украинских» территориях и 20 % в самопровозглашенных республиках сказали, что теперь еще сильнее чувствуют себя «и украинцами, и русскими». Большинство опрошенных (62 % на подконтрольной Киеву территории и 45 % в ДНР и ЛНР) отметили, что их идентичность вообще не изменилась [5].

Согласно Э. Фромму, социальному характеру Западного общества присущи соперничество, накопительство, эксплуататорство, авторитаризм, агрессивность и индивидуализм, черты которого воспроизводятся в рыночной ориентации. В культуре жителей Донбасса вместо соперничества можно найти усиливающуюся тенденцию к совместной работе; вместо стремления к непрерывному росту прибыли – желание иметь постоянный и надёжный доход, вместо эксплуатации – тенденцию поделиться богатством с другими. На протяжении пяти лет непрекращающихся военных действий жители Донецка не утратили человечность, более того сформировались нормы и ценности доброты и поддержки друг друга. Это можно наблюдать в транспорте, в магазинах, на улице. Позитивное отношение друг к другу, позитивный характер общения с земляками, развитие способности к рефлексии, формирование временной перспективы, гармонизация ценностно-смысловой сферы, повышение способности к саморегуляции и самодетерминации – это всё можно наблюдать сегодня в Донецке.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М.: Аспект пресс, 2004. – 363 с.
2. Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм // Психоанализ и культура. – М.: Юрист. 1995. – С. 338.

[1] В психологии это носит название резистентность к формированию гемблинг-аддикции (перверсиям)

3. Кто живёт в Донбассе? Национальная идентичность жителей ДНР / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://news.donnu.ru/2017/10/30/miroslav-rudenko-rasskazal-studentam-o-konflikte-identichnosti-v-donbasse/. – Название с экрана.
4. Леонова А.Б. Изменение когнитивных стратегий в условиях возрастания эмоциональной напряженности у людей с разной индивидуальной устойчивостью к стрессу / А. Б. Леонова, М. С. Капица, И. В. Блинникова // 4-я международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. В 2 т. Томск. 22–26 июня 2010 г. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. – Т. 2. – С. 385–387.
5. Жители Донбасса по обе стороны АТО за годы войны не потеряли единую идентичность – социсследование / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://strana.ua/news/75299-zhiteli-donassa-po-obe-storony-ato-ne-hotyat-v-es-no-imeyut-raznuyu-identichnost-socopros.html. – Название с экрана.

УДК 314

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Смелов И.В., Крутова А.В.
НАНЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий»,
г. Краснодар, РФ
Alexandra.gr@yandex.ru

Введение. В современном обществе интернет является неотъемлемой частью повседневной жизни человека, в частности такой возрастной группы лиц, как подростки.

Благодаря тому, что у подавляющего числа подростков есть сотовые телефоны, они свободно могут пользоваться интернет – ресурсами целыми днями, даже не находясь дома.

Вопрос влияния всемирной паутины на молодёжь является одним из актуальных вопросов в современном обществе, ведь интернет является одним из объектов влияния на личность и здоровье человека, в особенности подростка. Эти проблемы изучают уже довольно долго, и выводы этих исследований неоднозначны.

Интернет нельзя назвать безопасным местом, где находится только достоверная информация и нет угроз для человека, но это убеждение неправильно. Стоит понимать, что форумы, статьи и другие интернет-ресурсы создаются другими людьми, цели которых неизвестны. Из-за этого большое количество людей, в частности подростков, подвергаются угрозе нарваться на вредоносный ресурс, который несёт за собой плохие последствия.

Основная часть. В 21 веке развитие информационных технологий стало очень значимым явлением, которое привело к изменениям в структуре общества в целом. Одним из катализаторов этих изменений выступал интернет, который влиял на молодёжь и социум в целом. Это повлекло за собой немало негативных последствий. Негативное влияние проявлялось в феномене Интернет – зависимости.

Интернет – зависимость представляет собой явление, при котором человек стремится удовлетворить как можно больше потребностей в интернете, которые соответственно увеличивались в процессе использования интернета и со временем данный процесс стал цикличным, что привело к тому, что человек начал тратить большое количество времени в интернете, забывая о других потребностях. Каждый человек по-своему испытывает эту зависимость и последствия, которые всегда проявляются по-разному. Современным подросткам, страдающим интернет-зависимостью, тяжело учиться. Интернет-зависимость также проявляется в разрушающем влиянии на качество запоминания подростками необходимой информации: большой процент учеников имеют серьёзные проблемы в концентрации необходимого внимания к урокам и учёбе в целом.

К интернет-зависимости наиболее уязвимы подростки от 8 до 16 лет. Именно у подростков чаще всего проявляется и развивается эта зависимость. Чаще всего это может привести к изменению личности подростка, а также ухудшении состояния здоровья. Многие предпочитают сравнивать интернет-зависимость с наркоманией, алкоголизмом, что побуждает у людей некую ненависть к этому явлению.

Выделяют несколько видов компьютерной зависимости, каждый из которых является равноценно опасным для подростка.

1. Виртуальное общение. Подросток предпочитает интернет-общение вместо разговора с глазу на глаз, что сказывается на его поведении в обществе.

2. Игры. Подросток уделяет всё своё время играм, забывая про то, что происходит вокруг него. Сильно сказывается на психическом развитии, из-за которого могут начать развиваться различные комплексы.

3. Серфинг. Подразумевает под собой то, что подросток бесцельно сидит в сети, переходя с одного сайта на другой. Оказывает влияние на мыслительные качества.

В наше время очень сложно жить без выхода в интернет: он помогает в работе, учёбе и другой деятельности. Благодаря интернету больше нет необходимости идти в библиотеку и искать необходимую книгу, достаточно найти это в сети и изучить нужную тему. Правильное использование интернета помогает человеку в саморазвитии и в жизни в целом.

То, на сколько и по какой причине подросток уйдёт в виртуальный мир, целиком зависит от целей интересов подростка. Каждый стремится удовлетворить максимальное количество своих душевных потребностей, иногда забывая про физиологические потребности.

Безопасность в интернете – это одна из самых важных тем обсуждения, которая будет актуальна всегда. Полностью защитить подростка от интернет-ресурсов, представляющих угрозу, невозможно. Интернет-угрозы влекут за собой большое количество последствий, начиная от снижения успеваемости, заканчивая летальным исходом.

В рамках собранной мною группы лиц из 10 человек, в которой возраст опрашиваемых 17 лет, было проведено исследование, целью

которого являлось определение уровня стресса при конкретном уровне интернет – зависимости.

Для начала необходимо определить уровень интернет-зависимости каждого подростка. Для исследования был использован тест Кимберли-Янг на интернет-зависимость. Данный эксперимент показал, что:

– 1 из 10 подростков обладают низкой интернет-зависимостью;

– 6 из 10 подростков имеют среднюю степень зависимости;

– 3 из 10 имеют высокий уровень зависимости.

Далее, используя шкалу психологического стресса PSM 25 в адаптации Н.Е. Водопьяновой, а также используя прошлые результаты, можно сделать вывод, что подростки с низким и средним уровнем интернет-зависимости имеют низкий уровень стресса, а подростки с высоким показателем интернет-зависимости имеют средний уровень стресса.

Подводя итоги данного исследования, можно прийти к выводу, что проводя большую часть своего времени в интернете, подросток становится интернет-зависимым и у него развивается высокий уровень стресса, а также другие психологические проблемы.

Заключение. Вопрос о влиянии всемирной паутины является и будет являться актуальным ещё долгое время, но уже сейчас можно сказать, что он является частью жизни не только молодёжи, но и всех людей в целом. Обусловлено это тем, что, несмотря на его негативные качества, он во многом упрощает жизнь человека. Благодаря интернету, люди с разных концов Земли способны обмениваться различной информацией, работать или учиться, не выходя из дома.

Интернет также помогает людям в трудных жизненных ситуациях. Также это то место, где никто никого не знает и человек может выговориться обо всём, о чём думает и что переживает, получая либо поддержку, либо критику.

Для неопытных пользователей интернет представляет большую угрозу, целый неизвестный мир, который нужно изучать. Интернет позволяет допускать ошибки и часто прощает их, на этих ошибках человек извлекает для себя урок, который может пригодиться ему и на жизненном пути.

Общество должно понять, что интернет порождает не только плохое, но также и хорошее.

Интернет – это не только мир социальных сетей, игр и других развлечений, это также и огромная библиотека знаний, которая поможет в развитии как одного человека, так и общества в целом.

Самое главное правило в интернете – это уметь определять достоверную информацию и избегать того, что может представлять угрозу.

Список литературы

1. Аверин В.А. Психология личности. Учебное пособие / В.А. Аверин. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999.
2. Бабаева Ю.Д. Интернет: воздействие на личность. Гуманитарные исследования в Интернете / Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, О.В. Смыслова. – М: Можайск-Терра, 2000.

УДК 159.95

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАРУШЕННЫХ ЗВЕНЬЕВ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПИСЬМА В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Стовпяга Н.В., Фархутдинова Ю.Н., канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
julia82.06@mail.ru

Введение. В настоящее время одной из причин появления трудностей в обучении школьников являются нарушения письменной речи. Данные нарушения становятся причиной неуспеваемости у 10-20 % младших школьников с нормальным интеллектом, полноценным зрением и слухом, служат препятствием для обучения и развития личности ребенка.

В нейропсихологии письменная речь рассматривается как сложная функциональная система, в состав которой входят компоненты, опирающиеся на работу отдельных участков головного мозга. Нарушение любого из компонентов ведёт к специфическим затруднениям формирования функции в целом.

Основная часть. Проблема нейропсихологического исследования нарушений письма рассматривалась в работах Т.В. Ахутиной, Л.Н. Ефименковой, Р.И. Лалаевой, Е.В. Мазановой, Л.Г. Парамоновой, И.Н. Садовниковой и др.

Т.В Ахутина в своих работах указывает, что нейропсихологическое исследование позволяет уточнить механизм имеющихся трудностей письма [1].

Следует отметить, что выделяют 3 основных подхода к преодолению нарушений письма: учет соотношения с видом дисграфии (Р.И. Лалаева, Е.В. Мазанова, Л.Г. Парамонова), профилактическая направленность нарушений письма (А.В. Ястребова), учет нарушенных звеньев функциональной системы письма (И.Н. Садовникова, Л.Н. Ефименкова).

Остановимся на подходе, который учитывает выявление нарушенных звеньев функциональной системы (ФС) письма (И.Н. Садовникова, Л.Н. Ефименкова). Среди них выделим нейродинамику, фонематический слух, кинестетический фактор, кинетический фактор, переработку зрительной информации, пространственные представления, программирование, регуляцию и контроль [2].

Охарактеризуем каждое из этих звеньев.

Нейродинамический фактор (поддержание активного тонуса коры) связан с работой неспецифических срединных структур мозга и отвечает за тонус, активность, работоспособность и утомляемость. Следует отметить, что снижение нейродинамических показателей делает невозможным полноценное функционирование ВПФ, нарушается адекватность реагирования, снижается способность к самоконтролю. При диагностике нейродинамики используются таблицы Шульте, корректурная проба «Личики», методика Пьерона-Рузена. При этом наблюдают за работоспособностью на

протяжении всей диагностики и при выполнении каждого задания. По исследованиям Т.В. Ахутиной сравнение двух одинаковых работ, выполненных в разное время, позволяет выявить у одних детей утомляемость, а у других распад сформированных в процессе обучения стереотипов письма, что и свидетельствует о наличии специфического нарушения [1].

Дисфункция в развитии *фонематического слуха* вызывает нарушение дифференциации фонем по оппозиционным признакам. За выполнение этих речевых операций отвечает левое полушарие, но и правое полушарие также участвует в этом процессе, обеспечивая возможность для анализа ритмико-интонационных и мелодических характеристик речи, анализа гласных звуков в речи. При диагностике развития фонематического слуха используют классические логопедические методы, а также исследуют слухоречевую память.

Кинестетический фактор в графической деятельности отвечает за мышечное ощущение (умение правильно держать ручку при письме), точность артикуляции. Переработка кинестетической информации происходит в теменных областях коры головного мозга. Поражение гностических полей приводит к нарушению точности движений (ошибки в выборе артикуляционных укладов, смешение близких артикулем). Во время диагностики кинестетического фактора наблюдается праксис позы пальцев.

Кинетический фактор отвечает за серийную организацию движений (переключение от элемента к элементу, от буквы к букве), зрительно-моторную координацию (двигательная функция руки), точность движений, замены букв по кинетическому принципу (б-д, п-т, и-у). При нарушении отмечаются трудности соединения, повторы букв, слогов и слов, путаница в буквах по кинетическому принципу. При диагностике используется графическая проба «Заборчик», позволяющая оценить состояние динамического, регуляторного и пространственного компонентов [3].

Переработка зрительной информации осуществляется затылочными отделами полушарий головного мозга. Следует отметить, что вербализируемые стимулы опознаются левым полушарием, точность восприятия обеспечивает совместная деятельность обоих полушарий. При нарушениях в работе затылочных отделов полушарий наблюдаются такие ошибки: смешение перцептивно близких букв (т-г, х-ж), распад зрительного образа букв и слов, замена рукописных букв печатными, затруднение формирования навыка идеограммного письма («Клоссная робота», «Упрожнения»), игнорирование части зрительного поля и трудности в нахождении начала строки при письме и чтении, нарушение зрительной памяти.

Пространственный компонент отвечает за ориентировку в пространстве листа (где начинать писать, где продолжать), за умение отличать и правильно воспроизводить похожие буквы. Пространственная ориентировка связана с выделением правого и левого, верха и низа, и все это вместе связано с речью. Нарушения механизмов пространственного анализа и синтеза в первую очередь отражаются на графических движениях. Графические движения характеризуются наиболее высокой степенью регуляции. Ошибки могут быть метрические, позиционные и пространст-

венные. Отклонения от нормальной перцептивной организации рассматриваются в качестве симптомов. Во время диагностики используются тест Куглера (1 класс), тест Денманна (2 класс), зрительно-моторный гештальт-тест Лоретты Бендер (3 класс), фигура Рея-Остеррица (4 класс) [4].

Несформированность *произвольной регуляции* действий часто происходит на фоне дефицита нейродинамического фактора, что приводит к снижению ориентировочной деятельности. У школьников возникают проблемы с удержанием произвольного внимания, трудности ориентировки в задании, импульсивность движений и инертность, критичность по отношению к допускаемым ошибкам. Ребенку трудно распределить внимание между технической стороной письма и содержанием. При таких нарушениях можно наблюдать повторение слов вследствие дефицита регуляции, патологической инертности целостной программы при слабости программирования и контроля.

Заключение. Таким образом, мы видим тесную связь нарушений письменной речи с нейропсихологическими особенностями развития. При правильной диагностике и коррекции, выявив нарушенные звенья функциональной системы письма, можно избежать в будущем возникновения более сложных проблем и помочь младшему школьнику преодолеть трудности, связанные с формированием письменной речи.

Список литературы

1. Ахутина Т. В. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников. Приложения: протоколы обследования / Т.В. Ахутина, О.Б. Иншакова. – Москва : В. Секачев, 2014. –48 с.
2. Садовникова И.Н. Нарушения письменной речи и их преодоление у младших школьников. – М.: Владос, 1997. –256 с.
3. Ефименкова Л.Н. Коррекция устной и письменной речи учащихся начальных классов: пособие для логопеда. – М.: Владос, 2006. –224 с.
4. Лалаева Р.И. Диагностика и коррекция нарушений чтения и письма у младших школьников: учебно-методическое пособие. – СПб: Издательство «СОЮЗ», 2003. –224 с.

УДК 159.9

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК ЛИЧНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА

Тараскина А.С., Бойко О.В., канд. психол. наук. доц.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
anya.taraskina.98@mail.ru

Способность личности совладать со стрессовыми, экстремальными ситуациями без ущерба для ее психического или физического здоровья стало жизненно необходимой. Изначально, так называемое, совладание имело термин «hardiness» и было введено в психологию Сьюзен Кобейсом и Сальваторе Мадди в конце 70-х гг. XX в., а его альтернативный термин был предложен в 2000 году Дмитрием Алексеевичем Леонтьевым, как жизнестойкость.

Личность, обладающая жизнестойкостью, отличается способностью воспринимать стрессовые жизненные события и реагировать на них, что предотвращает или сводит к минимуму напряжение, которое может следовать за стрессом и которое, в свою очередь, может привести к психическим и физическим заболеваниям.

Существует множество определений понятию жизнестойкости, но мы понимаем это как способность нормально функционировать и развиваться, несмотря на явно неблагоприятные условия, т.е. быстро адаптироваться к сложившимся трудностям.

Т. В. Наливайко характеризует жизнестойкую личность как имеющую адекватную самооценку, социально компетентную, имеющую развитые волевые и коммуникативные умения.

С. Мадди и С. Кобейс выделяют следующие признаки жизнестойкого отношения к трудностям: вовлеченность и уверенность в возможности контролирования сложившейся проблемы, принятие риска, умение трансформировать негативные мысли в новые возможности.

Для Д. А. Леонтьева стремление к комфорту и безопасности делает человека пассивным, а его жизнь скучной. Человек с развитой жизнестойкостью должен действовать даже при отсутствии гарантированного успеха. Таким образом, он открыт миру и новым возможностям, воспринимает жизнь как процесс приобретения опыта.

Жизнестойкие люди любят непредвиденность, благодаря ей они чувствуют интерес к жизни, они с огромным желанием берутся воплощать в жизнь самые смелые идеи.

Противоположностью жизнестойкой личности по С. Мадди и С. Кобейсу, является личность ощущающая угрозу, имеющая сожаления о прошлом, чувствуя неучастие в собственной жизни, нетерпимость к резким переменам.

Для правильного уровня продуктивности и жизнедеятельности, а также сохранения здоровья в стрессогенных условиях необходимо, чтобы все компоненты жизнестойкости были ярко выражены.

Таким образом, жизнестойкость, как личностная характеристика должна обладать такими свойствами как способность и полная готовность человека с интересом принимать стрессовые ситуации, контролировать их и управлять ими, уметь рисковать, не бояться перемен, неизвестного и возникающих трудностей на пути.

Список литературы

1. Фоминова А. Н. Жизнестойкость личности / А. Н. Фоминова – «Прометей», 2012. – 280 с.
2. Stellman J. M. Encyclopedia of Occupational Health and Safety / J. M. Stellman. – Geneva, International Labor Organization, 4th ed., 2011.

УДК 159.923.5

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ И ПРИОРИТЕТЫ ВЫБОРА

Тимошко Г.В., канд. психол. наук, доц., ***Тимошко А.А.***
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»,
г. Макеевка, ДНР
galyna_tymoshko@mail.ru

Введение. Процесс развития личности может протекать эволюционно или инволюционно, бурно или плавно, быстро или медленно, равномерно или неравномерно, но он идет всю жизнь. Возрастная психология, изучая закономерности жизненного пути людей, выделила на нем некоторые этапы, которые характеризуются определенными психологическими признаками и изучены лучше для периода становления личности. Рассмотрим жизненный путь молодых людей в связи с приоритетами их выбора.

Основная часть. Кто бы ни был автором периодизации жизненного пути личности – Д. Эльконин, З. Фрейд или К. Роджерс – все подчеркивают, что для эмоционально благополучного становления личности важно адекватное прохождение каждого этапа жизненного пути, адекватные отношения в семье, школе, знание родителями и педагогами психологических и психофизиологических особенностей людей каждого возраста, любовь к детям, предоставление, но не навязывание им возможностей проявить себя в любом виде деятельности, творчества из набора того многообразия деятельностей, который нужен для того, чтобы «найти себя» [1].

Когда человек заканчивает школу, его жизненный путь становится более индивидуальным, поэтому дальнейшая классификация возрастных этапов жизни усложняется, однако большинство психологов выделяют молодость, часть которой – юность – совпадает со студенческим возрастом. Основным достижением личности в конце периода молодости является взрослое самоопределение. Далее приходит зрелость, затем наступает пожилой возраст, а затем и старость. В каждом возрасте есть свои достижения, свои высоты, но и свои кризисы. У них есть свои причины и поводы. Если человек не может найти выход из кризиса, тогда нужна помощь близких или специалиста. Эти люди помогут сделать так, чтобы человек сам нашел сильные стороны своей личности, способы преодоления жизненных трудностей и кризисов.

В народе говорят: человек сам кузнец своего счастья. Развитие личности осуществляется не только как спонтанный процесс, независимый от сознания человека. Это и активное отношение к саморазвитию, развитие собственных способностей, мировоззрения, это образование и самообразование, активная деятельность, самореализация в выбранной сфере деятельности, творчество.

В процессе выбора приоритетов развития, саморазвития не следует забывать про личностный подход, про то, что личность является не только объектом воспитания, но и субъектом. Поэтому она и сама выбирает свой

идеал, принимает предложенный ей или отвергает, сама воспитывает себя. С возрастом у личности сильнее выражены эти процессы. Они требуют как от педагога, так и от руководителя признание свободы выбора личности. Поэтому воздействие на людей не может быть насильственным. В студенческом возрасте, в молодости и зрелости субъектность воспитания выражена, и навязывание личности тех идеалов и ценностей, которые она не принимает, вызывает противодействие [2].

В процессе выбора своих приоритетов молодые люди могут помнить также о том, что личность – это целостность, а не набор отдельных характеристик внимания, памяти, чувств, воли. Все в личности находится в единстве: черты характера с качествами ума, способы мышления с уровнем чувственного развития. Обучая студентов решению технических, экономических, математических задач, преподаватель не только развивает их мышление, но и воспитывает организованность, самостоятельность, внимательность и другие черты.

Личность воспитывается не по частям, а в целом. Самовоспитание, саморазвитие так же целостно. Поэтому если мы беремся за развитие у себя только одной стороны личности, например, физическое развитие – одновременно будет развиваться воля, гармония чувств, мышление [2].

С точки зрения гуманистической психологии, каждый человек – индивидуальность, он неповторим, своеобразен, не похож на других людей, ожидает индивидуального подхода к себе. Индивидуальный подход учитывает все особенности человека, начиная от нашего физического развития и физиологического состояния и кончая нашими убеждениями, ценностными ориентациями. Этот подход требует изучения человека, выявления его особенностей, определение индивидуальной программы развития его способностей.

Если программа не разрабатывается, все равно, при общении и взаимодействии с человеком мы учитываем особенности уровня его подготовки, стиль мышления, склонности и способности, особенности темперамента, характера. Так же и с самим собой: нужно быть внимательным к своим склонностям, способностям, чертам характера, темперамента. Их можно наблюдать, узнавать из общения с близкими и разными людьми (отзывы о нас), использовать возможности психологической диагностики. Узнавая себя самого, мы невольно стремимся к изменениям в себе, чтобы найти свое место в жизни, обрести друзей, гармонию чувств.

Индивидуальные особенности человека: характер, темперамент, способности и другие. – можно рассматривать как личностный ресурс, как базу для успешного жизненного пути, как свой приоритет.

Идеал личности требует конкретизации – что именно надо воспитывать в человеке. Более глубокое изучение психологического содержания черт характера человека показало, что за каждой из них стоит то или иное отношение личности. Так, профессионализм связан с уважением к труду, любовью к своей профессии, которые помогают овладеть ею и ведут к профессиональному мастерству. Гуманизм

проявляется в любви к людям, ко всей живой природе. Патриотизм – любовь к Родине. Каждая черта скрывает за собой то или иное отношение личности или раскрывает его перед нами. Отношенческий подход к личности предполагает, что воспитываются не внешние черты, а внутренние отношения. Они являются осознанными, что позволяет человеку влиять на них, изменять, развивать.

У каждого молодого человека есть черты характера, которые могут стать основой, приоритетом развития, которые поддержат его в трудную минуту и позволят развиваться дальше. Наши исследования показали, что студенты достаточно легко обнаруживают в себе такие черты, которые уже есть или требуют развития: трудоспособность, трудолюбие, мотивированность, решительность и другие.

Деятельностный подход к развитию и саморазвитию личности означает, что становление личности осуществляется в деятельности, в собственной, самостоятельной деятельности. В какой именно? Это зависит от целей самой личности. Художник будет лучше развивать свои способности в художественной деятельности, мыслитель – в научной. Творческая личность развивается в творческой деятельности, а личность профессионала – в профессиональной. Реализуя деятельностный подход в развитии личности, родители создают своим детям условия для того, чтобы попробовать себя в разных видах деятельности, определить свои склонности.

Заключение. Итак, молодые люди, реализуя деятельностный подход в самовоспитании, выбирают свои приоритеты в деятельности, выбирают то, чем они хотят заниматься и этот выбор может быть множественным. Исследования показали, что студенты технического вуза называют художественную, музыкальную, литературную деятельность как свои приоритеты, наряду с технической (строительной) деятельностью.

Список литературы

1. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – С. 528-573.
2. Щуркова, Н. Е. Педагогические технологии : учеб. пособие / Н. Е. Щуркова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 259 с.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОРЫСТНОГО МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Устинов Д.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
d.ustinov@donnu.ru

Корыстный мотив – побуждение к незаконному завладению чужим имуществом, направленное на обращение этого имущества в свое

фактическое пользование, распоряжение либо на уклонение от обязательных материальных затрат [8].

Стремление к получению материальной выгоды в отечественной науке считается основной причиной совершения преступлений против собственности [1]. Наличие этого побуждения у правонарушителя, независимо от стадии, на которой оно сформировалось, является определяющим фактором и основанием привлечения к ответственности при совершении различного рода хищений [6]. Важнейшее значение приобретает корыстный мотив при формировании в подростковом и юношеском возрасте мотивации преступного имущественного поведения.

Несмотря на индивидуальный набор материальноориентированнных потребностей несовершеннолетних правонарушителей и бесконечное множество противоправных способов их удовлетворения, криминальные корыстные мотивы подростков и юношей, в целом, можно назвать отличными от мотивов аналогичного противоправного поведения взрослых [7]. При этом особенностью корыстного мотива подростков и юношей является искажение потребностей, характерных для взрослых, при актуализации в психике активно развивающейся, но еще не зрелой личности.

Изучение обстоятельств совершения несовершеннолетними преступлений против собственности позволяет определить, что подростки и юноши, в основном, допускают противоправное поведение с целью обрести и использовать чужую вещь либо с целью обрести денежные средства.

Цель и желание противоправным способом обрести и использовать чужую вещь является специфическим для несформированной личности, не обладающей социально необходимым жизненным опытом. Стимулируемое таким стремлением поведение подростка, юноши основано на побуждениях: получить желаемую вещь (Логинова К.Ю.), получить дорогую вещь (Миненок М.Г.), получить отсутствующую вещь, получить предмет роскоши (Хилобокова С.В.). В силу возрастных особенностей [2] в восприятии несовершеннолетнего отсутствующая, желаемая, материально недоступная или дорогая в сложившейся ситуации вещь воспринимается как крайне необходимая, а не предмет роскоши, которым, по сути, она в окружающей обстановке является.

При формировании цели незаконно завладеть и пользоваться чужой вещью, а также желания совершить такие действия ключевое значение приобретают базовые стремления обладать вещью, то есть собственно корыстные стремления, не являющееся производным при реализации иных, нематериальноориентированных побуждений. Такие стремления включают в себя как базовое стремление иметь вещь, которая способна удовлетворить потребность владеть определенным предметом, обладающим необходимыми качествами и функциями, так и базовое стремление к стяжательству [5], направленное на удовлетворение потребности в алчном накоплении, страсти к наживе, приобретательству и прочему нефункциональному использованию.

Кроме того, возникновение цели и желания обрести и использовать чужую вещь может быть обусловлено производным стремлением обладать

вещью, осознанно или неосознанно воспринимаемым как способ удовлетворения какой-то иной, более глубокой нематериальной потребности.

Вторым основным направлением имущественного преступного поведения несовершеннолетних является реализация стремления незаконно завладеть денежными средствами. Действия правонарушителя могут быть направлены как на непосредственное завладение деньгами, являющимися предметом хищения, так и на их обретение путем реализации похищенного. Получение денежные средств открывает более широкие возможности, не ограничивая сферы материальных трат, максимально разнообразно и широко удовлетворяя имеющиеся актуализированные потребности. Помимо базовых и частных производных стремлений, рассмотренных выше, наличие у подростка или юноши денег позволяет удовлетворить потребности в накопительстве [3], а также специфической подростково-юношеской потребности в обеспечении нетрудового, праздного образа жизни [4,5].

Стремление к накопительству основано на схожих со взрослыми качествах личности и реализуется в схожим формах, отличаясь, как правило, характерными для подростков и юношей скоротечностью, регулярной сменой приоритетов и значимых для личности направлений жизнедеятельности [9]. Достаточно частое изменение задач и целей накопительства или полный отказ от него обусловлен типичным для этого возраста стремительным преобразованием доминирующих потребностей и активным становлением молодой личности [2].

Особой потребностью, к удовлетворению которой стремятся подростки и юноши при незаконном завладении денежными средствами, является желание обеспечить праздный, нетрудовой образ жизни, не соответствующий фактическому повседневному материальному состоянию [4]. Материально ориентированные нетрудовые стремления проявляются, с одной стороны, во влечении к чрезмерному комфорту, с другой стороны, в проводимом досуге и устраиваемых развлечениях, в том числе, связанных с приобретением алкогольной продукции и психостимулирующих веществ. Наличие собственноручно добытых денег, независимо от способа их обретения, на этапе психологического поиска собственной идентичности способствует ситуации смешения социальных ролей [10]. Обусловленная противоправной формой получения денег аномальная линия развития подростков и юношей приводит к исполнению ролей, не соответствующих их статусу, наиболее простыми из которых являются получение недостижимых видов удовольствия и проведение досуга, характерных роли взрослого. При этом беспорядочность социальных ролей и потребностей, зачастую подчеркивается характером обеспечивающих удовольствие растрат, при которых нарушитель может наряду с алкогольными напитками приобретать конфеты с игрушками.

Анализ значения компонентов потребностно-мотивационной сферы для формирования преступного имущественного поведения несовершеннолетних позволяет говорить об определяющем воздействии таких

составляющих как установки, мировоззрение, идеалы, которые допускают реализацию преступного корыстного мотива. Без их асоциального влияние не могут быть удовлетворены актуализированные материальные потребности подростков и юношей.

Исследование потребностно-мотивационной сферы различных категорий несовершеннолетних показало, что в структуре преступной мотивации несовершеннолетних правонарушителей потенциальный преступный корыстный мотив является доминирующим (при шкалировании позиция № 1). В тоже время в структуре потенциальных противоправных мотивов законопослушных несовершеннолетних, несмотря на значимо меньшие показатели встречаемости (различия на уровне 5 %) и интенсивности (различия на уровне 1 %), потенциальный корыстный мотив преступления также имеет признаки доминирования (позиция № 2) и является провоцирующим фактором для совершения поступков, выходящих за пределы правового поля.

Заключение. В психике молодой личности в подростковом и юношеском возрасте проявляются и развиваются отдельные психологические качества и свойства, которые способствуют формированию потенциального корыстного мотива преступления.

Список литературы

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб.: "Юридический центр "Пресс", 2004. – 366 с.
2. Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
3. Коновалова И.А. Криминологическая характеристика корыстной преступности несовершеннолетних. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 141 с.
4. Логинова К.Ю. Мотивы имущественных преступлений несовершеннолетних // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. №1 (11) – С.56-62.
5. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. – М.: Наука, 1991. – 383 с.
6. Рарог А.И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ. / Рарог А.И. – М.: Эксмо, 2019.– 720 с.
7. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина : Ленинградское отделение, 1983. – 255 с.
8. Устинов Д.В. Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. №1(8). – С. 63–76.
9. Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). – М .: Гардарики, 2005. – 349 с.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с.

УДК 159.956.2

КОГНИТИВНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙ У СТУДЕНТОВ: ОСОБЕННОСТИ ИНТУИТИВНОГО СТИЛЯ

Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
d-ustin.80@mail.ru

Введение. Среди многочисленных стимулов научного исследования интуиции значительную роль играет заостренная глобальная проблема эффективного поиска решений в условиях лавинообразного роста объемов информационных потоков. Накопление базы знаний затрудняет решение стратегических и оперативных задач, принятие решений, генерацию идей как на этапе обучения, так и в практической деятельности. Возникает актуализированный социальный спрос на специалистов, способных принимать правильные решения и эффективно действовать, не имея возможности или избегая тщательного и длительного обдумывания проблемы, опираясь на интуицию.

Согласно современным концепциям психологической науки, интуиция исследуется как познавательный процесс, или как индивидуальное свойство личности [1]. Индивидуальные различия определяются как параметр личности или как параметр когнитивного стиля [2]. В качестве параметра когнитивного стиля интуиция рассматривается как предпочтение одного из двух альтернативных способов переработки информации – аналитического или интуитивного. Личности с выраженностью интуитивного когнитивного стиля принимают решения на основании подсознательных актов мышления, предчувствий, то есть без применения методов исследования с очерченными последовательными этапами [3]. Таким образом, изучение интуиции, как компонента когнитивного стиля учебной деятельности студентов, является современной актуальной задачей психологии и содержит большое количество неисследованных аспектов, что и обусловило выбор темы данной работы. По заключению многих отечественных и зарубежных исследователей существенное значение в учебной деятельности играет процесс формирования новых научных понятий, без которых невозможно дальнейшее овладение учебным материалом и решение учебных задач. Поэтому именно изучение особенностей формирования понятий и взаимосвязи этих особенностей с доминированием интуитивного или аналитического компонента когнитивного стиля стало одной из ведущих задач осуществляемого исследования. В ходе исследования была выдвинута гипотеза, что особенности стратегий формирования понятий в процессе учебной деятельности взаимосвязаны с выраженностью интуитивного или аналитического компонента когнитивного стиля студентов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили общие методологические разработки В.Ф. Асмуса, Н. Бунге, Д.К. Берри,

Д.Е. Бродбента, А.В. Брушлинского, Л.Л. Гуровой, А.Н. Лука, А.М. Матюшкина, В.А. Моляко, А.А. Налчаджяна, Я.А. Пономарева, Б.М. Теплова, В.К. Тихомирова, А.С. Кармина и Э.П. Хайкина, С. Эпстайна, И.С. Якиманской и др.

С целью выявления у испытуемых доминирования интуитивного стиля использовались методики: шкала «Доверие интуиции» опросника С.Епстайна (апробация А.В. Степаносовой) [4]; «Методика оценки уровня интуитивности» Е.А. Науменко; «Индикатор типов Майерс – Бриггс MBTI». С целью исследования стратегий формирования понятий использовалась «Методика формирования понятий» МФП. В осуществляемом исследовании использовался компьютерный вариант методики, разработан Ю.Б. Максименко, А. В. Гордеевой, В.А. Гордеевым, в основу которого были положены подходы к формированию понятий М.К. Аха, Дж. Брунера, Л. С. Выготского, Л. Сахарова, А.К. Тихомирова. В процессе исследования определялись стратегии формирования понятий по Дж. Брунеру. Под стратегией понимается некоторый способ получения, хранения и использования информации, служащий для достижения определенной цели в том смысле, что он должен привести к определенному результату. Цель стратегии состоит в том, чтобы обеспечить:

- образование определенного понятия в результате столкновения с минимальным количеством случаев, имеющих отношение к делу;
- субъективную уверенность в факте возникновения понятия независимо от количества примеров, с которыми пришлось иметь дело испытуемому на пути образования понятия;
- надежное образование понятия при минимальной нагрузке памяти и логического мышления;
- сведение к минимуму количества ложных отнесений к той или иной категории.

Выводы по эмпирической составляющей работы базируются на результатах экспериментальных исследований с привлечением 150 человек – студентов 2 – 4 курсов специальностей «Математика», «Прикладная математика» факультета математики и информационных технологий Донецкого национального университета.

Анализируя различия в стратегии формирования понятий студентами с доминированием интуитивного, аналитического или «смешанного» стиля, было выявлено следующее: для аналитиков и «смешанной» группы в большей степени были характерны сканирующие стратегии. Работа начиналась с выбора в качестве первой гипотезы части содержания первого примера. Если встречался пример, который отрицал гипотезу, происходила ее замена с максимальным учетом предыдущих событий. Для этого необходимы были определенные усилия памяти, работа происходила путем перебора возможных вариантов комбинаций стимулов. Для студентов с интуитивным когнитивным стилем была более характерна целостная стратегия, которая заключается в принятии в качестве первой гипотезы всего содержания первого примера, после чего используются определенные ограничения по нахождению правильного варианта.

Заключение. Таким образом, полученные данные подтверждают гипотезу о различии стратегий решения задач в группах с доминированием различных когнитивных стилей. Если сравнивать успехи групп, исходя из присущего им стратегического поведения, то преимущество оказывается на стороне представителей целостной стратегии. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, увеличение количества альтернатив при использовании стратегии сканирования в процессе решения задачи является источником повышения ее сложности, потому что приводит к дополнительной нагрузке на память и мышление.

Во-вторых, в условиях ограничения времени, сканирующая стратегия, которая предполагает путь перебора возможных вариантов, менее эффективна, чем целостная, которая охватывает все элементы сразу, а потом предусматривает их исключение.

Следовательно, можно предположить, что в условиях увеличения количества альтернатив, которые приходится держать в памяти, в условиях усиления напряжения, необходимости сокращать время овладения учебным материалом, присущих современной системе образования, сканирующая стратегия, характерная для студентов с доминированием аналитического стиля и требующая чрезвычайных усилий памяти и логического мышления, будет менее эффективной, чем целостная стратегия, которая присуща студентам с выраженным интуитивным стилем познания.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь /Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352с.
2. Степаносова О.В. Современные представления об интуиции / О.В. Степаносова // Вопросы психологии. – 2003. – № 4. – С. 133-142.
3. Allison C.W. Intuitions and entrepreneurial behavior / C.W. Allison, E.Chell, J. Hayes // European Journal of Work and Organizational Psychology. – 2000. – V. 9, №1. – P. 31-43.
4. Epstein S. Individual differences in intuitive experiential and analytical-rational thinking styles / S. Epstein, R. Pacini, V. Denes-Raj, H. Heier // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – V. 71, №2. – P. 390 – 405.

УДК 159.95

АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ СДВГ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ПОЗИЦИЙ НЕЙРОПСИХОЛОГИИ

Фархутдинова Ю.Н., канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
julia82.06@mail.ru

Введение. На современном этапе количество школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) значительно увеличилось (24-40 %). Как правило, внешние проявления СДВГ уже наблюдаются до 4-летнего возраста. Таким детям свойственны подвижность, беспокой-

ство, тревожность, они нуждаются в меньшем количестве сна. Следует отметить, что диагностика проявлений СДВГ ребенка-дошкольника затруднена из-за возрастных особенностей. Однако в школьном возрасте эти проявления достаточно четко видны. Среди них отмечается прежде всего отсутствие саморегуляции на поведенческом уровне.

Следует отметить, что у мальчиков проявления СДВГ встречаются чаще, чем у девочек. Это теоретически объясняется тем, что мальчики более уязвимы в случае некоторых психопатологий развития. Кроме того, особенности строения головного мозга у мальчиков и девочек различны: у девочек кора больших полушарий менее специализирована (т.е. характерна быстрая адаптация к новым условиям среды, гибкость коры в случае патологии по сравнению с корой больших полушарий у мальчиков) [1].

Основная часть. Исследования проблемы синдрома дефицита внимания и гиперактивности детально представлены в работах И.П. Брязгунова, Е.В. Касатиковой, А.В. Миролюбова, Т.Н. Осипенко, Э.Г. Семерницкая и др.

Рассмотрим симптомы, которые являются основанием для постановки диагноза СДВГ.

Дефицит активного внимания как обязательный симптом характеризуется неспособностью удерживать внимание на чем-либо в течение определенного отрезка времени (при выполнении заданий или во время игр). Кроме того, младшие школьники не склонны слушать обращенную к ним речь, следовать инструкциям, они испытывают сложности в организации самостоятельного выполнения задач, теряют вещи, отвлекаются на посторонние стимулы, проявляют забывчивость, неспособны длительно сохранять умственное напряжение. Следует отметить, что проявление хотя бы 6 из перечисленных критериев является основанием для постановки СДВГ [2].

Гиперактивность как чрезмерная двигательная расторможенность на современном этапе рассматривается как защитный механизм. Следует отметить, что гиперактивность характеризуется бесцельной двигательной деятельностью, наличием беспокойных движений в кистях и стопах, неумением контролировать своё поведение. Кроме того, сниженная работа энергетического блока (первый блок по А.Р. Лурия), которая не в состоянии обеспечить необходимый уровень мотивации, вынуждает ребенка через гиперподвижность самостимулировать свою нервную систему. Любопытно, что СДВГ может проявляться без гиперактивности, поэтому этот симптом является необязательным.

Импульсивность как обязательный симптом характеризуется неспособностью притормозить свои непосредственные побуждения. Кроме того, отмечаются такие особенности проявлений как невозможность спокойно заниматься чем-либо, болтливость, выкрикивание с места, вторжение в чужие разговоры, использование чужих вещей без разрешения. В этом случае наблюдение хотя бы 2-3 критериев служит основанием для постановки СДВГ.

Исследовано, что в 50 % случаев у детей с СДВГ могут наблюдаться дополнительные нарушения, которые являются вторичными дефектами. Среди них выделяют: нарушение координации (игры с мячом), мелкой моторики (завязывание шнурков, рисование, письмо), равновесия, зрительно-пространственной координации, эмоциональные нарушения (неуравновешенность, вспыльчивость) [3].

Известно, что все психические функции формируются асинхронно и постепенно и при нормативном развитии определенная функция, достигая своего доминантного положения, оттормаживается, уступая место другим функциям более высокого уровня. У детей с СДВГ функции более низкого уровня не оттормаживаются и поэтому у таких детей зачастую наблюдаются синкинезии (например, рисование с высунутым языком, одновременное действие ногами и руками и т.д.) [1].

С точки зрения нейропсихологии проявления СДВГ связаны с легкой недостаточностью работы мозга, дефицитом определенных структур и нарушением созревания более высших уровней мозговой деятельности. Проблема состоит в особенностях созревания головного мозга по основным принципам: «снизу-вверх» (первый блок мозга обеспечивает человеку необходимый уровень нейроактивности, из которого начинают формироваться связи со вторым и третьим блоками), «справа-налево» (все дети изначально доминантны по правому полушарию, левое полушарие начинает быть доминатным, когда появляется речь), «сзади-наперед» (все предшествующие уровни связаны с лобными долями) (А.В. Семенович).

Проявления СДВГ чаще всего связаны с нарушениями энергетического блока (первый блок), функциональное значение которого в обеспечении общего активационного фона, поддержании общего тонуса ЦНС, баланса возбуждения и торможения, обеспечении нейродинамики протекания психических процессов. Чаще всего нарушения связаны с работой ретикулярной формации ствола головного мозга. На этом уровне проявляются следующие синдромы СДВГ: повышенная истощаемость психических процессов, замедленность включения в деятельность, трудности концентрации и распределения внимания, гиперактивность и импульсивность.

На уровне второго блока, функционального значение которого в приеме и переработке информации от основных анализаторных систем, также имеются нарушения, которые связаны с несформированностью коры задних отделов больших полушарий («ядерные» зоны анализаторов), с задержкой в формировании вторичных и третичных полей, зоны ТРО. При нарушении этого блока проявляются такие синдромы СДВГ как нарушения в развитии межполушарного взаимодействия, гиперактивность и импульсивность.

На уровне третьего блока, функциональное значение которого произвольная регуляция психической деятельности, нарушения возникают в основных структурах мозга (моторные, премоторные и префронтальные отделы коры лобных долей мозга, конвекситальная лобная кора с ее корковыми и подкорковыми связями). При нарушении на уровне этого

блока проявляются такие синдромы как неспособность произвольного и целенаправленного внимания, потребность в быстром получении результата, повышенная раздражимость, замена эмоциональной системы активации мозга речевой произвольной регуляцией [4].

Заключение. Исходя из нейропсихологического анализа, проявления СДВГ связаны с нарушениями на уровне всех блоков, начиная с энергетического и заканчивая лобными долями головного мозга, прежде всего префронтальной областью. Начинать нейкоррекцию необходимо с нарушений на энергетическом уровне, который связан с двигательными и эмоциональными особенностями. И только целенаправленная работа способна сгладить проявления СДВГ по мере созревания личности.

Список литературы

1. Брязгунов И.П. Непоседливый ребенок или все о гиперактивных детя / И.П. Брязгунов, Е.В. Касатикова. – М.: Издательство Института психотерапии, 2012. – 96 с.
2. Ломакина Г.Р. Гиперактивный ребенок. Как найти общий язык с непоседой. – М.: Центрполиграф, 2009. – 189 с.
3. Конева Е.В. Как помочь ребенку с проблемами в развитии. Учебное пособие. / Е.В. Конева, Н.В. Пережигина, М.Ю. Резниченко, В.К. Солондаев // Под общ. ред. В.К. Солондаева – Ярославль: «Ремдер», 2007. – 144 с.
4. Хомская Е.Д. Нейропсихология: 4-е издание. – СПб.: Питер, 2005. – 496 с.
5. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 384 с.

УДК 159.9

ПОНЯТИЕ СЕМЕЙНОЙ РОЛИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Федченко А.С., Бойко О.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
fedanya8@gmail.com

К изучению процессов, которые протекают в современной семье, сейчас обращено пристальное внимание. Изучением занимаются разные отрасли науки. Принято полагать, что существует необходимость в раскрытии проблемных вопросов с точки зрения социально-психологического и социологического подходов в изучении семьи. Предлагаю рассмотреть понимание семейных ролей в отечественной и зарубежной психологии.

Первоначально, внимание к понятию семейных ролей возникло когда была опубликована книга «Семья, социализация и процесс взаимодействия» под редакцией Р. Бейлза и Т. Парсона. Стоит сказать, что семейные роли тесно соотносятся с функциями семьи и потребностями каждого члена [1].

Анализ семейных функций был выполнен социологами: Харчевым, Мацновским и другими, а так же психологами: Эйдемиллером Э.Г., Юстицкисом В. И. Ниже мы выделяем следующие значимые функции:

- Воспитательная функция семьи заключается в том, чтобы найти индивидуальный подход к ребенку в роли матери, отца; Обеспечить грамотным воспитанием, которое ляжет в основу развития здоровой личности.
- Хозяйственно-бытовая функция имеет ориентацию на сохранение здоровья каждого из членов семьи, поддержание адекватного уровня материального благосостояния.
- Эмоциональная функция семьи направлена на улучшение психологического состояния членов семьи, возможность психологически поддержать в нужный момент.
- Функция духовного общения отвечает за совместное времяпровождение, обогащение духовностью и нравственностью членов семьи.
- Сексуально-эротическая функция заключается в возможности осуществлять сексуально-эротические потребности членов семьи, воспроизводить род [1].

Таким образом, эти функции относятся к определенным ролям, которые можно разделить на инструментальные и экспрессивные. Инструментальные роли включают деятельность, которая связана с внешним окружением семьи. Экспрессивные роли – внутрисемейные роли.

Также, немаловажным является определение ролей кормильца, воспитателя детей и организатора быта. Ф.И. Най, ориентируясь на изученные им труды различных авторов, в особенности труды Е.В. Антонюк, смог выделить «новые роли» [2]:

- Психотерапевтическую
- Рекреационную
- Роль сексуального партнера

Он считает, что основополагающим фактором выделения данных ролей выступила эмоциональная функция семьи.

Среди отечественных подходов, можно выделить Т.С. Яценко. Она выделяет 4 основные роли:

- Сексуальный партнер
- Друг
- Опекун
- Покровитель

Данные роли включают следующие функции: функция сексуального партнера, функция культурного общения, воспитания детей, и хозяйственно-бытовая.

Таким образом, мы видим, что существует несколько подходов в определении понятия семейной роли в отечественной и зарубежной психологии. Каждый из авторов имеет свой уникальный подход и понимание, которые служат для наиболее детального анализа внутрисемейных процессов.

Список литературы

1. Андреева Т. В. Семейная психология / Т. В. Андреева.– СПб: Речь, 2004. – 244 с.
2. Майерс Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб: Питер, 1997. – 688 с.

УДК 615.849

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ ДНР

Филимонова А.Д., Ревуцкая И.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
alya18filimonova@mail.ru, irina.revutskaja@yandex.ua

Актуальность темы связана с быстрым технологическим развитием общества, вседоступностью и свободой самовыражения в информационном и социальном пространстве, которые формируют новые социальные реалии, что способствует «размыванию» как общественных ценностных структур, так и ценностных структур личности.

Проблемами формирования ценностных ориентаций занимались К. Гиллиган, Л. Кольберг, Д. Леонтьев, А. Маслоу, Г. Оллпорт, С.Л. Рубинштейн, В. Франкл, В.А. Ядов. Значительный вклад в изучение ценностных ориентаций в юношеском возрасте внесли: А.В. Мудрик, И.С. Кон, В.М. Кузнецов, И.С. Артюхова, Е.К. Киприянова, Н.А. Кирилова, С.В. Молчанов, М. Рокич и другие.

Несмотря на широкую представленность проблемы ценностных ориентаций в зарубежной и отечественной психологии, актуальным остаётся формирование ценностей современных молодых людей юношеского возраста.

Юность – уникальный период вхождения человека в мир культуры, поиска и реализации себя как личности в социуме [2]. Процесс интериоризации ценностей современных юношей и девушек подвержен случайным влияниям, характеризуется непредсказуемостью и стихийностью. Благодаря свободному выбору способа реализации своих желаний у молодёжи раскрывается новый мир возможностей самостоятельности, что и влияет на общую переоценку ценностей личности [1].

В ряде исследований учёные давали свои объяснения понятию «ценностные ориентации личности»: А. Маслоу считал синонимами понятие «ценности», «потребности» и «мотивы» [3]; В. Франкл приравнивал ценностные ориентации к таким понятиям как «ценности» и «личностные смыслы» [5]; Д. Леонтьев указывает, что ценности формируются не изнутри, а притягивают извне [4]; М. Рокич определяет ценности как устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, либо конечная цель существования. В работах М. Рокича было

положено начало разделению всего многообразия ценностей на два класса: терминальные, являющиеся основаниями выбора цели и способов ее достижения, и инструментальные, служащие критериями, стандартами оценки модели поведения личности [6].

Проведя анализ научной психологической литературы, мы предположили, что на формирование ценностных ориентаций современной молодёжи одновременно влияют как терминальные, так и инструментальные ценности.

С целью подтверждения выдвинутого нами предположения в 2020 г. было проведено эмпирическое исследование на базе МОУ «Школа № 119 г. Донецка» и ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». В исследовании приняли участие девушки и юноши возрастом от 16 до 21 года, выборку составляет 68 человек. Для изучения поставленной цели был выбран опросник «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Результаты, полученные по шкале «терминальные ценности», показали, что юноши и девушки, здоровье ставят на первое место (4,6 б.), вторую же позицию отдают любви (4,7 б.), затем располагают семейную жизнь (6,8 б.), развитие (7,7 б.), наличие хороших и верных друзей (7,9 б.) и уверенность в себе (8,5 б.). Последние места по рангу юноши и девушки отводят общественному признанию (13,4 б.), красоте природы и искусства (13 б.), счастью других (12,8 б.).

Ключевыми инструментальными ценностями современные юноши и девушки считают такие качества: воспитанность (5,9 б.), жизнерадостность (6,2 б.), честность (6,8 б.), образованность (7,9 б.), ответственность (8,3 б.), аккуратность (8,7 б.). Качества, которые в наименьшей степени рассматриваются в юности как ценные – непримиримость к недостаткам своим и других (15,6 б.), высокие запросы (14,6 б.), эффективность в делах (11,3 б.), исполнительность (10,9 б.).

Анализируя полученные результаты, можно утверждать, что в приоритете ценностей современной молодёжи стоят ценности личной жизни (любовь, счастливая семейная жизнь, наличие хороших и верных друзей), менее развиты ценности профессиональной самореализации (развитие, общественное признание). В равной степени выстроены конкретные (здоровье, счастливая семейная жизнь, наличие хороших друзей) и абстрактные (любовь, развитие, уверенность в себе) ценности. Среди инструментальных ценностей, таких как этические ценности, ценности общения, ценности дела, доминируют ценности общения (воспитанность, жизнерадостность, честность). Конформистские ценности (воспитанность, самоконтроль, широта взглядов) явно доминируют над индивидуалистическими и альтруистическими ценностями молодёжи. Ценности самоутверждения (образованность, смелость отстаивания своего мнения, независимость) и ценности принятия других людей (честность, чуткость, самоконтроль) развиты в равной степени.

Подводя итоги, можно сказать, что у современной молодёжи главной ценностью является здоровье. Мы предполагаем, что это может быть связано

с обострённой ситуацией на территории ДНР и пандемией COVID–19. Современные юноши и девушки направлены больше на реализацию себя в обретении любви и создании семьи, чем в профессиональном развитии.

Список литературы

1. Белякова С.Г. Ценностные ориентации учащихся в современных социокультурных условиях общеобразовательной школы / С.Г. Белякова // Педагогическое образование и наука. – 2013 № 3 – С.40-44. URL: http://www.manpo.ru/manpo/publications/ped_obraz/n2013_03.pdf
2. Климов Е.А. Человек как субъект труда и проблемы психологии / Е.А. Климов // Вопр. психол. – 1984. – № 4. – С. 5 – 14.
3. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – СПб.: Питер, 2017. – 944 с.
4. Леонтьев Д.А. Внутренний мир личности / Д.А. Леонтьев // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – С. 372-377.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 366с.
6. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система (монография) / М.С. Яницкий // Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СПОРТСМЕНОВ ИГРОВЫХ ВИДОВ СПОРТА

Ходарева Э.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lina.h@mail.ru

Введение. В современном мире для достижения успешности необходимы такие навыки как: эффективное управление стрессом, контроль над импульсами в кризисных ситуациях и мотивацией, а так же способность успешно регулировать свои эмоции, мысли и поведение в различных ситуациях. Спорт – это среда, в которой люди должны мотивировать себя для достижения долгосрочных целей с помощью упорных тренировок. Спортсмены должны постоянно справляться со стрессом от изнурительного тренировочного процесса и соревновательного давления, и поэтому такие состовляющие как саморегуляция, понимание и регулирование своих эмоций, являются ключевыми для достижения спортивных целей [5].

Цель данной работы – рассмотреть особенности саморегуляции и эмоционального интеллекта у спортсменов в индивидуальных и командных игровых видах спорта.

Проблема саморегуляции в спорте обусловлена значимостью психологического фактора в достижении высоких результатов спортивной деятельности. По мнению Моросановой В.И. [2], саморегуляция способствует мобилизации и интеграции свойств личности для достижения целей, а так же выработке адаптивного поведения. На его основе развивается способ-

ность управлять собой с учетом поставленных целей и задач, что является важным фактором достижения высоких результатов спортсменами [1].

В начале 1990-х годов Р. Баумейстером была предложена модель прочности, и ее центральная посылка заключается в том, что саморегуляция со временем ухудшается от повторных нагрузок, как-будто она зависит от конечного источника энергии [3]. Вместе с другими исследователями Баумейстер провел эксперименты, где было выявлено, что саморегуляция является ограниченным ресурсом и способна привести к состоянию «истощенное эго» [4].

Одним из факторов успешности в спорте является высокий уровень эмоционального интеллекта, который может продлить способность к саморегуляции в период физического и эмоционального истощения.

В последние два десятилетия популяризовалась концепция эмоционального интеллекта. Д. Гоулмана [7], она завоевала большое внимание и популярность среди различных направлений, в основном из-за его способности влиять на человеческую деятельность, отношения и благополучие [11]. Эмоциональный интеллект относится к сфере индивидуальных реакций на внутриличностную или межличностную эмоциональную информацию и включает в себя идентификацию, выражение, понимание и регулирование личных или чужих эмоций [10].

Исследователи в области психологии спорта продемонстрировали, что спортсмены, получившие более высокие баллы в тестах на эмоциональный интеллект, более успешны [8]. Было обнаружено, что эмоциональный интеллект влияет на более успешные спортивные результаты, на физиологические реакции на стресс, использование психологических навыков, большее возникновение приятных эмоций, более низкая интенсивность беспокойства (неприятной эмоции) перед соревнованиями, большая мотивация к спортивному успеху (способность эффективно мотивировать себя на спортивные достижения), к более частому использованию разговоров с самим собой, образов, эмоционального контроля, постановки целей, активации и релаксации на тренировке и в соревнованиях [9]. Такие навыки, как расслабление, образы, внимательность, контроль, переосмысление и постановка целей играют важную роль в выступлениях спортсменов в различных индивидуальных и командных игровых видах спорта [5].

С. Лаборд и его коллеги указали, что спортсмены с более высоким эмоциональным интеллектом могут выступать лучше, потому что они оценивают соревнования как вызов и используют более эффективные стратегии преодоления стресса во время соревнований [8].

Для индивидуальных видов спорта спортсменам очень важно уметь распознавать свои собственные оптимальные рабочие характеристики, особенно в стрессовых ситуациях. Для достижения своей индивидуальной зоны функционирования им необходимо развивать навыки управления своими эмоциями и контроля уровня своей энергии [6]. Командные виды спорта требуют, чтобы спортсмены в группе общались, сотрудничали и

работали как единое целое для достижения общих целей. Таким образом, важно помнить и осознавать мысли и эмоции других игроков, чтобы надлежащим образом реагировать на данную ситуацию. По мнению Н. Стамбуловой [12], спортсмены индивидуальных видов более независимы, более замкнуты, имеют больше индивидуальных целей, чаще встречаются соревнования между отдельными спортсменами. У этих спортсменов есть возможность контролировать различные ситуации, например, тренировки и соревнования, и они несут большую ответственность за результаты.

Цели спортсменов в командных видах спорта являются как индивидуальными, так и командными, и они также меньше контролируют спортивные ситуации, потому что один спортсмен не может определить результат тренировок или соревнований, результат являются усилием всей команды [12].

Заключение. Можно сделать вывод, что саморегуляция, как эффективный инструмент управления стрессом, и эмоциональные навыки спортсменов в индивидуальных и командных игровых видах спорта являются необходимыми для достижения поставленных целей в спортивной деятельности.

Список литературы

1. Конопкин О.А. Стилевые особенности саморегуляции деятельности / О.А. Конопкин, В.И. Моросанова // Психологический журнал, № 3, 1987. – С. 18- 26.
2. Моросанова В.И. Самосознание и саморегуляция поведения / В.И. Моросанова, Е.И. Аронова. – М.:Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 213с.
3. Baumeister, R. F., & Heatherton, T. F. (1996). Self-regulation failure: An overview. Psychological Inquiry, 7, 1–15.
4. Baumeister, R. F., & Tierney, J. (2011). Willpower: Rediscovering the greatest human strength. New York: Penguin Press.Laborde S, Dosseville F, Allen MS. Emotional intelligence in sport and exercise: A systematic review. Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports, 2015; 26(8): 862-874. doi:10.1111/sms.12510.
5. Crust L, Azadi K. Mental toughness and athletes' use of psychological strategies. European Journal of Sport Science, 2010; 10(1):43–51. doi:10.1080/17461390903049972.
6. Hanin YL. Individual zones of optimal functioning (IZOF) model: An idiographic approach to performance anxiety. In Henschen K, Straub W (Eds.), Sport psychology: An analysis of athlete behavior Longmeadow, MA: Movement Publications; 1995. P.103–119.
7. Goleman D. Emotional intelligence. New York, NY; England: Bantam Books, Inc, 1995.
8. Laborde S, Dosseville F, Guillén F, Chávez E. Validity of the trait emotional intelligence questionnaire in sports and its links with performance satisfaction. Psychology of Sport and Exercise, 2014; 15: 481–490.
9. Lane AM, Thelwell RC, Lowther J, Devonport TJ. Emotional intelligence and psychological skills use among athletes. Social Behavior and Personality, 2009; 37: 195–202.
10. Mayer JD, Salovey P. What is emotional intelligence? In: Salovey P, Sluyter D, eds. Emotional development and emotional intelligence: educational implications. NewYork: Basic Books; 1997.
11. Stough C, Saklofske DH, Parker JDA. Assessing emotional intelligence: theory, research, and applications. New York, NY: Springer Science; 2009.
12. Stambulova N. Applied psychological work in individual & team sports. Unpublished lecture handout. Halmstad University; 2006.

УДК 159.9

ОБРАЗ ГОРОДА И ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ДРУГОМУ (И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ) ЖИТЕЛЕЙ ДОНЕЦКА

Худокормова Д.Р., Гордеева А.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
khudokormovadaria@yandex.ua

Образ города – это естественный результат саморефлексии, переживания себя в окружающем мире, который позволяет высветить культурную обусловленность моделей восприятия реального пространства. Он, с одной стороны, создается самими горожанами, а с другой стороны формирует их восприятие окружающей действительности. Воспринимая предмет или явление, человек всегда соотносит результаты своего непосредственного восприятия со всей совокупностью социокультурного опыта. Взаимоотношения человека с окружающими его людьми на протяжении многих лет заботит отечественных и зарубежных психологов, ведь известно, что нормальное развитие и становление личности возможно только в социуме [2,3]. При этом, в последнее время многие психологи определяют территориально-пространственную организацию окружающей среды одним из важнейших факторов формирования отношений субъекта [4].

Целью нашей работы стало выделение особенностей образа города, а также видов отношений жителя города к другому человеку. Проанализировав литературу по данной теме [1], мы предположили, что образ города и виды отношений жителя Донецка к другому человеку будут иметь свои специфические особенности.

В исследовании приняло участие 416 человек в возрасте от 17 до 52 лет. В экспериментальную группу вошло 208 коренных жителей Донецка (154 женщины и 54 мужчины), а в контрольную – 208 коренных жителя Ростова-на-Дону (125 женщин и 83 мужчины). Данные города были выбраны из-за территориальной близости, схожей численности населения и аналогичного этнического состава. В качестве основного критерия формирования выборок мы выделили лишь длительность проживания в данном городе – нас интересовали те респонденты, которые являлись коренными жителями. Выборки репрезентативны, так как в них представлены люди разных возрастов, профессий, образовательного уровня и материального достатка.

Отношение к Другому измерялись с помощью следующих методик: «Шкала принятия других» Фейя; «Шкала враждебности» Кука-Медлей; «Шкала доброжелательности» Кэмпбелла; «Шкала доверия» Розенберга; «Незаконченные предложения» (авторская модификация). Достоверность различий проверялись при помощи t-критерия Стьюдента. Для исследования образа города были использованы следующие методики: Семантический дифференциал «Город в восприятии горожан» (авторы –

Е. Е. Пронина и Н.С. Гончарова) и «Незаконченные предложения» (авторская модификация).

Сравнение показателей отношения к Другому выявил значимые различия между жителями Донецка и Ростова-на-Дону. Обобщая их, дадим характеристику жителей Донецка: низкий уровень доверия (0,73 балла; $t_{эмп}$=5,6; p≤0,001), средний уровень доброжелательности (4,48; $t_{эмп}$=4,2; p≤0,001), средний показатель принятия других с тенденцией к высокому (59,96; $t_{эмп}$=4,9; p≤0,001), а также средний с тенденцией к высокому уровень по шкалам цинизм (57,22; $t_{эмп}$ = 10,02; p≤0,001), агрессивность (34,89; значимых различий не выявлено) и враждебность (22,59; $t_{эмп}$=6,4; p≤0,001).

Таким образом, дополнив полученные данные результатами методики «Незаконченные предложения», мы составили краткую характеристику особенностей отношения к Другому жителей города Донецка. Это люди, которые редко могут быть уверены в окружающих, боятся поверить в искренность поступков других, поэтому бывают враждебны, циничны, однако при этом не пренебрегают нормами общественной морали. Однако, несмотря на это, в большинстве случаев они благожелательны, дружелюбны, расположены к другим, готовы принимать и понимать их. Говоря о других жителях, они чаще говорят о сильных духом (23 % выборов), хороших (39 %), дружелюбных (55 %) людях, которым, при этом присуща некая своеобразность (28 %), пессимистичность (47 %) и раздражительность (22 %). Быть жителем Донецка, по мнению горожан, значит иметь сильный дух (57 %), быть воином (40 %), смелым (18 %) и стойким (11 %). Жители Ростова-на-Дону более положительно относятся к окружающим людям, они более дружелюбны, настроены на принятие других со всеми достоинствами и недостатками, легче доверяют окружающим. Однако, они так же, как и дончане, часто могут проявлять враждебность, цинизм и агрессивное отношение. Говоря о других жителях чаще можно услышать о безразличных (68 % выборов), мрачных (54 %) и чужих (32 %) людях. Быть жителем Ростова-на-Дону, по мнению самих горожан, значит выживать (87 % выборов), иметь низкий доход (24 %) и просто жить в данном городе (36 %).

На основе данных, полученных в результате применения методик «Незаконченные предложения» (авторская модификация) и «Город в восприятии горожан» (авторы – Е. Е. Пронина и Н. С. Гончарова) Донецк для горожан выглядит следующим образом. Чаще его описывают как прекрасный (25 % выборов), красивый (32 %), необычный (17 %), имеющий особую архитектуру и атмосферу (13 %). Люди видят в Донецке – символ стойкости (68 %), родной дом (39 %), колыбель (15 %), черпают из него вдохновение и силы (13 %). Видят в городе и недостатки: военные действия (65%), комендантский час (90%), в некоторых случаях даже насилие (21%). Многие не хотели бы уехать из города (73 %), ведь даже в трудный час находят то, за что благодарить Донецк. Это подтверждают и результаты семантического дифференциала, где определенные характе-

ристики оценивались по шкале от 0 до 3. Таким образом, Донецк – это мужественный (1,207), дружелюбный (0,87), хоть и не всегда безопасный (1,019) город, который остается красивым (1,466), естественным (0,793) и комфортным (0,774) для своих жителей. Ростов же для его жителей суетливый (32%), грязный (27%) и шумный (21 %) город, однако он же кажется солнечным (35 %), успокаивающим (23 %) и волшебным (12 %).

Итак, на основе проведенного анализа, можно сказать, что жители города Донецка имеют положительный образ города и в целом адекватно относятся к окружающим.

Список литературы

1. Балакина А.А. Образ города и особенности отношения к Другому жителей мегаполиса и крупного города (на примере г. Москвы и г. Ростова-на-Дону) / А.А. Балакина, Т.А. Шкурко // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2011. – №3. – С.5-9.
2. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения / М.И. Лисина // Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1986. – 144 с.
3. Мясищев В.Н. Психология отношений / В.Н.Мясищев. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2003. – 158 с.
4. Шматко Н.А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования / Н.А. Шматко, Ю.Л. Качанов // Социологические исследования. – 1998. – №4. – С.94-99.

УДК 159. 923: 351.54 – 047.27

ВЛИЯНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Чубова И.И., канд. психол. наук
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР
ujiecnbr@yandex.ua

Профессиональная идентичность личности, проблема выбора профессии, своего дела становится предметом исследований педагогов, психологов, социологов. Особенностью развития современного мира является путь толерантности, свободы, а значит все более диффузными и размытыми становятся нормы человеческого общежития в современном мире, и процессы идентификации протекают в более сложных и неоднозначных условиях. Увеличивается ориентированность в воспитательных семейных моделях на гедонистические и материальные ценности, ребенок в семье становится все чаще «гордостью родителей и кумиром семьи», неся на себе непосильный груз нарциссического родительского расширения. Но мир не готов принимать его безусловно и подросшему молодому человеку приходится отвечать себе на вопросы «Зачем я живу?»,

«Кто я? Чем отличаюсь от других?». Отсутствие ответов на данные вопросы приводит к личностному кризису, развитию депрессивных состояний, а затянувшаяся депрессия может довести и до суицидальной черты. Нарушения в формировании идентичности проявляются особенно остро в момент выбора профессионального пути, и выпускники школ напряженно решают, куда пойти учиться.

Благополучный процесс формирования идентичности приводит к чувству благополучия и безопасности. Тогда как нарушения в данных процессах вызывают напряжение, конфликты, чувство неудовлетворенности

Идентичность – это то, как и кем себя человек определяет по полу, этнической принадлежности, принадлежности к социальной группе и по социальной роли, другим признакам.

Профессиональная идентичность рассматривается как тенденция становления профессионального пути субъекта и ведущий показатель его профессионального развития; как эмоциональное состояние, возникающее на основе отношения к профессиональной деятельности; как подструктура субъекта профессионального пути, реализующуюся в форме функциональной системы. В качестве элементов профессиональной идентичности рассматриваются потребности, интересы, установки, убеждения и другие компоненты мотивационной сферы личности, которые реализуются и удовлетворяются в процессе профессионального пути. Средствами достижения профессиональной идентичности являются соответствующие знания и способности, которые обеспечивают реализацию активности, направленной на достижение заданной профессиональной идентичности.

Понятие структурный уровень развития было предложено Хайнцем Кохутом (1913–1981) и рассматривает уровень развития и степень зрелости психической структуры личности.

Структурный уровень отражает способность справляться с конфликтами. Чем лучше человек может справляться с трудностями, тем выше структурный уровень развития личности. Структура – это обладание психическими функциями, необходимыми для организации Self в отношении с внутренними и внешними объектами. Структурные нарушения – это недостаточное обладание этими психическими функциями в большинстве случаев вследствие нарушений в отношениях в раннем детстве. Теория структурного уровня по Хайнцу Кохуту служит основой современной психодинамической диагностики.

Рассмотрим, как дефициты структуры самосознания могут влиять на дефицит идентичности, в том числе и профессиональной.

Психоаналитические теории рассматривают структуру личности, как возможность и доступность психических функции для саморегуляции, построения эффективного и продуктивного взаимодействия личности со значимыми объектами. В психоаналитической диагностике на современном этапе выделяют 4 уровня структурной интеграции личности.

Высокий уровень структурной интеграции позволяет справляться с конфликтами внешними и внутриличностными в интрапсихическом

пространстве. Достаточно сформированное Супер-Эго регулирует баланс между потребностями и нормами социума. Регуляция и саморегуляция может осуществляться таким человеком в течение всей жизни, позволяя справляться даже со значительными стрессовыми нагрузками. Высокий уровень интеграции позволяет человеку быть адаптивным и в профессиональной жизни эффективно развиваться и самосовершенствоваться, у такой личности хватает внутренних ресурсов и она может вкладывать свою психическую энергию в саморазвитие [1].

Умеренный уровень структурной интеграции оставляет для человека доступ к функции саморегуляции, но эти возможности значительно снижены, в сравнении с высоким уровнем. У данной личности преобладают интрапсихические конфликты, но данному типу личности присущи выраженное стремление к власти и желание «взять под контроль» и подчинить себе окружающих. Супер-Эго в данном случае достаточно ригидное и не зрелое диктует строгие и преувеличенные моральные идеалы. В профессиональном человек с данным типом структурной интеграции стремится к руководящим должностям, построению карьеры.

Низкий уровень структурной интеграции. Структура «Я» у данной личности слабая, стрессовые события могут значительно затормозить развитие данной личности. Поведению присущ высокий уровень импульсивности, окружающий мир может восприниматься как угрожающий, преследующий или идеализированный. Бессознательные импульсы и желания не поддаются контролю супер-Эго, а тут же стремятся к удовлетворению. Для данной личности характерно не испытывать терзания от внутриличностных конфликтов, но межличностные отношения высококонфликтны. В профессиональной деятельности, особенно в командных формах занятости данной личности достаточно сложно адаптироваться. Страх, что возможно уничтожение плохим объектом, может полностью затормозить профессиональной развитие личности с низким уровнем структурной интеграции [2].

Для личности с дезинтегрированным уровнем характерны высокая эмоциональность, отсутствие эмпатичности, снижено переживание ответственности. В профессиональной деятельности человек может импульсивен, не последователен, чувство вины интрапсихически не функционирует, но могут быть проявлены аутодеструктивные тенденции. Для такого типа структурной интеграции может быть характерна частая смена профессий, переход на новую работу, может многократно бросать учебу и начинать обучение снова [2].

Таким образом, низкий уровень структурной интеграции и дезинтегрированный уровни не позволяют формироваться полноценной профессиональной идентичности личности. Уровень структурных образований определяют органические возможности формирования у ребенка высшей нервной деятельности и психосоциальное окружение.

Список литературы

1. Обухов Я.Л. Символдрама и современный психоанализ. Кататимно-имагинативная психотерапия детей и подростков / Я.Л. Обухов. – Харьков: Регион-информ, 1999. – 231 с.
2. Операционализированная психодинамическая диагностика. – М.: Академический Проект, 2011. – 454 с.

УДК 159.9

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СУБЪЕКТНОЙ АКТИВНОСТИ

Чуканов Е.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
chukanove.v@gmail.com

В последнее время наблюдается все большее количество исследований посвященных изучению субъектной активности. На данный момент категория «субъект» все активнее входит в область актуальных психологических исследований, в связи, с чем происходит терминологическая путаница, а порой и подмена понятий. Что обуславливает необходимость определения границ понятия, а также выделение его основных характеристик и компонентов с целью проведения экспериментальных исследований.

Среди фундаментальных исследований проводится попытка анализа роли субъектной активности в совладающем поведении. Опираясь на результаты факторного анализа, отмечается, что степень осознанности, диапазон свободы выбора и проявление спонтанности в поведении зависит от субъектной активности. Данная связь минимизирует проявления базовых защитных механизмов личности, а именно замещения и компенсации. В связи, с чем субъект способен отреагировать негативные эмоциональные состояния без смены объекта, на который направлены чувства и рациональное использование внутренних ресурсов для преодоления мнимой или реальной неполноценности. Таким образом, субъектная активность становится посредником между осознанными стратегиями поведения и механизмами психологической защиты [1].

В экстремальных ситуациях, а также в ситуациях неопределенности, требующих значительного психоэмоционального напряжения востребован особый вид субъектной активности, а именно преодоление. Наблюдается сложное сочетание активности и экзистенциального самоопределения, что позволяет актуализировать личностные ресурсы необходимые для преодоления трудностей. Преодоление как специфический вид субъектной активности рассматривается как интегративный, многоуровневый и противоречивый феномен, содержание которого включает все уровни личностной бытийности: смысловое пространство, мотивационно-потребностная сфера, образ мира и внутренний образ, линия поведения [5].

Большинство исследований концентрируют свое внимание на прикладных аспектах изучения субъектной активности. Основная масса направлена на выявление особенностей субъектной активности участников образовательного процесса.

Одним из условий психологического здоровья и развития младшего школьника зависит от степени принятия и поддержки ребенка его ближайшим окружением в первую очередь родителями. Именно психологическое здоровье является условием проявления субъектной активности. Средовые факторы поддерживают возможность реализации субъектной активности в младшем возрасте. Развитие субъектной активности младшего школьника, самооценки, образа Я, самопринятия способствует осознанию им самого себя, а актуализация личностного потенциала помогает справиться с негативными линиями развития.

Обучаясь на начальной школьной ступени образования для младшего школьника затрудненность полноценно проявлять субъектную активность создает ситуацию неуспеха, порождает фрустрацию потребности в достижении успеха, снижает чувство компетентности. В начальной школе уверенность в поддержке родителей позволяет ребенку реализовывать активность, инициативнее познавать окружающую среду, что в дальнейшем проявляется в выборе стратегий поведения в ситуации неопределенности. Недостаток внимания и чрезмерная опека со стороны взрослых могут помешать ребенку быть активным и сформировать у него зависимые черты характера, так как они не позволяют ему строить свою деятельность исходя из собственных потребностей и интересов. Когда новые качества ребенка как субъекта, уже сформировано, ему, тем не менее, нужно научиться применять их независимо от конкретных обстоятельств и поддержки взрослых. Чрезмерный контроль порождает беспокойство, неуверенность в своей способности добиться успеха. Психологическое сопровождение субъектной активности является актуальным и необходимым условием формирования психологического здоровья ребенка [4].

Интересны исследования в области применения игровых технологий в развитии субъектной активности. Игры в области профориентации направлены не только на исследование предмета и условий конкретной профессиональной деятельности. Основная цель – развитие мыслительных операций и способов действий, анализ причин принятия производственно-хозяйственных решений, которые присутствуют в различных сферах профессиональной деятельности. Организационно-технические средства позволяют создать условия для игровой деятельности, соответствующие психологической структуре профессиональной деятельности, для овладения которых проводится тренировка. Прежде всего, необходимо разработать модель профессионального самоопределения, на основе постепенного развертывания такой модели в игровых ситуациях и ее конкретизации путем привлечения реальных кейсов в процесс игрового действия. Происходит формирование тех личностных качеств и развитие

необходимых психологических процессов, которые необходимы для успешного профессионального самоопределения и формирования внутренней позиции профессионала.

В период профессионального самоопределения игра должна включать основные требования, которые предъявляются выбранной профессией к соискателю, анализировать и оценивать развитие личностных качеств в себе, а также заниматься саморазвитием в процессе подготовки себя к профессиональной деятельности. При использовании игр в профориентационной деятельности формирование субъектной активности происходит через самоанализ и самооценку, рефлексию, что обеспечивает внутренние условия для саморазвития [3].

Анализ проблемы субъектности личности в связи с отношением ее виртуального бытия к реальному позволяет выявить более сложную ситуацию, в которой оказывается современный пользователь социальных сетей. Она проявляется в дифференциации позиций, занимаемых личностью-субъектной или асубъективной.

Субъективная позиция выражается в ориентации на поддержку своей идентичности в сосуществовании с другим, стремлении к подлинности бытия в реальном поле. Занимая субъективную позицию, человек способен и стремится быть реалистом и в киберпространстве. Социальные сети могут сочетаться с жизнью в оффлайне, создавая дополнительные ресурсы, предлагая информацию, методы и операции, улучшающие существование индивида, повышают возможности его самореализации [2].

Асубъективная позиция проявляется в уходе от реальных контактов с другими, уходе от людей, потере к ним истинного интереса. Индивид выбирает виртуальную реальность, изолируя себя от нежелательных контактов, отношений и суждений, формируя ложную идентичность и в результате получая больше подкрепления своей идентичности. В результате возникает опасность "зависания" индивида в виртуальном пространстве, когда онлайн-общение с средства, что расширяет пределы реальной жизни индивида, превращается в единственно существующую, превосходящую потребности, подчиняет себе личность.

Список литературы

1. Бехтер А.А. Субъектная активность в совладающем поведении личности / А.А. Бехтер, О.А. Филатова // Акмеология. – 2018. – № 1 (65). – С. 21-26.
2. Богомолова Е.И. Конструирование личностной идентичности, проблемы приватности личности, ее анонимности и безопасности в социальной сети (анализ работ зарубежных исследователей) / Е.И. Богомолова // Психология – наука будущего: материалы V Междунар. конф. молодых ученых / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, К.Б. Зуев. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – С. 70-72.
3. Макаренко Т.А. Применение профориентационных игр с целью формирования субъектной активности школьника //педагогика и психология семьи: современные вызовы, традиции и инновации. Всероссийская научно-практическая конференция. Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. – С. 163.

4. Хатуева М.М. Поддержка субъектных проявлений личности в системе детско-родительских отношений как условие развития психологического здоровья младших школьников / М.М. Хатуева, Н.М. Швалева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. –2018. – №. 1. – С. 213-223.
5. Шиповская В. В. Трансформация личности в процессе преодолевающей активности // От истоков к современности. – 2015. – С. 172-174.

УДК 15.41.31.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПРИ СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ У СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА» ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Чумак Н.И.
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР
ninachumack@gmail.com

Введение. В современной психологии развитие личности понимается как системно-целостный процесс. В связи с этим представляется актуальным формирование профессионально значимых характеристик социальных работников и их деятельности как отдельного направления общественной практики. На наш взгляд, теоретические профессиональные знания студенты приобретают в ходе усвоения основ теории и практики социальной работы, а личностные качества специалиста должны быть присущи изначально при выборе специальности, либо необходимо их развивать в ходе обучения [2]. Актуальность внимания к проблемам профессиональной готовности молодых специалистов к практической психосоциальной работе обусловлена сложившейся политической и социально-экономической ситуацией в Луганской Народной Республике. На данный момент особо актуальны вопросы профессиональной готовности молодых специалистов к практической психосоциальной работе. Особое значение приобретают проблемы оценки уровня развития профессионально важных знаний, навыков и умений; уровня социально-психологической компетентности – способности специалиста по психосоциальной работе эффективно взаимодействовать с людьми в системе межличностных отношений. Цель психосоциальной работы заключается в оказании помощи людям в установлении более тесного, гармоничного взаимодействия с окружающей средой на разных уровнях, вплоть до уровня всего общества в целом. Практическая психосоциальная работа направлена на установление взаимоотношений между людьми, организациями или социальными системами, если эти отношения конфликтны и мешают человеку полноценно жить и трудиться. Именно это отличает психосоциальную работу и выделяет от других специальностей, целью которых является также оказание помощи [1].

Основная часть. Специалист по социальной работе должен уметь работать в условиях неформального общения, способствовать проявлению инициативы и активной жизненной позиции клиента и уметь находить компромиссы в межличностном взаимодействии. В практике непрерывного образования или практической деятельности от специалиста по психосоциальной работе требуются определенные свойства, касающиеся характера, общих способностей и статуса личности. На данный момент молодежь испытывает проблемы в формировании ценностей и целей, смысла существования, а также ищет ответы на вопросы свободы и ответственности [3]. Поэтому, на наш взгляд, представляется актуальным изучение использования инновационных и традиционных технологий для выявления значимых смысложизненных ориентаций у студентов специальности психосоциальная работа. Объект исследования – студенты института истории, международных отношений и социально-политических наук Луганского государственного педагогического университета, обучающиеся по специальности: 39.03.02 «Социальная работа», профиль подготовки «Психосоциальная работа» и по направлению подготовки 39.04.02 – «Социальная работа», магистерской программе «Управление в социальной работе», на дневном и заочном отделении. Всего в исследовании приняло участие 204 студента, средний возраст испытуемых составил 22,2±4 года, из них 89% – девушки. Одной из задач исследования, нами были определены ценностные ориентации студентов. Для оценки терминальных ценностей у студентов использовалась методика «Морфологический тест жизненных ценностей», возникшая как результат использования и дальнейшего усовершенствования методики И.Г. Сенина. При анализе результатов по методике «Морфологический тест жизненных ценностей» наиболее высокие результаты у студентов 2-го и 5-го курсов были выявлены по шкале «Достижения» (средние значения – 8,4±1,5 и 7,0±1,6), что свидетельствует о стремлении молодых людей к достижению конкретных и ощутимых результатов в различные периоды жизни, в том числе в период обучения в высшем учебном заведении. Такие люди, как правило, тщательно планируют свою жизнь, ставя конкретные цели на каждом ее этапе и считая, что главное – добиться этих целей. Наиболее значимыми терминальными ценностями для студентов 2-го курса являются «Сохранение собственной индивидуальности” (среднее значение – 8,1±2,0) и «Активные социальные контакты» (среднее значение – 7,5±2,1), что вполне соответствует возрастным потребностям: молодые люди, как правило, считают, что самое важное в жизни – это сохранить неповторимость и своеобразие своей личности, своих взглядов, убеждений, своего стиля жизни, стремясь как можно меньше поддаваться влиянию массовых тенденций, часто не доверяют авторитетам и старшим товарищам, в том числе и преподавателям, что делает возможным яркое проявление таких черт, как высокий уровень самооценки, конфликтность, и, как результат, девиации поведения. У магистров 5-го курса на первый план выходит высокое материальное положение (среднее значение – 6,8±1,3). Стрем-

ление к более высокому уровню своего материального благосостояния, убежденность в том, что материальный достаток является главным условием жизненного благополучия – все это становится актуальным в свете ближайших событий, грядущих в жизни будущих молодых специалистов, которые в скором будущем получат диплом магистра и будут работать и зарабатывать самостоятельно.

Заключение. Таким образом, выявленные нами различия в общем уровне культуры, в предпочтениях и ценностных ориентациях студентов 2 и 5 курса по направлению подготовки/специальности «Социальная работа» свидетельствуют о том, что ЛГПУ является культурно-образовательной средой, влияющей на становление, саморазвитие и формирование личностных, а не только профессиональных характеристик, знаний и умений будущих специалистов. Культуро-созидающая функция образования реализуется посредством решения различных обучающих задач в учебно-педагогическом процессе. В университете создаются возможности организованного, целенаправленного взаимодействия преподавателей и студентов, нацеленного на приобретение профессионально значимых личностных качеств будущего специалиста и воспитания человека. Истинно зрелая личность ориентируется на свое мировоззрение и активно действует, принимает участие в жизни общества, стремится к поддержанию основ человеческой жизни в соответствии со своим мировоззрением и ценностными ориентациями.

Список литературы

1. Бермус А.Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании / А.Г. Бермус // Интернет-журнал "Эйдос". – http://www.eidos.ru/journal (дата обращения: 02.09. 2020).
2. Легавина А.Ю. Психические состояния в обучении и необходимость их педагогической коррекции у социальных работников / А.Ю. Легавина // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2017. – № 10 – С.29-39.
3. Чиганова С.Д. Формирование профессиональной и социальной компетентности специалиста по социальной работе / С.Д. Чиганова // СОТИС. – 2016. – № 3. – С. 67-79.

УДК 159.99

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГОВ

Чумейка Е.В.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
chumeika.alena2010@yandex.ru

Введение. На современном этапе владение конфликтологическими знаниями и навыками является актуальным, а обучение в сфере конфликтологии является важной частью учебного процесса студентов разных

специальностей. Будущие психологи не исключение. Формирование конфликтологической компетентности является важным условием подготовки выпускника к будущей профессиональной деятельности, так как они должны не только проводить профилактические мероприятия и эффективно решать конфликтные ситуации, но и оказывать помощь в их преодолении.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования формулирует требования к подготовке бакалавра по направлению «Психолого-педагогическое образование» к решению профессиональных задач в соответствии с видами профессиональной деятельности. В области социально-педагогической деятельности выделена задача – выявление потребностей, проблем, конфликтных ситуаций и отклонений в поведении обучающихся, выявление и развитие их интересов [3]. Однако, недостаточная конфликтологическая подготовка психологов образовательных учреждений, недостаточное умение на практике управлять школьными конфликтами, находить оптимальные способы их предупреждения и преодоления, как правило, негативно сказываются на организации учебно-воспитательного процесса в школе. Поэтому закономерно, что приоритетной составляющей профессиональной компетентности современного психолого-педагогического работника является его конфликтологическая компетентность.

Основная часть. В психологической науке понятие конфликтологической компетентности ассоциируется с исследователем Б.И. Хасан, который в 1996 году вводит и расширяет данное понятие [1].

Различные аспекты конфликтологической подготовки специалистов становились объектом внимания разных ученых. Вопросом конфликтологической компетентности занимались А.Я. Анцупов, В.Г. Зазыкин, Л.А. Петровская, Н.В. Самсонова, А.И. Шипилови, Б.И. Хасан др.

В своей работе мы опирались на определение, данное Б.И. Хасан, который определяет конфликтологическую компетентность как степень развития осведомленности о круге возможных стратегий поведения в конфликте и умений реализовывать эти стратегии в конкретной жизненной ситуации и конфликтном взаимодействии [4].

В рамках рассматриваемой нами проблемы особого внимания заслуживает идея о том, что задачей высшего образования, в том числе, должно быть и формирование готовности к эффективному разрешению конфликтов. Поэтому нами было проведено исследование и предложен проект программы направленной на формирование конфликтологической компетентности.

Целью нашего исследования стало изучение конфликтологической компетентности студентов-психологов и определение основных методов активного социально-психологического обучения при формировании конфликтологической компетентности. Исследование проводилось на базе ПГУ им. Т.Г. Шевченко на факультете педагогики и психологии – с 1 по 4 курс очного обучения. В исследовании приняли участие 52 студента-психолога.

Проведя методику «Самооценка конфликтности» С. М. Емельянова, мы получили следующие результаты у студентов-психологов: высокий уровень конфликтности наблюдается у 7,69 %, выраженная конфликтность составляет 51,9 %, слабая конфликтность характерна 28,8 % и конфликтность не выражена у 11,5 %. Из полученных данных можно сделать вывод о том, что у половины студентов конфликтность высоко выражена, а у остальных респондентов данный показатель соответствует средне допустимому уровню выраженности конфликтности.

Далее, по логике исследования, мы изучали какие стратегии разрешения конфликтов используют студенты-психологи. Для этой цели мы использовали методику «Стили разрешения конфликтов К. Томаса Р. Килмана (в адаптации Н.В. Гришиной). Анализ результатов показал, что у респондентов доминирующей стратегией поведения в конфликте является избегание (36,9%), что характеризует их как студентов, часто не идущих на компромисс, отклоняющихся от решения проблем. Но также данную стратегию психологи используют как метод эффективного разрешения тех конфликтов, для которых требуется больше времени, а также поиск более удачного способа решения. Также наиболее предпочитаемым стилем, является компромисс (25%). Респондентам, выбравших данный тип, можно охарактеризовать как тех, кто уступает в своих интересах с целью удовлетворения интересов обеих сторон. Это происходит путем торга, обмена и уступок. Компромисс достигается на более поверхностном уровне, в результате появляется возможность прийти к общему решению. При данном стиле отсутствует поиск скрытых интересов, но рассматриваются желания каждой конфликтующей стороны.

Следующая методика, которую мы использовали – «Определение уровня конфликтологической культуры личности» О.И. Щербаковой, с помощью которой мы исследовали различные стороны конфликтологической культуры в конфликте и решения проблем межличностного взаимодействия у студентов-психологов. Анализ полученных результатов был следующим: высокий уровень наблюдается у 11,5 %, средний уровень характерен 38,4 %, низкий уровень составляет 50 %. Из полученных данных можно сделать вывод о том, что у половины студентов-психологов наблюдается низкий уровень конфликтологической культуры, а это значит, что культура поведения в конфликте развита очень слабо, студентами выбираются неэффективные стратегии разрешения конфликтных ситуаций, а это, в свою очередь, является деструктивным способом взаимодействия.

Заключение. Из полученных данных можно сделать вывод о том, что у половины студентов конфликтность высоко выражена, доминирующей стратегией поведения в конфликте является избегание, наблюдается низкий уровень конфликтологической культуры. Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования позволил нам определить оптимальные методы активного социально-психологического обучения при формировании конфликтологической компетентности – это

социально-психологический тренинг, мозговой штурм, анализ конкретных ситуаций, ролевые игры, дискуссии. Данные методы помогают участникам в приобретении опыта конструктивной коммуникации, построении межличностных отношений, умении высказывать и аргументировать свою позицию, находить пути решения из конфликтной ситуации [2]. Они явились основой в разработанном нами проекте программы по формированию конфликтологической компетентности студентов-психологов, которая будет реализована в процессе вузовской подготовки.

Список литературы:

1. Анцупов А.Я. Конфликтология : учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 591 с.
2. Бисембаева А.К. Вопросы формирования конфликтологической компетентности будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки в вузе / Бисембаева Асем Кумаровна // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 6. – С. 172-177.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050400 «Психолого-педагогическое образование» (квалификация (степень) «бакалавр»): утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 марта 2010 г. No 200. – 14 с.
4. Хасан Б.И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность / Б.И. Хасан. – Красноярск: Фонд ментального здоровья, 1996. – 157 с.

УДК 159.9

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Шайкина Е.А., канд. пед. наук
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР
lugelenalug@gmal.com

Введение. Культура всегда имела высокий потенциал влияния на формирование и развитие личности. Уровень развития общества определяется уровнем культурного развития людей, составляющих это общество и обеспечивающих его жизнедеятельность и перспективы развития. Не будет преувеличением отметить, что от того, насколько качественно развита культура того или иного общества, зависят перспективы его дальнейшего существования.

Основная часть. В современной культурологии выделяют следующие формы культуры: элитарная или высокая культура, народная культура и массовая культура. Рассмотрим особенности влияния каждой из них на духовно-нравственное развитие личности.

Элитарная или, как ее еще называют высокая культура, создается как правило привилегированной частью общества и для привилеги-

рованной публики. В создании этой формы культуры принимают участие профессионалы. Элитарная культура включает в себя изящное искусство, классическую музыку и литературу. Высокая форма культура, сложна для понимания и восприятия среднеобразованного неподготовленного человека. Иногда она опережает свое время, но чаще всего сохраняет лучшие образцы культурного наследия человечества. Круг ее потребителей составляет высокообразованная часть общества. С ростом уровня образования общества увеличивается процент населения, способный воспринимать и оценивать достижения высокой культуры. При повышении уровня интеллектуального развития человека изменяется и его отношение к миру. Личность становится более многогранной и, как следствие, возрастают и духовные потребности. Но мы можем наблюдать и обратный процесс: приобщение к высокой культуре стимулирует развитие личности, оказывает влияние на формирование ее духовно-нравственной сферы. Исходя из этого можно утверждать, что назначение элитарной культуры стимулировать личность к самопознанию и развитию.

Народная культура включает в себя такие формы, как популярная и фольклорная культура. Популярная культура посвящена отражению повседневного быта, нравов современного общества, обычаев и традиций, песен и танцев народа существующих в данный период времени. По тому, как описывается современная жизнь, каким темам и содержанию отдается предпочтение в произведениях искусства можно судить о духовно-нравственной жизни того или иного общества. В данном случае внедрения в народную культуру по средствам искусства духовно-нравственные идеалы мы развиваем их в общественном сознании.

Фольклорная культура посвящена отражению прошлой жизни народа. Она дошла до нас в таком историческом наследии как легенды, былины, обряды, сказки, героические песни и другие жанры, созданные прошлыми поколениями. В современном мире мы нередко обращаемся к этой части культурного наследия. Таким образом, фольклорная культура входит в нашу жизнь через популярную культуру (экранизация сказки) или даже через элитарную культуру (использование народных мотивов в живописи и музыке). Помимо исторических преданий фольклорная культура постоянно пополняется новообразованиями, например современным городским фольклором. Для формирования духовно-нравственных ценностей необходимо актуализировать соответствующий исторический материал. Так, для воспитания патриотизма можно обратиться к образу былинных богатырей.

Традиционно народная культура охватывала широкие слои населения, т.е. большую часть общества. Воспринимать народную культуру могли как люди с низким и средним уровнем развития, так и интеллектуальная элита.

Понятие массовой культуры появилось в середине XX века вместе с появлением и бурным развитием средств массовой информации. Печать, радио, телевидение, киберпространство создает новые формы трансляции

и, следовательно, появляется иное восприятие и новые особенности переживания катарсиса.

Помимо того, массовая культура не отражает изысканного вкуса или духовно-нравственного поиска личности. Она отличается простотой, иногда до примитивизма, коньюктурностью, кратковременностью своего существования. За счет этого она легко проникает практически во все страны мира и доступна представителям всех социальных слоев. Она легко сочетает в себе черты национальной культуры и интернациональности. Залог ее успеха в том, что она понятна и доступна различным возрастам, всем социальным слоям населения.

Обладая меньшей художественной ценностью, чем элитарная или народная культура, массовая культура завоевывает большую аудиторию. Массовая культура всегда авторская. Авторы, создающие произведения массовой культуры, делают ставку на получения удовольствия от продукта культуры здесь и сейчас, удовлетворяются сиюминутные запросы людей. Массовая культура быстро реагирует на любое новое событие окружающей жизни и отражает его. Поэтому образцы ее быстро теряют актуальность, устаревают, выходят из моды. В отличие от образцов массовой культуры произведения элитарной и народной культуры сохраняются в веках.

Именно эта массовая форма культуры чаще всего используется для влияния на сознание широких слоев населения. У нее большой потенциал для манипулирования людьми: любая идея быстро формулируется, делается популярной без учета какой-либо эстетической или нравственной ценности, овладевает умами и эмоциями широких слоев населения, достигая при этом своих целей, и быстро угасает и забывается.

В основном все проекты массовой культуры имеют основную коммерческую цель и не только не несут духовно-нравственного содержания, но иногда и пропагандируют антинравственные идеалы и ценности.

Иногда формы культуры могут переплетаться и даже взаимодополнять друг друга. Органная месса Баха является образцом элитарной культуры, но если она может быть использована в качестве музыкального сопровождения к художественному фильму. В данном случае она становится элементом массовой культуры, не переставая при этом быть частью элитарной культуры. Такой симбиоз вовсе не компрометирует произведения народной или высокой культуры, а помогают приобщиться к ним широкие слои населения. Народные мотивы включались многими музыкантами-классиками в их произведения.

Элитарная и национальная культура создается интеллектуальной частью общества – философами, писателями, художниками, учеными. Очень часто элитарная культура появляется как авангардная или экспериментальная. Впервые применяются те художественные приемы, которые будут восприняты и правильно поняты широкими слоями непрофессионалов какое-то время спустя. Специалисты-искусствоведы считают, что в среднем для этого понадобится около 50 лет. Какое-то

время высокая культура не только может, но должна оставаться чуждой народу. Это обеспечивает потенциал культурного развития общества.

Заключение. В любой форме культуры всегда заложен духовно-нравственный потенциал для формирования и развития личности. Наша задача определить его и правильно использовать в своей профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Данильян О.Г. Культурология: Учебник / О.Г. Данильян, В.М. Тараненко. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 239 с.
2. Культурология: Учебное пособие / Под ред. Г.В. Драча. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2010. – 413 с.
3. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие / А.П. Садохин. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2009. – 288 с.

УДК 159.9

КАТЕГОРИИ ПСИХОЛОГИИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В АСПЕКТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРЕДЕЛОВ

Яновская Л.В., канд. психол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
yanovlar1@mail.ru

Психология жизненного пути не является отдельной отраслью психологического знания, но специфика предмета требует особого методологического подхода в исследованиях данного направления.

Жизненный путь в самом широком смысле определяется как индивидуальное развитие от рождения до смерти. В отличие от такого понятия, как «жизненный цикл», жизненный путь предполагает не общие закономерности, будь-то биологического, социального или психологического характера, но исключительно единичные (индивидуальные) преобразования жизни, – некие индивидуальные внутренние закономерности. Таким образом, в исследованиях жизненного пути в качестве методологического основания должен быть задействован феноменологический подход. Описательная психология, в которой впервые заявлен этот подход, по мнению Дильтея, направлена на постижение душевной жизни на основе анализа непосредственных переживаний человека.

Жизненный путь, понимаемый как развитие, представляет некое целостное образование, иначе он будет представлен неопределенной суммой жизненных ситуаций. Целостное образование всегда предполагает некоторый системообразующий фактор, – направленность, стержень, основу развития. В гуманистической психологии этот системообразующий фактор представлен самоактуализацией, или «самоосуществлением» – как звучит эта категория в работах первопроходца в исследованиях жизненного пути Шарлотты Бюлер.

Самоактуализация, или «само-движение» (само-деятельность) отчетливо перекликается с субъектно-деятельностной парадигмой С.Л.Рубинштейна, и дальнейшими исследованиями психологии субъекта жизненного пути, проводимых его последователями. Субъектность как свойство и способность личности предполагает осознанность и осмысленность, «присутствие» и со-причастность происходящим в жизни событиям. Поэтому развитие индивидуальности и становление личности в жизненном пути неразрывно с развитием ответственности и выявлением смысла жизни.

Экзистенциальная психология в наибольшей мере затрагивает вопросы смысла жизни, ответственности и осознанности. В отличие от гуманистического направления, предметом является не личность и ее ведущие мотивы, но само Бытие. Соответственно, системообразующим фактором жизненного пути не самоосуществление, а смысл жизни. Одной из основных категорий экзистенциального направления является трансценденция, понимаемая как выход за пределы, преодоление границ. Значимой способность трансценденции становится особенно ощутимой при переживании жизненных кризисов, когда перед личностью стоит задача реинтеграции жизненного опыта и выбора иной стратегии, иных ориентиров жизненного пути. К.В.Карпинский рассматривает экзистенциальное направление как наиболее соответствующее предмету психологии жизненного пути.

Феноменологический метод является базовым для экзистенциального подхода. Несмотря на основное требование данного метода «вынести за скобки» все возможные категории, в экзистенциальной психологии описаны основные «измерения» или «пределы» бытия человека. К ним относят – смерть (утрата жизни), одиночество (утрата общения и любви), абсурд (утрата смысла), и утрату свободы. Эти пределы перечислены в соответствии с «измерениями»: физическое, социальное, индивидуальное и духовное.

Исследования жизненного пути на сегодняшний день имеют ряд своих основных понятий. В данной статье мы соотнесем эти понятия с экзистенциальными пределами.

Наша жизнь, по крайней мере, в ее проявленной форме, имеет свой предел – смерть. Основное понятие, присутствующее в данном физическом измерении,– время. В исследованиях жизненного пути есть ряд категорий, относящихся ко времени. Это – психологический возраст (А.Кроник), перспектива жизни (Л. Анцыферова, К.А. Абульханова и др.), ретроспектива, и трансперспектива – как обобщение прошлого и будущего. Исследования этих психологических феноменов осуществляется через изучение наполненности жизни, оптимистичности, постановки жизненных целей, способности интегрировать жизненный опыт, рассмотрение этапов жизненного пути. Ожидания от будущего связаны с нашими целями, желаниями и надеждами. Основным препятствием формирования представления о будущем и интеграции жизненного опыта является страх. Природа всех страхов берет свое начало из страха смерти.

Второй предел – одиночество, это «смерть» для других. Отсутствие подлинного общения с другими людьми замыкает возможность развития

личности, поскольку развитие предполагает отражение своих действий, поступков и даже содержание переживаний в глазах других. Если говорить в терминах философии Хайдеггера, чьи труды считаются основанием экзистенциального подхода, в этом пределе человек переживает свою «заброшенность», или «вброшенность» в этом мире. Соответствующим данному пределу является «событие» как одна из ключевых категорий жизненного пути. В психологии жизненного пути категория «событие» имеет много трактовок, обобщая которые можно определить событие как ключевой и поворотный элемент жизненного пути. В нашей работе мы делаем акцент на понимании со-бытия как причастности к бытию (следуя взглядам В.И.Слободчикова и Е,И.Исаева), и в этом смысле рассматриваем именно связь с социальным миром. В анализе основных событий жизненного пути, изучаемых биографическим методом, мы видим, что практически все описываемые события чаще явно, чем косвенно, указывают на взаимодействие с другими людьми или социальной общностью. Другой категорией, относящейся к данному измерению, является социальная ситуация. Социальная ситуация, – это некоторый набор социальных факторов, чаще понимаемых как объективные, определенным образом составляющий контекст события жизненного пути личности, – это также система отношений личности с другими людьми и группами, определяющие способ самоосуществления и ценностные ориентации субъекта.

Третий предел – совладание с абсурдом бытия через поиски смысла жизни большинством исследователей различных направлений считается центральным. Первым на значимость смысла указал В.Франкл, что стало значимой вехой в становлении экзистенциальной психологии. В его работах анализируется проблема бессмысленности жизни, и описаны пути обретения смысла. И.Ялом отмечает, что именно смысл противостоит страху смерти. Д.А.Леонтьев, посвятивший проблеме смысла свою монографию, описывает три основных компонента смысловой регуляции как жизненные отношения (наиболее непосредственное включение субъекта в окружающий мир), систему личностных смыслов, формирующуюся под влиянием непосредственных отношений и смысложизненных ориентаций, и третий – смысловые структуры личности. В психологии жизненного пути категория смысла жизни является одной из наиболее часто рассматриваемых.

Четвертый предел – отношения свободы и ответственности. Духовное измерение личности – наиболее сложное для описания, понимания и исследования. Основной категорией исследований жизненного пути, относящееся к этому измерению, является «жизненный выбор». Жизненный выбор определяет ценностные ориентации, смысловые связи и структуры, жизненную позицию, которой начинает следовать субъект. Вообще, субъект жизненного пути начинает формироваться с осуществлением жизненных выборов, тогда только он осознает ответственность за самоосуществление в своей жизни. Ответственность,

как ни парадоксально это звучит, делает человека в большей степени осознающим свою свободу. Жизненный выбор предполагает, что личность свободна не только в своих действиях, но и в своих намерениях.

Вышеизложенное краткое описание сопоставления категорий исследования жизненного пути с основными измерениями экзистенциальной психологии позволяет прийти к выводу: экзистенциальный подход помогает обобщить разнородные исследования жизненного пути в единую систему.

УДК 159.955.1

ОБРАЗ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Яновский М.И., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
m.i.yanovsky@mail.ru

Образ будущего общества волновал и продолжает волновать множество людей. Советское государство возникло из «образов будущего», созданных Кампанеллой, Сен-Симоном, Марксом, Лениным. Современный Голливуд генерирует образы мрачных перспектив для человечества. Так или иначе строительством «образов будущего» занимается в наше время немало научных и интеллектуальных центров. Утверждают даже, что нынешняя череда разрушительных «цветных революций» – продукт «образа будущего», разработанного интеллектуалами-постмодернистами типа Поппера, Делёза, Деррида, Леви и т.д. Свой «образ будущего» постмодернисты противопоставляют тоталитаризму, к которому они относят любые формы «идеократий», т.е. подчинения идеям. Реально же главное острие их критики направлено на марксистский, советский «образ будущего».

Таким образом, в мире существует жёсткая конкуренция «образов будущего», которая отзывается в сознании людей ценностными конфликтами, идеологическим конфронтациями и т.д.

Возможно, самый известный и влиятельный «образ будущего» – «Город Солнца» Томаззо Кампанеллы (запечатлённый, между прочим, в сознании многих бывших советских школьников через его аналог – «Солнечный город» из известной сказки Н. Носова). Сила воздействия этого образа на умы современников, на последующих мыслителей по-видимому связана не только с красотой созданной Кампанеллой мечты, но и с наличием глубинно-психологического измерения этого образа.

Кампанелла (1569-1639) был современником кардинального переворота в картине мира – перехода от *гео-центрической* аристотелевской картины мира к галилеевской картине, где *центр мира везде* (это новое понимание мира создавалось целой плеядой мыслителей-«героев» XV-XVII вв.: Николаем Кузанским, Николаем Коперником, Джордано Бруно, Галилео Галилеем). В этой связи в представлениях людей стала меняться

структура мира: теперь представлялось, что энергия движения, жизни, развития, духовности не сосредоточена во всемирном «Движителе» и лишь раздаётся им по уровням (как это в картине мира Аристотеля), а присутствует во всём, в т.ч. в каждом человеке. В такой новой картине мира деление на «господ» и «рабов», элитариев и толпу потеряло смысл, стало восприниматься как анахронизм.

Теории «естественных прав» и души как «чистой доски», предложенные одним из главных идеологов «рыночного общества» Дж. Локком (1632-1704), казалось бы, разрешили проблему. Эти теории стали идеологической опорой множества буржуазных демократических революций (Англия, США, Франция и т.д.). До сих пор идеи Локка – основа идеологической пафосности США [1]. Теории Локка, однако, имеют базовый изъян: нигилизм. Утверждение, что все люди равны, и равны они в том, что их души по своей природе равны ничто («чистой доске»), равносильно отрицанию, что человек несет в себе внутреннюю духовность, силу жизни, человечность. Всё это в него вкладывает общество, какие-либо «достойные уважения граждане» и т.п. В этом смысле локкианство как раз содержит в себе зародыш тоталитаризма (что можно увидеть по имитационно-демократическим олигархическим государствам типа США). Учение Дж. Локка в действительности сохраняет догалилеевскую анахроничную картину мира.

Однако это «застревание», на наш взгляд, обусловлено не только политическими, экономическими и т.п. причинами, но причинами и психологическими, ментальными. Дело в том, что в основании аристотелевской гео-центрической картины мира лежит сочетание двух естественных человеку, однако незрелых, инфантильных представлений об устройстве пространства (представления о пространстве важны, поскольку выполняют функцию базовой, опорной когнитивной структуры сознания) [2]. Эти два представления таковы: (1) пространство – это набор мест, как бы «ячеек», в каждой из которых либо находится, либо может находиться вещь; (2) пространство – это совокупность видимостей, явленных мне как наблюдателю, точнее, то, что дает возможность наблюдать. Иначе говоря: (1) пространство – это место, куда можно что-то положить, (2) пространство – это наблюдаемость вещей («вещь есть, если я ее вижу»). Ж. Пиаже назвал эти два типа незрелых представлений о пространстве *«пространством мест»* и *«пространством проекций»* [3]. Согласно Пиаже они соединяются в эгоцентрическом мышлении, в эгоцентрическом миропонимании. В этом смысле аристотелевская гео-центрическая система возникла как концептуализация эгоцентрического миропонимания [2].

Но эгоцентризм не просто разновидность ментальности человека; он пропитан эмоциональностью и обладает своего рода обаянием. Так, в таком миропредставлении центральным феноменом является пристрастность, потребность, интенция, желание. Действительно, желание всегда чьё-то (= имеет *место*), и всегда направлено на какую-то сторону объекта, какой-то аспект (= имеет дело с определённой *проекцией* объекта, а не с объектом

самим по себе). Причем, желание не только во мне находит место; оно вообще выражает наличие в моем сознании *пространства мест*: желание меня «заземляет», дает опору в жизни. И оно как бы прячет меня в этом *месте*, отделяет от остального мира, «выносит за скобки». С другой стороны, желание всегда связано с отношением к объекту желания, «симпатией» к нему, т.е. с *проекцией* в широком смысле слова. Поэтому желание в равной степени выражает наличие в моём сознании *пространства проекций*. Поэтому желание, становясь осью сознания, производит в сознании человека переструктурирование: вместо гомогенного нейтрального трёхмерного пространства привносится сочетание пространства мест и пространства проекций, два компонента эгоцентрического сознания.

В мире, который выстраивается желанием, вещи существуют только как потенциальные исполнители желаний, на экономическом языке – как «*товары*». «Товар» – это вещь, за которой закреплено определённое желание, это как бы экстериоризованное. Также в таком мире не может не существовать *частная собственность*. Ведь частная собственность – это место, куда я проецирую свое «Я». Это и опора для меня, *мое место* в мире, и предмет моего отношения, *моей проекции*.

Вот почему воображение Кампанеллы связывало образ неаристотелевского будущего с отсутствием частной собственности, товарно-денежных отношений и обузданием желаний.

Вероятно, возможны и другие, некампанелловские «образы будущего». Однако они в любом случае укоренены в общем миропонимании людей, даже если это не осознаётся.

Каковы общие характеристики зрелой, адекватной реальности картины мира? Логично полагать, что превышает «пространство мест» пространство незамкнутое, многомерное, бесконечное. Например, это выражается в том, что называют чувством космичности. «Пространство проекций» превышается не-привязанностью к объектам, со-действием им в их самостоятельности. Исходя из этого ментальным ядром зрелого «образа будущего» может быть сочетание: чувство бесконечности (чувство космичности) + непривязанность к вещам (отсутствие вещизма). Вместо желания (и потребностей) центром этого «образа будущего» должно было бы стать воодушевление творчества, синэргия с людьми и миром в самоактуализации. (Закат советского «проекта» скорее всего начался с переориентации на ценности замкнутых малых миров (дом, нация) и вещизма).

Список литературы

1. Яновский М.И. Философско-психологические идеи Дж. Локка как ключ к пониманию американских ценностей / М.И. Яновский, В.Н. Ягодкин // Человек и мир. – Институт психологии Российской академии наук. – 2019. – Том 3. № 1 (6). – С. 65-76.
2. Яновский М.И. Аристотелизм как основа западной картины мира / М.И. Яновский, Л.В. Яновская // Вестник Удмуртского университета. – Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 29, вып. 4. – С. 402-412.
3. Piaget, J., Inhelder, B. La représentation de l'espace chez l'enfent. – P.: Presses universitaires de France, 1948. – 581 p.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Философские науки

Философское осмысление социальной реальности

Александровская В.Н. К анализу концепции «основной функции живого» в философии науки 5

Артюхов М.Н. Религиозная вера как фактор экономического роста Южной Кореи. 7

Белюрко Н.М. Специфика философского изучения проблемы человека и личности в разные исторические эпохи 10

Бессарабов О.В., Большинская А.Э. Патриотическое воспитание молодёжи как основа формирования личности гражданина республики 13

Бетильмерзаева М.М. К вопросу о мировоззрении 16

Бойчук С.С. Экзистенциальная диалектика аполлонической добродетели 19

Виндилович Е.А. Проблемы семьи: современный социально-философский контекст 22

Волошин В.В. Миры функционирования науки 25

Глушко Е.С. Непреодолимые противоречия и события 28

Дикой А.Ю. Живое знание в гносеологии С.Л. Франка 31

Емельянова Н.Н. Творческая деятельность как условие конструирования реальности 34

Ефременко А.А. Бездуховная терпимость как унифицированный инструмент манипуляции – экзистенциальное самоубийство 37

Измайлова Д.И Анализ феномена социального отчуждения в контексте пандемии COVID-19 38

Казакова О.Н. Знаково-символический анализ социального бытия 41

Клименко А.Б. Соотношение концептов «модерн», «постмодерн», «afterпостмодерн» и типов рациональности 43

Клычев Е.Н. Народовластие как социально – философский феномен (концепция В. Полосина) 44

Кожухов Л.П. Теоретическая философия Иммануила Канта 47

Кокоткина О.С. Модель успеха как форма самоутверждения личности 49

Комисова Е.И. Религиозная символика в пространстве светского искусства 51

Коновалов А.Г., Коновалова И.В. Лево-консервативный поворот: от Донбасса к России 54

Красова И.Е., Андреева Т.А. Феномен бессознательного: социально-философский дискурс 56

Лустин Ю.М. Информационное общество: типология социокультурной нано-персонализации 60

Мазаненко О.М.. К проблеме творческого сознания 63

Мартьянова Е.Г., Чеснова Е.Н. Пандемия COVID-19 как катализатор ускорения цифровизации мировой и отечественной культуры 66

Миргородский А.А. Концепция позитивного права в русской философии конца XIX – начала XX века 69

Михайлов А.Е Социальное проектирование в философии Платона 71

Олифир И. А. Современный феминизм как социальная идеология 73

Петрова Е.И. Формирования региональной идентичности народов Донбасса: духовно-нравственные аспекты 76
Половинкина И.С. Контекстуальность как условие адекватной интерпретации возможных миров 79
Романова А.С. Личность и масса: проблемы взаимодействия 82
Рочняк Е.В. Эволюция взглядов на сущность патриотизма в русской философии ... 84
Рубцова И.Н. Диалог или конфронтация: гегемонизм в рамках межкультурного взаимодействия 87
Савицкий В.Ю. Неклассическая антропология С.С. Хоружего и В.Н. Сагатовского как основание новой эпистемы гуманитарного знания 90
Северилова П.В. Душа как предмет религиозно-философского дискурса в трудах отцов церкви 93
Спорник А.П. В реалиях цифровой цивилизации 96
Стецюра В.В. Философские ориентиры исследования цивилизационной идентичности Донбасса 99
Сухина И.Г. К вопросу об аксиологическом понимании философии: опыт аксиологической экспликации 102
Сычев *А.А.* Источники нормативности в нравственной философии А.А. Ухтомского 105
Тимощук А.С., Трофимова Н.Н. Антиномии консумеризации образования 108
Целик Т.В. Новый историзм или новое средневековье в ситуации постправды 111
Шатохина Н.П. Обоснование феномена свободы творчества в экзистенциальной концепции 114
Щербинин А.А. К вопросу о современных концепциях определения справедливости в ее связи с правом 117
Ярошевская А.В. Экзистенциальная натурфилософия В.В. Розанова 120

Философия на линии фронта

Альмухаметов Р.Ш. Террор как форма агрессивно-насильственных деструктивных социальных действий 123
Банадыков Я.Д. Значение ЧВК в новых войнах 125
Баталин Р.А. Просвещенный (образованный) патриотизм 128
Беспалов А.К. Образ героя, как идеологический инструмент войн памяти (на примере истории ВОВ) 131
Варава В.В., Коробов-Латынцев А.Ю. Война и смерть в русской философии 134
Даренский В.Ю. Русская добровольческая армия на Донбассе в 1919 году 137
Даренская В.Н. Великая Отечественная война в поэзии русской эмиграции 140
Ионов Б.В. Войны по линиям разломов 143
Комесаренко С.И. Политическое сознание военнослужащих 146
Корнюхов Д.В. Философия политического лидерства: основные исследовательские подходы 149
Коробов-Латынцев А.Ю. Старые философские вопросы в новых войнах 151
Масаев М.В. Некоторые аспекты феномена корреляции метафизики войны и мира 154
Муза Д.Е. Война в эпоху постмодерна: между панлогицизмом и абсурдом? 158
Некрасов С.Н. Мировые войны, другая глобализация и новые перспективы России 160

Олендарь Н.Е. Донецк рукотворный: взгляд на город сквозь оптику русского космизма 163
Паркин Д.А. Старые философские вопросы в новых войнах 165
Переход С.О. Крым и Донбасс в русском цивилизационном дискурсе 168
Рощин М.Ю. Альбер Камю о «коричневой чуме» 171
Сальников В.И. «Токсичные государства» как геополитический инструмент (на примере большого Ближнего Востока и Восточной Европы) 173
Севостьянов Д.А. Ценности и эмоции на войне: анализ инверсивных отношений ... 176
Трухан А.В. «Мы – советский народ!» – формула политической идентичности русского идеократического сознания в условиях постсоветского межвременья ... 179
Чернышов В.А. «Мягкая сила» как философский концепт 182

Психологические науки

Акишина В.Н., Гордеева А.В. Психологические особенности отношения к деньгам студентов экономического и гуманитарного профилей 184
Алексиева Д.В. История Болгарской психологии во времена двух Балканских войн и Первой мировой войны (1912 г.-1918 г.) 186
Ангелина Э.А. Индивидуально-личностные различия пользователей социальных сетей с высокой и низкой активностью 189
Андреева И.А. Внутренняя позиция личности – взгляд ученых на характеристику понятия 192
Андриенко Е.В. Одиночество в контексте экзистенциальных страхов личности 194
Андрюшкова Н.П. Личностная зрелость. Онтогенетический аспект 197
Артюх А.А., Устинова Н.В. Индивидуально-психологические особенности людей, предпочитающих работу с литературой в библиотеке 199
Байдак К.Г., Ярмыш И.А. Толерантность к неопределенности как психологический феномен 202
Барьяхтар О.Ф. Самодетерминация личности 205
Безродный В.И. Склонность к риску как личностная особенность предпринимателя 207
Беспалова Т.М., Борисов С.Г. Изменение отношения к семье у современной молодежи 210
Бойчук С.С. Дискурс идентичности и профессиональной идентичности в контексте современных образовательных вызовов 213
Большакова Т.О., Устинова Н.В. Психологические особенности защиты, совладания и стрессоустойчивости онкологических больных 216
Бондарев М.А., Бобровицкая А.И. Психическое напряжение и качество жизни студентов, проживающих в зоне военного конфликта 219
Бондаренко Ю.С., Анисимова О.С. Актуальные проблемы психологического сопровождения пожилых людей в посттрудовой период 222
Бухтиярова М.Л., Ревуцкая И.В. Экспериментальное исследование развития воображения у детей старшего дошкольного возраста 225
Вилюжанина Т.А. Посттравматический рост: теоретические основания исследования 228
Гнутова А.О, Рогозина М.Ю. Религиозность как ресурс личности в трудной жизненной ситуации 231

Гончар С.Н. К проблеме формирования психологической готовности педагогов к инновационной деятельности 234
Дегтярева М.В., Терехова Е.В., Ягуза И.А. Повышение интереса к межличностному общению посредством игровых технологий 236
Демяненко А.В., Ангелина Э.А. Различия в представлениях о семье и карьере у девушек и юношей 238
Дихтяренко Г.И. Институты социализации и их деятельность 240
Дроздова И.С., Горина А.В. Изучение процесса адаптации студентов ПГУ им. Т.Г. Шевченко 242
Иванова Е.М., Устинов Д.В. Взаимосвязь личностных особенностей и мотивационной сферы спортсменов-экстремалов (на примере мотокросса) 246
Иванова И.В. Модель повышения психолого-педагогической компетентности педагогов 249
*Кабдина А.А., Устинов Д.В. П*сихологические составляющие уважения к родителям в подростковом и юношеском возрасте 252
Картавая Е.С., Картавый С.Н. Причины профессионального выгорания военнослужащих и пути его профилактики 255
Картузова Н.А. Теоретический анализ научных подходов к определению жизнестойкости как интегрального ресурса личности 258
Кацеро А.А. Психологическое благополучие студентов с ограниченными возможностями здоровья: связь со способностью к саморегуляции 261
Киселёва И.В. Психологические особенности отношения студентов-психологов к будущему трудоустройству 263
Клюшникова М.А., Гордеева А.В. Самопрезентация пользователей социальных сетей: гендерный аспект 265
Ковалева А.В., Марусенко Е.А. Особенности ценностно-смысловой сферы лиц, переживающих сложные жизненные условия (на примере жителей Луганской Народной Республики) 268
Ковалевская А.П. Воздействие экстремальной ситуации военного конфликта на человека 271
Ковалёнок С.С. Манипуляция массовым сознанием как оружие террористов 274
Ковальчук Н.Н. К вопросу формирования коммуникативной компетентности будущих педагогов 277
Коломиец О.В. Психологическая характеристика социального самочувствия современных студентов 280
Кононенко И.А. Особенности виртуального общения современной молодежи 282
Король Н.В. Осознанная саморегуляция как механизм преодоления неопределенности 285
Корнилова В.В. Воспитание ребенка с дизонтогенезом в семье 288
Косенко К.А., Вильдгрубе С.А. Самоотношение личности с непсихотическими психическими расстройствами при ожоговой болезни 290
Куликовская Е.А. Чувство вины как индикатор нравственного развития личности .. 293
Логвинов С.И., Логвинов С.С. Комплексный подход к оценке эффективности работы оператора в особых условиях 295
Лох К.В. Валидизация проективной ассоциативной методики «7 предметов» 298
Мазина Н.Е. Аникушина В.А. Экзистенциальные страхи жителей Донбасса в условиях социальной неопределенности 301

Макеенко Е.П. Особенности детской субкультуры в современном социуме 304
Максименко Е.Г. Определение понятия нарушенного чувства зависимости 307
*Маслова М.Н., Фархутдинова Ю.Н. Н*ейропсихологический анализ нарушений памяти в старшем дошкольном возрасте 310
Мельник Е.В., Могилевская В.Ю. Психологическое содержание мечты у подростков и юношей 312
Могилевская В.Ю. Особенности учебной мотивации будущих педагогов 315
Мороз А.С., Сидорова О.Г. Психологическая безопасность в образовательной среде вуза..... 317
Набатова С.В. Особенности представлений об окружающей реальности как составляющая картины мира личности в подростковом и юношеском возрасте... 320
Некрасова И.Н. Образ жизни как конструкт социально-психологических исследований: эвристический потенциал 323
Никулина А.А. Психологическая характеристика людей, проживающих в длительной экстремальной социогенной ситуации 326
Нилова А.В., Елькина И.Ю. Теории обучения взрослых и их применение на практике..... 329
Папакица Е.К. Психолого-педагогические особенности дистанционной формы обучения 332
Передера А.О. Характеристика самопринятия как особенности среднего возраста.. 335
Покотилов Е.Г., Рогозина М.Ю. Гендерные особенности восприятия художественного образа на примере изобразительного искусства 337
Ревуцкая И.В., Хвасько Н.С., Фарсян К.А. Методы стабилизации эмоционального состояния подростков 339
Репещук К.Ю. Особенности представлений о выборе брачного партнера в юношеском возрасте..... 342
Руденко С.В. Особенности детского чтения: психодиагностический аспект 345
Рядинская Е.Н., Бондарь Л.С., Богрова К.Б. Математическая статистика – предмет, знания которого необходимы каждому психологу 348
Самотаева Э.А. Развитие субъектности человека как способ повышения качества его жизни 350
Ситникова Н.Е. Диагностика умственного развития студентов 352
Ситнова И.В., Панина Е.А. Донбасский характер как фактор психологической устойчивости к условиям локального военного конфликта..... 354
Смелов И.В., Крутова А.В. Влияние интернета на сознание современной молодёжи 357
Стовпяга Н.В., Фархутдинова Ю.Н. Нейропсихологический анализ нарушенных звеньев функциональной системы письма в младшем школьном возрасте 360
Тараскина А.С., Бойко О.В. Жизнестойкость как личностная характеристика человека 362
Тимошко Г.В., Тимошко А.А. Жизненный путь молодых людей и приоритеты выбора..... 364
Устинов Д.В. Психологические предпосылки формирования корыстного мотива преступления у несовершеннолетних правонарушителей 366
*Устинова Н.В. К*огнитивное структурирование процессов формирования понятий у студентов: особенности интуитивного стиля 370

Фархутдинова Ю.Н. Анализ проявлений СДВГ у младших школьников с позиций нейропсихологии 372
Федченко А.С., Бойко О.В. Понятие семейной роли в отечественной и зарубежной психологии 375
Филимонова А.Д., Ревуцкая И.В. Ценностные ориентации современной молодёжи ДНР 377
Ходарева Э.А. Особенности саморегуляции и эмоционального интеллекта у спортсменов игровых видов спорта 379
Худокормова Д.Р., Гордеева А.В. Образ города и особенности отношения к другому (и их взаимосвязь) жителей Донецка 382
Чубова И.И. Влияние психической структуры личности на формирование профессиональной идентичности 384
Чуканов Е.В. Актуальные направления исследований субъектной активности 387
Чумак Н.И. Исследование ценностных ориентаций при социальном взаимодействии у студентов специальности «социальная работа» луганского государственного педагогического университета 390
Чумейка Е.В. К вопросу формирования конфликтологической компетентности студентов психологов 392
Шайкина Е.А. Влияние различных форм культуры на развитие личности 395
*Яновская Л.В. К*атегории психологии жизненного пути в аспекте экзистенциальных пределов 398
Яновский М.И. Образ будущего общества как психологическая проблема 401

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2020: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
V Международной научной конференции
17-18 ноября 2020 г.,
г. Донецк

ТОМ 9
Философские и психологические науки

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	*Е.Г. Грудева*
Технические редакторы	*В.Г. Медведева, М.В. Фоменко*
Компьютерная верстка	*Н.И. Сухоруких,* Э.*А. Ангелина*

Адрес оргкомитета:
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 10.11.2020 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 23,62.
Тираж 100 экз. Заказ № 20ноя155/13.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.